

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

КУДЖО

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

КУДЖО

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 8

Художник А.Н.Миронов

Куджо: сборник повестей и рассказов.

ISBN 5-85743-008-9

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство АОЗТ «Кэдмэн», 1993, составление, перевод

КУДЖО

КУДЖО

*«На страданья у них был наметанный глаз.
Старые мастера, как точно они замечали,
где у человека болит, как это в нас,
когда кто-то ест, отворяет окно
или бродит в печали...»*

Уистан Хью Оден.
В музее изящных искусств
(пер. П. Грушко).

*«Как умирал мой старый пес,
я видел до конца;
как он от боли землю грыз
у моего крыльца.
Серебряной лопатой я
ему могилу рыл;
На золотой цепи туда
его я опустил.
И повторял, звено во тьму
Спуская за звеном:
«Прощай, мой старый верный пес,
ты был хорошим псом!»*

Народная песня.

«Ну что ж, все в порядке».
Профессор Вкусных Каш.

Когда-то, не так давно, в маленьком городке Касл-Рок, Штат Мэн, появился монстр. Его жертвами стали официантка Альма Фречетт в 1970 году, женщина по имени Полина Тузейкер и ученица старших классов Черил Муди в 1971 году; девушка по имени Кэрол Данбаргер в 1974 году; учительница Этта Рингольд осенью 1975-го; и наконец, зимой того же года, девятилетняя Мэри Кэт Хендрасен.

Это был не оборотень, не вампир, не невиданная тварь из колдовских лесов или заснеженных равнин — нет, это был всего-навсего полицейский по имени Фрэнк Додд, мучимый психическими и сексуальными комплексами. Его разоблачил некий Джон Смит с помощью своего рода магии, но еще до того, как его смогли арестовать, Фрэнк Додд убил себя. Может, это было и к лучшему.

Это, конечно, вызвало в маленьком городе шок, но еще сильнее было облегчение, вызванное тем, что монстр, убивший столько невинных людей, был мертв. В могиле Фрэнка Додда оказались зарыты все кошмары горожан.

Но даже в наш просвещенный век, когда большинство родителей беспокоятся о психическом уроне, который они могут причинить своим детям, находились в Касл-Роке родители, пугавшие детей тем, что, если те будут вести себя плохо, к ним ночью придет Фрэнк Додд; Фрэнк Додд в блестящем черном дождевике, улыбающийся, с протянутыми к горлу жертвы руками.

«Он там, — шептала бабушка под завывание ветра в каминной трубе. — Он там, и если ты будешь плохо себя вести, то увидишь *его* лицо в окошке, когда все уснут... все, кроме тебя, и может быть, он смотрит на тебя ночью из шкафа, со знаком «стоп» в одной руке, с которым он переводил детей через дорогу и с бритвой, которой он убил себя, в другой... так что тише, детка... тсс... тсс...»

Но все же это кончилось. Остались ночные страхи и пустой дом Додда (его мать вскоре умерла от сердечного приступа), сразу же приобретший репутацию дома с привидениями — однако это были преходящие естественные следствия цепи бессмысленных убийств.

Время шло. Пять лет.

Монстр сгинул, монстр был мертв. Фрэнк Додд гнил в своем гробу.

Но монстр не может умереть. Оборотень, вампир, неведомая тварь из леса. Он бессмертен.

Он снова явился в Касл-Рок летом 1980-го.

Четырехлетний Тэд Трентон проснулся в одну из майских ночей того года, когда ему захотелось в туалет. Он встал с кровати и, полусонный, поплелся к двери. Когда он, закончив свои дела, ложился опять, он и увидел кого-то у себя в шкафу.

Этот «кто-то» был невысокого роста, с маленькой головкой, вздернутой над покатыми плечами. Глаза его мерцали, словно янтарные впадины — волк это был или человек? И эти глаза следили за мальчиком, когда он

ложился, его волосы стояли дыбом, из его глотки вырывалось хриплое ледяное дыхание, дикие глаза, смеясь, обещали скорую смерть и крики, которых никто не услышит. Кто-то сидел в его шкафу.

Он слышал хриплое ворчание и чувствовал сладковатый душок падали.

Тэд Трентон закрыл глаза руками и закричал.

В соседней комнате тревожный голос. Отец.

Испуганный вскрик: «Что там?» Это мать.

После звук шагов, почти бег. И в тот момент, когда они вошли, он выглянул из-за растопыренных пальцев и увидел, что тот, в шкафу, по-прежнему смотрит на него, и глаза его угрожают: «Ничего, вот когда они уйдут...»

Зажегся свет. Вик и Донна Трентон подошли к его кровати, пораженные его бледным лицом и вытаращенными глазами, и мать произнесла — нет, скорее прошептала:

— Вик, я говорила, что три хотдога — это слишком!

И отец сел к нему на кровать, обнял его за плечи и спрашивал, что с ним такое.

Тэд осмелился снова взглянуть в сторону шкафа.

Монстр исчез. Вместо ненасытных глаз он увидел лишь две связки одеял и теплых вещей, которые Донна не собралась еще отнести на чердак. Перед ними стоял стол, на который Тэд забирался, когда ему требовалось достать что-нибудь с верхней полки. Вместо уродливой треугольной головы, вздернутой словно в удивлении, его глазам предстал игрушечный мишка, взгромоздившийся на одеяла. И его коричневые глаза-пуговицы ласково глядели на Тэда вместо тех ужасных желтых глаз.

— Что с тобой, Тэдди? — снова спросил отец.

— Там был монстр! — выкрикнул Тэд. — У меня в шкафу! — и он зарыдал.

Подсела и мать; они пытались успокоить его уже вдвоем. Обычный ритуал всех родителей. Они объясняли ему, что никаких монстров нет; что ему просто приснился страшный сон. Мама сказала, что тени могут иногда принимать странные очертания, но это не страшно; и папа подтвердил, что, конечно же, ничто в их мирном доме не может причинить ему вреда. Тэд кивнул, хотя и знал, что это не так.

Отец объяснил, как он мог в темноте принять одеяла за плечи, а медвежонка — за голову монстра; и как отраженный свет из ванной превратил стеклянные глаза игрушки в жуткие глаза неведомой твари.

— Вот, смотри, — сказал он. — Смотри как следует. Тэд стал смотреть

Отец взял одеяла и задвинул их дальше в шкаф. Тэд слышал, как тихонько звякнули вешалки, говоря о чем-то на своем вешалковом языке. Это было смешно, и он даже улыбнулся. Мама заметила эту его улыбку и улыбнулась в ответ, с облегчением.

Папа вылез из шкафа, взял медвежонка и дал его Тэду. Потом он закрыл дверцу и задвинул ее столом. Вернувшись к Тэду на кровать, он еще улыбался, но глаза его были серьезны.

— Порядок, Тэд?

— Да, — ответил Тэд, но потом проговорил, как бы с трудом. — Но он был там, папа. Я его видел. Правда.

— Ты *воображал* его, Тэд, — сказал папа, потрепав Тэда по волосам большой, теплой рукой. — Монстров не бывает. Только в сказках и в твоём воображении.

Он посмотрел на мать и опять на отца — на их большие, дышащие любовью лица.

— Правда?

— Конечно, правда, — сказала мама. — Лучше сходи и сделай пи-пи, как хороший мальчик.

— Я уже. Я от этого и проснулся.

— Вот и хорошо.

Тэда укрыли одеялом и поцеловали.

И когда отец с матерью направились к двери, страх навалился на него, как холодная перина. Как безнадежное предчувствие смерти. *«О, пожалуйста, — думал он, и больше ничего, только, — о, пожалуйста пожалуйста пожа...»*

Должно быть, отец уловил эти его мысли, потому что он обернулся, держа руку на выключателе, и повторил:

— Нет никаких монстров.

— Нет, папа, — откликнулся Тэд, словно в свою очередь убеждал в этом отца. Монстров нет. *Кроме одного у меня в шкафу.*

Свет погас.

— Спокойной ночи, Тэд, — нежный голос матери долетел до него, и он готов был крикнуть: *«Осторожнее, мама, они и тетя едят! Во всех фильмах они утааскивают тетя и едят их! Ну пожалуйста ну пожалуйста ну...»*

Но они все равно ушли.

И четырехлетний Тэд Трентон остался лежать в темноте на своей кровати, с одеялом, натянутым до подбородка. На одной стене у него висел Люк Небоход, на другой жизнерадостный бурундучок (сообщающий: «Если жизнь преподносит вам кислые лимоны, делайте из них лимонад!»), на третьей — вся команда из «Сезам-стрит»: Биг Берд, Берт, Эрни, Оскар и Гровер. Все это были хорошие существа. Но они не могли защитить от ветра, завывавшего за окном и царапающего крышу. В эту ночь он больше не уснет.

Но мало-помалу его нервы расслаблялись, подступило забытие...

Как вдруг новый звук, ближе, чем свист ветра, разбудил его опять.

Это скрипнула дверца шкафа.

— Кххххххх...

Тонкий скрип на такой высокой ноте, что его слышат только кошки и маленькие дети, проснувшиеся среди ночи.

Дверца медленно приоткрывала из темноты свой мертвый зев дюйм за дюймом.

Там опять был монстр. Там же, где и раньше. Он ухмылялся; его вздернутая голова поднималась над покатыми плечами; янтарные глаза все так же горели животной хитростью. «Я же говорил тебе, что они уйдут, — шептал он. — Они всегда уходят. И тогда я возвращаюсь. Мне нравится возвращаться. И ты мне нравишься, Тэд. Теперь я буду приходить каждую ночь, и каждую ночь стану подходить к тебе немного ближе... пока однажды ночью ты не успеешь закричать, как услышишь мой голос *прямо перед собой*, и вот тогда я съем тебя, и ты будешь совсем мой».

Тэд смотрел на существо в шкафу с оцепенением испуга. Он почти узнавал его, и это было хуже всего, он почти...

«Ты узнал меня, Тэдди? Я давно уже здесь. Одно время меня звали Фрэнк Додд и я убивал тетю и быть может, ел их. Я древний монстр, Тэд, я всегда на страже, и скоро приду и заберу тебя. Жди и смотри, как я подхожу к тебе ближе... ближе...»

Может быть, голос твари был только его собственным свистящим дыханием или воем ветра за окнами — это было неважно. Он слушал его, дрожа от ужаса, не в силах оторваться от зыбкого, ухмыляющегося лица. Он не уснет этой ночью, быть может, он не уснет уже никогда.

Но чуть позже, где-то между двенадцатью и часом ночи, Тэд задремал опять — потому что он был маленьким и хотел спать. Он погрузился в беспокойный сон, в котором за ним охотились поросшие шерстью чудовища с острыми белыми зубами.

В трубе продолжал завывать ветер. Белая весенняя луна поднялась высоко в небе. Где-то далеко, на бескрайней равнине или в чаще хвойных лесов, залаяла собака, и опять воцарилась тишина.

А в шкафу Тэда Трентона кто-то с янтарными глазами продолжал бодрствовать.

— Ты клал одеяла на место? — спросила Донна мужа следующим утром. Она стояла у плиты, разжаривая ветчину. Тэд в детской комнате смотрел «Наш новый зоопарк» и ел «Твинклс». «Твинклс» — кашу Шарпа — Трентоны получали бесплатно, как и все прочие каши Шарпа.

— Ммм? — спросил Вик, погруженный в спортивный раздел газеты. Коренной ньюйоркец, он успешно противостоял чарам «Ред Сокс», но был мазохистски рад, узнав о неудачном старте «Метс» в чемпионате.

— Одеяла в шкафу у Тэда. Они опять там. Стол отодвинут, и дверца опять открылась, — она поставила сковородку с шипящей ветчиной на стол. — Ты их клал обратно?

— Нет, — сказал флегматично Вик, переворачивая страницу. Я и так провонял нафталином.

— Странно. Наверное, он сам их положил.

Он наконец сложил газету и посмотрел на нее.

- Ты о чем, Донна?
- Помнишь его страшный сон?
- Еще бы. Я думал, он умирает.

Она кивнула.

- Он решил, что вместо одеял у него в шкафу...

- Бука, — сказал Вик, улыбнувшись.

— Вот-вот. И ты дал ему медвежонка и отодвинул эти одеяла назад. Но утром, когда я зашла, они снова были на прежнем месте. В первый момент я подумала...

— А я теперь признаю, что трех хотдогов оказалось слишком много, — сказал Вик, снова раскрывая газету.

Позже, когда Вик уже уехал на работу, Донна спросила Тэда, зачем он положил одеяла обратно.

Тэд поглядел на нее, и его обычно живое, веселое лицо вдруг сделалось бледным и застывшим, как у маленького старичка. Перед ним лежала книжка-раскраска «Звездные войны», которую он разрисовывал зеленым фломастером.

- Я не клал.

- Но Тэд, если ты не делал этого, и папа тоже, и я...

— Это монстр, — сказал Тэд. — Тот, что сидит у меня в шкафу.

Он опять вернулся к своему занятию.

Она стояла над ним, немного испуганная. Он был слишком впечатлительным для своего возраста. Нужно вечером поговорить об этом с Виком. Как следует поговорить.

— Тэд, помни, что сказала тебе папа, — произнесла она наконец. — В твоём шкафу никого нет.

— Днем нет, — возразил он, улыбаясь ей так широко, что у нее сразу отлегло от сердца. Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

Она собиралась поговорить с Виком, но потом, пока Тэд был в садике, явился Стив Кемп, и она забыла об этом, и той ночью Тэд опять кричал, что у него в шкафу монстр.

Дверца шкафа была приоткрыта, одеяла лежали на прежнем месте. На этот раз Вик отнес их на чердак и сложил там.

— Все, Тэд, — сказал он, целуя сына. — Там ничего нет. Спи спокойно.

Но Тэд еще долго не мог уснуть, и прежде, чем ему это удалось, дверца опять тихо скрипнула, ее мертвый зев приоткрыл мертвую черноту — черноту, где таилось нечто шерстистое, с острыми зубами, пахнущее кровью и гнилью.

— Привет, Тэд, — прошептал монстр своим протухшим голосом, и луна заглянула в окошко, как белый, выпученный глаз мертвеца.

Той весной самой старой из жителей Касл-Рока была Эвелин Чалмерс, которую старожилы называли тетя Эвви, а почтальон Джордж Мира — не иначе как «старая болтливая стерва». Джордж Мира доставлял ей почту, состоящую из каталогов, приложений к «Ридерс дайджест» и брошюрок Братства Христова, и выслушивал ее бесконечные монологи. «Единственное, что эта старая болтливая стерва говорит толкового, так это предсказания погоды», — говаривал Джордж своим приятелям, собираясь с ними у «Пьяного Тигра». Дурацкое имя для бара, но им оно нравилось, поскольку бар все равно был единственным в округе.

Все соглашались с Джорджем. Тетя Эвви считалась старейшей жительницей Касл-Рока с тех пор, как столетний Арнольд Хиберт, который под конец впал в маразм, и беседовать с ним было все равно, что с пустой жестянкой из-под кошачьего супа, свалился с крыльца местного дома для престарелых и сломал шею.

Тетя Эвви была уже почти такой же старой, как Арни Хиберт, и почти в таком же маразме, но в свои девяносто три она находила достаточно сил, чтобы ежедневно препираться с Джорджем Мирой, и оказалась достаточно сообразительной, чтобы не потерять свой дом, как Арни.

И она неподражаемо предсказывала погоду. В городе все знали, что тетя Эвви никогда не ошибается относительно трех вещей: недели, когда нужно начинать сенокос, какая в этом году уродится черника, и какая будет погода.

Однажды в этом июне она подковыляла к своему почтовому ящику (который, как подумал Джордж Мира, перейдет к Вину Мерчену, когда старой болтливой стервы не станет). Она изо всех сил прокричала приветствие (ее глухота, как это обычно бывает, заставляла ее думать, что

все вокруг также глухи) и после прокаркала, что нынешнее лето будет самым жарким за последние тридцать лет. «И в начале, и в конце, — каркала Эвви в полуденной тишине. — И в середине».

— Правда? — спросил Джордж.

— *Что-о?*

— *Я спрашиваю, это правда?* — тете Эвви нужно было кричать в самое ухо.

— *Я поцелую свинью, если будет не так!* — торжествующе прокаркала тетя Эвви. Пепел ее сигареты упал на плечо форменной блузы Джорджа, выстиранной только накануне; он безропотно стряхнул его. Тетя Эвви сунулась в окошко его машины — все лучше, чем вопить ему в ухо.

— Все полевые мыши попрятались в подвалах! Томми Нодье видел у Моссунтик-Понд, как олень чешет свои рога! Трава под снегом осталась зеленой! Зеленой, Мира!

— Неужели? — спросил Мира, поскольку нужно было что-то спросить. У него уже начинала болеть голова.

— *Что-о?*

— *Неужели, тетя Эвви?* — заорал Джордж Мира, брызнув слюной в лицо старухе.

— Еще бы! — тетя Эвви кивнула в полном восторге. — И еще я видела прошлым вечером марево на горизонте. Плохой знак, Мира! Слишком рано наступает жара! Ох, многие умрут от жары этим летом!

— *Мне пора, тетя Эвви!* — прокричал Джордж Мира. — *Нужно отвезти телеграмму Стрингеру Болье!*

Тетя Эвви Чалмерс откинула голову и захихикала. Она хихикала, пока не закашлялась, роняя пепел на халат. Она выплюнула последний дюйм сигареты, и он лежал, дымясь, на асфальте, рядом с ее туфлей, черной как кухонная плита, и тесной, как корсет — туфлей старухи.

Телеграмму французу Болье? Да он не сможет прочитать даже надпись на собственном памятнике!

— Мне надо ехать, тетя Эвви! — сказал поспешно Джордж и нажал на газ.

— Француз Болье — самый большой болван из всех, созданных богом! — прокаркала тетя Эвви в столбе пыли, оставленном машиной Джорджа.

Она постояла возле почтового ящика, глядя ему вслед. Для нее почты не было, как почти всегда. Большинство из ее знакомых, умеющих писать, были уже мертвы. Она собиралась вскоре последовать за ними. Наступающее лето вызывало у нее мрачные предчувствия. Она могла говорить о мышах, прячущихся в подвалах, или о мареве на горизонте, но не говорила ни о жаре, встающей с полей, как чудовищный зверь со спутанной шерстью и красными глазами; ни о ее страшных снах; ни о беспричинных слезах, приходивших к ней по утрам, слезах которые не несли облегчения, а разъедали глаза, как пот. Она не говорила о ветре, несшем безумие и смерть.

— Джордж Мира, ты — старый пердун, — произнесла тетя Эвви с мягким мэнским выговором, придающем словам одновременно ласковость и язвительность.

Она медленно направилась назад к дому, по пути остановившись и поглядев на небо, еще окрашенное в нежные весенние тона. Но она чувствовала там будущую жару. Будущую смерть.

За год до этого лета, когда старый «Ягуар» Вика Трентона начал издавать неприятный лязгающий звук где-то над левым передним колесом, именно Джордж Мира посоветовал ему обратиться в мастерскую Джо Кэмбера на окраине Касл-Рока. «Он очень странно делает такие дела, — говорил он Вику тогда стоя с ним у почтового ящика. — Говорит, что ничего не выйдет, потом все делает как надо, и ты же оказываешься виноватым». Вик еще долго размышлял, правильно ли он понял почтальона, или это какая-то мэнская шутка.

Все же он позвонил Кэмберу, и однажды в июле (гораздо менее жарком, чем следующий) они все вместе — он, Донна и Тэд — отправились туда. Дважды Вику приходилось останавливаться и спрашивать дорогу, и с тех пор он звал эти места не иначе, как Восточная Глушь.

Пока он заезжал во двор к Кэмберам, переднее колесо лязгало еще сильнее, чем раньше. Трехлетний тогда Тэд сидел на коленях у Донны и улыбался, его всегда веселили поездки на папиной машине.

Во дворе они увидели мальчика лет восьми-девяти, бьющего по мячу старой бейсбольной битой. Мяч отлетал в сторону, стучался о стену сарая, где, как решил Вик, и размещался гараж мистера Кэмбера, и возвращался обратно.

— Добрый день, — сказал мальчик. — Вы мистер Трентон?

— Точно, — ответил Вик.

— Сейчас позову папу, — сказал мальчик и исчез в сарае.

Все трое Трентонов вылезли, и Вик без особого оптимизма поднял крышку и уставился на проклятое колесо.

Быть может, ему придется еще тащить машину в Портленд. Не похоже, что ему здесь помогут.

Его раздумья прервала Донна, испуганно зовущая его. И потом:

— О боже, Вик!

Он быстро привстал и увидел громадного пса, показавшегося из сарая. В какой-то абсурдный момент он не мог понять, собака это или пони-уродец. Потом, когда пес окончательно вышел из темноты, он разглядел печальные глаза и понял, что перед ним сенбернар.

Донна импульсивно сгребла в охапку Тэда и прижалась к машине, но Тэд бился в ее руках, пытаясь вырваться.

— Ма, дай посмотреть собачку... Ма, дай *собачку*!

Донна с опаской поглядела на Вика, который в ответ пожал плечами. Тут из сарая вышел тот же мальчик и потрепал пса по голове. Пес завилял необъятных размеров хвостом, и Тэд удвоил свои усилия.

— Мэм, Вы можете его отпустить, — вежливо сказал мальчик. — Куджо любит детей. Он его не укусит, — и, обращаясь к Вику. — Папа сейчас придет. Он моет руки.

— Хорошо, — сказал Вик. — Ну и пес у тебя, сынок. Ты уверен, что он не опасен?

— Конечно, — согласился мальчик, но Вик все равно подошел поближе к жене с сыном. Куджо смотрел на них, подняв голову и медленно взмахивал хвостом.

— Вик... — начала было Донна.

— Все в порядке, — сказал Вик с некоторым сомнением. Казалось, пес мог проглотить Тэда в один присест.

Тэд тоже застыл на мгновение. Они с псом глядели друг на друга.

— Собачка? — вопросительно произнес Тэд.

— Куджо, — уточнил сын Кэмбера, подходя к Тэду. — Его зовут Куджо.

— Ку-уджо, — протянул Тэд, и пес подошел ближе и начал лизать ему лицо своим громадным языком. Тэд хихикал и пытался отвернуться. Потом он повернулся к отцу с матерью, собираясь подойти, но неожиданно споткнулся и упал. В следующий момент пес кинулся к нему одним неуловимым движением, и Вик, обнимающий жену за талию, почувствовал, как у нее перехватило дыхание. Он хотел бежать на помощь... потом замер на месте.

Зубы Куджо осторожно сомкнулись на спине рубашки Тэда. Он поднял мальчика — в тот момент Тэд походил на котенка в зубах мамы-кошки, — и поставил его на ноги.

Тэд побежал к отцу с матерью.

— Собачка! Па! Ма! Какая хорошая собачка!

Сын Кэмбера наблюдал за этим со снисходительным одобрением, засунув руки в карманы.

— Да, замечательный пес, — сказал Вик. Он успокоился, но сердце все еще билось учащенно. Ведь он едва не поверил, что сейчас сенбернар оторвет его сыну голову, как леденцовому зайцу.

— Тэд, это сенбернар.

— Сен... бенар! — крикнул Тэд и побежал назад к Куджо, который теперь разлегся у входа в сарай, словно гора средних размеров.

— Куджо! Ку-у-уджо!

Донна опять забеспокоилась.

— Вик, ты думаешь...

Но Тэд уже подбежал к Куджо и обнял его. Теперь он мог заглянуть ему в глаза. Пес улыбался, его язык вывалился изо рта розовой тряпкой.

— Я думаю, все прекрасно, — сказал Вик.

Тэд сунул маленькую ручку в рот Куджо и копался там, как самый юный дантист. Это снова заставило Вика встревожиться, но скоро Тэд опять вернулся.

— У собачки зубы, — сообщил он.

— Ага, — согласился Вик — Много зубов.

Он повернулся к мальчику, намереваясь спросить его, почему у собаки такое имя, но тут из гаража вышел сам Джо Кэмбер, вытирая руки о кусок ветоши.

Вик был приятно удивлен тем, что Кэмбер оказался мастером своего дела. Пока они доехали в машине Вика до холма и обратно, он внимательно слушал лязгающий звук.

— Передача полетела, — коротко высказался он. — Вам повезло, что он у вас еще ездит.

— Можете поправить? — осведомился Вик.

— Ага. Прямо сейчас, если вы подождете пару часиков.

— Конечно, подождем, — Вик оглянулся в поисках Тэда и пса. Тэд завладел бейсбольным мячом сына Кэмбера и зашвырнул его как можно дальше (впрочем, не так уж далеко). Сенбернар покорно притащил мяч назад, порядком облизав его по пути.

— Ваш пес здорово развеселил моего сына.

— Куджо любит детей, — сказал Кэмбер. — Хотите загнать машину в сарай, мистер Трентон?

«*Доктор примет вас там*», — подумал Вик, садясь за руль. Вся работа заняла полтора часа, и плата, которую запросил Кэмбер, оказалась вполне приемлемой.

Тэд бегал вокруг, бесконечно повторяя имя собаки:

— Куджо... Ку-у-уджо... эй, Куджо!

Прежде чем они уехали, сын Кэмбера (выяснилось, что его зовут Бретт) даже усадил Тэда Куджо на спину и поддерживал его, пока пес послушно ходил взад-вперед по тропинке. Когда он проходил мимо, Вик поймал его взгляд... и ему показалось, что Куджо улыбается.

Всего за три дня до разговора на повышенных тонах между Джорджем Мирой и старой Эвви Чалмерс, маленькая девочка возраста Тэда Трентона встала из-за обеденного стола в Айова-Сити, штат Айова, и сказала:

— Ма, что-то мне нехорошо. Я, наверное, заболела.

Мать поглядела на нее без особого удивления. За два дня до того старший брат Марси пришел из школы с расстройством желудка. У него уже все прошло, но семья

провела не самые приятные двое суток, наблюдая, как из Брока с обоих концов извергается все съеденное.

— Ты уверена, детка? — спросила мать.

— Ох, — простонала внезапно Марси и кинулась к двери, прижав обе руки к животу. Мать устремилась за ней, увидела, как она тянет на себя дверь ванной, и подумала: «Ну вот, опять все сначала».

Когда она услышала из ванной звуки рвоты, в уме у нее уже прокручивался план действий: в постель, жидкая пища, горшок, книжки. Попросить Брока перенести к ней в комнату телевизор, когда...

Она заглянула в ванную, и эти мысли мгновенно исчезли.

Унитаз, куда стошнило ее четырехлетнюю дочь, был полон крови; кровь забрызгала эмалированные стенки и кафель вокруг.

— О, мама, мне плохо...

Дочь повернулась, ее дочь повернулась, и вокруг рта у нее была кровь, и на подбородке, и на голубом воротничке блузки, кровь, о Господи Иисусе, Иосиф и Мария, как много крови...

— Ма...

И ее дочь опять стошнило вязкой кровавой массой, и тогда мать схватила Марсию в охапку и вместе с ней бросилась к телефону вызывать «скорую помощь».

Куджо знал, что он чересчур стар, чтобы гоняться за кроликами.

Он совсем не был *стар*, даже для собаки. Но в свои пять лет он уже давно не был щенком, который может без усталости гоняться по лесам и полям даже за мотыльком. В свои пять лет он достиг, как сказали бы о женщине, среднего возраста.

Но шестнадцатого июня так грело солнце, и роса еще не высохла. Жара, которую предсказывала тетя Эвви, уже наступила, и к двум часам Куджо будет лежать в тени во дворе (или в сарае, если Хозяин позовет его туда, когда напьется — а в последнее время это случалось все чаще), спасаясь от зноя. Но это будет позже.

А сейчас он увидел кролика, большого, толстого, с бурой шерстью, который даже не подозревал о его присутствии. Ветер дул в другую сторону.

Куджо стал подкрадываться к кролику скорее из спортивного интереса, чем от голода. Кролик безмятежно угощался клевером, уже подсохшим на солнце за последний месяц. Если бы он заметил Куджо раньше, он успел бы убежать. Но это случилось только, когда между ними было не больше пятнадцати ярдов. Какой-то момент кролик не двигался, превратившись в скульптуру кролика с комично вытаращенными бусинками глаз. Потом он пустился наутек.

Свирепо гавкнув, Куджо бросился за ним. Кролик был маленьким, а Куджо большим, но он не отставал. Кролик начал петлять. Куджо изо всех сил догонял, оставляя в рыхлой почве следы когтей и распугивая птиц своим лаем.

Он уже почти настиг кролика, когда тот неожиданно юркнул в какую-то дыру на склоне небольшого холма. Дыра была полускрыта высокой травой, но Куджо не стал колебаться. Он протиснул свое громоздкое тело в узкий лаз, где и застрял, как пробка в бутылке.

Джо Кэмбер владел фермой «Семь дубов» в конце дороги №3 уже семнадцать лет, но он понятия не имел об этой норе. Он мог, конечно, наткнуться на нее, если бы возделывал землю, но он этого не делал. В красном сарае у него не хранилось никаких сельскохозяйственных орудий, там был его гараж и автомастерская. Его сын Бретт часто обходил поля и леса возле дома, но и он ни разу не набрел на эту нору, хотя несколько раз едва не провалился в нее. В ясную погоду нору скрывала тень, а в дождливые дни ее заслоняла поднявшаяся трава.

Джон Музам, предыдущий владелец фермы, знал о норе, но не сказал о ней Джо Кэмберу, когда тот покупал ферму в 1963-м. Он мог упомянуть об этом, когда навещал Джо и его жену, Черити, в 1970-м по поводу рождения у них сына, но сразу после этого рак свел его в могилу.

А хорошо, что Бретт ничего о ней не знал. Нет ничего увлекательней для мальчишки, чем дыра в земле, тем более если она ведет в настоящую, пусть и маленькую, известняковую пещеру. Глубина ее доходила до двадцати

футов, и маленький мальчик вполне мог забраться внутрь и потом не выбраться. Так уже случалось с некоторыми мелкими животными. Основание пещеры было усеяно костями: ондатра, сунс, пара бурундуков, суслик и кот по кличке Чистюля. Кэмберы потеряли его пару лет назад и решили, что его сбила машина, или он просто убежал. Но он лежал здесь, рядом с костями полевой мыши, которую преследовал.

Кролик Куджо соскользнул вниз и теперь возился там, мелькая в темноте розовым носом. Лай Куджо заполнил пещеру, и отразившее его эхо заставляло думать, что у входа толпится целая стая собак.

Пещера привлекала и летучих мышей — ее известняковые своды были для них идеальным местом дневного сна. Именно в том году среди бурых летучих мышей, которые и обитали в пещере, наблюдалась вспышка бешенства; и поэтому Бретту Кэмберу повезло вдвойне.

Куджо протиснулся в пещеру по плечи. Он отчаянно работал лапами, но без всякого толку. Он мог вылезти и отправиться восвояси, но охотничий азарт еще не прошел. Его глаза, не особенно зоркие, ничего не видели в темноте, но он чувал запахи сырости, помета летучих мышей... и, главное, запах кролика. Горячего и вкусного. Кушать подано.

Его лай вспугнул мышей. Кто-то вторгся в их обиталище, и они всей массой, попискивая, устремились к выходу. Но там их локаторы засекли шокирующий факт: выхода не было. Его заслоняло тело пришельца.

Они кружили в темноте, взмахивая перепончатыми крыльями. Кролик внизу застыл в надежде на лучшее. Куджо почуял, как некоторые из мышей пролетели совсем рядом, и испугался. Ему не нравились их запах и звуки, издаваемые ими; еще больше не нравилось исходящее от них странное тепло. Он гавкнул и огрызнулся; челюсти сомкнулись на одном из бурых крыльев. Хрустнули кости, тонкие, как младенческие пальцы. Мышь метнулась и укусила его, оставив на чувствительном носу собаки длинную, извилистую царапину, похожую на знак вопроса. Трепещущее тельце умирающей мыши упало на камни,

но дело было сделано; укус бешеного животного особенно опасен в области головы, поскольку бешенство — это болезнь центральной нервной системы. Собаки, более уязвимые, чем их двуногие хозяева, не гарантированы от заражения даже вакциной. А Куджо никогда в жизни не делали прививок.

Не зная этого, но зная, что он укусил что-то противное и явно нездоровое, Куджо решил, что игра не стоит свеч. Мощным рывком он выбрался из пещеры и отряхнулся, разбрасывая вокруг камешки и известковую пыль. Из раны на носу сочилась кровь. Он сел, поднял голову и горестно завыл.

Летучие мыши коричневым облачком вылетели из своего убежища, метнулись туда-сюда под лучами июньского солнца и поспешили назад. Они были безмозглыми тварями, и через несколько минут забыли о лающем пришельце и опять уснули, завернувшись в свои перепончатые крылья, как старухи в шали.

Куджо побрел прочь. Он опять отряхнулся и беспомощно потрогал лапой нос. Кровь уже запеклась, но нос все болел. Самосознание у собак далеко превосходит их умственные способности, и Куджо не хотелось идти домой. Если он сейчас придет туда, кто-нибудь из троицы — Хозяин, Хозяйка и Мальчик — обязательно заметит, что с ним что-то не в порядке. Может быть, они даже назовут его **ПЛОХОЙ СОБАКОЙ**. А в этот момент он и сам чувствовал, что он **ПЛОХАЯ СОБАКА**.

Поэтому вместо того, чтобы идти домой, Куджо направился к ручью, отделявшему владения Кэмберов от участка Гэри Педье, их ближайшего соседа. Он вошел прямо в воду и напился, пытаясь изгнать из своего рта этот тошнотворной вкус и смыть с носа грязь и зеленую известняковую пыль, пытаясь прогнать чувство **ПЛОХОЙ СОБАКИ**.

Мало-помалу ему становилось лучше. Он вылез из воды и отряхнулся, образовав вокруг себя мгновенную радугу из водяных брызг.

Чувство **ПЛОХОЙ СОБАКИ** ушло, но боль в носу осталась. Он пошел к дому поглядеть, не вернулся ли

Мальчик. Каждое утро он провожал большой желтый автобус, увозивший Мальчика куда-то, но в последнюю неделю этот автобус, всегда набитый галдящими ребятишками, что-то не появлялся. Мальчик сидел дома, а иногда мастерил что-нибудь в сарае вместе с Хозяином. Может быть, сегодня автобус приезжал снова. А может и нет. Он уже забыл о норе и о противном вкусе во рту, и помнил только о боли в носу.

Куджо прокладывал себе путь сквозь заросли травы, провожая взглядом попадающихся на пути птиц, но не пытаясь гнаться за ними. Его охота на сегодня закончилась — он это чувствовал. Он был сенбернарном, пяти лет, двухсот фунтов веса, и в этот день, 16 июня 1980 года, он заразился бешенством.

Через семь дней, за тридцать миль от фермы «Семь дубов» в Касл-Роке, в портлендском ресторанчике под названием «Желтая субмарина», встретились двое мужчин. Заведение предлагало большой выбор сэндвичей, пицц и пепперони. Над стойкой висело объявление, что с того, кто сможет съесть два «подводных кошмара», платы не взимается; ниже какой-то остряк дописал: «Если Вас стошнит, Вы платите».

Обычно Вик Трентон не отказывался перехватить здесь парочку сэндвичей, но сегодня его мучила такая изжога, что он не рискнул заказать что-либо.

— Похоже, мы в заднице, — сказал Вик своему собеседнику, который без энтузиазма ковырял вилкой датскую ветчину. Это был Роджер Брикстон, и если уж он ел без энтузиазма, то кто угодно мог понять, что стряслось что-то чрезвычайное. Роджер весил двести семьдесят фунтов, и, когда он садился, казалось, что у него совсем нет коленей. Донна как-то во время их дурашливой постельной возни призналась мужу, что думала, что Роджеру отстрелили колени во Вьетнаме.

— В глубокой заднице, — подтвердил Роджер. — В такой глубокой, что ты даже представить не можешь, старик.

— И ты правда думаешь, что эта поездка что-нибудь решит?

— Может, и нет, — сказал Роджер, — но если мы ее не предпримем, то все пропало. А так, может и удастся что-нибудь спасти. Нужно подумать, — и он вгрызся в свой сэндвич.

— Перерыв в десять дней может нам повредить.

Хуже, чем есть, уже не будет.

— Ну, конечно. Только не забывай про Кеннебанк-бич.

— Лиза там управится.

— Лиза вряд ли управится даже у себя дома. Но если и так, нужно срочно запускать новую рекламу «Твоя Любимая Черника». И еще, ты ведь должен встретиться с этим мудаком из Мэнского агентства недвижимости.

— Нет уж, встречайся сам.

— Ладно, встречусь, — сказал сердито Вик. — Я уже у себя в шкафу его воображаю.

— Пускай. Это все ерунда по сравнению с Шарпом. Как ты не понимаешь? Шарп с сыном хотят нас видеть.

От одной мысли о пяти днях в Бостоне и пяти — в Нью-Йорке Вика бросало в холодный пот. Когда-то они с Роджером шесть лет проработали в агентстве Эллисона в Нью-Йорке, но теперь Вик жил в Касл-Роке, а Роджер с Элсией в соседнем Бриджтоне, в пятнадцати милях.

Если бы это зависело от Вика, он бы никогда и не вспомнил о прежней жизни. Никогда раньше он не жил так полнокровно, как здесь, в Мэне. Теперь у него появилось мрачное чувство, что все эти годы Нью-Йорк только и ждал, чтобы, улучив момент, опять заграбастать его в свои объятия. Его самолет мог потерять управление и исчезнуть в огненной вспышке. Или такси, в котором он поедет, врежется в опору моста, складываясь в желтую, сочащуюся кровью, гармошку. Или случайный грабитель сдуру надавит на спуск вместо того, чтобы просто припугнуть. Что угодно. Если он вернется, этот город убьет его.

— Родж, — спросил он, откладывая почти нетронутый сэндвич, — ты думаешь, мир перестанет вертеться, если мы потеряем заказы у Шарпа?

— Мир-то не перестанет, — буркнул Роджер, наливая себе пива, — но я? Мне еще семнадцать лет из двадцати выплачивать рассрочку, и мои двойняшки, уже видят себя

в Бриджтонском училище. И у тебя своя рассрочка, свой ребенок, да еще старый «ягуар», на котором ты когда-нибудь свернешь себе шею.

— Да, но производство...

— Подавится твое производство! — рявкнул Роджер, стукнув стаканом о стол.

Компания из четырех человек, сидящая за соседним столом, даже заплодировала.

Роджер с признательностью помахал им и опять повернулся к Виду.

— Ты отлично понимаешь, что, потеряв заказы Шарпа, мы пойдем ко дну и не булькнем. С другой стороны, если в следующие два года нам что-нибудь достанется, то мы сможем вписаться в бюджет туристского ведомства или еще куда-нибудь. Это лакомый кусок. Можно, конечно, распрощаться с Шарпом и его вонючими кашами, но это будет значить, что глупые поросята сами выбежали из прочного дома прямо в пасть злому серому волку.

Вик молчал и думал, глядя на свой недоеденный сэндвич. Все это было невесело, но он не боялся невеселых мыслей. Больше всего его донимала полная абсурдность ситуации. Это было как гром с ясного неба. Он, Роджер и «Эд Уоркс» ничего не сделали, чтобы это случилось, и Роджера это тоже угнетало; он мог прочитать это на его круглом лице, которое не выглядело таким бледно-серьезным с тех пор, как они с Элсией потеряли своего малыша Тимоти, когда тому было девять дней. Через три недели после этого Роджер наконец сорвался и зарыдал, закрыв руками свое толстое лицо в таком безутешном тоне, что у Вика сдавило сердце. Но тихая паника, поселившаяся в его глазах теперь, была не лучше.

Гром с ясного неба то и дело гремит в рекламном бизнесе. Большой корабль, вроде агентства Эллисона, ворочавшего миллионы, мог его выдержать. Маленький, каким было «Эд Уоркс» — не мог. На одной чаше их весов лежало много мелких яиц, а на другой — одно большое, заказы Шарпа; и теперь осталось только ждать, рассыпятся ли прочие яйца, если убрать это большое. Их вины в этом не было, но это уже никого не интересовало.

Вик с Роджером сработались еще в агентстве Эллисона, шесть лет назад Вик, высокий, худой и довольно тихий, образовал необходимое «инь» к шумному и жизнерадостному «ян» Роджера Брикстона. Они сошлись и в личном плане, и в профессиональном. Первое совместное дело было небольшим — журнальная реклама кампании помощи больным церебральным параличом.

На скромном черно-белом плакате изображался маленький мальчик на костылях, стоящий у бейсбольного поля с не то чтобы печальным, но каким-то безучастным лицом. Почти довольным. Подпись гласила: «Билли Беллами никогда не возьмет в руки биты». Ниже: «У Билли церебральный паралич». И еще ниже: «Поможете ему?»

Они получили ощутимый гонорар. Семьи Вика и Роджера были довольны. Еще полдюжины успешных проектов — и они разработали далеко идущий план; причем Вик в этом тандеме был автором концепций, а Роджер взял на себя роль исполнителя.

Для корпорации «Сони» они соорудили плакат с мужчиной в деловом костюме, сидящем, скрестив ноги, прямо посередине дороги, с блаженной улыбкой и большим приемником «Сони» на коленях. Внизу подпись: «Полис», «Роллинг стоунз», Вивальди, Майк Уоллес, трио «Кингс-мэн», Пэтти Смит, Джерри Фолуэлл. Добро пожаловать!»

Реклама для фирмы «Войт», производящей снаряжение для плавания, изображала человека, представляющего собой полную противоположность «пляжным мальчикам» из Майами. Это был горделиво стоящий на фоне тропического рая пятидесятилетний субъект с татуировкой, солидным брюшком, внушительными мышцами и шрамом на боку. В руке он держал пару ласт фирмы «Войт». Внизу можно было прочесть: «Мне еще дорога жизнь, и я не ношу что попало». Внизу было еще много всякого, и Вик с Роджером предлагали написать «Я не сую, куда попало», но этого им не позволили. Жаль. Вик был уверен, что с таким текстом продажа ласт сильно увеличится.

А потом был Шарп.

Когда старый Шарп явился в агентство Эллисона в Нью-Йорке, его кливлендская компания занимала двенад-

цатое место в пищевой промышленности страны и была крупнее, чем «Набиско» до войны. Старик любил это подчеркивать, на что его сын всегда возражал, что война закончилась тридцать лет назад.

Вик Трентон и Роджер Брикстон получили заказ на базе полугодового договора. Через полгода их работы компания с двенадцатого места передвинулась на десятое. Еще через год, когда Вик с Роджером переехали в Мэн и открыли собственное дело, она была уже на седьмом.

Их реклама отличалась изобретательностью. Для печенья фирмы «Шарп» Вик с Роджером изобрели Вольного стрелка печеньями, ковбоя-заику, шестизарядный револьвер которого был вместо пуль заряжен печеньями — для каждого особыми: то шоколадными, то овсяными, то имбирными. Каждая реклама заканчивалась тем, что ковбой, стоя над грудой настрелянного им печенья, объявлял миллионам телезрителей: «Хм, бандиты сбежали. Зато осталось печенье. Лучшее печенье в Америке! И на Западе, конечно». После этого он откусывал печенье, и на лице его появлялось выражение, чрезвычайно напоминающее первый оргазм подростка. Конец.

Для тортов — шестнадцать разновидностей всех видов и размеров — Вик изобрел то, что на их жаргоне именовалось «Джордж и Грэйси». Сюжет изображал Джорджа и Грэйси за уставленным всеми возможными яствами обеденным столом посреди громадной скупой освещенной залы. Джордж, повязанный салфеткой, с вожделением смотрел, как Грэйси извлекает из холодильника очередное изделие Шарпа. Они улыбались друг другу с полным взаимопониманием, как две половинки одного общества. Вслед за затемнением на экране появлялись слова: «Порой все, что нам нужно — это торт фирмы «Шарп». И больше ни слова. Этот клип даже получил премию.

И еще они придумали Профессора Вкусных Каш, известного как «лучшая рекламная работа в области детского питания». Вик и Роджер не без самодовольства соглашались с этим... но именно Профессор Вкусных Каш теперь подвел их под монастырь.

Профессор, которого играл довольно импозантный актер среднего возраста, был настоящей находкой на фоне слюнявой рекламы жвачки, игрушек, кукол... и каш-конкурентов.

Сюжет начинался в школьном классе, который зрители утренних субботних программ привыкли отождествлять с популярными сериалами из школьной жизни. Профессор Вкусных Каш был одет в костюм, вязаный жилет и рубашку с открытым воротом. В речах и манерах он был крайне авторитарен; Вик с Роджером опросили сорок учителей и с полдюжины детских психиатров и пришли к выводу, что большинство детей лучше воспринимает именно такой стиль — нечто вроде строгого, но справедливого родителя, которого они так редко видели у себя дома.

Профессор сидел за учительским столом в нарочито небрежной позе — юный зритель мог заподозрить в нем родственную душу, — но голос его был весом и серьезен. Он не приказывал. Он не упрашивал. Он не расхваливал свой товар. Он просто разговаривал с миллионами маленьких зрителей, как с реальными собеседниками.

— Доброе утро, дети, — говорил Профессор. Я хочу рассказать вам про каши. Я знаю о кашах все, потому что я — Профессор Вкусных Каш компании «Шарп». И я скажу вам, что каши компании «Шарп» — самые вкусные каши в Америке. И самые полезные, — тут он делал паузу и широко, по-товарищески улыбался. — Вы уж мне поверьте, я это знаю. И ваша мама это знает, спросите у нее. Я хочу, чтобы и вы это знали.

В это время к Профессору подходил молодой человек и вручал ему чашку с какой-нибудь из рекламируемых каш. Профессор отправлял ложку в рот и после говорил прямо в глаза каждому зрителю: — Ну что ж, все в порядке.

Старик Шарп возражал против последней реплики — его возмущала сама мысль о том, что с его продукцией что-то может быть *не в порядке*. Вик с Роджером убедили его не рациональными доводами; ведь реклама — это совсем не рациональное занятие. Часто вы делаете то, что считаете нужным, но, хоть убей, не можете объяснить,

зачем вы это сделали. И Вик, и Роджер знали, что последняя реплика таит в себе огромную силу убеждения. Фраза, исходящая от Профессора, несла комфорт и полную безопасность в этом тревожном мире, где родители разводятся, старшие ребята могут без всякого повода надавать вам по шее, ваша бейсбольная команда то и дело проигрывает, а хорошие парни далеко не всегда побеждают, как это показывают в кино, — так вот, в этом мире, где так много беспорядка, всегда будут каши компании «Шарп», и они всегда будут самыми вкусными. «Ну что ж, все в порядке».

С некоторой помощью сына Шарпа (впоследствии Роджер заподозрил, что тот хотел присвоить авторство идеи себе) Профессор Вкусных Каш получил одобрение и появился в субботнем эфире, не миновав и таких популярных еженедельных программ, как «Звездные рыцари», «Штаты глазами Арчи» и «Остров Джиллигэна». Вскоре Профессор стал национальным героем, а его коронная фраза «Ну что ж, все в порядке» вошла в обиход, приблизительно соответствуя общеизвестным выражениям «Будь спок» и «Не бери в голову».

Когда Вик с Роджером решили пойти своим путем, они не стали разрывать отношений ни с кем из прежних заказчиков. Первые шесть месяцев в Портленде оказались довольно-таки беспокойным временем. Тэду только что исполнился год, и Донна с неохотой уезжала из Нью-Йорка, что стало причиной не одного скандала. У Роджера обострилась старая язва, нажитая им в рекламных боях на арене Большого Яблока — когда они с Элсией потеряли сына, язва накинута на него с удвоенной свирепостью. Элсия, правда, держалась молодцом, хотя были и другие проблемы. Их семьи бывали в Мэне раньше, и вместе, и порознь, но они раньше не могли даже представить, как много дверей здесь оказываются закрытыми перед теми, кто, как говорят в Мэне, приехал «из-за границ штата».

Они бы и не переехали, если бы компания «Шарп» оставила их без поддержки. Переговоры в штаб-квартире компании в Кливленде выявили расхождение позиций: старик не хотел расставаться с Виком и Роджером, а сын

(которому было уже за сорок) настаивал, что было бы безумием заказывать рекламу двум парням, забравшимся в глушь, за шестьсот миль от Нью-Йорка. Но тот факт, что «Эд Уоркс» сохранила связь с нью-йоркским рынком рекламы, убедил сына, как и большинство их прежних заказчиков. К тому же старик, предвкушая будущую прибыль, был весьма либерален.

— Что ж, если эти молодые люди собираются перебраться подальше от этого безбожного города, они, по моему, поступают весьма здраво.

Вот и все. Веского слова старика оказалось достаточно. И еще два с половиной года Вольный Стрелок продолжал стрелять печеньем, Джордж и Грэйси — улыбаться друг другу над очередным изделием Шарпа, а Профессор Вкусных Каш — оповещать детей, что все в порядке. Сюжеты снимались в маленькой независимой студии в Бостоне, и три-четыре раза в год то Роджер, то Вик летали в Кливленд на переговоры с Кэрролом Шарпом и его сыном, который уже порядком поседел. Прочая их деловая активность в основном ограничивалась сношениями с почтой и телефонной компанией. В целом такая жизнь их устраивала.

И тут появилась «Красная клубника».

Вик и Роджер, конечно, слышали о ней и раньше, хотя ее выбросили на рынок всего два месяца назад, в апреле 80-го. Большинство каш Шарпа были несладкими. Особенно удачной вышла «Смесь всех круп», вклад компании в производство крупяных изделий. Однако «Красная клубника» призвана была обеспечить продвижение в новую область, переходную от каш к сладким блюдам.

В конце лета «Клубника» успешно прошла испытания в Бойсе, штат Айдахо, Скрэнтоне, штат Пенсильвания, и на новой родине Роджера в Бриджтоне. Роджер с содроганием известил Вика, что не позволил двойняшкам отвежать этой штуки. «Там больше сахара, чем каши, и все это больше всего похоже на горящий сарай».

Вик тогда кивнул и заметил, без всякого намека: «Когда я в первый раз заглянул в пакет, мне показалось, что он полон крови».

— Ну? — настойчиво спросил Роджер. Он слопал уже половину сэндвича, пока Вик опять прокручивал в своем мозгу все случившееся. Он все больше и больше склонялся к мысли, что старый Шарп и его сын в Кливленде ждут их появления.

— Думаю, стоит попробовать.

Роджер хлопнул его по плечу.

— Молодец. Теперь ешь.

Но Вик есть не хотел.

Их, как и всех сотрудников компании, пригласили в Кливленд на совещание, которое должно было состояться через три недели после Четвертого июля. Но помимо этого в «Эд Уоркс» пришло специальное письмо, составленное в довольно туманных выражениях, из которого Вик понял, что сын собирается использовать «Клубнику», чтобы окончательно избавиться от их услуг.

Три недели спустя после того, как Профессор на всю страну, с энтузиазмом («Ну что ж, все в порядке») расхвалил «Красную клубнику», в больницу поступил первый ребенок. Маленькая девочка, почувствовавшая недомогание, исторгла из себя то, что ее перепуганной матери сперва показалось громадным количеством крови.

Ну что ж, все в порядке.

Это случилось в Айова-Сити, штат Айова. На другой день было отмечено еще семь случаев. На следующий день — двадцать четыре. Во всех случаях родители отправили детей в больницу, заподозрив у них внутреннее кровотечение. Случаи нарастали, как снежный ком — сперва сотни, потом тысячи.

Ни в одном из этих случаев рвота или диарея не вызывались непосредственно «Клубникой», но именно ее обвинили во всем.

А причина была в пищевом красителе, придающем каше красный цвет. Он тоже был безвреден сам по себе, но почему-то человеческий организм не мог его переварить. Один доктор сказал Вику, что если бы какой-нибудь ребенок умер сразу после порции «Клубники», то вскрытие обнаружило бы что его пищевод красный, как стоп-сигнал. Конечно, это тоже ничего не значило, но у страха глаза велики.

Роджер собирался развить бешеную активность. Он хотел встретиться с теми, кто выпускал ролик, и с самим Профессором Вкусных Каш, который так вошел в роль, что тоже очень тяжело переживал случившееся. Потом — в Нью-Йорк для встречи с деятелями рынка. Все эти две недели в Бостоне и Нью-Йорке им предстояло работать, не покладая рук, чтобы умаслить старого Шарпа и его сына. После этого они явятся в Кливленд не с повинной головой, а с планом сражения, призванного дать отпор конкурентам, осмелевшим после «Клубники».

Так было в теории. На практике Вик понимал, что шансы их на успех немногим отличаются от нуля.

У Вика были и другие проблемы. В последние восемь месяцев он замечал, что они с женой медленно, но неуклонно отдаляются друг от друга. Он все еще любил ее, а Тэда просто боготворил, но все происходило как-то само по себе, и он осознавал, что дальше будет еще хуже. Поэтому ему не очень хотелось надолго покидать дом. На лице жены он то и дело замечал какой-то странный, ускользающий взгляд. И этот вопрос. Он задавал его себе снова и снова, когда не мог уснуть, а таких ночей было все больше. Есть ли у нее любовник? Они не часто спали вместе в последнее время, а он знал, как она это любит. Делала ли она это с другим мужчиной? Он надеялся, что нет, но как он мог быть уверенным? Сознавайтесь, миссис Трентон, или будете отвечать за последствия.

Он ни в чем не был уверен. Но боялся, что уверенность в чем бы то ни было может разрушить их брак. Он доверял ей и простил бы многое. Но не это. Он не хочет носить рога — дети не улице станут смеяться. И еще...

— Что? — спросил он, оторвавшись от этих мыслей. — Извини, я прослушал.

— Я сказал: «Эта чертова красная каша». Именно так, слово в слово.

— Да-да. Давай выпьем за это.

Роджер поднял стакан с пивом.

— Выпьем, — сказал он.

Гэри Педье сидел возле своего дома у подножия холма Семи дубов на дороге №3 через неделю после того, как Вик с Роджером закончили свой невеселый ланч в «Желтой субмарине», выпив коктейль, состоящий из четверти холодного апельсинового сока и трех четвертей поповской водки. Он восседал в тени тухлявого вяза на еле живом складном стульчике и пил водку «Попов» — она была самой дешевой.

Гэри приобрел запас водки в Нью-Хэмпшире, где спиртное было дешевле, во время своего последнего алкогольного рейда. «Попов» и в Мэне стоил недорого, но он всегда ездил в Нью-Хэмпшир — штат, строивший свое благополучие на дешевой выпивке, дешевых сигаретах и туристских аттракционах типа домика Санта-Клауса и Шести стволов. Нью-Хэмпшир — чудное местечко. Его стол возвышался посреди изрытого, запущенного газона. Не менее запущенным выглядел и дом за его спиной: серый, облупившийся, с дырявой крышей, ставни висели. Труба торчала на фоне неба, как пытающийся подняться пьяница. Один из ставней, оторванный свирепым зимним ветром, все еще свисал с ветвей гибнущего вяза. «Да, — говаривал Гэри, — это не Тадж-Махал, но кому какое дело?»

Гэри этим июньским жарким днем был пьян в стельку. Такое состояние являлось для него привычным. Он знать не знал ни Роджера Брикстона, ни Вика Трентона, ни его жены, он знал только Кэмберов и их пса Куджо, которые жили дальше по дороге №3. Они с Джо Кэмбером немало выпили вместе, и в один из моментов озарения Гэри вдруг понял, что Джо уже далеко зашел по пути превращения в алкоголика. Сам Гэри двигался по этому пути семимильными шагами.

— Еще немного, и мне на все будет начхать! — сообщил Гэри птицам и ставню, застрявшему в ветвях вяза, и поднял стакан. На его лице отплясывали причудливые тени. За домом кустарник уже поглотил останки изуродованных автомобилей. Западная сторона дома поросла сплошным узором плюща. Одно из окон было открыто и блестело на солнце, как грязный бриллиант. Два года назад пьяный Гэри зачем-то швырнул в него тумбочкой.

Потом он застеклил окно снова — зимой было холодно, — но тумбочка так и осталась лежать там, где упала. Один из ящиков торчал из нее, как насмешливо высунутый язык.

В 1944-м, когда Гэри Педье было двадцать, он в одиночку захватил немецкую огневую точку во Франции и после этого, с шестью пулевыми ранениями, десять миль топал в рядах своего взвода, прежде чем лишился сознания. За этот подвиг он был представлен к высшей награде — кресту «За боевые заслуги». В 1968-м он рассказал Бадди Торджесону, что выкинул медаль в мусорку. Бадди был шокирован, особенно когда Гэри пояснил, что сперва он пытался утопить ее в унитазе, но она не пролезала в дыру.

Но местные хиппи восприняли этот его поступок с восхищением. Летом 68-го многие из них проводили лето в Озерном краю перед возвращением в свои колледжи, где им предстояло вновь изодраться в акциях протеста.

Когда Гэри поведал о своем поступке Бадди Торджесону, работавшему на станции «Эссо» в Касл-Фолле, сообщение об этом переключалось на страницы местной газеты. Репортеры превратили очередное проявление пьяного бреда Гэри в антивоенный акт, и все хиппи тут же устремились к Гэри, чтобы выразить ему свой восторг.

Гэри показывал им всем только один предмет — свой «винчестер». Он велел им убираться с его территории, обзывал шайкой волосатых говнюков и грозил размазать их кишки от Касл-Рока до самого Фрайбурга. В конце концов они оставили свои попытки, и история постепенно забылась.

Одна из немецких пуль угодила Гэри в правое яйцо; медики соскребли его остатки с подштанников героя. Он не раз говорил Джо Кэмберу, что ему на это начхать. Его выписали в феврале 45-го из госпиталя в Париже с 80-процентной пенсией по инвалидности и с золотой побрякушкой на шее. Благодарный город чествовал его четвертого июля того же года, когда ему был уже двадцать один год, он получил право избирать и быть избранным, и его волосы поседели у основания. Растроганные отцы города освободили его от налога за жилье, и это было хорошо, иначе он потерял бы его уже лет двадцать назад. Морфий, к которому

он сперва пристрастился, сменился затем более дешевым спиртным, и никто не мешал ему убивать себя медленно и со своей возможной приятностью.

Теперь, в 1980-м, ему было пятьдесят шесть. Он совсем поседел и выносил общество только трех живых существ: Джо Кэмбера, его сына Бретта и их громадного сенбернара Куджо.

Он откинулся на своем столе, едва не опрокинув его, и отхлебнул еще глоток из стакана, позаимствованного в «Макдональдсе». На стакане была изображена какая-то зверушка ядовито-красного цвета по имени Улыбка. Гэри часто заходил в «Макдональдс» за дешевыми гамбургерами, а на картинки ему было начхать, будь то Улыбка или чертов Рональд Макдональд.

Слева от него из травы показалось что-то большое, и в следующее мгновение оттуда вышел Куджо. Увидев Гэри, он приветливо гавкнул и застыл, виляя хвостом.

— Куджо, старый сукин сын, — сказал Гэри. Он отставил стакан и стал рыться в карманах в поисках собачьих бисквитов, которые он всегда держал для Куджо — чертовски хорошего пса.

Он нашел пару в кармане рубашки.

— Сидеть! А ну, сиди!

Как бы он ни был пьян, вид двухсотфунтового пса, послушно садящегося по его команде, не прекращал его забавлять.

Куджо сел, и Гэри заметил уродливый порез на собачьем носу. Он швырнул Куджо бисквиты, сделанные в форме костей, и Куджо схватил их на лету. Один упал.

— Хороший пес, — сказал Гэри, протягивая руку, чтобы потрепать Куджо по голове. — Хар...

Куджо заворчал. Это был тихий, почти рефлексивный звук. Он смотрел на Гэри, и в его глазах было что-то далекое и холодное, заставившее Гэри вздрогнуть. Он быстро отдернул руку. С таким псом лучше не шутить. Если вы не хотите остаток жизни проходить с пришитой задницей.

— Что с тобой, парень? — спросил Гэри. Он никогда не слышал, чтобы Куджо на кого-нибудь ворчал. По

правде говоря, он просто не верил, что старина Куджо способен на это.

Куджо чуть вильнул хвостом и подошел к Гэри, словно устыдившись своего минутного срыва.

— Вот, так-то лучше, — проговорил Гэри, ероша шерсть пса. Стояла чертовская жара, и Джордж Мира говорил, что, по словам старой Эвви Чалмерс, будет еще жарче. Он думал, что все дело в этом. Собаки еще хуже переносят жару, чем люди. Но все равно странно, что Куджо ворчал на него.

— Давай, ешь бисквит, — сказал Гэри.

Куджо подошел к упавшему бисквиту, взял его зубами — при этом изо рта выбежала струйка слюны — и уронил. Он вопросительно поглядел на Гэри.

— Ты не хочешь бисквит? — не веря своим глазам, спросил Гэри. — С каких это пор?

Куджо поднял бисквит и съел.

— Так-то лучше, — повторил Гэри. — Эта жара тебя не убьет. Да и меня тоже, но моему геморрою от этого не поздоровиться. Ты об этом знаешь? — он согнал надоедливового москита.

Куджо улегся рядом со столом, и Гэри опять взялся за свой стакан. Пора было пойти его освежить, как говорят эти суки в кабаках.

— Освежите мою задницу, — сказал Гэри, махнув стаканом куда-то в сторону крыши и залив руку смесью водки и апельсинового сока. — Куджо, видишь эту трубу? Вот-вот рухнет к чертовой матери. Скоро здесь все развалится, и я останусь в чистом поле с голой жопой. Ты это знаешь?

Куджо опять махнул хвостом. Он не понимал, что говорит Человек, но голос был знакомым и успокаивал. Он слушал также разговоры по десять раз в неделю с... да всегда, сколько он себя помнил. Куджо нравился этот Человек, у которого всегда были вкусные бисквиты. Сейчас Куджо не хотел есть, но если Человек велит, он будет есть. А потом ляжет здесь и будет слушать его успокаивающий разговор. Но все равно Куджо чувствовал себя плохо. Он ворчал на Человека не из-за жары, а из-за того,

что ему было плохо. В какой-то момент ему хотелось даже укусить Человека.

— Поцарапал нос, да? — спросил Гэри. — Кто это тебя? Ондатра? Кролик?

Куджо махнул хвостом. В кустах выводили трели цикады. За домом, в разросшейся жимолости деловито гудели пчелы. Вроде бы все было как всегда, но что-то изменилось. Куджо знал это.

— Лучше бы это стряслось с этим олухом из Джорджии или с мистером Рей-Ганом. Пусть хоть все зубы тебе повышибут, — проворчал Гэри, вставая. Стул упал и, наконец, сломался. — Если вы предположите, что Гэри Педье на это было начхать, вы не ошибетесь.

— Извини, парень.

Он удалился в дом и налил себе еще стакан. На кухне царил хаос пакетов с мусором, пустых жестянок и бутылок от спиртных напитков.

Когда Гэри вернулся с новым стаканом, Куджо уже исчез.

В последний день июня Донна Трентон вернулась из Касл-Рока, где она оставила Тэда в садике и заехала в несколько магазинов. Она устала и запарилась, и вид помятого «Форда» Стива Кемпа, расписанного по бокам яркими картинками, внезапно привел ее в ярость.

Эта ярость созревала весь день. Вик за завтраком сказал ей о намечающейся поездке, а когда она начала протестовать — ей совсем не хотелось оставаться здесь с Тэдом на две недели, а то и больше, — он изложил ей причины. Все это напугало ее, а она терпеть не могла пугаться. До этого момента вся история с «Красной клубникой» казалась ей ерундой, не заслуживающей особого внимания.

Потом Тэд завел речь о садике, где его в прошлую пятницу толкнул большой мальчик, некий Стэнли Добсон. Тэд боялся, что этот Стэнли Добсон сегодня опять будет толкаться. Он плакал и цеплялся за нее, когда она высаживала его из машины, и ей пришлось отрывать его пальцы от блузки по одному, чувствуя себя при этом нацисткой: *«Ты пойдешь в садик или нет?» «Йа, майн мама!»*

Иногда Тэд казался ей слишком маленьким даже для своих лет, слишком незащищенным. Его пальцы были измазаны шоколадом и оставили на ее блузке коричневые следы, напоминающие кровавые отпечатки в дешевых детективах.

Вдобавок на обратном пути ее «пинто» начал капризничать, будто уловив ее плохое настроение. Потом он исправился, но, похоже, ненадолго и...

...И вот, в довершение всего, явился Стив Кемп.

— Ладно, не бесись, — пробормотала она себе, взяла сумку с покупками и вышла из машины, симпатичная темноволосая и сероглазая женщина двадцать девяти лет. Несмотря на жару, она выглядела сравнительно свежей в блузке-безрукавке и серых коротких шортах.

Она быстро поднялась по ступенькам и открыла дверь. Стив развалился в любимом кресле Вика и потягивал его пиво. Он курил сигарету — на этот раз из своих запасов. На включенном телеэкране мелькнули эпизоды «Главной больницы».

— Их высочество прибыли, — сказал Стив с приятной и в то же время опасной улыбкой. — Я уж думал, что ты никогда не...

— Выметайся-ка отсюда, сукин сын, — проговорила она, не повышая голоса, и прошла на кухню. Она поставила сумку на стол и начала выкладывать из нее покупки. Она не помнила, когда в последний раз ее охватывала такая злость, что желудок стягивался тугим, ноющим узлом. Быть может, во время бесконечных споров с матерью. Когда Стив подошел сзади и легонько обнял ее за обнаженный живот, она отреагировала мгновенно и почти не раздумывая, заехав ему локтем в грудь. Ее гнев не остыл от того, что локоть ударился словно о каменную стену — Стив Кемп долго и упорно играл в теннис.

Она повернулась и посмотрела в его ухмыляющееся лицо, обрамленное бородой. Ее рост был пять футов одиннадцать дюймов — на дюйм выше Вика, но в Стиве было почти шесть футов пять дюймов.

— Ты что, не слышишь? Я хочу, чтобы ты убрался!

— Зачем же? — удивился он. — Малыш как раз сшибает яблоки с головы воспитателя из лука... или чем там

они в саду занимаются... А любящий супруг трудится в офисе... и самое время их высочеству и странствующему поэту зазвонить в колокола сексуальной гармонии.

— Ты оставил машину у подъезда, — сказала Донна. — Почему бы тогда не написать еще на боку: «Я приехал трахаться с Донной Трентон» или что-нибудь еще похлеще?

— У меня алиби, — Стив продолжал улыбаться. — Я привез тебе гардероб, дорогая.

— Оставь его на крыльце. Я выпишу чек.

Улыбка погасла. Теперь она могла разглядеть подлинного Стива Кемпа, и он ей совсем не понравился. Ее бросало в дрожь от мысли, что она спала с ним. Она лгала Вику, чтобы залезть в постель с этим типом. Теперь все прошло. Но остался Стив Кемп — небезызвестный поэт, реставратор и торговец мебелью, хороший игрок в теннис, прекрасный любовник — и подлец.

— Ты серьезно? — спросил он оторопело.

— Ну конечно, кто же смеет возражать неотразимому Стивену Кемпу! Это какая-то шутка. Но я не шучу. Так что давай-ка, неотразимый Стивен Кемп, сгружай свой гардероб, бери чек и уматывай.

— Не говори со мной так, Донна, — его рука потянулась к ее груди и больно сдавила ее. К ее гневу прибавился легкий страх, но разве она не чувствовала его во все время этой постыдной связи? Она отбросила его руку.

— Не трогай меня, Донна, — он больше не улыбался. — Это чертовски опасно.

— Тебя? — страх еще усилил ее гневное чувство. Его лицо густо поросло черной бородой, и, глядя в него, она внезапно осознала, что, хотя она хорошо разглядела его член — и даже держала его во рту, — ей ни разу не удавалось как следует заглянуть ему в лицо. — Разве не ты сюда приперся?

— Я говорю о том, — сказал он, — что ты немного расслабилась, а когда я стал не нужен, выгоняешь меня. Так? Тебе ведь нет никакого дела до *моих* чувств.

— Не дыши на меня, — сказала она и, оттолкнув его, стала ставить в холодильник молоко.

Он не ожидал толчка и неуклюже отступил назад. На лбу его внезапно выступили морщины, на скулах заходили желваки. Иногда она видела его таким на теннисном корте, когда он пропускал легкую подачу. Она несколько раз наблюдала, как он играет, и однажды он легко обставил ее мужа — и всякий раз в такие моменты у нее возникали сомнения относительно ее отношений с ним. Он опубликовал два десятка стихов в разных журналах и книжку «Волшебный закат», вышедшую в Гатон-Руж. Он окончил университет в Нью-Джерси, любил рассуждать о современном искусстве, об угрозе ядерной войны и о фильмах Энди Уорхола.

Теперь он подошел, взял ее за плечи и повернул к себе лицом. Пакет молока вырвался из ее рук и с треском ударился об пол.

— Ну вот, погляди, — сказала Донна. — Только этого не хватало.

— Слушай, хватит со мной шутить. Ты...

— *Убирайся отсюда!* — рявкнула она прямо ему в лицо. Слюна брызнула ему на лоб и щеки.

— *Что тебе от меня нужно? Уходи! Поищи себе другую дуру!*

— Ах ты дешевая сучка, — сказал он злобно, не выпуская ее плеч.

— И забирай свой гардероб. Можешь выкинуть его на помойку.

Она, наконец, вырвалась и пошла к раковине, чтобы взять тряпку. Руки ее дрожали, желудок выворачивало. Внезапно она подумала, что сейчас ее стошнит.

Она встала на четвереньки и принялась подтирать пролившееся молоко.

— Ты думаешь, что что-то из себя представляешь? — сказал он. — Неужели твоя дырка слишком хороша для меня? Вспомни, как ты извивалась и просила: «Еще! Еще!» Помнишь?

— Забудь про это, подонок, — сказала она, не подымая глаз. Волосы упали ей на лицо, и она была этим довольна. Ей не хотелось, чтобы он видел ее бледность. Все происходящее казалось ей каким-то кошмаром. Как будто,

посмотрев в зеркало, она увидела в нем старую, ухмыляющуюся ведьму. — Уходи, Стив. Я не хочу тебя видеть!

— Ну и что? Позвонишь шерифу Баннермэну? «Здравствуйте, шериф. Это жена мистера Бизнесмена. Тут парень, с которым я трахалась, не хочет уходить. Вы не могли бы забрать его отсюда?» Так ты скажешь?

Она вновь почувствовала страх. До замужества она работала библиотекарейшей в Уэстчестерской школе, и всегда боялась, когда ей приходилось говорить — почти кричать — детям, чтобы они успокоились. Они всегда слушались, но ее постоянно мучил страх — что если они однажды откажутся повиноваться? Что тогда? Этот вопрос пугал ее, даже по ночам. Она боялась кричать и делала это только в самых крайних случаях. Крик казался ей какой-то дикостью. Когда тебя не слушают, остается только кричать.

Сейчас страх был таким же. На его слова ответом мог быть только крик. Но кричать ей не хотелось.

— Уходи, — повторила она. — Пожалуйста. Между нами все кончено.

— А если я не уйду? Если я сейчас отражаю тебя прямо здесь, на полу, в этой луже молока?

Она взглянула на него сквозь сетку волос. Лицо ее оставалось бледным, и глаза на нем казались огромными.

— Тогда тебе придется попотеть. И если я только смогу выцарапать тебе глаза, я не стану раздумывать.

Прежде чем снова опустить глаза, она заметила, что он колеблется. Он знал, что у нее хорошая реакция. Он мог обыграть ее в теннис, но даже для этого приходилось попотеть. Насчет глаз она, пожалуй, привирает, но царапины на лице тоже не украсят его. Хочет ли он заходить столь далеко? Она чувствовала в воздухе кухни какой-то едва уловимый запах, дикий и грубый и поняла, что это смесь ее страха и его злости, источаемых их парами.

— Отвезу гардероб назад, — сказал он наконец. — Отчего бы тебе не послать за ним любящего супруга? У нас с ним найдется, о чем потолковать.

После этого он повернулся и так хлопнул входной дверью, что едва не разбил стекло. Через мгновение

послышалось гудение фургона и скрежет шин, когда он выезжал на дорогу.

Донна медленно закончила вытирать молоко, поднимаясь время от времени, чтобы отжать тряпку. Она смотрела, как струйки молока уплывают в водосток. Она вся тряслась, частью от пережитого страха, частью от облегчения. Вряд ли она расслышала угрозу Стива. Она только снова и снова восстанавливала в памяти цепь событий, приведших к этой уродливой сцене.

Она всегда считала, что ее интрижка с Кемпом случилась без всяких видимых причин — как прорыв сточной трубы. Такие сточные трубы протекают под почти всеми счастливыми браками в Америке.

Она не хотела переезжать в Мэн и протестовала, когда Вик изложил ей эту идею. Несмотря на то, что они не раз проводили здесь отпуск, она всегда считала этот штат лесной глушью, где зимой ложится снег глубиной в двадцать футов, и люди оказываются отрезанными от внешнего мира. Ее пугала мысль о переезде с подобное место с маленьким ребенком. Она уже рисовала — себе и Виду — картину снежных бурь, разделяющих его в Портленде и ее в Касл-Роке. Она заявила, что в такой ситуации ей останется только наглотаться таблеток или сунуть голову в духовку. Может быть, часть ее существа таким образом просто, противилась отъезду из суматошного и бешеного Нью-Йорка.

И все же не это было самым худшим. Хуже всего был страх, что «Эд Уоркс» может лопнуть, и они вернутся назад с поджатым хвостом. Этого не случилось, потому что Вик с Роджером работали, не покладая рук. Но это значило, что большую часть дня она оставалась одна с ребенком, без всякой помощи.

Своих близких друзей она могла пересчитать по пальцам. В них она была уверена, но вообще-то она никогда не сходилась с людьми легко. Поэтому после переезда новых друзей она не завела.

«Я становлюсь Примерной Американской Хозяйкой, — думала она долгими зимними днями, наблюдая за падающим снегом. — Сижу дома, стряпаю Тэду любимые тосты

с сыром и суп на обед, смотрю дурацкий телевизор». Можно было сходить в гости с Джоани Уэлш, у которой была дочка возраста Тэда, но эти визиты всегда давались ей с трудом. Джоани была на три года старше Донны и на десять фунтов тяжелее. Казалось, это ее совсем не гнетет. Она говорила Донне, что муж любит ее и такой.

Иногда трубы прорывало. Она ссорилась с Виком по пустякам, чтобы не думать о более серьезных вещах, которые было трудно определить словами — страх, утрата, старение. Быть может, одиночество. Она слышала по радио песню, которую помнила со школьных лет, и вдруг начинала плакать. Ее не покидало чувство вины перед Виком — ведь он был рыцарем, отважно сражающемся за благополучие с семейным гербом на щите, — и она послушно нянчилась с Тэдом, утешала его, когда он плакал, и выслушивала его детские вопросы, на которые не так-то легко ответить.

И она все чаще задумывалась о том, что будет, когда Тэд вырастет. В прошлом году он три дня в неделю проводил в детском саду «Джек и Джил»; в этом на пять дней в неделю отправлялся в сад-лагерь. Когда его не было, дом становился ужасающе пустым. Двери становились открытыми ртами, лестничные спуски — жадными глотками. Пустые комнаты оборачивались ловушкой.

Поэтому она мыла полы, которые и так блестели, и думала и Стиве Кемпе, с которым позволила себе легкий флирт. Стив переехал однажды в город откуда-то из Вирджинии и открыл здесь торговлю антикварной мебелью. Не раз она ловила себя на том, что сидит перед телевизором и не знает, что там идет, думая о том, как его загар контрастирует с белой тенниской, или о том, как смешно оттопыривается его задница, когда он бежит по корту. И в конце концов...

Она почувствовала спазмы в желудке и побежала в ванную, зажав руками рот. Ее стошнило. Она невидящими глазами уставилась на рвоту, и ее стошнило еще раз.

Когда желудок чуть отпустило (но ноги по-прежнему были ватными), она посмотрела на себя в зеркало. Лицо было совсем белым, глаза покраснели. Волосы сбились в

бесформенный комок. Она подумала, что станет такой в старости... совсем скоро, и в ужасе поняла что, если бы Стив Кемп сейчас был здесь, она бы позволила ему себя взять — только бы он обнимал ее, и целовал, и уговаривал не бояться, и говорил, что время — это миф, а смерть — всего лишь сон.

Из ее груди вырвался звук, напоминающий хриплое рыдание — совершенно безумный звук.

Она уронила голову и расплакалась.

Черити Кэмбер сидела на двухспальной кровати, которую делила со своим мужем Джо, и смотрела на что-то, что держала в руках. Она только что вернулась из магазина, где в то время была и Донна Трентон. Теперь ее руки, ноги, щеки похолодели, словно она слишком долго шаталась с Джо на снегоходе, но завтра было первое июля, и снегоход стоял в сарае, дожидаясь зимы.

«Не может быть. Это какая-то ошибка».

Но в этом не было никакой ошибки. Она вертела это так и сяк, и все сходилось.

«Ну что ж, это со многими случается. Ведь так?»

Со многими. Но *с ней?*

Она слышала, как Джо заколачивает что-то у себя в сарае — этот звук разносился сквозь жару, как удар колокола. Потом пауза и сердитое «Ч-черт!»

Молоток ударил еще раз, и снова наступила пауза. Потом муж завопил:

— Бретт!

Она всегда немного пугалась, когда он звал сына таким голосом. Бретт любил отца, но Черити никогда в точности не знала, какие чувства испытывал к сыну сам Джо. Странно, но это было так. Один раз, два года назад, ей приснился страшный сон, который она так и не смогла забыть. Ей снилось, что ее муж воткнул вилы прямо в грудь Бретту, и их зубья вышли у мальчика из спины, приподняв его рубашку, как колышки палатку. *«Маленький засранец не пришел, когда я звал его»*, — сказал муж во сне, и она в ужасе проснулась рядом с реальным мужем, который мирно спал, напившись пива. Лунный свет падал

на нее через окно, и в его призрачных лучах она испугалась того, что лежало рядом с ней — монстра с желтыми, острыми зубами, посланного ей в наказание с каким-то сердитым Богом. Джо не раз поднимал на нее руку, и она обычно беспрекословно слушалась его. Бретт рос таким же. Но иногда она просто боялась за мальчика.

Она подошла к окну и увидела, как Бретт бежит к сараю. Следом трусил с обалделым видом Куджо.

Тихо: «Подержи это, Бретт».

Еще тише: «Сейчас, папа».

Снова начался стук молотка, немилосердный колокольный звон: «Бом! Бомм! Боммм!» Она представила, как Бретт держит какую-нибудь заклепку. Муж мусолит «Пэлл-Мэлл» в углу своего тонкого рта, рукава рубашки засучены, он орудует пятифунтовым тяжелым молотком. И если он пьян... если он промахнется хоть на сантиметр...

Она уже воображала захлебывающийся крик Бретта, когда молоток превратит его руку в красное месиво, и закрыла глаза.

Потом опять посмотрела на вещь, которую держала в руке, и подумала о том, как ее можно использовать. Больше всего на свете она хотела в Коннектикут повидать свою сестру Холли. Она не была там уже шесть лет, с лета 74-го — она хорошо помнила то лето, очень тяжелое для нее кроме этой восхитительной поездки. «Тогда начались все эти ночные странности Бретта — кошмары, крики и, чаще и чаще, хождение во сне. И в то же лето Джо опять начал пить. Сомнамбулизм Бретта в конце концов прошел. Пьянство Джо — нет.

Бретту тогда было четыре года, теперь ему исполнилось десять, и он вряд ли помнил тетю Холли, которая шесть лет назад вышла замуж. Теперь у нее уже был мальчик, названный по имени мужа, и совсем маленькая девочка. Черити их еще не видела — только на фотографиях, которые сестра прислала по почте.

Она боялась сказать об этом Джо. Он устал слушать ее просьбы на этот счет, и, если она попросит еще раз, она может ее ударить. Последний раз она заводила разговор насчет Коннектикута шестнадцать месяцев назад. Он от-

казался — ему неплохо жилось и в Касл-Роке. Каждый год он с Гэри Педье и другими приятелями отправлялся на север к Мухеду поохотиться на оленей. Следующей осенью он собирался взять с собой и Бретта. Она не хотела отпускать Бретта на две недели с этими типами, чтобы он слушал их похабные шуточки и наблюдал, в каких скотов превращаются мужчины от непрерывного пьянства. И к тому же, у всех заряженные ружья. Рано или поздно это кончится плохо. Пускай, но без ее сына. Без Бретта.

Молоток медленно, ритмично колотил по металлу. Потом замолчал. Она слегка расслабилась.

Она знала, что рано или поздно Бретт все равно уйдет с ними, и она для него исчезнет. Он вступит в их клуб, и она для него тоже станет всего лишь кухаркой и прачкой. Да, этот день придет, но она хотела отдалить его как можно дальше.

Быть может, ей удастся удержать его дома хотя бы этой осенью? Во всяком случае, было бы не плохо до этого съездить с Бреттом в Коннектикут. Показать ему, как живут...

ага, показать ему и посмотреть самой
(как живут приличные люди).

Если Джо отпустит их... но думать об этом не имело смысла. Джо мог уезжать куда хотел, один или с друзьями, а она не могла, даже с Бреттом. Таково было одно из главных правил их брака. Поэтому она не могла даже подумать, как хорошо бы было в Коннектикуте без него, сидящего у Холли на кухне, дующего свое пиво и бесцеремонно оглядывая мужа Холли своими карими глазами...

Вдвоем с Бреттом.

Можно даже на автобусе.

Она подумала: «Он хочет, чтобы Бретт в ноябре отправился с ним на охоту.

Может быть, заключить сделку?

Ее пробрало холодом, действительно ли она согласна на такую сделку?»

Денег хватало — теперь, — но дело не только в деньгах. Деньги он заберет, и она их больше не увидит. Поэтому нужно выкладывать карты сразу же. Прямо сейчас.

Мысли побежали быстрее. Стук молотка прекратился. Она увидела, как Бретт выходит из сарая, и вздохнула с облегчением. Что-то подсказывало ей, что в этом темном месте, заваленном всякими железками, его в любой момент может подстеречь опасность.

Нужно найти выход.

Если только у нее хватит смелости.

В руке она держала лотерейный билет и глядела на него снова и снова, еще не веря своей удаче.

Когда Стив Кемп вернулся к себе в магазин, он находился в состоянии бешенства, доходящего до экстаза. Магазин находился в западных пригородах Касл-Рока, на дороге №11. Он снял помещение у местного фермера, которого про себя называл Супер-Мудила.

В магазине господствовал громадный железный бак, в котором Стив варил лак; по размерам в нем можно было сварить целую конгрегацию миссионеров. Вокруг теснились питомцы Стива: бюро, гардеробы, чайные столики, книжные шкафы. Воздух пропитывали ароматы краски и лака.

В сумке у него была смена белья: он планировал переодеться после сеанса любви с этой сучкой. Теперь он швырнул сумку в угол. Она пролетела через все помещение и плюхнулась на гардероб, как дохлая крыса. Он постоял, тяжело дыша, вдыхая едкие запахи, рассеянно глядя на три стула, которые обещал закончить к концу недели. Его пальцы сжались в кулаки. Нижняя губа отвисла. Он был похож на описавшегося младенца.

— Сука! — выдохнул он и пошел за сумкой. Сперва он хотел швырнуть ее еще раз, потом изменил свое намерение. Он взял сумку и прошел через магазин в комнаты. Там было еще жарче. Чертова жара. В кухне куча грязной посуды. Вокруг зеленого пакета с мусором жужжат мухи. В комнате главным предметом был большой старый черно-белый «Зенит», подобранный им на свалке. На телевизоре мертвым сном спал громадный полосатый кот по кличке Берни Карбо.

Писал он обычно в спальне. Постель была разбросана, простыни давно следовало бы сменить. Независимо от

того, как часто он имел дело с женщинами (а в последние две недели на этом фронте стояло полное затишье), он мастурбировал почти каждый вечер. Он считал это симптомом творческой активности. Напротив кровати стоял стол с «Ундервудом» старого образца. Вокруг машинки громоздились стопки рукописей. Он много писал — стихи, рассказы, сюрреалистическая пьеса, где все персонажи обходились девятью словами, и роман, где одно событие рассматривалось с пяти точек зрения. Уже пять лет он не жил в одном месте достаточно долго, что бы, хотя бы распаковать все свои бумаги.

В прошлом декабре во время бритья он обнаружил у себя в бороде седину. Это открытие повергло его в публичную депрессию, не проходившую еще несколько недель. Он отчаянно скреб щеки бритвой, словно это могло стереть седину. Тридцать восемь лет. Он гнал от себя мысли о старости, но порой они заходили с тыла и наваливались на него, когда он меньше всего этого ждал. Через семьсот дней ему будет уже сорок.

«Вот сука», — думал он снова и снова.

Он бросил в своей жизни несчетное количество женщин, но его самого бросали всего два или три раза. Он всегда чувствовал, когда это должно произойти, и брал инициативу в свои руки. Бросай первым, как в карточной игре — и не будешь думать о возрасте. Он видел, что Донна охладевает к нему, но ему казалось, что ей можно без труда манипулировать, сочетая секс с психологией. Со страхом, если придется. Поэтому то, что случилось, вызвало у него боль и ярость, как будто его выпороли.

Он разделся, сунул бумажник и мелочь из брюк в ящик стола и пошел в ванную. Приняв душ, он почувствовал себя лучше. Он натянул джинсы и легкую фланелевую рубашку и задумался.

В своем бумажнике Стив Кемп хранил визитные карточки. Он всегда любил их — и свои, и, как ни странно, чужие. Как-то, когда они с Донной занимались любовью, он заметил на телевизоре визитные карточки ее мужа. Когда Донна вышла в ванную или куда-то еще, он позаимствовал одну. Для коллекции.

Теперь он открыл бумажник и начал рыться в нем. Так, карточки его агентов, издателей, бизнесменов. Он подумал было, что обронил карточку любящего супруга. Но она просто затерялась среди мятых купюр. Он выудил ее. Синие буквы на белом фоне. Ничего лишнего. Скромные, но со вкусом.

Роджер Брикстон «Эд Уоркс» Виктор Трентон
1633 Конгресс-стрит телекс: ЭД УОРКС
Портленд, Мэн 04001 тел.: (207) 789-8600.

Стив взял листок бумаги и расчистил на столе место. Посмотрел на машину. Нет. Шрифт каждой машинки индивидуален, как почерк. У этой запала буква «А».

Конечно, полиции бояться нечего, но осторожность не помешает. Дешевая бумага, какой полно в любом офисе, и никаких машинок.

Он взял их кофейной банки на столе чертежный карандаш и написал большими квадратными буквами:

«Привет, Вик!

У тебя чудесная жена.

Я трахал ее, пока дерьмо не полезет».

Он прервался, зажав карандаш в зубах. Так, уже лучше. Конечно, она может оправдаться, и Трентон не поверит этому письму. Слова всегда значат мало. Нужно что-то добавить. Что?

Внезапно он улыбнулся; когда он улыбался, лицо его казалось безмятежным, и было видно, что женщины никогда за всю жизнь не доставляли ему особых огорчений.

Он написал:

«Ты видел у нее родинку на лобке? Лично мне она напоминает знак вопроса. А у *тебя* есть вопросы?»

Хватит; хорошего понемногу, как любила говорить его мать. Он отыскал конверт и сунул в него послание. После некоторых колебаний вложил туда же карточку и теми же

квадратными буквами надписал адрес: Вику на работу. Подумав, решил проявить снисхождение и ниже подписал «лично».

Он положил письмо на подоконник и откинулся на стуле, чувствуя себя снова прекрасно. Он был уверен в правильности своих действий.

Снаружи прогудел грузовик. Он выглянул в окно. В кузове возвышался старинный кабинет. Что ж, прекрасно. Лишние деньги никогда не помешают. Только вот хватит ли у него времени? Получив это письмо, любящий супруг наверняка захочет с ним разобраться. Стив играл с ним в теннис и запомнил удобу, большие очки, и тонкие, как спагетти, руки, — но имея дело с подобными людьми, никогда нельзя быть уверенным, что они не выхватят из кармана пушку и не совершат антиобщественного поступка. Поэтому лучше будет смотреться в Огайо. Или в Пенсильванию. Или в Таос, штат Нью-Мексико. Но как практический шутник, подсыпавший порошок в чужой табак, он решил еще немножко подождать и проследить за событиями.

Водитель грузовика с женой зашли в магазин. Стив, улыбаясь, вышел к ним, держа руки в карманах. Женщина немедленно улыбнулась в ответ.

— Привет, чем могу помочь? — спросил он, про себя решив отправить письмо сразу же после их ухода.

В тот же вечер, когда красное солнце уже нависло над горизонтом, Вик Трентон в рубашке, обернутой вокруг талии, копался в недрах «пинто», принадлежащего его жене. Донна стояла рядом, выглядя удивительно юной и свежей в белых шортах и красной безрукавке. Тэд в одних трусиках без устали гонял по двору на велосипеде.

— Попей чаю, — сказала Донна Вику.

— Угу, — стакан исчез за капотом машины. Вик сделал пару глотков и, не глядя, сунул стакан жене. Она успела его подхватить.

— Браво, — сказал он. — Прекрасная реакция.

Она улыбнулась.

— Я просто знаю: уж если ты чем-то занят, то все. Гляди в оба и только успевай ловить.

Они улыбнулись друг другу. «Хороший момент, — подумал Вик. Может, виной тому его воображение, но ему казалось, что таких моментов в их жизни становилось все меньше. Перебранки по пустякам, холодное молчание или — что еще хуже — полное безразличие. Он не знал причины, но был признателен и за эту улыбку.

— Так что там с моим гробом на колесах?

— Корбюратор, — Вик ткнул в нужном направлении отверткой. — Похоже, клапан отходит.

— А это плохо?

— Да нет, — сказал он, — только в любую минуту он может полететь. Этот клапан контролирует поступление бензина, а без бензина машина не поедет. Закон природы, малышка.

— Па, ты меня покачаешь?

— Да, подожди немного.

— Я буду сзади.

И Тэд устремился к качелям, стоящим за домом. Вик соорудил их прошлым летом, обложившись планами и прикладываясь в процессе работы к джинну с тоником под аккомпанимент транзистора. Тэд, тогда еще трехлетний, молча сидел рядышком и смотрел на отца, обхватив ладонями подбородок. Это было хорошее лето, не такое жаркое. Казалось, что и Донна, наконец, поняла, что Мэн, Касл-Рок, «Эд Уоркс» не так уж плохи.

Но потом все покатилося под откос, и хуже всего было чувство безысходности, иногда возникающее у них обоих. Вещи в доме стали менять места, будто сдвинутые чьей-то невидимой рукой. У него возникло дурацкое ощущение, что Донна слишком часто меняет простыни. Они всякий раз казались совершенно свежими, и однажды в его голове эхом всплыл старый, как мир, вопрос: *«Кто спал в моей кровати?»*

Но теперь положение немного исправилось. Если бы не дурацкое дело с «Красной клубникой» и не предстоящая поездка, он бы даже мог решить, что лето выдалось на славу. Оно еще могло таким стать. Не все потеряно. Он верил в это, хоть и без особой надежды.

— Тэд! — Крикнула Донна. — Ставь велосипед в гараж.

— Ну ма-а-м!

— Давай-давай, сударь.

— Су-удырь, — повторил Тэд и рассмеялся. — Мам, а ты тоже не ставишь машину в гараж.

— Мою машину папа чинит.

— А...

— Слушай маму, Тэдди, — вмешался Вик из-под капота. — Я скоро закончу.

Тэд влез на велосипед и покатил в гараж, сопровождая это громким воем, наподобие сирены.

— Ты что, уже все? — спросила Донна.

— Я только посмотрел. У меня нет нужных инструментов. Если я попытаюсь лезть туда, может случится хуже.

— Ч-черт, — сказала она с досадой и пнула колесо. — Это обязательно случится где-нибудь в дороге. — «Пинто» был еще совсем новый и успел наездить не больше 20000 миль.

— Это тоже закон природы, — сказал Вик, завинчивая шурупы.

— Наверное, придется свозить его в Сауз-Пэрис, пока тебя не будет. Как ты думаешь, он доедет?

— Доедет, но я не советую. Езжай лучше к Джо Кэмберу. Это всего семь миль отсюда, а делает он хорошо. Помнишь то колесо в «Ягуаре»? Он взял всего десять долларов. Если бы я поехал в Портленд, меня бы распотрошили там, как кролика.

— Этот тип заставил меня поволноваться, — заметила Донна.

— Как это?

— Сильно уж у него глаза озабоченные.

— Дорогая, я думаю, у него не мало забот, — улыбнулся Вик.

— Но это не повод, чтобы так *пялиться* на женщину. Он просто раздевал меня глазами, — она промолчала, глядя на закатный свет, и опять посмотрела на него. — У некоторых людей такой вид, будто они подставляют всех встречных женщин на роль в порнофильме.

У него опять возникло неприятное чувство. Он не спал с ней уже месяц, и сегодня ему тоже не хотелось.

— Он же безвреден. У него жена, сын...

— Да, наверное, — но она скрестила руки на груди и спрятала локти в ладони, что выдавало волнение.

— Ну, как хочешь, — сказал он. — Я могу сам отогнать машину туда в субботу, если хочешь. Может, он согласится починить ее сразу же. Я еще пива с ним выпью и на собаку посмотрю. Помнишь этого сенбернара?

Донна усмехнулась.

— Даже имя помню. Как он обслонявил Тэда. Ты помнишь?

Вик кивнул.

— Тэд потом не отходил от него. «Ку-у-джо». Эй, Ку-у-джо!»

Они рассмеялись. Вик со стуком захлопнул капот.

— О-о-о, балда! — простонала она. — Там же стоял твой чай!

У него был такой комично-растерянный вид, что она не выдержала и рассмеялась. Через минуту он присоединился к ней. Наконец они в изнеможении упали друг другу в объятия, как двое пьяниц. Тэд даже прибежал посмотреть, что случилось. Убедившись, что все в порядке, он тоже начал смеяться.

А в это время в двух милях от них Стив Кемп опускал письмо в почтовый ящик.

Позже, когда солнце зашло, жара немного спала и в воздухе закружились первые светляки, Вик качал сына на качелях.

— Выше, папа! Выше!

— Еще немного, и ты сделаешь мертвую петлю.

— Выше! Выше!

Вик толкнул качели прямо к небу, где уже зажигались первые звезды. Тэд радостно завизжал.

— Ух ты, здорово! Качни еще!

Вик снова толкнул качели. Тетя Эвви жила неподалеку, и радостно-испуганные крики Тэда были последними звуками, которые она слышала перед смертью. Ее сердце

внезапно толкнулось наружу; стены комнаты пошатнулись; чашка кофе выпала из рук. Сначала ей показалось, что ребенок кричит от радости, но когда она вместе со стулом начала опрокидываться назад, этот крик показался ей криком боли, криком агонии; потом все пропало, и когда на другой день племянница зашла ее проведать, кофе остыл, сигарета превратилась в столбик пепла, а вставная челюсть торчала из раскрытого рта, как пожелтевший частокол.

Тэд с Виком сидели на крыльце. Тэд пил молоко, Вик — пиво.

— Па?

— Что?

— Не уезжай.

— Я скоро вернусь.

— Да, но...

Тэд смотрел вниз, пытаясь не зареветь. Вик положил ему руку на плечо.

— Что с тобой такое?

— Кто будет говорить слова, чтобы отпугнуть монстров от моего шкафа? Мама их не знает! Только ты знаешь! На этот раз он не сдержал слез.

— И это все? — спросил Вик.

Слова от Монстров (Вик сперва назвал их Заклинаниями, но Тэд не знал этого слова) появились в конце весны, иногда Тэду стали мерещиться ночные страхи. Он говорил, что в шкафу у него кто-то сидит; иногда ночью дверца шкафа открывалась, и он видел там кого-то с желтыми глазами, кто хотел его съесть. Донна думала, что это все влияние книжки Мориса Сендака, а Вик высказывал Роджеру (но не Донне) мысль, что Тэд могу услышать где-нибудь об убийствах в Касл-Роке и решить, что убийца — который стал чем-то вроде местного пугала — прячется у него в шкафу. Роджер соглашался, что такое может быть: с детьми возможно *все*.

Через пару недель Донна тоже взволновалась; как-то она с нервным смешком сообщила Вику, что вещи в шкафу Тэда кто-то сдвинул с места. «Это Тэд, » сказал Вик. «Ты не понимаешь, — возразила Донна. — Он теперь и не

подумает туда заглянуть. Он боится». И она добавила, что в шкафу, по ее мнению, действительно хорошо пахнет. Как будто там завелось какое-то животное. Вик в недоумении выдвинул идею, что Тэд ходит во сне, может быть, заходит в шкаф и мочится там. Он заглянул в шкаф, но там пахло только нафталином. Шкаф длиной в восемь футов упирался в стену и был узким, как пульмановский вагон. Никаких монстров там, конечно, не оказалось, и Вик вовсе не попал в Нарнию. Пара пауков в углу — и все.

Сперва Донна пыталась бороться со страхами Тэда увещеваниями, потом молитвами. Он отверг и то, и это, заявив, что раз Бог сам не верит в монстров, то никакие молитвы не помогут. Донна встревожилась — как подозревал Вик, она и сама стала бояться этого шкафа. Как-то раз, когда она вешала рубашку Тэда, дверца захлопнулась, и она пережила очень неприятные сорок секунд, на ощупь выбираясь оттуда. И в тот момент она что-то ощутила, совсем близко — что-то горячее, злобное, напомнившее ей запах пота Стива Кемпа после того, как они занимались любовью. После всех ее заверений, что монстров не бывает, Тэд только вздыхал, крепко обхватывал своего любимого мишку и покорно отправлялся спать.

Вик и сам помнил о дверце шкафа, открывающейся в темноту, как идиотский черный рот; о месте, где иногда мерещатся всякие ужасы, а висящие вещи кажутся повешенными людьми. Он помнил о тенях, которые уличные фонари отбрасывают на стены в бесконечные четыре часа перед рассветом, когда по дому бродит — или кажется, что бродит, — нечто странное.

И тогда он придумал заклинания или, для четырехлетних, Слова от Монстров. Вик огласил их как-то за завтраком, к радости Донны, к которой, правда, примешивалась досада от того, что ее собственные педагогические усилия не возымели должного эффекта. Вик теперь каждый вечер повторял их над постелью Тэда, как молитву, и Тэд зачарованно слушал, лежа под простыней в полумраке.

«Думаешь, ему это не повредит?» — спросила Донна тогда, в середине мая, когда между ними уже началась размолвка.

«Мы, мастера рекламы, не думаем о перспективе, — ответил Вик. — Главное — успех сейчас, побыстрее. И я доволен результатом».

— Да, никто не знает Слов. Вот в чем дело, — говорил теперь Тэд, размазывая слезы по щекам.

— Послушай, — сказал Вик. — Они же написаны. Я напечатаю их на бумаге и повешу на стену. И мама каждый вечер будет тебе их читать. Вот и все.

— Правда?

— Конечно, правда.

— А ты не забудешь?

— Ни за что на свете. Сегодня же.

Тэд обнял отца, и Вик крепко сжал его плечи.

Этим вечером, когда Тэд уснул, Вик тихо вошел в его комнату и булавкой прикрепил к стене листок бумаги. На нем большими буквами было написано:

*«Слова от Монстров.
Для Тэда.*

Монстры, уходите отсюда!

Вам нечего здесь делать.

Уходите, монстры, из-под кровати Тэда!

Вы не сможете там спрятаться.

Уходите, монстры, из шкафа Тэда!

Он слишком мал для вас.

Уходите, монстры, от окна Тэда!

Вам не на чем там висеть.

Уходите, вампиры, и оборотни, и злючки-кусачки!

Вам нечего делать здесь.

Никто из вас не должен трогать Тэда!

Вам нечего здесь делать».

Вик долго смотрел на свое произведение и после дважды напомнил Донне, чтобы она читала слова каждый вечер. Пусть осознает, как они важны для Тэда.

Выходя, он заметил, что дверца шкафа снова открылась. Он плотно закрыл ее и вышел.

Тем же вечером, чуть позже, дверца открылась опять. Оттуда блеснули желтые, безумные глаза.

Но Тэд не просыпался.

На другой день, в четверг восьмого утра, фургон Стива Кемпа выехал на дорогу №11. Стив доехал до дороги №302 и повернул на Юго-Восток, в направлении Портленд. Там он заехал на почту.

В бардачке у него лежала целая пачка писем — на этот раз не написанных квадратными буквами, а отпечатанных на машинке. Машинка теперь лежала в фургоне вместе с прочим его имуществом. У него заняло не больше полтора часов собрать все свои вещи, включая Берни Карбо, который мирно спал в своей коробке. Они с Берни всегда путешествовали налегке.

Письма были отпечатаны профессионально. Шестнадцать лет творческой работы превратили его в классного машиниста — и то хорошо. Он опустил письма туда же, куда вечером бросил анонимное послание Вику Трентону. Если бы он уже собирался покинуть штат, не заплатив арендную плату, он был бы осторожнее, но пока он всего лишь переехал в Портленд и решил действовать легально. Он мог не скупиться; в бардачке лежали аккуратно перевязанные шестьсот долларов.

В придачу к плате за аренду он вернул долги некоторым заказчикам. Каждый чек он сопровождал вежливым уведомлением, что, и к сожалению, его мать серьезно заболела (эта мамина легенда безотказно действует на любого американца). Поэтому они могут забрать свою мебель у него в магазине — ключ на полочке перед дверью, справа, и не будут ли они добры после положить ключ на то же место. Благодарю вас, бла-бла-бла, тра-ля-ля.

Стив запихнул в щель ящика последнее письмо. Он испытывал удовлетворение. Приближаясь к Портленду, он насвистывал «Мою сладкую» вместе с «Грейтфул Дэд». В Портленде он еще надеялся успеть сыграть в теннис. Что ни говори, день выдался неплохой. Если мистер Бизнесмен еще не получил его маленькое послание, ничего. Скоро получит. Стив довольно ухмыльнулся.

В полвосьмого, когда Стив Кемп думал о теннисе, а Вик Трентон — о звонке Джо Кэмберу насчет жениного «пинто», Черити Кэмбер готовила сыну завтрак. Джо уже полчаса как уехал в Льюистон подыскивать ветровое стекло для «камаро» 72-й модели на какой-нибудь свалке. Это соответствовало плану, который Черити вырабатывала долго и тщательно.

Она поставила перед Бреттом тарелку с яичницей и беконом и села напротив. Бретт с легким удивлением взглянул на нее поверх книги, которую читал.

Обычно утром мать находилась в некотором оцепенении и на все вопросы отвечала сердито и невпопад.

— Бретт, можно мне с тобой поговорить?

Удивление перешло в настоящее изумление. Он не узнавал свою всегда молчаливую мать. Она явно нервничала. Он закрыл книгу и сказал:

— Конечно, ма.

— Хочешь, — она откашлялась и начала снова. — Хочешь съездить со мной в Коннектикут к тете Холли и дяде Джиму? И к твоим кузенам?

Бретт широко улыбнулся. Он всего два раза в жизни покидал Мэн, оба раза вместе с отцом, когда они ездили в Нью-Хэмпшир искать какие-то детали.

— Конечно! — воскликнул он. — А когда?

— Думаю, в понедельник. На выходные и четвертое июля. На целую неделю. Как тебе это?

— Здорово! Тьфу, у папы ведь много работы. Он может...

— Твой папа ничего не говорил.

— А я знаю, что он обещал Ричи Симмсу поставить новый мотор на его трактор. И еще мистер Миллер из школы хотел завести свой «Форд». И...

— Я все же думаю, мы сможем уехать, — прервала его Черити. — На автобусе из Портленда.

Бретт заколебался. Где-то на крыльце медленно топтал Куджо. Он смотрел на хозяйку и мальчика красными, воспалившимися глазами. Ему было очень плохо.

— Тьфу ты! — Не знаю...

— Не говори «тьфу». Это плохое слово.
— Прости.
— Но ты *хочешь* поехать? Если папа согласится?
— Конечно! А ты уверена, что он согласится?
— Наверное, — она задумчиво поглядела в окошко над раковиной.

— А далеко до Стрэтфорда, ма?
— Триста пятьдесят миль.
— Тьфу... то есть, далеко. Это...
— Бретт.

Он вопросительно взглянул на нее. На ее лице опять отражалось удивляющее его возбуждение.

— Что, ма?
— Как ты думаешь, отцу что-нибудь нужно? Он хотел бы что-нибудь купить?

Глаза Бретта слегка блеснули.

— Ну... ему нужны ключи... и он еще хотел маску для сварки. Старая совсем треснула.

— Да нет, что-нибудь большое. Дорогое.

Бретт подумал, потом улыбнулся.

— Он очень хотел новый мини-кран. С ним бы он выдрал старый мотор из агрегата Ричи, как кусок де... Ну, легко, — он чуточку покраснел, но продолжал:

— Но ты не можешь купить ему это, ма. Это очень дорого.

— Сколько?

— Ну, по каталогу не меньше тысячи семисот, но папа говорил, что мистер Беласко в Портленде уступил бы ему дешевле. Он говорит, что Беласко его боится.

— Думаешь, это правда?

Бретт, казалось, даже испугался. Он не помнил, что бы мать когда-либо вела такие разговоры. Даже Куджо на крыльце слегка наострил уши.

— Ну?

— Нет, ма, — сказал он, но Черити поняла, что он лжет. Она уловила в словах Бретта восхищение. Он хочет быть похожим на отца. Тот словно становится выше ростом, когда видит, что его боятся. О, господи.

— Нет ничего хорошего в том, что тебя боятся, — сказала она. — Нужен только громкий голос да грозный вид. Давай, доедай.

Он медленно начал есть, то и дело поглядывая на нее. В это утро везде таились загадки.

— Сколько это будет стоить? Тысячу триста? Тысячу четыреста?

— Не знаю, ма.

— А этот Беласко может доставить заказ сюда?

— Такой дорогой, наверное, может. Если бы у нас были деньги.

Ее рука потянулась к карману халата. Там лежал лотерейный билет. Зеленый номер на нем, 76, и красный, 434, совпадали с указанными в таблице выигрышей. Она сверяла их десятки раз, не в силах поверить. Она каждую неделю тратила на билет пятьдесят центов, с 1975 года, и вот эти вклады принесли отдачу — пять тысяч долларов. Она еще не получила их, но они никуда не уйдут.

— Деньги есть, — сказала она. Бретт уставился на нее.

В четверть одиннадцатого Вик вышел из офиса и поплелся в кафе, не в силах выносить проклятую жару. Сейчас он делал рекламу для яичной фермы Декостера. Трудная работа. Яйца он ненавидел с детства, когда мать запихивала их ему в глотку четыре раза в неделю. Все, что он мог выжать из себя, это: «Кусай от яйца с любого конца». Не Бог весть что. Мысль вызвала у него в уме образ яйца, застегнутого посередине на молнию. Образ хороший, но какой от него толк? Он не мог придумать. Надо спросить Тэдди, подумал он, когда официантка принесла ему кофе и блинчики с черникой. Тэд яйца любил.

Конечно, его мучила не эта яичная реклама. Мучили его предстоящие двадцать дней. Да, ехать придется. Роджер его убедил. Нужно ехать и драться.

Старый толстый Роджер, которого Вик любил, как брата! Он был, наверное, даже рад проехаться, попить кофе, поболтать. Но Вику хотелось побыть одному. Поразмыслить. Они и так все время были рядом — вполне достаточно даже для братьев.

Он снова вспомнил о фиаско с «Красной клубникой». Все случившееся было плохо, но не смертельно. Даже тупые покупатели осознают, что подобные просчеты в деятельности компаний неизбежны. Пару лет назад обнаружилось, что краска, которой наносились рисунки на стаканы в закусочной «Макдональдс» содержит избыточную дозу свинца. Стаканы быстро убрали; компания понесла убытки, но никто не обвинил Рональда Макдональда в попытке отравить клиентов. И Профессора Вкусных Каш никто в этом не обвинил, хотя комики от Боба Хоупа до Стива Мартина немало поиздевались над ним, а Джонни Карсон в «Вечернем телешоу» произнес как-то целый монолог о «Красной клубнике». Нет нужды, говорить, что профессор исчез с экрана, а игравший его актер никак не мог оправиться от потрясения.

«Все могло быть и хуже», — заявил Роджер, когда прошел первый шок, и схлынула лавина звонков из Кливленда.

«Что?» — спросил тогда Вик.

«Представь, что мы разрекламировали бы настоящую отраву».

— Еще кофе, сэр?

Вик поднял глаза на официантку. Он хотел отказаться, потом кивнул.

— Полчашки, пожалуйста.

Она поставила чашку и отошла. Вик сидел, не торопясь пить.

К счастью, довольно скоро по телевизору показали пресс-конференцию с участием авторитетных врачей, утверждавших, что краска безвредна. Незадолго до этого такой же шум поднялся из-за того, что у ряда стюардесс международных рейсов кожа вдруг покрылась оранжевыми пятнами. Оказалось, что все дело в спасательных жилетах, применение которых они объясняли пассажирам на своем опыте.

Юристы старика Шарпа предъявили многомиллионный счет изготовителю краски, но дело могло тянуться года три и под конец потонуть в суде. Неважно: главное было показать общественности, что вина — впрочем, не слиш-

ком большая, краска-то безвредна, — лежит не на компании.

Но акции Шарпа все равно поползли вниз. Резко снизился сбыт всех каш компании, хотя их качество ничуть не ухудшилось.

Что же, все было в порядке? Да нет. Как бы не так.

Не в порядке был сам Профессор. Бедный парень просто не мог вернуться к своим обязанностям. После испуга обычно приходит смех, и посмей Профессор снова появиться на экране на фоне своего класса, его засмеяли бы до смерти.

Представляется уже, как Джордж Кэрлин зубоскалит в своей программе: «Парни Рейгана говорят: русские обгоняют нас в гонке вооружений. Русские штампуют ракеты тысячами. А Джимми Картер выступает по ящику и говорит: «Сограждане, русские обгонят нас только тогда, когда молодость нации будет срать красным».

Гомерический хохот аудитории.

«И вот Ронни звонит Джимми и спрашивает: «Что наши солдаты едят на завтрак?»

Взрыв хохота.

Потом настоящая запись:

«Что ж, все в порядке».

Бурные аплодисменты, хохот.

Кэрлин печально качает головой.

«Красное дерьмо, Джимми. Совсем красное».

Вот в чем проблема; Джордж Кэрлин. Боб Хоуп. Стив Мартин. Любой остряк в Америке.

И итог: акции Шарпа падают. Держатели в панике. Давайте посмотрим, что мы можем сделать для них. Кто там придумал этого чертового Профессора? Неважно, что Профессор с успехом вешал уже четыре года до появления «Клубники». Неважно, что он повысил акции компании вдвое.

Важно только то, что для успокоения публики «Эд Уоркс» будет лишена заказов Шарпа, и этой ценой акции удастся, даст Бог, поднять опять. И когда начинается новая рекламная компания, инвесторы увидят, что злодеи выброшены вон, и успокоятся.

«Конечно, — подумал Вик, размешивая сахарин в кофе, — это только теория. Если она и воплотится в жизнь, они с Роджером еще могут доказать Шарпу, что долгосрочный успех важнее сиюминутного успокоения инвесторов, что их опыт и навыки работы еще пригодятся компании».

Внезапно в его мозгу вспыхнул новый план. Чашка кофе застыла у рта. Он видел двоих людей — себя с Роджером или старого Шарпа с сыном, — роющих могилу. Лопаты мелькали в воздухе. Фонарь мигал и качался на ветру. Накрапывал дождь. Ночное погребение — именно так. Они хоронили Профессора ночью, и это было нехорошо.

— Нехорошо, — пробормотал он вслух.

Конечно. Если они похоронят его ночью, в тайне, он уже ничего не сможет сказать, что он жалеет о случившемся.

Он достал из кармана ручку и блокнот и записал:

«Профессор должен оправдаться».

Посмотрел на запись. Ниже подписал:

«Хоронить днем».

Он еще не был уверен в этом, но уже знал, что это лучшая из его идей.

Куджо лежал на полу в гараже. Там было жарко, но снаружи еще жарче... и слишком светло. Раньше он никогда не замечал яркости света. Но теперь все изменилось. У Куджо ныла голова. Ныли мускулы. От света болели глаза. И нос все еще болел тоже.

Болел и воспалился.

Хозяин куда-то уехал. Вскоре хозяйка с мальчиком тоже уехали, и он остался один. Мальчик вынес Куджо большую чашку с едой, и он немного поел. Есть совсем не хотелось.

Снаружи раздался рокот грузовика, сворачивающего к дому. Куджо встал и подошел к выходу, уже зная, что это чужие. Он хорошо знал звук грузовика Хозяина и семейной машины. Он стоял в двери, пряча голову от ослепительного света. Грузовик остановился, двое мужчин вылезли из кабины и пошли назад. Один из них поднялся на

борт. Раздался какой-то скрип, от которого голова Куджо заболела еще сильнее. Он повернулся и побрел назад, в спасительный полумрак.

Грузовик прибыл из Портленда. Три часа ранее Черити Кэмбер и ее все еще не пришедший в себя сын явились в офис «Портленд мэшин» на Брайтон-авеню, и она выписала чек на новый мини-кран фирмы «Йорген» — покупка обошлась в 1 241 доллар 71 цент, включая налоги. До этого она зашла в аптеку на Конгресс-стрит, чтобы получить выигрыш. Бретт стоял снаружи, засунув руки в карманы.

Клерк сказал, что Лотерейный комитет пришлет ей чек по почте. Когда? В течение двух недель. Минус восемьсот долларов налогов. Сумма основывалась на их с Джо прошлогодней декларации.

Вычет налогов не рассердил Черити. До того, как клерк официально подтвердил ее выигрыш, она все еще не могла поверить. Потом ей уже не было нужды беспокоиться о билете. Он вернулся в недра лотерейного комитета. Чек пришлют ей по почте — мистическая, успокаивающая фраза.

Наконец-то и ей улыбнулась Госпожа Удача. Впервые в жизни, и, может быть, единственный раз, тяжелый занавес повседневности приоткрылся для нее, показав ей краешек волшебного мира. Она была практичной женщиной и в глубине души знала, что ненавидит мужа и боится его, но знала и то, что им суждено вместе состариться, а потом он умрет, оставив ей долги и — как она этого боялась! — испорченного сына, свое подобие.

Если бы она выиграла десять раз по пять тысяч, она смело отдернула бы занавес и, взяв за руку сына, шагнула бы прямо в волшебную страну, прочь от дороги №3, от гаража, от Касл-Рока. Она могла бы увезти сына в Коннектикут и снять там маленькую квартирку.

Но занавес лишь чуть-чуть приоткрылся. Она видела Госпожу Удачу одно короткое мгновение, прекрасную и сияющую, словно Фея... и все. Потому, когда билет исчез с ее глаз, она почувствовала еще и боль. Она знала, что

будет теперь покупать эти билеты до конца своих дней и никогда больше не выиграет больше двух долларов.

Ну и пусть. Дареному коню в зубы не смотрят.

Они вышли из «Портленд мэшин», и она решила заехать в банк и взять денег из сбережений, чтобы оплатить чек сразу же. На счету у них было чуть больше пяти тысяч — все их сбережения за пятнадцать лет. Конечно, она не имела права брать эти деньги, но положение изменилось. В худшем случае придется подождать две недели.

Льюис Беласко сказал, что пришлет мини-кран в тот же день.

Джо Макгрудер и Ронни Дюбей сгрузили мини-кран с грузовика на подъемнике и осторожно поставили его у подъезда.

— Дороговато для этого Джо Кэмбера, — сказал Ронни. Макгрудер кивнул.

— Жена сказала — поставить в сарае. Придется попотеть, Ронни. Эта сволочь тяжелая.

Джо и Ронни взялись за оба конца и, пыхтя и отдуваясь, полуволоком втащили машину в сарай.

— погоди минуту, — сказал Ронни. — Ничего не вижу. Нужно посмотреть, куда ее ставить.

Они со стоном опустили мини-кран на пол. После яркого солнца снаружи Джо почти ослеп. Он видел только отдельные силуэты — кузов машины, лавину, шины.

— Эту штуку надо... — начал Ронни и осекся.

Из темноты за машиной раздалось низкое, горловое рычание. Ронни почувствовал, что пот у него на спине моментально высох.

— Господи, ты слышишь? — прошептал Макгрудер.

Ронни теперь видел Джо: его глаза были расширены от страха.

— Слышу.

Ронни знал, что такие звуки может издавать только большая собака. И когда она их издает, лучше держаться подальше. Он не заметил на воротах предупреждения, но что с того? Теперь важно было лишь надеяться, что этот пес привязан.

— Джо, ты бывал здесь раньше?

— Один раз. Это его сенбернар. Здоровый, как лошадь. Раньше он не рычал, — Джо сглотнул слюну. — Ох, Ронни, погляди.

Глаза Ронни привыкли к темноте, и им предстояло жуткое, полупризрачное зрелище. Он знал, что ни в коем случае нельзя показывать собаке свой страх, но все равно начал дрожать. Он не мог сдержаться. Пес был настоящим чудовищем. Он стоял в глубине сарая. Конечно, это был сенбернар, голова его опустилась к земле, глаза глядели на них с тупой злобой.

Он не был привязан.

— Медленно отступай, — скомандовал Джо. — Только, ради Бога, не беги.

Они начали отступать, и пес медленно пошел следом. Он шел медленно; «Крался» — подумал Ронни. Пес явно не думал отступать, механизм его рычал и был готов к действию. За каждым их шагом назад следовал его шаг — вперед.

Хуже всего для Джо Макгрудера был момент, когда они снова вышли на свет. Это его ослепило. Он не видел пса. Если он сейчас бросится...

Отступая, он наткнулся на борт грузовика. Тут его выдержка иссякла, и он метнулся к кабине. С другой стороны то же сделал Ронни. Он нащупал ручку дверцы и потянул ее вниз. Сзади по-прежнему слышалось рычание. Ручка не поддавалась. Он уже представлял, как пес вырывает клоч мяса из его задницы. Наконец он надавил кнопку, и дверь распахнулась. Он ввалился в кабину, поглядел в зеркало обзора и увидел, что пес неподвижно стоит около двери. Он повернулся к Джо, который сидел за рулем и бессмысленно улыбался. Ронни ответил ему такой же дрожащей улыбкой.

— Просто собака, — сказал Ронни.

— Ага. Лает, да не кусает.

— Ну, поехали отсюда, и пускай сами разбираются со своим краном.

— Верно.

Они рассмеялись. Джо нажал на газ.

На полпути в Портленд Ронни сказал, словно про себя:
— Что-то с этим псом не то.

Джо правил, выставив локоть в окошко. Он взглянул на Ронни.

— Я перепугался, а на остальное мне наплевать.

— Была бы это обычная собака, я бы просто дал ей цинка. А в этой твари не меньше двухсот фунтов, держу пари.

— Может, стоит позвонить Джо Кэмберу, — сказал Ронни задумчиво. — Сказать про это. Может, будет осторожнее. Как ты думаешь?

— И чем это Джо тебя отблагодарит? — осведомился Джо Макгрудер с улыбкой.

— Хотя бы не станет ругаться, как ты.

— А меня твоя жена ругает. Я так не умею, честное слово.

— Да ну тебя.

Они рассмеялись. Джо Кэмберу так никто и не позвонил. Когда они вернулись в Портленд, рабочее время уже заканчивалось. Они минут пятнадцать заполняли ведомость. Вышел Беласко и спросил, принимал ли груз сам Джо Кэмбер. «Конечно», — ответил Ронни, и Беласко, который был порядочной сволочью, ушел обратно. Джо пожелал Ронни удачных выходных и хорошо провести праздник. Ронни сказал, что планирует запереться дома и не вылезать до понедельника. Они расстались. Они снова вспомнили про Куджо, только когда прочитали о нем в газетах.

Вик большую часть дня обговаривал с Роджером детали предстоящей поездки. Роджер заботился о деталях с какой-то параноидальной тщательностью.

Он заранее заказал места в гостинице. Их самолет на Бостон вылетал в 7.10 в понедельник. Вик сказал, что заберет Роджера на своем «Ягуаре» в 5.30. Он считал, что это слишком рано, но хорошо знал Роджера и все его пунктики. Говорили тоже в основном о поездке. Вик пока молчал о своей идее, хотя бумажка с записями лежала у него в кармане куртки. Роджер будет более восприимчив в дороге.

Вик хотел уйти пораньше, но решил сперва разобрать почту. Их секретарша, Лиза, улизнула — пошла готовиться к праздникам. Черт, невозможно заставить секретаршу сидеть на рабочем месте хотя бы до пяти. Вик сидел в этом один из признаков упадка западной цивилизации. Быть может, в этот момент Лиза, двадцать один год, джинсы в обтяжку, почти полное отсутствие груди, въезжает на трассу, следуя на юг. Счастливого пути, детка. Вик немного улыбнулся. На его столе лежало одно-единственное письмо. Он с интересом взял его, заметив сперва приписку «лично» и потом — необычный почерк на конверте.

Он повертел письмо в руках, чувствуя смутное беспокойство, вторгающееся в общую усталость. Потом ему казалось, что в тот момент его охватило странное желание порвать письмо на мелкие кусочки и бросить их в корзину.

Вместо этого он открыл его и посмотрел на вложенный листок.

Опять квадратные буквы.

Простой текст — всего шесть предложений — сразил его наповал, как выстрел в сердце. Он скорее упал на свой стул, чем сел. Какое-то время он ничего не мог понять или осмыслить. Если бы в этот момент вошел Роджер, он мог бы решить, что у Вика сердечный приступ. Фактически так и было. Лицо у него стало блее бумаги. Рот приоткрылся. Под глазами проступили синеватые тени.

Он пересчитал записку.

Еще раз.

Сначала его взгляд упал на фразу:

«Ты видел у нее родинку на лобке?»

«Это ошибка, — в смятении думал он. — Никто, кроме меня, про это не знает... ну, и еще мать. И отец». Потом первый приступ ревности: «Даже ее бикини не открывает этого... хотя оно совсем крохотное».

Он запустил руку в волосы. Потом положил письмо и обхватил голову обеими руками, в груди снова возникло ощущение удушья. Ощущение, что сердце вместо крови нагнетает воздух. Но кроме боли и смятения он чувствовал еще и испуг.

Потом опять бросилось в глаза и нагло выкрикнуло:

«Я трахал ее, пока дерьмо не полезет».

Теперь его глаза сосредоточились на этой строчке. Он мог слышать, как в небе над городом пролетает самолет, и думал: *«Грубо, как это грубо»*. Как удар бандитского ножа. «Я трахал ее, пока дерьмо не полезет», что за образ! Никакой фантазии. Будто вляпали промеж глаз тем самым дерьмом.

Он с трудом пытался собраться с мыслями и («Я трахал ее»)

не мог

(«пока дерьмо не полезет»)

этого сделать.

Наконец его глаза перебрались на последнюю строчку, и он перечитывал ее снова и снова, будто пытаясь вколоть ее в мозг.

«А у тебя есть вопросы?»

Да. У него было много вопросов. Но он не хотел получить на них ответы.

Новая мысль прочертила его мозг. Что если Роджер не уехал домой? Часто он просто дремал в офисе. Тем более он мог этим заниматься сегодня, перед предстоящей поездкой. Эта мысль вызвала у Вика настоящую панику, он чувствовал себя как подросток, которого застали мастурбирующим в туалете. Если Роджер выйдет, он сразу увидит, что что-то случилось. Этого нельзя допустить. Он встал и подошел к окну, из которого открывался вид на их автостоянку. Ярко-желтого «сивика» Роджера там не было. Он уехал.

Слегка успокоившись, Вик прислушался. Офис «Эд Уоркс» казался вымершим. Не слышно было даже шагов старого мистера Стигмейера, их сторожа. Наверное, он в вестибюле. Наверное, он...

Тут он услышал звук. Сперва он не понял, что это. Потом узнал. Всклип. Все еще глядя в окно, он увидел, как автомобили на стоянке стали двоиться в глазах, потом трояться, сквозь застилавшие глаза слезы.

Почему ему так чертовски *страшно*?

На ум пришло абсурдное, старинное слово. *«Трепет»*, — подумал он. — *Я трепещу»*.

Всхлипы не прекращались. Он пытался задержать их и не смог. Тогда он сжал пальцами трубу отопления возле окна и давил, пока пальцы не заболели, а металл не застонал, протестуя.

Когда он плакал в последний раз? Он плакал, когда родился Тэд, но то были слезы облегчения. Он плакал, когда умер его отец после трехдневной отчаянной борьбы за жизнь, когда с ним случился сердечный приступ и те слезы, в семнадцать лет, были похожи на эти, безутешные и неостановимые, скорее напоминающие кровотечение. Но в семнадцать слезы легче льются, легче и останавливаются. Когда тебе семнадцать, все еще впереди.

Он перестал всхлипывать. Стал думать, что делать. И тут у него вырвался низкий, хриплый стон, и он в ужасе подумал: «Господи, это я? Это я издаю такие звуки?»

Слезы лились по его щекам. Еще один стон, и еще. Он сжимал трубу и плакал.

Через сорок минут он сидел в городском парке. Он позвонил домой и сказал Донне, что вернется поздно. Она спросила, что случилось, и почему у него такой странный голос. Он сказал, что постарается вернуться до темноты, и попросил забрать Тэда. Прежде, чем она успела спросить еще что-нибудь, он повесил трубку.

Теперь он сидел в парке.

Слезы изгнали из его души страх. Осталась злость. Это был следующий пласт знания о случившемся. Но «злость» — не вполне верное слово. Он был разгневан. Он был вне себя от ярости. Какая-то часть его говорила, что в таком состоянии ему опасно идти домой... опасно для них троих.

Было бы хорошо отомстить за эту боль и за слезы, было бы хорошо (признаемся себе в этом) разбить ее лгущее лицо, превратить ее в кровавую маску.

Он сидел возле утиног прудика. На другой стороне шла хитроумная игра «фриси». Он замечал, что все четверо играющих девочек — и двое из парней — были на скейтах. Скейты этим летом вошли в моду. Рядом молодая девушка толкала тележку с мороженым, орехами

и напитками. Лицо ее было необычайно чистым и задумчивым, но когда один из игроков метнул ей диск, она быстро поймала его и пустила обратно. Вик подумал, что в шестидесятые она, наверное, жила бы в какой-нибудь коммуне и прилежно обирала жуков с огорода. Теперь вот подрабатывает в парке. Новые времена.

Иногда они с Роджером уходили сюда перекусить. Особенно первый год. Потом Роджер обратил внимание на неприятный запах и на то, что маленький домик посреди пруда выкрашен в белый цвет не краской, а птичьим пометом. Чуть позже Вик разглядел у берега, среди презервативов и фантиков от жвачки, мирно плавающую дохлую крысу. После этого их прогулки сошли на нет.

В небе над парком парил ярко-красный диск. Образ, вдохновляющий его гнев, никак не хотел исчезать. Это было так же грубо, как слова в мерзкой записке, но он не мог от этого избавиться. Он представлял, как они трахаются в их спальне, на их кровати. Он видел это четко, как в рентгеновских лучах. Она стонала и извивалась от наслаждения, прекрасная, как никогда. Каждый ее мускул был напряжен. Глаза ее потемнели и приобрели то голодное выражение, какое всегда появлялось в них во время хорошего секса. Он знал все ее звуки, все жесты, все изгибы тела. Он думал — *думал раньше*, — что их знает только он. Этого не знали даже ее отец с матерью.

Потом он представил, как член этого мужчины входит в нее. Он вздрогнул, это еще более усилило его ярость.

Диск опять взлетел и опустился. Вик глазами проследил его полет.

Конечно, он подозревал. Но подозрение — не знание. Он мог написать исследование о различии между этими понятиями. Это случилось в момент, когда он уже начал думать, что его подозрения бесчеловечны. А если и нет, то лучше ничего не знать. Не так ли? Если человек проходит через темную комнату с открытым люком посередине, он даже не знает, как близко к опасности он находится. И не боится. Даже в темноте.

Что ж, он не упал в люк. Его туда *толкнули*. Теперь стоял вопрос: что делать? Его гнев и боль еще не остыли,

сознание никак не могло примириться с фактом, что это *его* жена изменяла ему, едва он ступит за порог, когда Тэда не было дома...

Опять начали наплывать образы — смятые простыни, переплетенные тела. На ум приходили самые грубые словечки, сбегались, как толпа зевак на место катастрофы.

«Мою жену! — думал он, содрогаясь, сжимая кулаки. — Он трахал мою жену!»

Но эта его гневная часть знала, что он ничего не сделает с Донной. Конечно, он мог взять Тэда и уехать. Ничего не объясняя. Пусть попробует оставить его, если посмеет. Взять Тэда, поехать в мотель, обратиться в суд. Обрезать концы и не оглядываться назад.

Но если он прямо так возьмет Тэда в охапку и потащит в мотель, ребенок ведь испугается? Ему надо будет что-то объяснять. Ему всего четыре, но этого достаточно, что понять, что происходит что-то нехорошее. Потом еще эта поездка — Бостон, Нью-Йорк, Кливленд. От нее нельзя было отказываться, старый Шарп с сыном ждут объяснений. И он не один. У него компаньон, и у этого компаньона жена и двое детей. Даже в своем нынешнем состоянии Вик признавал ответственность перед Роджером и «Эд Уоркс».

И был еще вопрос, хотя он и не хотел его себе задавать: действительно ли он хочет взять Тэда и уехать, не выслушав ее объяснений? Он сомневался в этом. Скорее он считал, что именно с помощью Тэда можно отомстить ей больше всего. Но хотел ли он превратить своего сына в орудие пытки? Еще раз нет.

И другие вопросы.

Записка. Подумай об этой записке. Не только о содержании, об этих шести строчках, о самом факте. Кому-то понадобилось убить курицу, несущую золотые яйца. Зачем любовник Донны это сделал?

Потому что курица перестала нестись, конечно. И таинственного незнакомца это взбесило.

Отвергла ли его Донна?

Он пытался подобрать другие причины и не мог. В конце концов, разве нарочитая грубость записки — не давно известный элемент провокации? Если ты меня

больше не хочешь, лишишь и того, кого ты хочешь. Нелогично, но зачем искать логику? Он вспомнил, что в последние дни атмосфера в доме стала иной. Облегчение Донны чувствовалось почти на ощупь. Она отвергла незнакомца, и он решил отомстить ей анонимной запиской.

И последний вопрос: что это меняет?

Он опять вытащил записку из кармана и повертел в руках, не раскрывая. Он смотрел на красный диск, взлетающий в небо, и думал, что ему делать.

— Что за черт? — спросил Джо Кэмбер.

Он выговорил это раздельно, почти механически. Он стоял в двери, глядя на жену. Черити сидела за столом. Они с Бреттом уже поели. Джо явился с полным кузовом разного хлама, заехал в гараж и там увидел то, что его дожидалось.

— Это мини-кран, — сказала она. Незадолго до того она отправила Бретта поиграть с приятелями. Она не хотела, чтобы он присутствовал при их разговоре. — Бретт сказал, что такое нужно.

Джо прошел через комнату. Он был худощавым, но крепким, и передвигался проворно. Зеленая шляпа на его голове сдвинулась на затылок, обнажая наметившуюся лысину. На лбу его собралась складка. Изо рта несло пивом. Маленькие голубые глазки были суровыми. Он не любил сюрпризов.

— Объясни-ка, Черити.

— Садись. Твой ужин остынет.

Он резко вытянул руку вперед. Твердо сжал ее плечо.

— Что происходит? Ну-ка выкладывай!

— Не злись, Джо, — она боялась его, но старалась не показывать этого. Во многом он был просто зверем, и если в молодости ей это нравилось, то те времена давно прошли. Годы совместной жизни показали ей, что страх только усиливает его злобу.

— Ты объяснишь мне или нет, Черити?

— Садись и ешь, — сказала она спокойно. — Сейчас расскажу.

Он сел и пододвинул к себе тарелку. Говяжья отбивная.

— С чего это мы стали пировать, как Рокфеллеры? — спросил он.

Она подала ему кофе и сладкий картофель.

— Ты умеешь обращаться с мини-краном?

— Хм, даже не знаю. Он всегда был слишком дорог для меня, — он начал есть, не спуская с нее глаз. Она знала, что теперь он ее не ударит. Нужно брать быка за рога, пока он не разозлился снова. Если он опять соберется бить ее, то только после того, как напьется с Гэри Педье.

Черити села напротив него и сказала:

— Я выиграла в лотерею.

Его челюсти замерли, потом задвигались снова. Он отправил в рот кусок отбивной.

— Ага, — сказал он. — И завтра старый Куджо начнет играть золотыми слитками, — он ткнул вилкой в сторону пса, без устали расхаживающего по двору. Бретт не взял его с собой: его приятель держал кроликов.

Черити полезла в карман халата, достала копию бланка и протянула Джо.

Кэмбер взял листок и посмотрел на него. Его глаза сосредоточились на цифре.

— Пять... — начал он и осекся.

Черити молча следила за ним. Он не улыбался. Он не кинулся ее целовать. Для таких людей, подумала она с горечью, удача всегда кажется слишком маленькой.

Наконец он поглядел на нее.

— Ты выиграла пять тысяч?

— Минус налоги.

— И как давно ты играешь?

— Я тратила пятьдесят центов каждую неделю... и это гораздо меньше, чем ты тратил на пиво.

— Заткнись, Черити, — сказал он. Глаза его сузились.

— Заткнись, или я сам тебя заткну, — он снова начал есть, и она немного расслабилась. Впервые в жизни она дернула тигра за усы, и он не укусил ее. Пока, во всяком случае. — Когда придут деньги?

— В течение двух недель. Я заплатила за кран из сбережений.

— Ты что, поехала и купила эту штуку?
— Я спросила Бретта, что тебе нужно. Это подарок.
— Ну, спасибо, — буркнул он, продолжая есть.
— Я сделала тебе подарок, Джо. Теперь ты мне сделай.
Хорошо?

Он ел и смотрел на нее, ничего не отвечая. Глаза его казались безучастными. Он ел, не снимая шляпы, только сдвинув ее на затылок. Она медленно проговорила, зная, как важна здесь даже интонация:

— Я хочу уехать на недельку с Бреттом. Навестить Холли с Джимом в Коннектикуте.

— Нет, — ответил он кратко.

— Мы поедем на автобусе. Это очень дешево. Не больше трети стоимости этого крана. Останется еще куча денег. Я уже звонила на станцию и узнавала.

— Нет. Бретт здесь мне нужен.

Она сцепила руки под столом, борясь с гневом, но лицо ее оставалось спокойным.

— Ты же обходился без него во время уроков.

— Я сказал: нет, — отрезал он, и она с горечью увидела, что он доволен. Он знал, как ей этого хочется. Ему нравилось причинять ей боль.

Она встала и подошла к раковине, не потому, что ей там что-то было нужно, но чтобы успокоиться и собраться с мыслями. Ей в глаза глядела первая вечерняя звезда: она включила воду.

Раковина давно пожелтела — вода у них была жесткой. Как Джо. Почуввав ее замешательство, Джо приободрился.

— Пора прививать парню чувство ответственности. Пускай помогает мне вместо того, чтобы все время таскаться к Дэви Бержерону.

— Это я его отправила.

— Ты? Зачем?

— Потому что я ждала этого, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Но я уже сказала ему, что ты согласен.

— Раз уж ты сказала, объясняйся с ним сама. В следующий раз думай, — он улыбнулся ей с набитым ртом и потянулся за хлебом.

— Поехали с нами, если хочешь.

— Ну конечно. Только скажу Ричи Симмсу: забудь, старина, что я тебе обещал. И кто сказал, что я хочу глядеть на их рожи? Они сразу показались мне сволочами. Ты любишь их только потому, что сама хотела бы быть такой, — он постепенно повышал голос. Изо рта у него начали вылетать крошки. Обычно это пугало ее, но не сейчас. Хватит. — И ты хотела бы, чтобы и парень стал такой же сволочью. Ты настраиваешь его против меня. Разве не так?

— Почему ты никогда не зовешь его по имени?

— Ты хочешь, чтобы он не слушался отца, так ведь? — продолжал он, в упор глядя на нее. Его лоб и щеки покраснели. — Так что заткнись.

— Нет. Это еще не все.

— Что-о? — он даже выронил вилку от изумления.

— Что ты сказала?

Она подошла к нему, впервые за годы замужества позволив гневу вырваться на волю. Гнев kloкотал внутри — она просто чувствовала, как он обжигает там все. Но говорила она тихо.

— Да, ты так думаешь о моей сестре и о ее муже. Конечно! Посмотри на себя, как ты сидишь вот тут и жрешь, не сняв шляпы. Ты не хочешь, чтобы он видел, как живут другие люди. А я не хочу, чтобы он глядел на тебя и твоих друзей, когда вы ведете себя, как скоты. Потому я и не хочу отпускать его с вами на охоту осенью.

Она прервалась. Он так и сидел за столом с недоеденным куском хлеба в руке. Она подумала, что он не кидается на нее только из удивления тем, что она вообще решилась открыть рот.

— Вот я и решила заключить с тобой сделку. — Продолжила она. — Забирай этот кран и остаток денег. Я отпущу его с вами на охоту, а ты за это отпусти его со мной в Коннектикут. — Она чувствовала озноб, как будто заключала сделку с дьяволом.

— Ишь ты, — проговорил он удивленно. Он говорил с ней теперь, как с ребенком, которому приходится объяснять самые простые вещи. — Я возьму его на охоту, когда захочу. Или ты не знаешь? Он *мой* сын, клянусь Богом.

Когда захочу, и куда захочу, — он улыбнулся этим своим словам.

— Нет, — сказала она.

Он, наконец, встал. Стул упал на пол.

— Я тебе не позволю, — сказала она. Она хотела отступить, но уперлась в стену. Одно неверное движение, и он ее схватит.

Он медленно вытягивал ремень из брюк.

— Я тебя сейчас выдеру, Черити, — сказал он.

— Я тебе не позволю. Любыми способами. Пойду в школу и скажу, что ты не позволяешь ему учиться. Обращусь к шерифу. И еще... Я сделаю так, что он сам не захочет поехать.

Он уже вынул ремень и теперь легонько помахивал им туда-сюда.

— Пока ему не исполнится пятнадцать, ты можешь утащить его к своим пьяным скотам только с моего разрешения. Давай, бей, если тебе так хочется. Это ничего не изменит.

— Неужели?

— Я тебе это говорю.

Внезапно ей показалось, что он забыл о ней. Так уже бывало раньше. Какая-то мысль неожиданно увлекла его. Она молила Бога, чтобы это обратило его настроение в нужную сторону. Она никогда раньше не вела себя так с ним, и она боялась.

Внезапно Кэмбер улыбнулся.

— Злишься?

Она ничего не ответила.

Он начал всовывать ремень обратно. Потом прошел через комнату своей быстрой походкой, и она содрогнулась при мысли о том, как быстро он мог бы кинуться на нее и пустить в ход ремень. И кто бы мог его остановить? Муж может делать с женой все, что ему вздумается. Она никому бы не пожаловалась. Из-за Бретта. Из-за своей гордости.

Он положил руку ей на плечо, потом провел ниже. Сдавил ей грудь.

— Пошли, — сказал он. — Я тебя хочу.

— Бретт...

— Он не вернется раньше девяти. Пошли, говорю.

— Должна же ты как-то меня отблагодарить.

Из ее рта внезапно вырвалась совершенно абсурдная фраза:

— Шляпу сними.

Он улыбаясь, потянул ее за собой. Он улыбался желтыми зубами. На двух передних стояли пломбы.

— Теперь мы можем трахаться на ковре из долларов. Как в каком-то фильме.

Он завел ее наверх, и она ожидала, что он будет груб с нею. Но хотя он, как обычно, любил ее жадно и быстро, груб он не был. Она даже испытала оргазм, в десятый или одиннадцатый раз за время их брака. Потом она лежала рядом с ним, закрыв глаза, чувствуя, как его подбородок касается ее лба. Она с трудом удерживала слезы. Если бы она расплакалась, он мог что-то заподозрить. Она не была уверена в том, что он действительно понял, что случилось.

Позже (за час до того, как вернулся Бретт) он ушел, не сказав, куда. Она подумала, что он отправился пить с Гэри Педье. Она лежала в постели, по-прежнему боясь заплакать и думая обо всем этом. Когда скрип двери и лай Куджо возвестили о возвращении Бретта, в небе уже вставала яркая, холодная луна. «Луне все равно», — подумала Черити, и эта мысль показалась ей горькой.

— В чем дело? — спросила Донна.

Голос ее был сердитым, почти агрессивным. Они сидели в комнате вдвоем. Вик не успел вернуться вовремя, и Тэд уже спал наверху, с Словами от Монстров, вывешенными над кроватью.

Вик встал и подошел к окну, глядящему в темноту. «Она знает», — подумал он мрачно. Всю дорогу он пытался решить, стоит ли затевать с ней разговор и устраивать скандал... или лучше просто сделать вид, что ничего не случилось. Письмо он порвал и по дороге выкинул обрывки в окно машины. Теперь он мог выбирать. Он видел в темном стекле бледное пятно — отражение ее лица.

Он повернулся к ней, совершенно не зная, что ему говорить.

«Он знает», — поняла Донна.

Эта мысль не особенно удивила ее потому, что последние три часа показались ей самыми долгими в ее жизни. Она услышала знание в его голосе, еще когда он позвонил и сказал, что будет поздно. Сначала она испытала панику — беспомощную панику птицы, залетевшей в гараж. Мысль выделялась жирным шрифтом, как восклицания в книгах: *он знает! Он знает! ОН ЗНАЕТ!!* Она кормила Тэда ужином вне себя от страха, пытаясь представить, что будет дальше. «Дальше я вымою посуду, — думала она. — Потом вытру. Потом поставлю на полку. Потом читаю Тэду сказки. Потом... не знаю».

Паника постепенно сменилась чувством вины. Потом пришла апатия, сквозь которую пробивались какие-то случайные мысли. Она думала, сделал ли это Стив, или Вик сам догадался. Ей казалось, что скорее всего это Стив, но разве это важно? Еще она радовалась, что Тэд уже спит. Но она не знала, что ждет его утром. И эта мысль вызвала у нее новый приступ паники. Все повторилось.

Он повернулся к ней и сказал:

— Я сегодня получил письмо. Без подписи.

Он не мог продолжать. Опять прошелся по комнате. Она друг подумала, как он красив, и почему она раньше этого не замечала. Жаль, что он рано поседел. Более молодому это бы даже шло, но Вик уже не молод и...

...и о чем, собственно, она думает? Неужели нет других причин для беспокойства?

И тут она очень тихо, дрожащим голосом, выложила все, как горькое, но необходимое лекарство:

— Это Стив Кемп. Тип, который чинил твой стол. Пять раз. Но не в нашей постели, Вик. Нет.

Вик взял пачку «Уинстона» на столе и уронил ее на пол. Потом поднял, вытащил сигарету и закурил. Руки у него дрожали. Они не глядели друг на друга. «Это плохо, — пронеслось в голове у Донны. — Нужно посмотреть друг другу в глаза». Но она не могла. Ей было стыдно, и она боялась. Он же просто боялся.

— Но почему?

— Это важно?

— Для меня важно. Если ты не хочешь разрыва. Если хочешь, то неважно. Я просто с ума схожу, Донна. Это нужно... потому что, если мы не поговорим об этом прямо, это может произойти снова. Неужели ты хочешь все разорвать?

— Погляди на меня, Вик.

С трудом он поднял голову. Может, он действительно сходил с ума, как говорил, но она видела в его глазах только страх. Внезапно, как удар кулаком в лицо, до нее дошло, насколько ему сейчас трудно. Его дело погибло, и тут, как гнусный десерт к тухлому главному блюду, угрожал погибнуть и его брак. Она почувствовала прилив тепла и любви к этому человеку, которого порой ненавидела, а в последние три часа боялась. Она надеялась, что он в самом деле думает, что сходит с ума, а не... не то, что отражается у него на лице.

— Я не хочу ничего разрывать, — сказала она. Я люблю тебя. Может быть, я как следует поняла это только в последние несколько недель.

На минуту она испытала облегчение. Опять подошел к окну, потом вернулся. Он сел на диван и посмотрел на нее.

— Тогда почему?

Ее любовь мгновенно перешла в досаду. «Почему» — вот по-настоящему мужской вопрос, берущий начала в представлениях о мужественности, возобладавших в конце двадцатого века. «Я хочу знать, почему ты это сделала». Как будто я машина с неисправимым клапаном или робот, у которого перегорели клеммы, и он теперь готовит бифштекс на завтрак, а яичницу — на ужин. Быть может, женщины сходят с ума вовсе не от сексуальных проблем, а из-за этого вот прямого мужского «почему»?

— Не знаю, смогу ли я объяснить. Боюсь, что это прозвучит слишком глупо и тривиально.

— Все же попробуй. Неужели... — он попытался, пытаясь заставить руки не дрожать, и наконец, выдавил. — Я что, не удовлетворял тебя? В этом причина?

— Нет.

А. Н. Миронов 93

— Тогда в чем? — спросил он безнадежно. — Ради Бога, в чем?

Ну что ж... раз ты спросил.

— Страх, — сказала она. — Думаю, что это страх.

— Страх?

— Когда Тэд уходил в сад, мне становилось страшно. Он... ну, как это сказать... оживлял дом.

— При чем тут Тэд? — досадливо спросил Вик, и она увидела, что эта апелляция к Тэду рассердила его, он думает, что это обычная женская уловка, чтобы не выкладывать ему действительной причины. Положение накалялось. Они словно передавали друг другу из рук в руки что-то очень хрупкое, что в любую минуту могло упасть и разлететься вдребезги.

— При том, — упрямо сказала она. — Конечно, большую часть дня он был со мной, но тем заметнее контраст. Потому я и начала бояться. Я думала — на следующий год его не будет уже полдня три раза в неделю. Потом весь день. Это время нужно было заполнять. И я боялась.

— И ты решила заполнить часть этого времени, трахаясь на стороне? — спросил он с горечью.

Это больно укололо ее, но она продолжала говорить тихо, не повышая голоса. Он спросил. Нужно было ответить.

— Я не хотела вступать в какой-нибудь дурацкий Больничный комитет и стряпать запеканки для их субботних обедов. Представляю эти лица и одни и те же городские сплетни — круглый год. Неохота было убивать время таким способом.

Теперь слова просто лились из нее. Она не могла их остановить, даже если бы и хотела.

— Мне не нравится ни продавать всякий хлам на распродажах, ни устраивать вечеринки, ни бегать трусцой. Ты...

Она передохнула секунду, чувствуя, что задыхается.

— Ты ничего не знаешь о пустоте, Вик. Ты мужчина, и ты работаешь. Мужчины работают, а женщины сидят дома и слушают, как снаружи воет ветер. Иногда кажется, что он воет внутри, понимаешь? Иногда я ставила записи. И все равно слышала этот ветер и думала про всякое. Или мыла раковину и смотрела на глиняный горшочек, кото-

рый там стоит, и вспоминала, что у моей матери были такие же горшочки, и у тетки, и у моей бабушки, понимаешь?

Он глядел на нее с таким недоумением, что она почувствовала настоящее отчаяние.

— Это чувства, а не факты, пойми!

— Да, но почему...

— Я и говорю тебе, почему! Говорю, что я достаточно времени провожу у зеркала, чтобы заметить, как меняется мое лицо, и никто уже не примет меня за школьницу и не спросит, имею ли я права. И я боялась. Ведь Тэд пойдет в подготовительный класс, потом в школу, потом...

— Так ты хочешь сказать, что завела любовника из-за того, что чувствуешь себя *старой*? — он смотрел на нее с удивлением, и ей это нравилось. Стив Кемп находил ее привлекательной, и, несомненно, так и было. Но Вик тоже был прав.

Она взяла его за руки и выговорила прямо в его лицо, думая — *зная*, — что она еще никогда не говорила так откровенно ни с одним человеком:

— Не только. Я поняла, что ждать от жизни уже нечего. Возможностей с каждым годом все меньше. Для женщины очень важна ее роль. Жена, чудесно. Но ты ведь постоянно на работе, и дома ты тоже работаешь. Ну, еще мать. А еще что? Пойми, каждый год отрезает от жизни новые куски.

Мужчины знают, чего хотят. У них есть, к чему стремиться, и, может быть, поэтому так много мужчин умирает в несчастье и раньше срока, но они знают, чего хотят. У них есть дело и в тридцать лет, и в сорок, и в пятьдесят. Они не слышат этого ветра, а если и слышат, то берут копье и кидаются на него, думая, что это ветряная мельница или какой-нибудь чертов великан.

А женщина всегда боится чем-то стать. И пугается вещей. Вот и я боялась всех этих звуков, когда оставалась одна дома. Знаешь, однажды я перестилала постель в комнате у Тэда и думала о своих школьных подругах — где они, да что с ними. И тут дверца шкафа вдруг открылась и... Я закричала и выбежала оттуда. Не знаю, почему. Мне вдруг представилось, что сейчас оттуда вый-

дет Джоан Брейди, вся в крови, и скажет: «Я погибла в катастрофе, возвращаясь из пиццерии, когда мне было девятнадцать, а теперь пришла за тобой».

— О Боже, Донна, — сказал Вик.

— Я боялась, вот и все. Боялась, когда смотрела на этот горшочек; боялась, когда думала о прошлом. Ведь единственное место, куда можно сбежать из будущего — это прошлое. Вот я... Вот я и завела с ним роман.

Она потупилась и внезапно закрыла лицо руками. Ее слова звучали глухо, но разборчиво.

— Это было так глупо. Как будто я опять в колледже. Как сон. Он отгонял этот ветер. Что касается секса, то... мне не было хорошо. Он хороший любовник, но мне не было с ним хорошо. Не могу сказать, почему, но знаю, что все равно люблю тебя и понимаю, как я гнусно поступила, — она опять посмотрела на него, уже плача. — Он поэт... во всяком случае, так говорил. Я ничего не поняла в тех вещах, что он мне показывал. Он тоже такой... воображает, что он все еще в колледже и протестует против войны во Вьетнаме. Наверное, потому это и оказался он. Теперь я сказала тебе все. Это не очень приятно, но это так.

— Хотел бы я разбить ему рожу, — сказал Вик. — Наверно, от этого мне стало бы лучше.

Она слегка улыбнулась.

— Он уехал. Мы с Тэдом проезжали мимо, и на его витрине не было ничего поэтического, — сказал Вик. Он быстро посмотрел на нее, потом отвел глаза. Она дотронулась до его лица, и он отпрянул. Это было больнее всего, больнее, чем она ожидала. Страх и чувство вины нахлынули опять. Но она больше не плакала. Она думала, что не будет опять плакать еще долго. Шок оказался слишком велик.

— Вик, — сказала она. — Прости меня. Тебе больно, я вижу. Мне очень жаль.

— Когда ты порвала с ним?

Она рассказала ему про тот день, опустив только упоминание о страхе, что Стив мог в самом деле изнасиловать ее.

— Выходит, этой запиской он хотел отомстить тебе?

Она кивнула, слегка покраснев.

— Похоже, что так.

— Пошли наверх, — сказал он. — Уже поздно. Мы оба устали.

— Хочешь меня?

Он медленно покачал головой.

— Не сегодня.

— Ладно.

Они вместе поднялись по ступенькам. Уже наверху Донна спросили:

— Вик, что будет дальше?

— Не знаю.

— Ну хочешь, я напишу: «Обещаю никогда больше не делать этого» — пятьсот раз? Или нам развестись? Что? — она просто очень устала, но ее голос начал повышаться до опасных пределов. Хуже всего был стыд, и она ненавидела и себя, и его за то, что он заставил ее пережить этот стыд.

— Нам нужно пройти через это вместе, — сказал он, не смотря на нее. Потом поднял глаза, почти умоляюще. — Он ведь был один, правда?

Это был невозможный вопрос, вопрос, который он не имел права задавать. Этот вопрос только замутнял ту кристальную ясность, которая возникла было между ними. Она быстро, почти бегом, оставив его сзади, прошла в комнату.

В ту ночь они почти не спали. Меньше всего Вик думал о том, что он забыл позвонить Джо Кэмберу и узнать у него насчет «пинто».

Что до самого Джо Кэмбера, то он сидел с Гэри Педье на одном из его полуразвалившихся стульев. Они пили водку с мартини из тех же стаканов «Макдональдса». В темноте мерцали светляки, и жимолость, заполонившая двор Гэри, наполняла воздух тяжелым ароматом.

Куджо обычно во время таких вечеринок ходил вокруг, гоняясь за светляками и временами погавкивая. Но сегодня он просто лежал рядом, положив морду на лапы. Они думали, что он спал, но это было не так. Он просто лежал,

чувствуя, как боль пронизывает все его тело и снова и снова отдается в голове. Ему было трудно осмыслить то, что выходило за рамки его простой собачьей жизни. Ему снились странные, поразительно реальные сны. В одном из них он кинулся на Мальчика, разорвал ему горло и выгрыз из живота слипшиеся в комок кишки. Он проснулся, скуля и подвывая.

Ему постоянно хотелось пить, но когда он подходил к своей миске, вода напоминала на вкус ржавое железо. От воды у него ныли зубы, и вспышки боли отдавались в глазах и в голове. Теперь он лежал в траве, не думая ни о светляках, ни о чем другом. Голоса доходили до него откуда-то издалека и не заглушали нарастающей в нем боли.

— Бостон! — Гэри Педье хмыкнул. — Бостон! Что ты собираешься там делать, и что там делать мне, скажи пожалуйста? И на какие шиши мне ехать?

— А ты поройся в своем матрасе, — посоветовал Джо, уже порядком пьяный.

— Там нет ничего, кроме клопов. Зато их хватает. Ну и черт с ним. Налить еще?

Джо протянул ему стакан, и Гэри наполнил его в темноте смесью двух напитков со сноровкой бывалого пьяницы.

— Бостон! — сказал он опять. — Остынь, Джой, — никто больше в Касл-Роке не называл его «Джой». — Остынь. Ты, наверное, никогда не забирался дальше Портсмута.

— Я был в Бостоне раза два, — настаивал Джо. — Соглашайся, Педик, а то я наущу на тебя пса.

— Этого пса не удастся напустить даже на черномазого жулика, — ответил Гэри, наклонившись вперед и потрепав Куджо по голове. — Что говорит твоя жена?

— А она не знает, что мы поедем. Зачем ей знать?

— Ну?

— Она едет с парнем в Коннектикут к своей сестре и к этому козлу, ее мужу. На целую неделю. Она выиграла в лотерею.

— Да-а? И сколько?

— Пять тысяч долларов.

Гэри присвистнул. Куджо в ответ недовольно повел ушами.

Джо изложил Гэри свой разговор с женой и предложенную ей сделку: неделя в Коннектикуте в обмен на неделю охоты с ним осенью.

— И ты хочешь поехать в Бостон и прокутить там денежки, старый кобель, — сказал Гэри. Он хлопнул Джо по плечу и засмеялся.

— А почему бы нет? Знаешь, когда у меня в последний раз был выходной? Я не знаю. Не могу вспомнить. Я собирался дня полтора возиться с трактором Ричи, но с этим краном я управлюсь за четыре часа. Завтра отдам ему машину, и свободен. Была еще кой-какая работа, но она подождет. Скажу всем, что решил немного отдохнуть.

— Ну что ж, если так, я не против. Если только ты одолжишь мне денег, пока я не подчищу свои запасы.

— Ладно, — сказал Джо. Гэри был пьяница, но к долгам относился серьезно.

— Я уже года четыре не имел баб, — сказал Гэри мечтательно. — Я ведь оставил свой спермозавод во Франции. А то, что уцелело, иногда работает, иногда нет. Интересно было бы проверить.

— Ага, — сказал Джо, усмехаясь. — И не забывай про бейсбол. Знаешь, когда я в последний раз был на стадионе?

— Ну?

— Девять-сот шестьдесят восьмой год, — проговорил раздельно Джо, наклонившись вперед. Во время этого он разлил большую часть своего стакана. — Еще до рождения парня. Тогда они играли с «Тиграми» и продули «шесть — четыре», кретины.

— Когда ты хочешь ехать?

— Думаю, в понедельник после трех. Утром жена с парнем укатят. Отвезу их на автобус в Портленд. Как раз хватит времени закончить работу.

— На грузовике поедешь или на машине?

— На машине.

Глаза Гэри в полутьме слегка блеснули.

— Бабы, бухло и бейсбол, — сказал он. — Черт, это мне нравится.

— Поедешь?

— Ага.

Они рассмеялись, не заметив, как Куджо снова недовольно поднял голову и слегка зарычал.

Утром в понедельник лег туман, такой густой, что Бретт Кэмбер не мог разглядеть из окна старый дуб на другой стороне двора, хотя до него было не больше тридцати ярдов.

Дом еще спал, но ему спать не хотелось. Он отправлялся в путешествие, и все его существо трепетало от этой новости. Он с матерью. Это будет хорошее путешествие, он это чувствовал и в глубине души был рад, что отец не едет с ними. По крайней мере, его никто не станет донимать, прививая некий туманный идеал мужественности. Нет, он чувствовал себя очень хорошо. Ему было жалко всех, кто этим чудесным, туманным утром не может отправиться в путешествие. Он рассчитывал усесться в автобусе у окна и не упустить из виду ничего, он станции на Спринг-стрит до самого Стретфорда. Вечером он долго не мог уснуть, и сейчас, в пять утра, был уже на ногах. Он так боялся проспать... или еще что-нибудь.

Тихо, как только мог, он натянул джинсы, рубашку и кеды. Потом он сошел вниз и налил себе какао. Ему показалось, что бульканье обязательно перебудит весь дом. Наверху его отец повернулся с боку на бок на их с матерью большой двуспальной кровати. Бретт замер и, когда все стихло, поспешил во двор.

В густом тумане особенно четко ощущались все запахи лета, а сам воздух уже был теплым. На востоке, над зубчатой линией сосен, вставало маленькое, серебристое, как луна, солнце. К восьми — девяти часам туман рассеется.

Но сейчас Бретт видел белый, призрачный мир, полный тайн, пропитанный запахами свежего сена, навоза и маминых роз. Он различал даже запах жимолости Гэри Педье, почти поглотившей уже ограду на границе их участков под своими белыми гроздьями.

Он медленно пошел в направлении сарая. На полпути он оглянулся и увидел, что дом уже растаял в белесой дымке. Еще несколько шагов, и дом исчез. Он остался один среди тумана и запахов.

Тут раздалось рычание.

Сердце у него подпрыгнуло в груди, и он чуть отступил назад. Первой его панической мыслью, как у ребенка в сказке, было «волк», и он дико огляделся по сторонам. Кругом был один туман.

Из тумана вышел Куджо.

Бретт издал горлом свистящий звук. Пес, с которым он вырос, который безропотно возил пятилетнего Бретта на спине по двору, который терпеливо ждал каждый день школьного автобуса, стоя у почтового ящика... этот пес лишь отдаленно напоминал призрак, возникший сейчас из тумана. Большие, печальные глаза сенбернара теперь были воспаленными и бессмысленными, скорее свиными, чем собачьими. Шерсть его перепачкалась в зеленоватой грязи, будто он бродил по болотам. На морде кривилась ужасная ухмылка, ужаснувшая Бретта. Мальчик почувствовал, как сердце прыгает у него в груди.

Из пасти Куджо стекала длинная лента слюны.

— Куджо? — прошептал Бретт. — Куджо?

Куджо смотрел на Мальчика, не узнавая его — ни его лица, ни его одежды, ни запаха. То, что он видел, было двуногим монстром. Куджо болел, и все окружающее для него представляло в чудовищном обличье. В голове его тупо вращались мысли об убийстве. Ему хотелось рвать, терзать, кусать. Перед ним вставал туманный образ Мальчика, лежащего на земле с разорванным горлом, из которого хлещет теплая, вкусная кровь.

Тут монстр заговорил, и Куджо узнал голос. Это же Мальчик, его Мальчик, который никогда не обижал его. Он все еще любил Мальчика и готов был умереть за него. Одного звука его голоса оказалось достаточно, чтобы образы убийства растаяли в окружающем тумане.

— Куджо? Что с тобой?

В последний раз пес, которым он был до роковой встречи с летучей мышью, и нынешний больной пес слились воедино. Куджо неуклюже повернулся и исчез в тумане. Слюна из его пасти стекала в траву. Он перешел на скачущий бег, пытаясь убежать от своей боли, но она побежала вместе с ним, опять наполняя его мыслью об убийстве. Он начал кататься по высокой траве, жалобно скуля.

Мир превратился в безумное море запахов. Куджо чуял их все разом.

Потом он зарычал. Он напал на нужный ему след. Громадный пес, весивший двести фунтов, убежал в туман.

Бретт простоял во дворе еще минут пятнадцать после исчезновения Куджо. Куджо заболел. Съел какую-нибудь отраву. Бретт знал о бешенстве, и если бы он увидел лису или ондатру с такими же симптомами, то сразу распознал бы эту болезнь. Но он не мог даже допустить мысли, что его любимый пес взбесился. Скорее всего, это отраву.

Нужно сказать отцу. Отец позвонит ветеринару или сам что-нибудь придумает, как два года назад, когда он плоскогубцами вынул из носа Куджо иглы дикобраза, стараясь не сломать их, чтобы не вызвать воспаления. Да, нужно обязательно сказать отцу.

Но как же путешествие?

Ему не нужно было объяснять, что мать выторговала им эту поездку посредством хитрости или везения, или обоих вместе. Как большинство детей, он чувствовал настроение родителей и знал его возможные колебания, как опытный лодочник мели на реке. Бретт знал, что хотя отец и согласился, он пошел на это нехотя, и поездку можно считать состоявшейся, лишь когда они сядут в автобус. Если он скажет отцу, что Куджо заболел, то не захочет ли он под этим предлогом оставить их дома?

Он неподвижно стоял посреди двора. Впервые в жизни он был в таком недоумении. Потом он начал искать Куджо вокруг сарая, приглушенным голосом повторяя его имя. Родители еще спали, и он знал, как четко слышатся звуки в утреннем тумане. Он не нашел Куджо... и, может быть, к лучшему для себя.

Будильник поднял Вика без четверти пять. Он вскочил и пошел в ванную, про себя проклиная Роджера Брикстона, которому обязательно нужно было явиться в аэропорт за двадцать минут до первого нормального пассажира. Роджер был предусмотрителен и всегда оставлял время про запас.

Он побрился, умылся, проглотил витамин и вернулся в спальню, чтобы одеться. Большая двуспальная кровать была пуста, и он вздохнул. Они провели не очень приятный уикэнд... Фактически, ему не хотелось бы еще когда-нибудь пережить такой же. Лица их были обычными — для Тэда, — но Вик чувствовал себя ряженым на бале-маскараде. Ему никогда не нравилось заставлять себя улыбаться.

Они спали в общей кровати, и она впервые показалась Вику маленькой. Они теснились по краям, оставив посередине ничейную полосу. Обе ночи он почти не спал, вслушиваясь в каждый скрип кровати под телом Донны, в шуршание ее ночной рубашки. Он думал, спит ли она на своей стороне пустоты, которая пролегла между ними.

В прошлую ночь они попытались как-то заполнить это пустое место. Секс был умеренно удачным; во всяком случае, никто из них не расплакался. Но Вик был не вполне уверен, что это можно назвать сексом.

Он надел светло-серый летний костюм и взял два чемодана. Один был намного тяжелее другого и содержал документацию по заказам Шарпа. Другая ее часть была у Роджера.

Донна на кухне пекла вафли. Чайник как раз начал шипеть. На ней был старый фланелевый халатик, лицо опухло, как будто сон не снял усталость, а наоборот, прибавил ее.

— А самолеты в такую погоду летают? — спросила она.

— Конечно. Уже видно солнце, — он указал на довольно бледное солнце и поцеловал ее в шею. — Зря ты так рано поднялась.

— Ничего, — она раскрыла вафельницу и извлекла оттуда очередную порцию вафель. — Жаль, что ты уезжаешь. Особенно сейчас. После этой ночи.

— Она была не такая уж плохая, правда?

— Не хуже, чем предыдущие, — горькая улыбка промелькнула на ее губах и тут же исчезла. Она взбила тесто и плеснула его в вафельницу, захлопнув ее крышкой. *Пссс*. Потом поставила на стол две чашки — на одной написано «Вик», на другой «Донна».

— Ешь вафли. Еще есть клубничное варенье, если хочешь.

Он взял варенье и сел. Варенье он любил. Полил вафли и смотрел, как оно растекается по тарелке. Прекрасно. Но есть ему не хотелось.

Она села напротив со своей порцией вафель. Без варенья. Немного цветочного сиропа, и все. «Как же мы друг друга знаем!» — подумал он.

— Во сколько ты договорился заехать за Роджером?

После продолжительной паузы рассмеялись. Редкий момент, еще более редкий, чем вчерашний странный секс. Он увидел, какие у нее чудесные глаза — серые, как туман за окном.

— Иди быстрее, пока он Тэдди не разбудил, — сказала она.

Он пошел. Конечно же, это был Роджер. Он успокоил его, что он встал, оделся и вот-вот выедет. Он повесил трубку, думая, говорить ли Роджеру про Донну и Стива Кемпа. Наверное, не надо. Не потому, что Роджер плохой советчик, просто он обязательно расскажет все Элсии. А у него было подозрение, что Элсия порядочная сплетница. Мысль об этом снова повергла его в депрессию.

— Старина Роджер, — сказал он, возвращаясь к столу. Улыбка вышла натянутой. Момент искренности был упущен.

— А ваше с Роджером барахло поместится в «Ягуар»?

— Конечно. Понимаешь, их машину забрала Элсия — а, черт, забыл позвонить Джо Кэмберу насчет твоего «пинто».

— У тебя были для этого причины, — с легкой иронией возразила она. — Ничего. Я сегодня оставлю Тэда дома. Он шмыгает носом. Пусть посидит дома до конца лета, если ты не против. Когда его нет, мне как-то не по себе.

В ее голосе были слезы, и он не знал, что ответить. Он только беспомощно смотрел, как она вытирала глаза платком.

— Как хочешь, — он пожал плечами. — Только обязательно позвони Кэмберу. Он обычно дома и все сделает за двадцать минут. Даже если понадобится сменить карбюратор...

— Ты хочешь, чтобы я туда съездила?

— Да, конечно.

— Ладно. Еще вафель?

— Нет, спасибо, — разговор приобретал сюрреалистический характер. Внезапно он захотел поскорее уехать. Поездка показалась ему совершенно неотложной. Нужно дать всему отстояться. В воображении он уже видел, как лайнер «Дельты» прорезает туман и уходит в синеву.

— Можно вафлю?

Они в изумлении оглянулись. В двери стоял Тэд в желтых пижамных штанишках, с красным полотенцем на плечах. Он был похож на маленького заспанного индейца.

— Как это я не услышала, — удивилась Донна. Тэд не очень-то любил рано вставать.

— Тебя телефон разбудил? — спросил Вик.

Тэд помотал головой.

— Нет, я просто хотел попрощаться с тобой, папа. Ты ведь уезжаешь?

— Я совсем ненадолго.

— Все равно это долго, — мрачно возразил Тэд. — Я отметил день, когда ты вернешься, на своем календаре. Мама мне показала. Еще она сказала, что будет каждый вечер говорить мне Слова от Монстров.

— Конечно.

— А ты будешь звонить?

— Каждый день, — сказал Вик.

— Каждый день, — повторил Тэд с некоторым облегчением. Он забрался к Вику на колени и тут же сцапал кусок тоста. — Звони, папа. Особенно вечером.

— Вечером я не могу, — сказал Вик, думая о графике, разработанном Роджером.

— Почему?

— Потому...

— Потому что дядя Роджер — мастер задавать задачи, — вмешалась Донна, давая Тэду тарелку с вафлями. — Иди сюда и ешь. Папа позвонит нам завтра вечером из Бостона и все расскажет.

Тэд уселся на свое место. На его большой пластиковой кружке было написано «Тэд».

— А ты привезешь мне игрушку?

— Может быть. Если ты будешь хорошим. А может, я позвоню и сегодня вечером, если успею.

— Хорошо бы, — мечтательно проговорил Тэд, обильно поливая вафли сиропом. — А какую игрушку?

— Посмотрим, — сказал Вик. Он смотрел, как Тэд уплетает вафли. Он вспомнил, что Тэд любит яйца.

— Тэд?

— Что, папа?

— Если бы ты хотел, чтобы люди покупали яйца, что бы ты им сказал?

Тэд подумал.

— Сказал бы, что яйца вкусные.

Вик встретился взглядом с женой, и они еще раз пережили момент одновременного, телепатического смеха.

Прощались они недолго. Только Тэд неожиданно расплакался.

— Ты подумаешь обо всем? — спросила Донна, когда он уже садился в «ягуар».

— Да.

Но по пути в Бриджтон за Роджером он думал только об этих двух моментах вновь возникающей между ними связи. Два за одно утро — не так уж плохо. Они вместе уже восемь или девять лет — четверть прожитого. Он подумал, как по-дурацки устроены человеческие отношения, сколько приходится вкладывать труда и сил для получения самой скромной отдачи. И как легко все разрушить. Между ними протягивалось много нитей, и, конечно же, далеко не все из них были порваны. Если постараться...

Он включил радио и стал думать о бедном старом Профессоре Вкусных Каш.

Джо Кэмбер подъехал к автобусной станции в Портленде без десяти восемь. Туман уже рассеялся, и термометр на здании «Каско-банка» показывал 73 градуса в тени.

Он вел машину в своей неизменной шляпе, готовый наброситься на любого, кто преградит ему путь. Он терпеть не мог ездить в городах. Когда они с Гэри поедут в Бостон, он оставит машину на стоянке, пока не придет время ехать обратно. Можно ходить пешком... или на метро, если не очень дорого.

На Черити был ее лучший брючный костюм зеленых тонов и белая блузка. Еще она нацепила серьги, и Бретта это наполнило удивлением. Он не видел, чтобы мать надевала серьги, кроме как в церковь.

Бретт застал ее наедине, когда она поднялась наверх одеться, накормив напоследок мужа завтраком. Джо все больше молчал, односложно отвечая на вопросы, потом вообще прервал разговор, включив радио. Они оба боялись, что это зловещее молчание может взорваться и испортить им всю радость от поездки.

Черити застегивала блузку. Бретт заметил, что она надела лифчик персикового оттенка, и снова удивился — она всегда носила только белое белье.

— Ма, — сказал он вопросительно.

Она повернулась к нему.

— С тобой что-то не так?

— Нет... нет. Это Куджо.

— Куджо? А что с ним такое?

— Он заболел.

— Что значит «заболел»?

Бретт рассказал, как он вошел в туман, и внезапно появился Куджо с красными дикими глазами, весь в грязи.

— И он шел как-то не так, — закончил Бретт. — Он спотыкался. Нужно сказать папе.

— Нет, — отрезала мать и довольно больно сжала ему плечи. — Не делай этого.

Он поглядел на нее, удивленный и напуганный. Она ослабила хватку и сказала чуть поспокойнее:

— Ты просто испугался, когда он вышел из тумана. Может, с ним ничего и не случилось. Так ведь?

Бретт пытался подыскать слова, чтобы объяснить ей, как ужасно выглядел Куджо, и как ему даже показалось, что пес вот-вот бросится на него. Он не мог найти этих слов. Может быть, не хотел.

— Если что-то и случилось, — продолжала Черити, — так это сущая ерунда. Он, наверное, наскочил на скунса...

— Я ничего не чувствую...

— ... или гонялся за каким-нибудь кроликом. Может, даже встретил лося на болоте. Или съел какую-нибудь дрянь.

— Наверное, — сказал Бретт с сомнением.

— Твоему отцу только и подавай что-нибудь вроде этого, — сказала она. — Я так и слышу: «Заболел? Ну что ж, это ведь твой пес, Бретт. Смотри за ним. Мне некогда возиться с твоим псом».

Бретт с обреченным видом кивнул. Он и сам об этом думал, наблюдая, как отец уплетает завтрак.

— Если от заметит, то сам позаботится о Куджо. Он любит его почти так же, как ты, хотя никогда не говорит. Если только он увидит, что что-то не в порядке, он отвезет его к ветеринару в Сауз-Пэрис.

— Да, конечно, — он понимал справедливость слов матери, но радости они ему не прибавили.

Она поцеловала его в щеку.

— Не волнуйся. Завтра позвоним отцу, если хочешь. Скажешь ему, как будто случайно: «Как там мой пес, папа?» И все.

— Ага, — сказал Бретт. Он благодарно улыбнулся матери, и она ответила ему улыбкой облегчения. Но это заставило его подумать еще об одном, пока Джо подгонял грузовик к крыльцу и загружал в него их четыре сумки (в одну из них Черити предусмотрительно засунула все их шесть фотоальбомов). Он волновался, что Куджо может подойти к крыльцу и навести Джо Кэмбера на подозрения.

Но Куджо не появился.

Теперь Джо остановил грузовик на площади перед станцией, сунул Бретту две сумки поменьше, а себе взял остальные.

— Ты набрала столько вещей, что, мне кажется, ты решила отправиться в круиз на месяц вместо Коннектикута.

Черити с Бреттом натянуто улыбнулись. Казалось, Джо шутит, но разве с ним можно быть в этом уверенным?

— Там будет видно, — сказала она.

— Смотри, как бы не пришлось вытягивать тебя обратно моим новым краном, — сказал он без улыбки. — Парень, будешь заботиться о маме?

Бретт кивнул.

— Ну хорошо, — он смерил мальчика взглядом. — А ты чертовски вырос. Небось, не захочешь и поцеловать старика отца.

— Захочу, па, — и Бретт обнял отца и чмокнул в небритую щеку, почуяв запах пота и вчерашней выпивки. Его самого удивила вдруг вспыхнувшая в нем любовь к отцу, чувство, возникавшее в последние два-три года все реже и реже. Эта любовь ни в коей мере ни основывалась на повседневном поведении Джо Кэмбера; это было глубинное, биологическое чувство, от которого невозможно избавиться, проходящее через всю жизнь.

Отец обнял его в ответ и потом повернулся к Черити. Он пальцем поднял ее подбородок и посмотрел ей в глаза. За приземистым кирпичным зданием уже слышалось гудение автобуса.

— Желаю повеселиться, — сказал он.

Ее глаза наполнились слезами, и она смахнула их быстро, почти сердито.

— Ладно, — сказала она.

Внезапно на его лицо вновь вернулось непроницаемое выражение. Словно опустилось рыцарское забрало. Это опять был обычный Джо Кэмбер.

— Ну-ка, парень, хватай чемоданы! — скомандовал он. — Похоже, они скоро отправятся.

Он не отходил от них, пока весь багаж не был отмечен и уложен в недра автобуса. Потом опять повернулся к Бретту.

— Пошли отойдем, — сказал он.

Черити смотрела, как они уходят. Она села на лавочку, достала платок и стала вытирать лицо. У него вполне могло хватить ума пожелать ей повеселиться, а потом отвести мальчика в сторону и увезти его обратно. Джо в это время говорил:

— Послушай-ка пару советов, парень. Ты можешь, конечно, их и не слушать, но я не был бы твоим отцом, если бы не сказал тебе этого. Первый совет: этот тип, к которому вы едете, Джим, он просто мешок с дерьмом. Я отпустил тебя в эту поездку потому, что тебе уже десять, а в десять лет пора понимать разницу между дерьмом и чайной розой. Поглядишь на него и поймешь. Он ничего не делает, только сидит у себя в офисе и двигает бумаги с места на место. От таких людей все беды в этом мире, потому что они всегда говорят одно, а делают другое, — на щеках Джо выступила краска. — Он просто кусок дерьма. Вот увидишь.

— Хорошо, — сказал Бретт тихо.

Джо Кэмбер немного улыбнулся.

— И еще совет: хорошенько следи за своими карманами.

— У меня все равно нет де...

Кэмбер сунул ему смятую пятидолларовую бумажку.

— Держи. Только не трать все сразу. Дурак и его деньги недолго остаются вместе.

— Ладно. Спасибо!

— Бывай, — сказал Кэмбер. Больше целоваться он не стал.

— Счастливо, папа, — Бретт стоял на обочине и смотрел, как отец входит в кабину и уезжает. Он видел его живым в последний раз.

В четверть девятого утра Гэри Педье вышел из дома в кальсонах и помочился в заросли жимолости. Где-то в глубине души он надеялся, что в один прекрасный день его моча станет настолько ядовитой, что убьет эту жимолость к чертовой матери. Но этот день еще не настал.

— Охх, моя башка! — простонал он, держась за голову свободной рукой. В глазах плясали красные круги. Сердце

гудело, как старый насос, забирающий больше воздуха, чем воды. Желудок отчаянно ныл.

Он повернулся, чтобы вернуться в дом, и в этот момент услышал рычание. Низкий, угрожающий звук исходил откуда-то сзади, где двор переходил в сеновал.

Он быстро обернулся на этот звук, забыв про свою головную боль и про боли в сердце. Он уже давно вернулся с войны, но память мгновенно напомнила ему: *«Немцы! Немцы! Ложись!»*

Но это были не немцы. Трава расступилась, и появился Куджо.

— Эй, ты чего это ры..., — начал Гэри и осекся.

Он видел бешеную собаку двадцать лет назад и до сих пор этого не забыл. Это было на станции «Амоко» к востоку от Мэчиас. Ему тогда исполнилось пятьдесят пять, и он еще разъезжал на мотоцикле. У станции лениво трусил по дороге желтый с пятнами пес. Бока его тяжело вздымались. Слюна бежала изо рта непрерывной струйкой. Глаза дико выкатились. Задние ноги покрылись коркой дерьма. Он скорее плелся, чем шел, словно в него влили целый галлон дешевого виски.

— Жара, вот это что, — сказал заправщик. Он отшвырнул шланг, который держал в руках, и скрылся в маленькой пристройке прилегающей к гаражу. Он вышел оттуда с револьвером 30-го калибра, прицелился и открыл огонь. Первая пуля попала слишком низко, перешибив собаке ногу. Тот пес так больше и не двигался, вспомнил Гэри, глядя на Куджо. Только озирался вокруг своими невидящими глазами, словно не понимая, что с ним происходит. Второй выстрел заправщика почти разорвал пса пополам. Кишки красно-черными пятнами брызнули на одну из бензоколонок. В следующую минуту к станции подъехал «додж» с тремя вооруженными людьми. Они высыпали наружу и выпустили еще восемь или девять пуль в мертвую собаку. Через час, когда заправщик закончил ставить фару на мотоцикл Гэри, появился «студебеккер» с экспертом графства. В машине не было дверцы для пассажира. Эксперт, женщина лет тридцати, натянула длинные резиновые перчатки и отрезала то, что осталось

от головы собаки, чтобы отослать в Государственную службу здравоохранения.

Куджо выглядел гораздо проворнее того пса, не все прочие симптомы были налицо. *«И так близко, — промелькнуло у него в голове. — Черт, успеть бы за ружьем!»*

Он начал пятиться.

— Эй, Куджо... хороший пес, хороший...

Куджо стоял на краю газона, опустив голову, глядя на него в упор своими красными глазами и рыча.

— Хороший...

Для Куджо эти слова не значили ничего. Это были бессмысленные звуки, вроде ветра. Значение имел только запах, исходящий от человека. Он был горячий и острый. Запах страха. Он внезапно понял, что заболел по вине этого человека. Он пошел вперед, рыча все громче.

Гэри увидел, что пес идет к нему. Он повернулся и побежал. Один укус уже означал смерть. Он вбежал на крыльцо, к безопасности дома. Но слишком много было выпито долгими зимними вечерами и летними днями. Он слышал, как Куджо догоняет его, а потом, в одно ужасное мгновение, не услышал ничего. И это значило, что Куджо совсем рядом.

Едва он достиг первой ступеньки крыльца, как двести фунтов веса сенбернара ударили его сзади, сбив с ног. Пес добирался до его горла. Гэри пытался подняться. Куджо наступал на него, душа густой шерстью на подбрюшье. Гэри пронзительно закричал.

Куджо укусил его в плечо, его могучие челюсти легко прорвали тонкую кожу, разрывая сухожилия, как нитки. Он не переставал рычать. Хлынула кровь. Гэри чувствовал, как она стекает по руке теплыми струйками. Он повернулся и из всех сил ударил пса кулаком. Тот слегка отступил, и Гэри успел проползти еще три ступеньки. Потом Куджо опять кинулся на него.

Гэри пнул его в живот. Куджо отскочил и оскалился. Из его пасти стекала слюна, смешанная с кровью, и Гэри

чувствовал его дыхание — пахнущее гнилью. Гэри ткнул кулаком, попав в нижнюю челюсть собаки. Удачно. Отдача от удара пронизала его плечо, горящее от глубокого укуса.

Куджо снова отступил.

Гэри смотрел на пса, его тощая грудь вздымалась, лицо посерело. Кровь, текущая из плеча, заляпала ступеньки.

— Уходи, сукин сын, — сказал он. — Уходи, уходи, мне начхать на тебя.

Он завопил:

— *Ты слышишь? Мне начхать на тебя!*

Куджо сделал шаг вперед.

Слова по-прежнему ничего не значили, но запах страха, исходивший от человека, куда-то пропал. Куджо засомневался. Ему было больно, очень больно, и мир вокруг медленно вращался от боли.

Гэри поднялся на ноги. Он кое-как вскарабкался на крыльцо и добрался до двери. Казалось, что в плечо ему впрыснули бензин. В уме вертелось:

«Бешенство. Я заразился бешенством!»

Ничего. Сейчас это не главное. Его ружье в шкафу в коридоре. Слава Богу, Черити с Бреттом уехали.

Он нащупал ручку двери и потянул ее на себя, следя глазами за Куджо, пока не вошел и не захлопнул за собой дверь. По телу разлилось чувство облегчения. Его ноги казались резиновыми. На какой-то момент мир вокруг начал расплываться, и ему пришлось прикусить язык, чтобы прийти в себя. Раскисать было некогда. Это можно сделать, когда пес будет мертв. Надо бы закрыть дверь: так он чувствовал бы себя увереннее.

Он повернулся, и в этот миг Куджо со всего маху проломил стеклянную дверь и ворвался в полутемный коридор, глухо рыча.

Гэри вскрикнул и попытался оттолкнуть Куджо из коридора обеими руками, стараясь в то же время не упасть. Какое-то время они словно вальсировали. Потом Гэри, который был на пятьдесят фунтов легче, упал. Он

ощутил, как сухой и горячий нос Куджо ткнулся ему в подбородок. Он попытался поднять руки и добраться до глаз пса, когда Куджо перегрыз ему горло. Гэри закричал, чувствуя, как горячая кровь заливает ему шею, думая: «*Господи, кровь!*» Его руки в последний раз, уже слабея, вцепились в шерсть Куджо. Потом опустились.

Последним, что он почувствовал, был дурманящий запах жимолости.

— Что ты там видишь?

Бретт оторвался от окна, услышав вопрос матери. Не совсем — он не хотел упустить хоть что-нибудь из открывающегося за окном зрелища. Автобус катил по дороге уже около часа. Они проехали по Миллионному мосту в Южный Портленд (Бретт зачарованно разглядывал два проржавевших суденышка в гавани), выехали на магистраль и теперь пересекали границу Нью-Хэмпшира.

— Все, — ответил Бретт. — А ты что видишь, мама? Она подумала: «*Твое отражение в стекле. Вид у тебя совсем обалделый*».

Но вслух сказала:

— Ну, разное. Вижу, как мир катится' вокруг нас.

— Ох, хотел бы я проехать на этом автобусе до самой Калифорнии. Посмотреть, правда ли там все такое, как написано в ученике географии.

Она засмеялась и потрепала его по волосам.

— Устанешь смотреть, Бретт.

— Нет. Не устану.

«И действительно не устанет», — подумала она. Внезапно она почувствовала себя совсем старой. Когда она позвонила Холли в субботу утром сообщить об их приезде, Холли обрадовалась, и от ее радости Черити словно расцвела. Странно, что теперь восторг сына вызывал у нее ощущение старости. Хотя...

«Что с ним будет?» — спрашивала она себя, глядя, как на его призрачном лице в стекле одно восхищение сменяется другим. Она пыталась убедить себя, что все не так просто. Конечно, Бретт легко справлялся с учебой в начальной школе. Но что будет потом?

Она вздрогнула и поежилась, не утешая себя мыслью, что в автобусе слишком мощный кондиционер. До высшей школы Бретту осталось всего четыре года.

Внезапно ей захотелось, чтобы она никогда не выиграла бы этих денег или чтобы потеряла билет. Они расстались с Джо всего час назад, но это было впервые со дня их свадьбы в 1966-м. Она не думала, что разлука окажется такой трудной. Словно ее привязывала к дому и к мужу резинка, и, едва она отдалится от них, как вжжик! — и назад, еще на четырнадцать лет.

Она чуть кашлянула.

— Ты чего, мама?

— Ничего. Просто прочистила горло.

Она вздрогнула еще раз, и на этот раз ее руки покрылись гусиной кожей. Она вспомнила строчку из стихов Дилана Томаса, которые они читали в школе (она в свое время тоже хотела учиться в колледже, но отец не позволил — она что, думает, что они *так* богаты?). Там было что-то о проклятии любви, и тогда строчка показалась ей довольно дурацкой, но сейчас она поняла. Что же еще было этой невидимой резинкой, если не любовь? Могла ли она, положа руку на сердце, сказать, что не любит человека, за которого вышла замуж? Что живет с ним только из чувства долга или из-за ребенка (горькая усмешка: если бы она и могла уйти от него, то только из-за ребенка). Что ей было плохо с ним в постели? Что он никогда не был с ней ласков?

И еще...

Бретт смотрел в окно. Не оборачиваясь, он спросил:

— Думаешь, с Куджо все будет в порядке?

— Уверена, — ответила она, не думая об этом.

Впервые она на самом деле думала о разводе — сможет ли она прожить вдвоем с сыном, как они будут жить в такой невообразимой (*почти* невообразимой) ситуации. Если они с Бреттом просто не вернутся из этой поездки, поедет ли он за ними, как шутливо угрожал в Портленде? Или оставит Черити в покое и попытается забрать Бретта?

Она обдумывала различные варианты, взвешивала их. Все это было болезненно, но одновременно и немного приятно.

Автобус пересек границу Нью-Хэмпшира и устремился на юг.

Самолет «Дельта-727» взмыл в воздух, пролетел над Касл-Роком, — Вик всегда высматривал сверху их дом, и всегда бесплодно, — и взял курс на побережье. До аэропорта Логан было еще двадцать минут.

Там, внизу, осталась Донна и Тэдди. Он почувствовал внезапно тоску и одновременно некую безысходность. Ничего у них не выйдет. Когда твой дом рухнул, нужно строить новый, а не склеивать обломки.

Прошла стюардесса. Они с Роджером летели в первом классе, и, кроме них, там было всего четыре или пять пассажиров, читавших утренние газеты, как Роджер.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила она у Роджера с профессиональной ослепительной улыбкой, говорящей, что она просто счастлива мотаться по утрам по маршруту Бангор — Портленд — Бостон — Нью-Йорк — Атланта.

Роджер с отсутствующим видом потряс головой, и она переключилась на Вика.

— А Вам, сэр? Конфеты? Апельсиновый сок?

— Вы не могли бы принести стаканчик водки? — спросил Вик, и Роджер удивленно поднял голову от газеты.

Стюардесса не прекратила улыбаться ни на секунду: такое требование было ей не в новинку.

— Вообще-то могу, но зря вы спешите. Скоро мы будем в Бостоне.

— Мне очень нужно, — сказал Вик, и она пошла дальше, мелькая между креслами в своей синей униформе.

— Что с тобой? — спросил Роджер.

— Ты о чем?

— Прекрасно понимаешь. Я никогда не замечал, чтобы ты пил по утрам.

— Я отправляюсь в плавание.

— Какое плавание?

— На «Титанике».

— Дурацкая шутка.

Действительно, дурацкая. Но что делать, если охватившая его депрессия не оставляла места для более удачных. Нужно что-то объяснить Роджеру.

— Послушай, — сказал Вик. — У меня идея насчет «Клубнички». Придется долго убеждать Шарпа с сыном, но это должно помочь.

Роджер заинтересовался. Так они всегда работали: Вик подбрасывал новую идею, Роджер отделявал ее и претворял в жизнь.

— А что это?

— погоди, — сказал Вик. — Скажу вечером.

— Ладно. Если доживем. Слышал, акции Шарпа упали до восьми пунктов? Как тебе?

— Ага, — пробормотал Вик и опять повернулся к окну.

Туман исчез; пляжи Кеннебанка и Оганквита образовывали прекрасную панораму, как с рекламного плаката — кобальтовое море и буро-желтый песок; потом шел типичный мэнский ландшафт — низкие холмы, поля и узкие полоски леса, тянущиеся к западу. Чудесный вид. Но от этого его депрессия еще усилилась.

«Если я сейчас заплачу, это будет чертовски трудно объяснить», — подумал он мрачно. И все это сделали шесть предложений на листке дешевой бумаги. Этот мир был чертовски хрупким, как пасхальное яйцо. Лишь недавно у него возникала мысль забрать Тэда и уехать. Теперь он думал, застанет ли Тэда с Донной, когда вернется. Не может ли она забрать ребенка и уехать куда-нибудь, хотя бы к матери в Поконос?

Конечно, может. Она может решить, что десяти дней разлуки мало. Лучше как минимум полгода. И она, конечно, заберет Тэда. По закону. Так?

«И еще, — шептал вкрадчивый голос внутри его, — она может знать, где этот Кемп. Может, она решила удрать с ним. Будут вместе искать свое счастливое прошлое». «Вот глупости», возразил он себе, но не очень уверенно.

До того, как самолет приземлился в Логане, он выцедил последние капли водки. Легкое опьянение немного уменьшило его депрессию, но, кто знает, может это было даже хуже.

Может быть.

Джо Кэмбер оглядел гараж с удивлением. Он сдвинул свою зеленую шляпу на затылок, посмотрел на то, что лежало на полу, заложил пальцы в рот и свистнул.

— *Куджо! Эй! Куджо, ко мне!*

Он свистнул еще раз, потом присел на корточки. Куджо придет, никуда не денется. Он никогда не убегал далеко. Но как он додумался до такого?

Пес нагадил на пол гаража. Он никогда еще не выкидывал таких номеров, даже щенком. Пару раз в детстве он выдираал обивку из стула, сгрыз тапочки, но такого... Джо подумал было, что это какой-нибудь другой пес, но быстро отогнал эту мысль. Куджо был самым большим псом в Касл-Роке, и никто, кроме него, не смог бы навалить такую кучу. Джо подумал, не стала ли эта акция протестом против отъезда Черити и Бретта — такое тоже бывает.

Он взял этого пса в уплату за работу в 1975 году. Заказчиком был одноглазый фермер из Фрайбурга по имени Рэй Кроуэлл. Этот Кроуэлл знал толк в собаках — выращивал их, обучал и мог бы выгодно сбывать, если бы не отпугивал клиентов своей грубостью.

— Мне нужно поставить новый мотор на грузовик, — сказал Кроуэлл ему той весной.

— Ага.

— Мотор у меня есть, но заплатить я не могу. Дела идут плохо.

Они стояли возле гаража Джо. Бретт, тогда пятилетний, выглядывал из двери, а Черити развешала белье во дворе.

— Что ж, это плохо, Рэй, — сказал Джо, — ведь я не работаю бесплатно. Я не благотворительное общество.

— Миссис Бисли вот-вот оценится, — сказал Рэй. Миссис Бисли была сукой сенбернара. — Что скажешь, если я дам тебе одного щенка.

— Зачем мне щенок? Особенно такой большой? Эти чертовы сенбернары — просто машины для жранья.

— Тебе пес не нужен, — сказал Рэй, увидев Бретта который теперь возился в траве, поглядывая на мать, — но твоему парню может понадобится.

Джо открыл было рот и закрыл его опять. Они с Черити никогда не предохранялись, но других детей, кроме Бретта, у них все равно не было. Иногда в голове у Джо возникал вопрос: не чувствует ли Бретт себя одиноким? Кто его знает. Может, Рэй Кроуэлл и прав. У Бретта скоро день рождения. Отчего бы и не подарить ему щенка?

— Я подумала, — сказал он.

— Ладно, только побыстрее, — заметил Рэй. — Я могу пойти и к Вику Каллагэну в Норз-Конвей. Он работает не хуже тебя.

— Посмотрим, — упрямо сказал Джо. Гнева Рэя Кроуэлла он не боялся.

Чуть позже менеджер местной компании привез к Джо свой «Сандерберд» наладить трансмиссию. Дело было пустяковым, но он метался вокруг машины, как встревоженная квочка, пока Джо сливал тормозную жидкость, заливал опять и закреплял ремни. Машина была что надо, это верно, модель 60-го года. Когда он закончил работу, слушая откровения менеджера, фамилия которого была Донован, о том, что купить эту машину его упросила жена, ему в голову пришла идея.

— Я тут хочу завести собаку для сына, — сказал он, вручая готовую работу.

— Да? — вежливо осведомился Донован.

— Ага. Сенбернара. Он еще щенок, но когда вырастет, будет много жрать. Вот я и хочу предложить вам сделку. Вы обеспечиваете меня собачьими консервами, любыми, а я взамен бесплатно чиню вашу «птичку» всякий раз, когда понадобится.

Донован с радостью согласился. Джо тут же позвонил Рэю Кроуэллу и сказал, что решение принято. И когда Бретту исполнилось шесть лет, Джо удивил и его, и мать, сунув в руки мальчику вертящегося и скулящего щенка.

— Спасибо, па, спасибо! — завопил Бретт, кидаясь на отца и покрывая его небритые щеки поцелуями.

— Ладно, — буркнул Джо. — Только ухаживать за ним будешь сам. Это твой пес, а не мой. Если он где-нибудь нагадит, я выкину его вон.

— Хорошо, папа... Я обещаю!

И он сдержал обещание. Куджо прочно обосновался в семье Кэмберов, став одним из ее членов (а не просто «машиной для жранья», чего боялся Джо).

Он быстро научился вести себя... И вот теперь Джо оглянулся, держа руки в карманах. Куджо нигде не было.

Он вышел и свистнул еще раз. Чертов пес, небось, побежал к ручью охладиться. Джо его понимал. В тени было уже не меньше 85 градусов. Но скоро он вернется, и Джо ткнет его носом в это безобразие. Он простит Куджо, если это в самом деле тоска по уехавшим, но допускать такое впредь...

Новая мысль пришла к нему в голову. Джо провел рукой по лбу. Кто будет кормить Куджо, когда они с Гэри уедут?

Он мог наложить ему еду в старое свиное корыто, но, если пойдет дождь, все пропадет. А если поставить его в сарае, Куджо может опять нагадить на пол. Потом, что касается еды, Куджо не знает меры. Он сожрет все за два дня, а потом будет слоняться вокруг голодный.

— А черт, — пробормотал Джо.

Пес не появлялся. Может, знает, что Джо нашел его кучу, и боится. Куджо всегда соображал неплохо, а такие вещи собаки всегда чувствуют.

Джо взял лопату и убрал дерьмо, потом посыпал место чистящим средством и залил водой. Сделав это, он взял маленький блокнот, куда записывал неотложные дела. На очереди стоял трактор Ричи, но с мини-краном он легко одолеет. Машину учителя можно отложить на потом, как и с полдюжины других заказов.

Он вошел в дом (он не хотел провести телефон в гараж: это обходилось в приличную сумму) и стал звонить клиентам, предупреждая, что ему придется опять отлучиться на несколько дней по делу. Пусть не беспокоятся, он вернется и все им сделает. А уже если один или двое вдруг захотят обратиться в другое место, ему наплевать.

Обзвонив всех, он опять пошел в сарай. Нужно было побыстрее сделать работу. Владелец трактора обещал заехать днем. Джо взялся за дело, думая о том, как тихо в доме без Бретта и Черити... и без Куджо. Обычно

сенбернар лежал у двери гаража, глядя на то, как Джо трудится. Иногда Джо говорил с ним, и Куджо все внимательно выслушивал.

«Все бросили», — думал он теперь с досадой. Все трое. Он посмотрел на место, куда нагадил Куджо, и недовольно покачал головой. Потом снова подумал, как быть с кормлением пса, и опять не мог решить. Ладно, надо позвонить старому Педику. Может, он знает кого-нибудь — какого-нибудь мальчишку — кто согласился бы заходить к ним и кормить Куджо.

Он кивнул и включил радио на полную громкость. Он никогда его не любил, но по крайней мере оно забивало молчание. И хотя в доме раз десять звонил телефон, он его не слышал.

Тэд Трентон утром играл у себя в комнате с машинками. У него их было штук тридцать — довольно дорогая коллекция, — от семидесятицентовых пластмассовых, что отец покупал ему в аптеке в Бриджтоне вместе с «Таймс» (с этими нужно было обращаться бережно. «Сделано на Тайване») до Флагмана его эскадры, большого желтого бульдозера высотой с самого Тэда — когда он стоял на четвереньках.

Он сажал в кабины машин разных человечков — круглоголовых уродцев из наборов «Плэйскул» или солдатиков. Иногда он играл в войну, иногда в полицейских и гангстеров (отец с матерью водили его смотреть «Белое сияние» и «Лихорадку на белой полосе», и ему *очень* нравилось), а иногда в игру, которую выдумал сам. Она называлась «столкновение десяти машин сразу».

Но чаще всего он играл в игру, не имеющую названия. Она заключалась в том, что он вываливал все машины из коробки и выстраивал их рядами, имитируя стоянку на единственной знакомой ему улице. Потом он медленно вел их к противоположной стене и ставил их там. Иногда эта операция повторялась раз десять — пятнадцать, без усталости.

И Вику, и Донне эта игра не нравилась. Их беспокоило такое бесконечное, почти ритуальное, повторение. Они не раз спрашивали его, что это за игра, и он не мог ответить.

В его словаре не находилось слов. Если бы они были, он объяснил бы родителям, что он таким образом осуществляет свою медитацию.

Теперь он играл в эту игру и думал, что что-то не так.

Глаза его автоматически — бессознательно — обращались к дверце шкафа, но там было тихо. Дверцу плотно закрыли, и с тех пор, как появились Слова от Монстров, она больше не открывалась. Нет, что-то не так было в другом месте.

Он не мог понять, что это. Но, как и Бретт Кэмбер, он хорошо различал изменения токов, исходящих от родителей. На этой реке — он знал — встречались мели, внезапные повороты, водопады. Все, что угодно.

Теперь там что-то было не так. Между его отцом и матерью. Он видел это в том, как они смотрели друг на друга. Как говорили. Это читалось на их лицах и за ними. В их мыслях.

Он закончил выстраивать машины в ряд одной стены, встал и пошел к окну. Коленки немного болели: он уже порядочно времени играл в свою игру. Под окном во дворе мать вешала белье. Часом раньше она пыталась позвонить человеку, который должен был починить «пинто», но трубку никто не брал. Она в раздражении бросила ее. Это случилось с ней редко.

Пока он смотрел, она повесила последние две простыни. Потом посмотрела на них и как-то странно передернула плечами. Ее скрывала двойная полоса белья, но Тэд видел по положению ног, по наклону головы, по почти неувидимым движениям плеч, что мать плачет. Он посмотрел туда еще немного и начал перегонять машины обратно. В желудке у него словно образовалась дыра. Он уже лишился отца, а тут еще и это.

Он медленно передвигал машины по полу и остановился, когда скрипнула входная дверь. Он подумал, что она сейчас позовет его, но она этого не сделала. Был слышен звук ее шагов по кухне, потом — скрип стула в комнате. Но телевизор не включился. Он подумал, что она просто сидит в комнате... просто *сидит*... и прогнал эту пугающую мысль.

Он закончил выстраивать ряд. В кабине бульдозера восседал его любимый Грейдо, слепо глядя круглыми голубыми глазами на дверцу шкафа, словно он видел в ней что-то ужасное, что-то не...

Тэд испуганно оглянулся на дверцу. Закрыта.

Просто он устал от игры. Он засунул машинки назад в коробку, громко брякал ими, чтобы оповестить ее, что он собирается смотреть «Пороховой дым» по восьмому каналу. Он подошел к двери и остановился, глядя на Слова от Монстров.

*«Монстры, уходите отсюда!
Вам нечего здесь делать».*

Он знал это. Он часто смотрел на эти слова и повторял их про себя по памяти.

*«Никто из вас не должен трогать Тэда!
Вам нечего здесь делать».*

Внезапно, повинувшись какому-то неясному импульсу, он сорвал листок бумаги со стены, бережно сложил его и спрятал в карман джинсов. Чувствуя себя теперь увереннее, он сбежал вниз смотреть на приключения Маршала Диллона.

Заказчик забрал машину без десяти двенадцать. Он уплатил наличными, которые Джо сунул в свой потертый кошелек, напомнив себе, что нужно заехать в банк и забрать оттуда еще пять сотен.

Тут он вспомнил заодно и про Куджо. Кто будет его кормить. Он залез в свой «Форд» и поехал к Гэри Педье. Там он поставил машину у подъезда и поднялся на крыльцо. Приветственные слова мгновенно замерли у него на губах.

На крыльце кровь.

Джо потрогал ее рукой. Застыла, но еще не высохла. Он встал, еще не испуганный. Гэри, наверное, опять набрался и порезал руку стаканом. По-настоящему забеспокоился он, лишь увидев, что входная дверь проломана.

— Гэри?

Молчание. Он подумал — неужели у кого-то поднялась рука на старого Гэри? Или просто кто-нибудь зашел спросить дорогу, а Гэри, как обычно, послал его...

Он поднялся на крыльцо. Там крови было больше.

— Гэри? — позвал он опять, пожелав вдруг, чтобы в руке у него оказалось ружье. Но если кто-то и разбил старому Педику нос или вышиб оставшиеся зубы, он давно уже уехал — у подъезда, кроме ржавого «Форда» Джо, стоял лишь белый «Крайслер» Гэри.

«Скорее всего он просто порезался», — подумал Джо. — «Но хорошо, если он порезал руку, а не глотку».

Джо толкнул дверь. Она, взвизгнув, открылась.

— Гэри?

Опять тишина. Коридор обволакивал приторно-сладкий запах, но сперва он решил, что это жимолость. На полу в коридоре что-то лежало, но из-за темноты Джо не мог разглядеть. Что-то вроде поваленной скамейки или... но, насколько Джо помнил, у Гэри никогда не было в коридоре никакой мебели. Когда шел дождь, он затаскивал сюда плетеные стулья, но вот уже две недели дождя не было. Кроме того, все стулья на улице, на обычных местах.

И этот запах... это не жимолость. Это кровь. Много крови. И то, что лежит — это не скамейка.

Джо нагнулся, потрогал это, и из его горла вырвалось нечто вроде стога. Внезапно воздух в коридоре показался ему спертым и невыносимо горячим. Он отшатнулся, зажав рукой рот. Кто-то убил Гэри. Кто-то...

Он опять посмотрел вниз. Гэри лежал в луже собственной крови. Глаза его бессмысленно пялились на потолок. Горло было разорвано.

Джо всхлипнул. Странно, но он почему-то подумал о Черити. Она уехала в свое путешествие, а он не смог из-за того, что какой-то чокнутый ублюдок сыграл с Гэри в Джека-Потрошителя.

Нужно вызвать полицию. И не думать об этом. О том, как глаза старого Педика вылупились в потолок, и как смердит его кровь, смешиваясь с запахом жимолости.

Он встал и пошел на кухню. Телефон висел там на стене. Сейчас он позвонит шерифу Баннермэну и...

Он замер. Глаза выкатились, словно собирались выпасть из глазниц. На полу кухни лежала куча собачьего дерьма, и Джо знал по размерам, кто это сделал.

— Куджо, — прошептал он. — О господи, Куджо взбесился!

Он обернулся на звук позади себя, мгновенно похолодев. Но в коридоре не было никого, кроме Гэри, Гэри, который сказал накануне, что Куджо не удастся напустить даже на черномазого бандита, Гэри с глоткой, разорванной так, что видны были позвонки.

Нужно что-то сделать. Он пошел назад в коридор, наступил в кровь Гэри, оставляя за собой красные следы, и закрыл дверь. Стало немного легче.

Он пошел назад, обходя лежащее тело, готовый быстро захлопнуть дверь кухни, если там окажется Куджо. Еще раз он горячо пожелал, чтобы под рукой оказалось ружье.

На кухне было пусто. Только занавески легко шевелились ветерком из раскрытых окон. Пахло перегаром. Противно, но куда лучше, чем... чем тот запах.

Солнечные блики скользили по грязному линолеуму. Телефон, белая пластиковая коробка, захватанная жирными пальцами, висел на обычном месте.

Джо плотно закрыл за собой дверь. Потом подошел к двум открытым окнам и не увидел за ними ничего, кроме двора с проржавевшими корпусами двух машин — предшественников «Крайслера» Гэри. Но он все равно закрыл окна.

Он подошел к телефону. На кухне было жарко, и он быстро вспотел. Рядом с аппаратом висела на веревке засаленная адресная книга.

Джо поднял ее и тут же уронил. Книга шмякнулась об стену. У него слишком тряслись руки. Наконец, он поймал ее и открыл. Он мог просто набрать «0», но в растерянности не подумал об этом.

За своим хриплым дыханием и шелестом страниц он не услышал вовремя слабого звука сзади: скрипа двери погребца, когда Куджо толкнул ее мордой.

Он спрятался там после убийства Гэри Педье. В кухне слишком ярко светило солнце, посыпая вспышки агонии в его разрушающийся мозг. Дверь в погреб была приоткрыта, и он шагнул туда, в прохладную темноту. Потом он уснул там, а ветерок из окон постепенно закрыл дверь, хотя он оказался не настолько сильным, чтобы зашелкнуть ее.

Звуки, издаваемые Джо, снова вернули пса к жизни и к боли. И к слепой ярости. Теперь он стоял у двери за спиной Джо, нагнув голову, с красными, горящими глазами, с шерстью, выпачканной кровью и грязью. Язык его начал распухать, и зубы все время болели.

Джо, наконец, нашел раздел «Муниципальные службы Касл-Рока» и отыскал дрожащим пальцем телефон шерифа. Он потянул руку к цифрам, и в этот момент Куджо зарычал.

Казалось, что сердце выпрыгнуло из груди Джо Кэмбера. Книга выпала у него из рук. Медленно повернувшись, он увидел Куджо, стоящего у двери.

— Хороший пес, — прошептал он хрипло.

Он ощутил у себя в штанах теплую жидкость, и ее острый запах подействовал на Куджо как сигнал к бою. Он прыгнул. Джо неуклюже отклонился, и пес ударился всем телом о стену, осыпав с нее штукатурку. Он уже не рычал, из его груди исходили неопишуемые, страшные звуки.

Джо начал отступать к двери. Его рука нащупала один из стульев. Он попытался опереться на него, и в этот момент Куджо опять кинулся на него, слепая машина убийства, клацающая челюстями.

— *О, Господи, помогите!* — заорал истошным голосом Джо. Он вспомнил Гэри, зажал одной рукой горло, а другой попытался отпихнуть Куджо. Тот моментально отступил, сморщив нос в ужасной гримасе, обнажившей частокोल желтых зубов. Потом он кинулся снова.

На этот раз его зубы достали промежность Джо Кэмбера.

— Слушай, хочешь съездить со мной за покупками, а потом пообедать у Марко?

— Конечно! — Тэд вскочил.

— Тогда одевайся.

Она взяла сумку и надела джинсы и голубую рубашку. Тэд подумал, что она очень красивая. Он был рад, не заметив у нее следов слез — иначе он бы тоже заплакал. Он знал, что плачут только малыши, но это не помогало.

Они уже залезли в машину, когда он вспомнил, что «пинто» может сломаться.

— Мама?

— Ну чего?

— А если машина сломается?

— Что? — она посмотрела на него с удивлением, и он понял, что она просто забыла об этом. Он напомнил ей и расстроил. Это наполнило его чувством вины. Потом она все же улыбнулась ему чуточку хитро — он знал, что эту улыбку она приберегала специально для него.

— Мы же недалеко, Тэди. Если мамин «пинто» сломается, мы заплатим два доллара и вернемся домой на такси. Ладно?

— Ага, — согласился он и занялся закрыванием двери. Она следила за ним, готовая помочь, и Тэд подумал, что она вспоминает прошлое рождество, когда он прищемил дверцей ногу и месяц проходил перевязанный. Но он же тогда был маленький, а сейчас ему уже четыре. Сейчас он большой. Она так ему говорила. Потому он улыбнулся в знак того, что дверь — это ерунда.

— Хорошо закрыл?

— Хорошо, — сказал Тэд, но она все равно открыла дверцу и закрыла опять, потому что мамам всегда кажется, что вы все делаете не так.

— Пристегни ремень, — сказала она. — Клапан это или что, но машина барахлит.

Тэд послушно застегнул ремень на плече. Он надеялся, что они не попадут в аварию, вроде столкновения десяти машин сразу. И еще надеялся, что мама больше не будет плакать.

— Паруса подняты? — осведомилась она.

— Паруса подняты, — согласился он, улыбаясь. Это у них была такая игра.

— На горизонте чисто?

— Чисто!

— Тогда вперед, — она включила зажигание, и машина тронулась с места.

Через милою они оба расслабились. До этого Донна сидела за рулем в тревожном ожидании, и Тэд вел себя так же на своем месте. Но «пинто» вел себя так безукоризненно, словно только что сошел с конвейера.

В магазине Донна накупила провизии на сорок долларов — пропитание для них двоих до возвращения Вика. Тэду достались «Твинклс»: вообще-то они получали каши Шарпа бесплатно, но запас как раз подошел к концу. Этого для нее оказалось достаточным, чтобы вернуться к тревожащим мыслям, стоя в очереди в кассу (Тэд в это время сидел, болтая ногами, в кресле у выхода). Что если Вик с Роджером лишатся заказов Шарпа, и фирма погибнет? На что они тогда будут жить?

Она наблюдала за толстой теткой, роющей в кошельке у кассы, и ее грызло беспокойство. Может ли это быть? Да нет, конечно же, нет. Они полетят в Нью-Йорк, потом в Кливленд...

Ей не понравились эти мысли, и она решительно отогнала их прочь прежде, чем они привели ее к большому расстройству. В следующий раз не будет покупать кофе и экономит три доллара.

Она запихнула сумки с продуктами в багажник, а Тэда в машину, хотела сама закрыть дверь, но потом дождалась, пока это сделает он — понимала, как для него это важно. В прошлом декабре, когда Тэд прищемил дверцей ногу, с ней едва не случился сердечный приступ. Как же она тогда кричала?! Вик выскочил из дома в халате и босиком, прямо на снег. Она совсем растерялась, что вообще-то редко бывало с ней в случае опасности, и передала всю инициативу в руки Вика. Он убедился, что нога не сломана, и после повез Тэда в больницу.

Управившись с покупками и Тэдом, она села за руль и включила зажигание. «Вот сейчас накроется», — подумала она, но «пинто» послушно помчал их по улице к Марио, который готовил чудесную пиццу. С трудом припарковав

машину на узенькой полоске у тротуара, она вышла, прихватив с собой Тэда. Может быть, Вик и ошибся, может, это все плохой бензин. Ей очень не хотелось ехать в гараж к Джо Кэмберу. Это было чересчур далеко (действительно, Восточная Глушь), и она немного опасалась этого Кэмбера. Стопроцентный янки, грубый и ворчливый. И этот пес... как там его? Что-то испанское. Куджо, вот. Так же звали бандита в одном кино, но Донна сомневалась, что Кэмбер окрестил пса в честь этого лихого грабителя банков. Пес казался достаточно безобидным, но она все равно нервничала, когда Тэд подошел к нему. Куджо был достаточно велик, чтобы проглотить мальчика в два приема.

Тэд не очень любил пиццу, поэтому она взяла ему горячий сэндвич, а себе — пепперони с сыром. Они сели за столик, с которого открывался вид на дорогу. Она подумала о том, что сейчас делает ее муж, и депрессия опять подкралась к ней... и на этот раз она смогла отогнать ее с трудом.

Они уже почти доехали до дома, слушая Спрингстина по радио, когда машина начала барахлить.

Сначала это были резкие толчки. Она надавила акселератор: иногда это помогало.

— Мама? — в тревоге спросил Тэд.

— Все в порядке, Тэд, — сказала она, но это было не так. «Пинто» затрясся сильнее, бросая их на ремни и обратно; мотор затрясся; сумки в багажнике повалились, загремев банками и бутылками. Что-то разбилось.

— Чертово дерьмо! — выкрикнула она в бессильной ярости. Она уже видела за холмом их дом, но сомневалась, что «пинто» сможет добраться туда.

Испуганный Тэд заплакал.

— Заткнись! — закричала она. — Ради Бога, Тэд!

Он заплакал еще сильнее, и его рука потянулась к карману, где были спрятаны Слова от Монстров. Дотронувшись до них, он немного успокоился.

Донна решила остановиться, ничего другого не оставалось. Можно было дотащить продукты до дома в старой коляске Тэда, а потом решить, что делать с «пинто».

Как только боковые колеса машины скрипнули по гравию на обочине, мотор дважды кашлянул и затих. Она выключила зажигание, склонилась на руль и расплакалась.

— Ма, — убитым голосом сказал Тэд. «Не плачь», — хотел добавить он и не смог, только беспомощно открыл рот, как в приступе удушья. Он только смотрел на нее и ждал, когда она успокоится. Пораженный и испуганный ее поведением, он внезапно представил, как открывается дверца его шкафа, и кто-то сидит там в темноте...

И смотрит.

Наконец она подняла опухшее от слез лицо, отыскала в сумочке платок и вытерла глаза.

— Прости, дорогой. Я кричала не на тебя, а на это... на эту штуку, — она стукнула рукой по рулю и, охнув, приложила ее ко рту.

— Я же говорил, что она может сломаться, — сказал мрачно Тэд.

— Говорил, — согласилась она. — Ну что, надо вытаскивать все это. В любом случае, продуктами мы запаслись, Киска.

— Верно, Панчо, — сказал он. — Я привезу коляску. Он сбежал за коляской, и Донна перегрузила в нее три сумки, собрав то, что из них выпало. Разбилась бутылка кетчупа, украсив кровавым пятном голубую подстилку багажника. Как будто кто-то сделал там харакири. Неизвестно, удастся ли отстирать это пятно.

Она подвезла коляску к кухонной двери, вытащила продукты и стала думать, нести их в дом или сразу застирать подстилку, когда зазвонил телефон. Тэд сорвался с места, как бегун на старте.

— Алло, кто это?

Он послушал, улыбнулся и протянул ей трубку.

Ну вот, подумала она. Кто-то желает поболтать часа два ни о чем.

— Кто это, дорогой?

— Это папа. Я сразу узнал, — похвалился Тэд.

Сердце ее забилось сильнее.

— Алло, Вик?

— Привет, Донна, — голос его был напряженным, и это отозвалось в ней болью.

— У тебя все в порядке?

— Конечно.

— Я думала, ты позвонишь позже.

— Я только что со студии. Они делали все ролики Шарпа, и что ты думаешь? Не могут отыскать записи. Роджер рвет на себе волосы.

— Ага, — она кивнула. — Представляю.

— Это непредставимо, — он глубоко вздохнул. — Вот я и подумал, что, пока они там ищут...

Он замялся, и ее депрессия сменилась более активным чувством — страхом. Вик никогда не запинаясь в разговоре. Она подумала о том, как страшно он выглядел в тот вечер, в четверг.

— Вик, ты *правда* в порядке? — она слышала тревогу в своем голосе и хотела, чтобы и он ее слышал; даже Тэд оторвался от книжки с картинками, которую уже успел разложить на полу, и с тревогой взглянул на мать.

— Да, сказал он. — Я только хотел сказать, что позвонил, пока они там ищут, может, еще позвоню вечером. Как там Тэд?

— Нормально.

Она улыбнулась Тэду. Он улыбнулся в ответ, возвращаясь к своей книжке. *«Он устал, и я не буду говорить про эту чертову машину»*, — подумала она, но внезапно все выложила.

В своем голосе она услышала знакомые жалобные нотки и постаралась их заглушить. Зачем, ради Бога, она ему сказала? Словно хотела добить его сломанным карбюратором и разбившейся бутылкой кетчупа.

— Похоже, это действительно клапан, — сказал Вик. Голос у него был увереннее. Перед ним встала проблема, требующая решения. — Ты звонила Джо Кэмберу?

— Звонила, но его не было дома.

— Может, он был. У него в гараже нет телефона. Обычно жена или сын его зовут. Они, наверное, куда-нибудь уехали.

— Но, может быть, он уехал...

— Может. Но я не думаю. Если люди и могут пускать корни, то Джо Кэмбер как раз из таких.

— Значит, ты советуешь прямо ехать к нему? — спросила Донна с сомнением. Она подумала о долгом пути по дороге 117 и по Кленовой, а там еще тащиться по безымянной дороге до жилища Кэмберов. Выдержит ли это машина?

— Да нет, — сказал Вик. — Может, он в самом деле уехал.

— Тогда что делать?

— Позвони в магазин «Форда» и вызови машину.

— Но...

— Послушай. Вряд ли ты дотянешь двадцать две мили до Сауз-Пэриса. А они могут отбуксировать туда машину сами, если ты им объяснишь ситуацию.

— А это дорого?

— Конечно, — сказал он.

Она еще раз подумала, что зря свалила на него все это. Он стерпел бы все это... кроме ее траханья с заезжим поэтом. Слезы снова навернулись ей на глаза.

— Я попробую, — сказала она, безупречно пытаясь говорить нормальным голосом. — Не волнуйся.

— Ладно... А, черт, Роджер пришел. Он весь в пыли, но, похоже, пленки нашлись. Дай мне Тэда на минутку.

У нее на губах снова повисли испуганные вопросы. Что им делать? Как дальше жить? Поздно. Потратила время на дурацкую болтовню об автомобиле, идиотка.

— Сейчас, — сказала она. — Вик?

— Что? — его по-прежнему напряженный голос.

— Я тебя люблю, — и быстро, прежде чем он успел ответить, добавила. — Вот Тэд.

Она быстро сунула трубку Тэду и быстро отошла, чтобы он не видел ее слез. Потом стояла на крыльце, глядя на дорогу и сжимая кулаки, чтобы взять себя под контроль. Удивительно, как человеку может быть больно без всяких физических причин.

Сзади она слышала, как Тэд тихо рассказывает отцу, что они ели у Марио, и как «пинто» до самого дома ехал-ехал, а потом... потом он сказал Вику, что любит его. Потом раздалась гудки.

Контроль.

Наконец она смогла повернуться. Пошла на кухню разбирать покупки.

Черити Кэмбер вылезла из автобуса в четверть четвертого. Бретт спустился за ней. Она конвульсивно сжала сумочку, вдруг испугавшись, что не узнает Холли. Лицо ее сестры, все эти годы держащееся в памяти, как фотография («Моя младшая сестра, удачно вышедшая замуж»), вдруг разом забылась, оставив лишь белое пятно в семейном альбоме.

— Ты ее видишь? — спросил Бретт, озираясь по сторонам с интересом, но, конечно, безо всякого страха.

— Дай оглядеться! — сказала Черити. — Может, она отошла в магазин или...

— Черити?

Вот и Холли. Фотография ожила в памяти, но теперь на нее наложилось реальные черты. Черити сразу бросилось в глаза, что у Холли появились, во-первых, очки, во-вторых — морщины. Немного, но раньше их не было. Рядом с Холли, с любопытством поглядывая на них с Бреттом, стояли мальчик лет пяти и маленькая девочка, штанишки которой оттопыривались, явно показывая, что под ними пеленки.

— Здравствуй, Холли, — сказала Черити таким тонким голосом, что сама удивилась.

Морщин у Холли было в самом деле немного. На ней было темно-синее, умеренно дорогое платье, на груди поблескивал маленький изумруд.

Наступило неловкое молчание. Черити почувствовала, что ее сердце наполняется такой радостью, что рядом меркли все сожаления о расходах на поездку. Ведь она была свободна, и свободен был ее сын. И рядом с ней стояли ее сестра и племянники, не на фотографиях, а живые.

Смеясь и плача, две женщины шагнули друг к другу и обнялись. Бретт остался на месте. Девочка, перепугавшись, вцепилась в платье матери, пытаясь, видимо, оторвать ее от этой странной тети.

Мальчик подошел к Бретту. На нем были джинсы рубашка с надписью «Держись подальше».

— Ты Бретт, мой кузен, — заключил он.

— Ага.

— А я Джим. Как папа.

— Ага.

— Ты из Мэна, — сказал Джим. Сзади Черити с Холли уже захлеб говорили, перебивая друг друга, обо всем, что случилось с ними за эти годы.

— Ага, из Мэна, — сказал Бретт.

— Тебе десять.

— Ага.

— А мне пять.

— Ну и что?

— А то, что я все равно могу тебе надавать! — и он неожиданно стукнул Бретта в живот, заставив согнуться его пополам от боли.

— Оох, — удивленно выдохнул Бретт. Обе женщины вскрикнули.

— Джимми! — в голосе Холли слышался неподдельный ужас.

Бретт медленно выпрямился и встретил тревожный взгляд матери.

— Ага, можешь, — согласился он, улыбнувшись.

И все. По лицу матери он увидел, что она довольна его поведением.

В полчетвертого Донна решила все же попытаться отвезти «пинто» к Джо Кэмберу. Она пробовала звонить еще, сперва безуспешно, но подумала, что если Кэмбера и нет, он скоро появится. Вик говорил ей, если работа окажется длительной, Кэмбер может временно одолжить ей какую-нибудь развалюху. Тэда она решила с собой не брать. Если по дороге «пинто» опять сломается, она как-нибудь доберется. Но без Тэда.

Тэд, однако, не согласился.

Поговорив с отцом, он пошел к себе и растянулся на кровати со стопкой книжек «Золотой серии». Минут через пятнадцать он заснул, и ему приснился сон, вроде

бы совершенно обычный, не обладающий странной, ужасающей злостью. Во сне он видел мальчика, бьющегося по бейсбольному мячу и безуспешно пытающегося попасть по нему битой. На пятом ударе он, наконец, попал, и тут бита, заклеенная черной изолентой, переломилась. Мальчик поднял обломки и некоторое время сердито смотрел на них, потом бросил в высокую траву на обочине. После этого он обернулся, и Тэд в страхе узнал в нем себя, только лет десяти или одиннадцати. Он был уверен в этом.

Потом мальчик исчез, и в наступившей темноте слышались только два звука: скрип качелей и далекое крикание уток. На фоне этих звуков из тумана выступил человек... человек в черном блестящем дождевике, со знаком «стоп» в одной руке. Он усмехнулся, и его глаза блестели, как серебряные монеты. Увидев Тэда, он поднял руку, и он с ужасом увидел, что это вовсе не рука, это кости, и лицо под капюшоном дождевика было не лицом, а черепом. Это был...

Тэд резко привстал на кровати, весь в поту, тяжело дыша.

Кхх.

Двери шкафа тихо открылась. И он увидел за ней что-то, что заставило его выбежать в коридор. Он видел это только долю секунды, но узнал — это не был Фрэнк Додд, убийца женщин в черном дождевике. Это был тот, другой, с красными, горящими глазами.

Он не стал говорить об этом матери. Он говорил ей про Дебби, няню, которая сидела с ним в отсутствие родителей. Он *не хотел* оставаться с Дебби. Она всегда громко включает плеер, не играет с ним и т.д. Эти аргументы не действовали, тогда Тэд выложил последний козырь — что Дебби может застрелить его. Это вызвало у Донны настояренный смех — мысль о том, что пятнадцатилетняя Дебби, робкая и близорукая, может кого-либо застрелить. Тогда Тэд расплакался от бессилия и убежал из комнаты. Ну, как он мог объяснить, что Дебби не справится с Монстром в шкафу, и, если мама не вернется до темноты, он может выйти и сожрать его.

Донна пошла за ним, удивляясь, как она могла оказаться такой толстокожей. Отец уехал, и это его расстроило, а тут еще и мать куда-то собралась. И...

И, может быть, он догадался, что у нас с Виком что-то неладно? Или даже услышал?

Нет, она так не думала. Это просто расстройство по поводу отъезда отца.

Дверь в комнату была закрыта. Она осторожно постучала. Молчание. Тогда она тихо вошла. Тэд лежал лицом вниз на диване, прижавшись к одной подушке. Так он вел себя только в крайних случаях.

— Тэд?

Он молчал.

— Прости, что я смеялась.

Он поглядел на нее из-за подушки. На глазах блеснули слезы.

— Мама, возьми меня с собой, — умоляюще проговорил он. — Не оставляй меня здесь с Дебби.

Она сама готова была расплакаться.

— Дорогой, ты знаешь, куда я еду. Машина может сломаться, и придется далеко идти...

— А я люблю ходить!

— Я знаю, но ты можешь испугаться.

Вспомнив про того, в шкафу, Тэд внезапно крикнул во все горло:

— *Я не испугаюсь!* — и рука его машинально потянулась к карману, где лежали Слова от Монстров.

— Не кричи так, пожалуйста. Это некрасиво.

— Я не испугаюсь. Я же просто хочу ехать с тобой. Она в сомнении посмотрела на него, думая: «Это как цепная реакция». Она собиралась уже твердо возразить, что все равно позвонит Дебби, и что если он будет так себя вести, его уложат спать сразу после ужина. Вместо этого она сказала:

— Ладно, поехали. Но если «пинто» сломается, нам придется ехать назад на такси. И тогда изволь не ныть, Тэд Трентон.

— Нет, я не бу...

— Погоди. Не ной и не проси, чтобы я тебя понесла. Понял?

— Да! Да, конечно! — Тэд подпрыгнул на диване, мигом забыв все свои печали. — Поедем сейчас?

— Да, наверное. Или... не знаю. Сначала нужно приготовить что-нибудь поесть. И термос молока.

— Мы что, всю ночь проедем? — казалось, его вновь охватили сомнения.

— Нет, что ты, — улыбнулась она. — Просто я не могу дозвониться до мистера Кэмбера. Папа сказал, что он сидит целыми днями в гараже и не слышит, как ему звонят.

— А у него должен быть телефон в гараже.

— Вот и скажу ему это. А если там все-таки никого нет, мы подождем и немного перекусим.

— Здорово! Тогда я возьму мою корзину для ланча!

Она взяла пачку сушеного инжира и пару «Слим Джимс» (любимое лакомство Тэда), в придачу завернула в фольгу несколько оливок и кусочков огурца. Потом налила молока в большой термос Вика и в маленький — Тэда.

Почему-то вид этой еды опять вызвал у нее тяжелые мысли. Она подумала, не позвонить ли еще раз Джо Кэмберу. Потом решила, что это не имеет смысла, раз уж они все равно туда едут. Потом снова хотела позвонить Дебби, но Тэд так настаивал...

Дурные предчувствия нарастали. Без всяких видимых причин. Она оглядела кухню, словно пытаясь обнаружить источник своего недовольства. Его не было.

— Мы едем, ма?

— Да, — сказала она обреченно. В блокноте на стене возле холодильника она нацарапала: *«Мы с Тэдом уехали в гараж Дж. Кэмбера. Скоро вернемся»*.

— Готов, Тэд?

— Ага, — он улыбнулся. — А для кого эта записка?

— Ну, может Джоан зайдет, — сказала она неопределенно. — Или Элисон Маккензи.

— А-а.

Донна взъерошила ему волосы, и они вышли. «Проклятая машина опять не заведется». — Мрачно подумала она.

Но машина завелась.
Было 15.45.

Они свернули с дороги №117 на Кленовую дорогу в пяти милях от города. «Пинто» вел себя примерно, и она удивилась, что так разволновалась из-за него. Тем не менее она держала скорость на отметке «сорок» и жалась к обочине, когда кто-нибудь ехал навстречу. Машин на дороге было много: уже начался летний туристский поток. Кондиционера в «пинто» не было, и они открыли оба окошка.

Мимо них промчался «Континентал» с нью-йоркским номером, к которому был прицеплен гигантский трейлер. Водитель просигналил, его толстая жена в зеркальных очках свысока оглядела Донну и Тэда.

— Кати-кати! — крикнула Донна, показывая толстухе средний палец. Та быстро отвернулась, а Тэд посмотрел на мать с испуганным удивлением. Донна улыбнулась ему.

— Ничего, сын. Все в порядке. Это просто болваны из другого штата.

— А-а.

«Слышал бы меня Вик, — подумала она. — Вот бы порадовался».

Ей самой было смешно. В Мэне чужаки остаются чужаками до могильной плиты, на которой напишут: «Гарри Джонс из Касл-Корнерс, штат Мэн (родом из Омахи, штат Небраска)».

Большинство туристов ехало на восток к Нэплсу или на запад к Бриджтону или Фрайбургу. Через пять миль начались леса, в которых иногда показывались домик или трейлер; дома были в основном, как называл такие ее отец, «ирландскими хижинами». Солнце светило еще ярко, но ей по-прежнему было неуютно, особенно когда они съезжали с магистрали на кленовую дорогу.

На повороте, обозначенном побитой табличкой, располагались два-три домика и трейлер с двориком, поросшим травой. Посреди двора на горшке сидел младенец лет двух. Он ковырял пальцем в носу и с открытым ртом глазел на проезжающие машины. При виде этой картины Донна почувствовала беспричинную дрожь.

«Да что с тобой? Прекрати немедленно!»

Лес снова сомкнулся вокруг них. Единственным автомобилем, попавшимся по дороге, был старый «Форд-Фэрлейн» с ржавчиной вокруг фар, за рулем которого скорчился худосочный паренек без рубашки.

Дорога медленно шла в гору, и в просветах между деревьями они могли видеть панораму западного Мэна между Бриджтоном и Фрайбургом. Вдали, как сапфировое ожерелье, искрилось озеро Лонг-Лэйк. Они вскарабкались на склон очередного холма, когда «пинто» снова начал фыркать и чихать. «Давай, езжай, скотина, о, Господи, ну езжай же!» — только и подумала Донна.

Тэд только крепче обнял свою корзинку с ланчем.

Она начала давить на акселератор, повторяя про себя одни и те же слова, как молитву: давай, давай, давай.

— Ма? Это...

— Тише, Тэд.

Стук в механизме нарастал. Она в бешенстве надавила на газ, и машина, взвыв, рванулась вперед.

— Ай! — вскрикнул Тэд от неожиданности.

Чуть дальше они увидели поворот, обозначенный еще одним побитым указателем: «Дорога №3». Донна свернула, чувствуя себя победительницей. Насколько она помнила, до дома Кэмберов оставалось чуть больше мили. Если «пинто» теперь испустит дух, они легко смогут дойти пешком.

Они проехали ветхий домишко с ржавеющими во дворе машинами. В зеркальце обзора Донна увидела, что дом почти совсем зарос жимолостью. За домом открылось поле, и машина начала карабкаться на длинный скат холма.

На полпути механизм опять застучал, сильнее, чем прежде.

— Он ломается, мама?

— Да, — подтвердила она мрачно.

Стрелка спидометра съехала с сорока до тридцати. Она, не зная, что делать, перевела селектор трансмиссии на самую нижнюю отметку, но от этого сток только усилился. Она уже видела дом Кэмберов и красный сарай за ним. В

последней попытке она нажала на акселератор, и машина рванулась вперед, отчаянно стуча. Огонек на приборной доске замигал, сигнализируя о том, что «пинто» теряет скорость.

Но они уже были у почтового ящика Кэмберов. На крышке ящика лежала бандероль с ясно читающимся обратным адресом: Дж. Уитни и К.

Она автоматически усвоила эту информацию, будучи в тот момент занята другим. Она пыталась дотянуть до стоянки перед домом. Остатки сил «пинто» ушли на то, чтобы подъехать к дверям сарая. Там он застыл окончательно. Тэд поглядел на мать.

Она улыбнулась ему.

— Тэд, мы приехали.

— Ага, — откликнулся он: — А кто-нибудь дома?

За сараем стоял зеленый грузовичок Кэмбера. Она помнила его с прошлого визита. Но внутри сарая было темно. Она повернула голову и увидела, что в доме тоже нет света. И еще эта бандероль.

На ней стоял адрес Уитни и К. Она знала, что это такое; ее брат когда-то получал по почте их каталоги. Они продавали запчасти и разную автотехнику. Не было ничего естественней бандероли Джо Кэмберу от Уитни и К. Но если бы он был дома, он бы ее давно забрал.

«Ну вот, никого нет, — подумала она, разозлившись на Вика. — А он говорил: всегда дома, пустил корни у себя в гараже... Всегда дома, кроме случаев, когда он кому-то нужен».

— Ладно, пошли посмотрим, — она открыла дверь.

— Я не могу отстегнуть ремень, — сказал Тэд, возясь с застёжкой.

— Не волнуйся. Сейчас выйду и помогу.

Она вылезла из машины и сделала два шага вперед, чтобы зайти с другой стороны и освободить Тэда. Если Джо все же был дома, он должен был увидеть их. Она боялась, как бы он не застал ее врасплох. Смешно, но со времени той безобразной сцены со Стивом Кемпом ей снова стало казаться, что она шестнадцатилетняя девчонка, беззащитная перед каждым встречным нахалом.

Ее сразу поразила тишина. Какие-то звуки, конечно, были, но за все годы в Касл-Роке она так и не привыкла к деревенской тишине. А это была настоящая деревня.

Пели птицы. Где-то невдалеке хрипло каркала ворона. Дул легкий ветерок. Но она не слышала вокруг ни одного автомобиля, или трактора, или косилки. В городе она привыкла к звукам техники, и их полное отсутствие вызвало у нее тревогу.

«Я бы услышала, если бы он работал в сарае», — подумала Донна. Но она слышала только собственные шаги по гравию подъезда и тихий гул, который она определила, как жужжание трансформатора на проводах.

Она начала обходить машину, когда в эту симфонию неожиданно включился новый звук. Низкое, угрожающее рычание.

Она замерла, вскинув голову, пыталась определить источник этого звука. В какой-то момент она не могла это сделать и испугалась не самого звука, а невидимости издающего его существа. Казалось, он был нигде — и везде. Потом сработал какой-то природный радар, и она поняла, что рычание раздается из гаража.

— Мама, — Тэд высунул голову в раскрытое окно. — Я не могу отстегнуть этот...

— Тссс!

(рычание)

Она шагнула назад, взявшись рукой за крышу машины, еще не испуганная, думая почему-то: *«А раньше он так не рычал»*

Из гаража Джо Кэмбера вышел Куджо. Донна уставилась на него, чувствуя, как дыхание замирает у нее в горле. Тот же пес. Куджо. Но...

Но он же

(о, Господи!)

Глаза пса были устремлены на нее. Красные и воспаленные. Из них сочилась какая-то жидкость. Казалось, он плачет клеем. Мех его был выпачкан грязью и...

(кровью)

Это кровь о Господи Боже мой.

Она не могла двинуться. Не могла вздохнуть. Легкие сжал железный обруч. Она слышала выражение «парализованный страхом», но никогда не думала, что так бывает на самом деле. Ее мозг не посылал сигналов его ногам. Руки ее превратились в беспомощные куски болтающейся плоти. По джинсам потекла моча. Она даже не заметила этого, кроме странного ощущения теплоты.

И пес это понимал. Его ужасные красные глаза ни на ми не выпускали из виду расширенных голубых глаз Донны. Он медленно, почти крадучись, продвигался вперед. Теперь он уже хрустел гравием в двадцати пяти футах от них. Он не прекращал рычать — низкий, ровный звук. И она не могла двинуться с места.

Потом Тэд увидел пса, понял, что его шерсть в крови, и закричал — высокий крик, заставивший Куджо на миг прикрыть глаза. И это ее освободило.

Она неловко повернулась, ударившись ногой о борт, и побежала назад к двери. Куджо взревел от разочарования и бросился за ней. Ее ноги скользили на гравии, и она еле смогла добраться до спасительной дверцы.

Дверца была закрыта. Она сама ее закрыла, после того, как вышла. Хромированная кнопка под ручкой блестела ослепительно ярко, как маленькое солнце. *«Я ни за что ее не открою, — пронеслось у нее в голове, и она внезапно поняла, что может погибнуть тут же, сейчас. — Не успею».*

Она отчаянно надавила на кнопку, слыша собственное хриплое дыхание и новый крик Тэда. Дверца поддалась. Она почти упала на водительское сиденье. Через миг передние лапы Куджо приземлились на место, где она только что находилась. Она обеими руками вцепилась в дверцу «пинто», плечом упираясь в рулевое колесо. Раздался тяжелый стук, словно кто-то ударил палкой по машине. Внезапно гневное рычание пса оборвалось, и наступила тишина.

«Слава Богу, — истерически подумала она. — Успела, успела, слава Богу...»

И в этот момент искаженная, слюнявая морда Куджо показалась в окошко, в нескольких дюймах от ее лица, подобно монстру из фильма ужасов, сошедшему с экрана.

Она видела его страшные зубы, и ей опять показалось, что пес смотрит на нее, не на случайно оказавшуюся здесь женщину, а на *Донну Трентон*, как будто он давно ее ждал.

Куджо зарычал снова; сквозь стекло это звучало тише. Внезапно до нее дошло, что, если бы она не закрыла автоматически окно, выходя из машины (как учил отец: останови машину, подними стекла, выключи зажигание, возьми ключи, закрой машину), она бы уже валялась с перерезанным горлом. Ее кровь залила бы руль, сиденье, ветровое стекло...

Она закричала.

Жуткая морда пса исчезла.

Она вспомнила, наконец, про Тэда и повернулась к нему. Новый страх пронзил ее раскаленной иглой. Он не испугался, а просто лишился сознания. Он лежал на сиденье с белым лицом, расширенными, неподвижными глазами и посиневшими губами.

— Тэд! — она потерла пальцем его нос, и он слабо застонал. — Тэд, дорогой!

— Мама, — проговорил он слабым голосом. — Как это монстр вылез из моего шкафа? Это сон? Это мне кажется?

— Все будет нормально, — сказала она, пораженная тем, что он сказал про шкаф. — Это просто...

Тут она увидела хвост и спину пса за окном, на этот раз со стороны Тэда.

И окно там было открыто.

Она метнулась туда, прижав Тэда к сиденью, и уже почти достала до окна скрюченными в спазме пальцами, когда громадный нос Куджо вдавился в щель. Его рев заполнил тесное пространство машины. Тэд снова закричал и закрыл голову руками, пытаясь сжаться, спрятаться в живот Донны.

— Мама! Мама! Мама! *Прекрати это! Выгони его!*

Что-то теплое потекло по ее рукам. Она в ужасе поняла, что это смесь слюны с кровью, текущая из собачьей пасти. Изо всех сил она потянула рукоятку вверх... и Куджо убрал голову куда-то вниз. Она успела бросить последний взгляд на его дьявольски искаженные черты.

Она закрыла окно окончательно и, постанывая, обтерла руки о джинсы.

(о, Господи, Дева Мария, о, Господи)

Тэд снова впал в полубессознательное состояние. На этот раз, когда она провела пальцем по его лицу, реакции не последовало.

«О, Господи, как сильно это на нем отразится! Ох, Тэд, ну почему я не оставила тебя с Дебби!»

Она взяла его за плечи и легонько потрясла.

— Это мне снится? — снова спросил он, очнувшись.

— Нет, — сказала она. Он всхлипнул. — Ничего, все будет хорошо. Этот пес сюда не залезет. Я закрыла все окна. Он нас не достанет.

Глаза Тэда немного прояснились.

— Тогда поехали домой, мама. Мне страшно.

— Да. Да, коне...

Куджо, как башня, воздвигся на капоте «пинто», заглядывая в ветровое стекло. Тэд опять закричал, царапая маленькими руками себе щеки.

— Он нас не достанет! — крикнула Донна. — Ты слышишь? не достанет!

Куджо ударился о стекло с тяжелым стуком и стал скрести капот лапами. Потом ударил снова.

— *Я хочу домой!* — кричал Тэд.

— Не волнуйся, Тэд. Сейчас поедem.

Тэд уткнул лицо ей в грудь, а Куджо продолжал колотиться о стекло. По стеклянной поверхности стекала слюна. Его мутные глаза настойчиво смотрели на Донну. «Разорву в куски, м говорили они. — И тебя, и мальчишку. Как только смогу забраться в эту жестянку, сожру тебя живьем; ты будешь вопить, а я — отрывать от тебя куски и глотать».

«Бешеный, — подумала она. — Он бешеный».

С медленно нарастающим страхом она смотрела на дом и стоящий рядом грузовик Джо Кэмбера. Что пес с ним сделал?

Она нашла гудок и надавила его. Пес подался назад, едва не потеряв равновесие.

— Не нравится? — крикнула она торжествующе. — Уши болят?

Еще раз нажала на гудок.

Куджо сполз с капота.

— Мама, *пожалуйста*, поехали домой.

Она повернула ключ в зажигании. Мотор фыркал... но «пинто» не трогался с места. Наконец она вынула ключ.

— Дорогой, мы не можем. Мы...

— Поехали! Поехали!

У нее заболела голова. Тяжелые толчки шли откуда-то из глубин мозга и болью отдавались во всем теле.

— Тэд, послушай. Машина не заводится. Нужно подождать, пока мотор остынет. Я думаю, потом он поедет. Мы скоро уедем.

«Ох, зачем я сразу заехала во двор?»

Она подумала о доме у подножия холма, заросшем жимолостью. Там должны быть люди. Она же видела машины.

«Люди!»

Она снова нажала на гудок. Три коротких гудка, три длинных, снова три коротких, единственный сигнал азбуки Морзе, знакомый ей со времен герлскаутов. Ее должны услышать. Даже если не поймут, они должны посмотреть, кто это гудит во дворе у Джо Кэмбера.

Где же пес? Она не видела его. Но нет сомнения, что он не ушел далеко.

— Все будет хорошо, — повторила она Тэду. — Только подожди немного.

Студия «Зрячий образ» в Кембридже размещалась в грязном кирпичном здании. На четвертом этаже находился офис, на пятом — две студии, а на шестом и последнем — смотровой зал на шестнадцать мест.

Этим вечером, в понедельник Вик Трентон и Роджер Брикстон сидели в третьем ряду, сняв от жары куртки и распустив галстуки. Они просмотрели каждый ролик Профессора Вкусных Каш по пять раз. Всего их было двадцать, из этого количества три — со злосчастной «Красной клубникой».

Последний ролик закончился полчаса назад, и механик, пожелав им спокойной ночи, ушел показывать кино в

другое место. Через пятнадцать минут к его пожеланиям присоединил свои президент студии Роб Мартин, добавив, что если он им понадобится, его двери всегда открыты для них. Но вид у него был мрачный.

Не без оснований. Роб потерял ногу во Вьетнаме и открыл студию в конце 1970-го на страховку. С тех пор она дышала на ладан, подбирая крохи со стола более удачливых и хватких собратьев. Вик с Роджером и имели с ним дело из-за того, что сами действовали таким же образом.

В последний год студия, можно сказать, процветала — и тоже в немалой степени из-за заказов Шарпа. Но после истории с «Клубникой» двое клиентов отозвали заказы, и, если «Эд Уоркс» потеряет заказы Шарпа, «Зрячему образу» тоже придется несладко.

Они сидели и молча курили еще минут пять, когда Роджер сказал:

— Меня тошнит. Как вижу этого типа за столом, говорящего: «Ну что ж, все в порядке» и жрущего кашу, так начинает тошнить. Еле вытерпел все эти ролики.

Он вмял окуроч в пепельницу, вделанную в ручку кресла. Выглядел он, и правда, неважно; лицо приобрело желтоватый оттенок.

— Мне и правда показалось, — сказал он, закуривая новую сигарету, — что он фальшивит. Не то, что бы нарочно, но... понимаешь, это как Джимми Картер, который говорит: «Я никогда не солгу вам». Неудивительно, что все эти юмористы так за него ухватились. Теперь он кажется мне таким лицемером...

— У меня идея, — сказал Вик тихо.

— Да, ты что-то говорил в самолете. — Роджер без особой надежды смотрел на него. — Выкладывай.

— Я думаю, нужно сделать еще один сюжет с Профессором. Надо попробовать уговорить старика. Не сына. Только самого Шарпа.

— Ну, и что он будет рекламировать на этот раз? Крысиный яд или «Эйджент Орэндж»?

— Да брось ты. Никто никого не травил.

Роджер саркастически усмехнулся.

— Иногда мне кажется, что ты не знаешь, что такое реклама. Это как таскать волка за хвост. Чуть отпустишь, и он повернется и сожрет тебя.

— Роджер...

— Ведь мы живем в стране, где становится сенсацией, если «Биг Мак» весит на десять грамм меньше при контрольном взвешивании. Какой-то калифорнийский журнальчик вдруг заявляет, что «пинто» слишком легко ломается, и компания «Форд Моторс» писает в штаны.

— Не надо про «пинто». У моей жены он все время барахлит.

— ...И я говорю, что выпускать сейчас Профессора на экран — все равно, что Никсону опять баллотироваться в президенты. Он *скомпрометирован*, Вик, пойми это — он прервался, глядя на Вика. Тот сохранял невозмутимый вид. — Что ты от него хочешь?

— Чтобы он сказал, что сожалеет.

Роджер обалдело посмотрел на него. Потом откинул голову и рассмеялся.

— *Сожалеет?* Вот здорово! Это и есть твоя гениальная идея?

— Погоди, Родж. Дай мне объяснить. Это не то, что ты думаешь.

— Нет. Именно то. Говори, что хочешь, но я не могу поверить, что ты это...

— Серьезно. Вполне серьезно. Ты ведь учился. Какова основа любой рекламы? Зачем она вообще нужна?

— Основа любой рекламы — заставить людей поверить, что им нужно то-то и то-то.

— Ага. Совершенно верно.

— Ну и что ты хочешь сказать? Что они поверят Профессору или Никсону, если те пообещают...

— Никсон, Никсон! — воскликнул Вик, сам удивившийся своему раздражению. — Ты употребил это сравнение уже раз двести и не видишь, что оно тут *совершенно не причем!* Никсон был старый жулик, утверждавший, что он честный человек. А профессор утверждал, что с «Клубникой» все в порядке, и *не знал*, что это не так. Не знал, понимаешь? Поэтому он должен показаться на глаза аме-

риканцам и объяснить им это. Объяснить, что виноваты изготовители пищевой краски. Что компания «Шарп» здесь не при чем. Он должен сказать это. И сказать, что он сожалеет, что люди напуганы, хотя никто *не пострадал*.

Роджер пожал плечами.

— Что ж, может, в этом и есть смысл. Но ни старик, ни сам на это не согласится. Они хотят поскорее закопать Про...

— Да, да! — крикнул Вик так, что Роджер вздрогнул. Он вскочил и принялся нервно ходить взад-вперед по проходу. — Конечно, и они правы: его надо закопать. Но это не должно быть *тайное* погребение! Как будто мы стремимся что-то скрыть, какую-то холеру!

Он склонился к Роджеру, едва не касаясь его лица.

— Нам нужно заставить их понять, что Профессора можно закопать только средь бела дня. И только пригласив посетителей со всей страны.

Роджер улыбнулся. Увидев эту улыбку, сменившую прежнее сердито-недоверчивое выражение, Вик был так рад, что даже забыл про Донну и то, что между ними произошло за последние дни. Работа захватила его, и только потом он удивился, как он мог в тот момент испытывать такое торжество.

— В конце концов, все это не раз говорил сам Шарп, — продолжал он. — Но если это скажет Профессор...

— Совсем другой эффект, — пробормотал Роджер.

— Конечно! Старый прием. Сейчас над ним смеются, но если он выступит с публичным покаянием, публика будет растрогана. Как генерал Макартур. «Старые солдаты не умирают».

— Макартур, — тихо повторил Роджер. — Что ж, если удастся...

— Нужно добиться, чтобы удалось. Это как в танке — нужно переть прямо вперед и стоять на своем.

Они просидели там еще около часа, и когда они возвращались в отель, потные и уставшие, уже совсем стемнело.

— Мама, мы поедem домой? — спросил Тэд.

— Поедем, сынок. Скоро.

Она посмотрела на ключи, торчащие в зажигании. В связке было еще три ключа: от дома, от гаража, и от багажника «пинто». На кольце болтался кожаный брелок с выжженным на нем грибом. Она купила этот брелок в апреле в бриджтонском Универмаге. Тогда, в апреле, она боялась каких-то призраков, не зная, что реальный страх — это когда тебя с ребенком хочет сожрать бешеный пес.

Она дотронулась до кожаного кружка и отдернула руку. Она боялась попробовать.

Било четверть восьмого. Солнце светило еще ярко, хотя тень «пинто» уже дотянулась почти до двери гаража. Она не знала, что в это время ее муж и его компаньон смотрят рекламные ролики в Кембридже, и что никто не услышал ее сигналов СОС. В книгах, которые она читала, такого никогда не случалось.

В доме у подножия холма должны были услышать звук. Или они нам все пьяны? Или владельцы этих двух машин уехали куда-то на третьей? Все может быть. Она попыталась разглядеть дом, но его скрывал отрог холма.

Она снова нажала на гудок. Недолго: она боялась, что сядет аккумулятор. Она еще надеялась, что «пинто» заведется. На что же ей надеяться кроме этого?

«Но ты же боишься попытаться, правда?»

Она снова потянулась к ключам, когда пес показался снова. Раньше он лежал напротив «пинто», теперь прошел в направлении сарая, нагнув голову и волоча хвост. Он шатался, как пьяный. Не глядя в их сторону, он вошел в сарай и исчез из виду.

Она снова протянула руку к ключам.

— Мама, мы поедем?

— Погоди, дорогой.

Она поглядела налево. До двери в дом было шагов восемь. В школе она бегала лучше всех одноклассников и до сих пор регулярно тренировалась. Можно было добежать до дома. Там есть телефон. Один звонок шерифу Баннерману, и весь этот ужас кончится. С другой стороны, можно попробовать еще раз завести машину... но это может привлечь внимание пса. Она мало что знала о

бешенстве, но помнила, что бешеные животные чрезвычайно чувствительны к звукам.

— Мама?

— Тсс, Тэд!

Восемь шагов. Не больше.

Если даже Куджо следит за ней, она знала — была уверена, — что успеет добежать. Да, телефон. И еще... У такого, как Джо Кэмбер, в доме должно быть ружье. Или даже целая стойка. Вот было бы приятно разнести башку этому чертову псу!

Восемь шагов.

А что, если дверь заперта?

«Рискнуть или нет?»

Сердце ее гулко стучало в груди, пока она думала. Если бы она была одна, она бы не колебалась. Но если дверь окажется запертой, успеет ли она добежать до машины? А если не успеет, что будет с Тэдом? Что если он увидит, как двухсотфунтовый пес терзает его мать, разрывает ее на куски у него глазах?..

Нет. Здесь они хотя бы в безопасности.

«Попытайся завести мотор!»

Она потянулась к ключам, но часть ее рассудка тут же возразила, что нужно подождать еще, пока двигатель окончательно остынет...

Окончательно? Они и так тут уже три чала?

Она повернула ключи.

Мотор дважды всхлипнул — и с ревом завелся.

— Слава Богу! — воскликнула она.

— Мама? — недоверчиво спросил Тэд. — Мы поедем?

— Поедем, — сказала она мрачно, включал трансмиссию. Куджо выглянул из сарая и встал там, ожидая. — Чертов пес! — крикнула она, победил. Нажала на газ. «Пинто» проехал фута два и застыл.

— Не-е-ет! — закричала она, снова увидев идиотские красные огни. Куджо сделал два шага вперед и стоял теперь там, внимательно следя за происходящим.

Донна выключила зажигание и включила опять. На этот раз машина вообще не завелась. Она изо всех сил

жала на педаль и, забыв про Тэда, ругалась последними словами. Куджо все еще смотрел на них.

Потом он лег у подъезда, словно успокоившись на их счет. Она возненавидела его за это еще больше.

— Мама... ну, мама.

Откуда-то издалека. Это неважно. Важен сейчас только этот чертов маленький автомобиль. Он должен завестись. Она заведет его *простой... силой... воли!*

Неизвестно, сколько времени она просидела за рулем яростно давя на газ. Каждый раз мотор всхлипывал, но все короче и короче замолчал.

Она посадила аккумулятор.

Все.

Она очнулась, как после обморока. Вдруг вспомнился гастроэнтерит, который она подхватила в колледже — когда, казалось, все ее внутренности вздымаются и падают вниз, и главное — успеть добежать до туалета. В тот момент у нее было ощущение, что какой-то невидимый маляр раскрасил мир заново. Вот и сейчас все цвета показались ей необычайно яркими.

Тэд сидел, прижавшись к креслу, засунув палец в рот и схватившись другой рукой за карман, где лежали Слова от Монстров.

— Тэд, — позвала она. — Что с тобой?

— Мама, как ты? — прошептал он

— Нормально. Ничего. По крайней мере, ему нас не достать. Мы скоро поедem. Потерпи.

— Я боялся, что ты сошла с ума.

Она наклонилась к нему и крепко обняла. Волосы его пахли потом и шампунем «Не плачь». Она вспомнила о бутылке этого шампуня, стоящей на второй полке в шкафчике в ванной. Это казалось теперь таким далеким! Увидит ли она еще их ванную?

— Да нет, дорогой, что ты.

Тэд прижался к ней.

— Он ведь не достанет нас?

— Нет.

— Он не... он не съест нас?

— Нет.

— Я его ненавижу, — сказал он горячо. — Хочу, чтоб
сдох.

— Я тоже.

Она выглянула в окно. Солнце уже почти село. При мысли об этом она испытала суеверный страх, вспомнив о том, как в детстве боялась темноты.

Пес наблюдал за ними. Он бешеный, в этом она уже не сомневалась. Его безумные, бессмысленные глаза смотрели прямо на нее.

«Это тебе кажется. Просто собака, хоть и бешеная. И так все плохо, а ты еще воображаешь невесть что».

Так она говорила себе. Чуть позже она сказала тебе, что глаза у Куджо, как у некоторых старых портретов — куда бы ты ни пошел, кажется, что они следят за тобой.

Но пес и правда смотрел на нее. И... и в его взгляде она различала что-то знакомое.

Она попыталась отогнать эту мысль, но поздно.

«Ты ведь его уже видела. Наутро после первого из ночных кошмаров Тэда, когда ты увидела в шкафу одеяла и его мишку сверху, тебе в первое мгновение показалось, что оттуда глядит кто-то с красными глазами, и это был он, это был Куджо, Тэд оказался прав, только монстр не в его шкафу... он здесь...»

(прекрати)

«...ждал, когда мы...»

(Донна, прекрати это!)

Она посмотрела на пса, и ей показалось, что она поняла, о чем он думает. Простые мысли, повторяющиеся снова и снова в его безумном мозгу:

«Убей Женщину. Убей Мальчика. Убей Женщину. Убей...»

«Прекрати, — оборвала она эти мысли. — Это никакое не привидение из шкафа. Это просто бешеный пес. Скоро ты решишь, что он послан тебе Богом в наказание за...»

Куджо внезапно встал и снова исчез в сарае.

Она хрипло засмеялась.

— Мама? — насторожился Тэд.

— Ничего, ничего.

Она посмотрела в черную пасть гаража, потом на дверь дома. Заперта? Незаперта? Заперта? Она представила себе монету, крутящуюся в воздухе. Орел? Или решка?

Солнце село, от него осталась только бледная полоса у горизонта, не толще белой полосы посередине дороги. Скоро и ее не будет. В высокой траве запели сверчки.

Куджо так и не вышел из сарая. «Спит? — думала она. — Или ест?»

Тут она вспомнила про еду, порылась между сиденьями и извлекла его корзинку и свою коричневую сумку. Термос вывалился, вероятно, когда машина начала дергаться. Она полезла за ним, разбудив уже уснувшего Тэда.

— Мама? Что ты...

— Хочу достать еду, — сказала она. — Термос упал.

— А-А, — он снова откинулся на кресло и сунул палец в рот.

Она осторожно потрясла термос и услышала звон разбитого стекла. Жалко.

— Тэд, хочешь кушать?

— Я спать хочу, — ответил он сонным голосом, не вынимая пальца изо рта.

Она решила, что трогать его не стоит. Сон был его оружием — может быть, единственным, — и по времени ему уже пора спать. Конечно, дома он бы обязательно выпил перед сном стакан молока с печеньем... и почистил зубы... и попросил бы рассказать сказку...

Она почувствовала слезы, подступающие к глазам, и попыталась прогнать эти мысли. Открыла термос и налила себе молока. Взяла ягоду инжира. После первого куса она вдруг поняла, что страшно проголодалась, поэтому она съела еще три ягоды, четыре или пять оливок и запила это молоком. Потом посмотрела в сторону сарая.

Там появилась черная тень. Куджо.

«Он следит за нами».

Нет, она не верила в это. Как и в то, что она видела образ Куджо в шкафу у своего сына. Не верила... Кроме какой-то ее части. Эта часть таилась в ее подсознании.

Она поглядела в зеркальце обзора на дорогу. Ее не было видно, но она знала, что дорога там, и что по ней никто не проедет. Когда они были здесь в прошлый раз втроем на «ягуаре» Вика, они еще смеялись над этим, и Вик рассказал, что не так давно эта дорога вела к городской свалке Касл-Рока, но теперь ее перенесли в другое, более отдаленное место, и дорога оканчивалась знаком, извещающим: «Проезда нет. Свалка закрыта». Кроме Кэмберов, тут никто не жил.

Донна не могла представить, чтобы кому-нибудь взбрело в голову проехаться на старую свалку.

Особенно ночью.

Белая полоса на горизонте померкла, и стало темно. Луны на небе не было.

Невероятно, но и ей захотелось спать. Может, сон был и ее единственным оружием? Что еще оставалось делать? Пес никуда не ушел (по крайней мере, она так думала). Мотору нужно остыть. Потом она попробует снова. Так почему бы не поспать?

«Бандероль на почтовом ящике. От Дж. Уитни».

Почему она вдруг подумала об этом? Что в этом такого? Она сунула пластиковую тарелку с оливками и кусочками огурца назад в корзинку и задумалась. От посылки ее ум скоро перешел к другой мысли, показавшейся необычайно яркой и бесспорной ее засыпающему рассудку.

Кэмберы уехали к родственникам в другой город. Может быть, в Кеннебанк или в Огасту. На семейный праздник.

Она представила большой сбор на зеленой лужайке. За громадным столом сидело не менее пяти десятков людей. В сторонке дымилась жаровня с барбекю. Сидящие передавали друг другу жареную кукурузу и домашние бобы, салаты, тарелки с барбекю (у Донны заныло в желудке). Стол был накрыт домотканой скатертью. Во главе его восседала благообразная седая дама... Уже во сне Донна без всякого удивления увидела, что это ее мать.

Там были и Кэмберы, но во сне они оказались вовсе не Кэмберами. Джо Кэмбер был одет в рабочий комбинезон Вика, а Черити — в зеленое шелковое платье Донны.

И их сын был точь-в-точь таким как Тэд, когда он пойдет в пятый класс...

— Мама?

Картина поплыла, начиная рваться на куски. Она попыталась удержать ее, ведь это была счастливая семья, какой у нее никогда не было... и не будет в их с Виком тщательно запрограммированной жизни, с их единственным, тоже запрограммированным, ребенком. С внезапной тоской она подумала, как она не осознавала этого раньше.

— Мама?

Картина померкла. Ну и Бог с ней. Осталась только уверенность — Кэмберы уехали на семейный праздник и скоро вернутся, довольные и сытые после барбекю. И все будет в порядке. Джо Кэмбер с лицом Вика обо всем позаботится. Бог не оставит их.

— Мама!

Она очнулась и очень удивилась, увидев, что не лежит в своей постели, а сидит за рулем «пинто»... но тут же все вспомнила. Образы Родственников, собравшихся за праздничным столом, исчезли, и через пятнадцать минут она уже ничего не помнила из своего сна.

— А? Что?

Внезапно в доме Кэмберов зазвонил телефон. Пес вскочил — громадная, бесформенная тень на фоне сарая.

— Мама, я хочу в туалет.

Куджо заревел. Это был не лай, а именно *рев*. Внезапно он кинулся на дверь и изо всех сил ударился об нее, сотрясая косяк.

«Нет, подумала она, — нет, ну пожалуйста, не надо...»

— Мама, я хочу пи...

Пес вцепился в доски двери. Она слышала хруст дерева.

Телефон прозвонил шесть раз. Восемь. Десять. Потом замолчал.

Она поняла, что все это время сдерживала дыхание и выпустила воздух одним шумным выдохом.

Куджо стоял возле двери, поставив передние лапы на ступеньки. Он зарычал — кошмарный, низкий звук. После этого обернулся и посмотрел на «пинто». Не увидев

ничего подозрительного, он снова ушел в тень, за пределы видимости.

Тэд настойчиво дергал ее за рукав.

— Ма, я хочу писать!

Она беспомощно посмотрела на него.

Бретт Кэмбер положил трубку.

Никто не отвечает. Похоже, его нет дома.

Черити кивнула, не слишком удивившись. Она была рада, что Джим разрешил им звонить не из гостиной, а из его кабинета. В гостиной было слишком много источников шума: широкоэкранный «Панасоник» с видеоприставкой и системой «Атари» для видеоигр и прелестный старый проигрыватель типа «Вурлицер».

— Сидит у Гари, наверное, — предположил Бретт.

— Ага, — согласилась она, вспомнив взгляды, которыми обменялась с Джо, когда заключала с ним сделку, приведшую их с сыном сюда. Ей не хотелось, чтобы Бретт звонил к Гари — она очень сомневалась, что ему там ответят. Она подозревала, что два старых пса, обнявшись, воют в данный момент на луну.

— Как ты думаешь, ма, Куджо в порядке?

— Ну, я думаю, папа что-нибудь сделает, если он не в порядке, — она и правда так думала. — Почему бы тебе не позвонить ему утром? Уже пора спать. Скоро десять. У нас был тяжелый день.

— А я не устал.

— Все равно мы ехали слишком долго. Сейчас дам тебе зубную щетку и полотенце. Помнишь, где туалет?

— Конечно. А ты тоже пойдешь спать, ма?

— Чуть позже. Посижу немного с Холли. Нам о многом нужно поговорить.

— А она похожа на тебя. Ты знаешь?

Холли с удивлением посмотрела на него.

— Ну, немного.

— И этот малыш, Джимми. Как он меня стукнул, — Бретт хихикнул, вспомнив.

— Тебе не было больно?

— Не, — Бретт смотрел на кабинет Джима-старшего: пишущая машинка на столе, ксерокс, следы скоросшивателей, расставленных по алфавиту. В его взгляде была какая-то холодная оценка, которой она не понимала. — Что ты. Он еще маленький. Он ведь мой кузен?

— Да.

— Близкий родственник, — казалось, его это позабавило.

— Бретт, тебе понравились дядя Джим и тетя Холли?

— Она — да, а про него еще не могу сказать. Проигрыватель у него хороший. Только.., — он покачал головой с неудовольствием.

— Что такое?

— Он так гордится, — сказал Бретт. — Как малыш игрушкой, понимаешь? Этим проигрывателем.

— Ну, он совсем недавно его купил, — сказала Черити. У нее стали зарождаться подозрения. Что Джо наговорил мальчику, когда отводил его в сторону перед отъездом?

— Холли сказала, что Джим с детских лет мечтал о нем. Именно о таком проигрывателе. Люди... дорогой, люди покупают разные вещи, чтобы доказать себе, что они преуспели в жизни. Так мне кажется. И часто это то, что они не могли купить, когда были бедными.

— А дядя Джим был бедным?

— Не знаю, — призналась она. — Но сейчас они не бедствуют.

— Я только хотел сказать, что он не знает, что с ним делать. Понимаешь, он купил его и нанял людей, чтобы привезти его сюда, и чтобы наладить, и теперь говорит, что это *его*, но я... не знаю, что-то тут не так.

— Хочешь сказать, что он не сделал его своими руками? — Хотя ее подозрения значительно возросли, голос оставался спокойным.

— Вот! Точно! Он его купил, и теперь это для него — как кредитная карта или...

— Он говорит, что это очень сложная конструкция.

— А папа сделал бы такую сам, — сказал Бретт как бы само собой разумеющееся, и Черити услышала, как где-то

далеко внезапно захлопнулась дверь — не в доме, а у нее в сердце.

— Бретт, — сказала она, — не все люди могут заниматься ремонтом, как твой папа.

— Да, я знаю. Но дядя Джим не может сказать, что это *его*, только потому, что у него есть кредитная карта. Это неправильно.

Она внезапно разозлилась. Ей захотелось схватить его за плечи и трясти; заорать во весь голос, пока он не поймет правоту. Эти деньги Джим получил не за красивые глаза. Пока его любимый папа паял и клепал, прикладываясь между делом к бутылке, Джим Брукс учился на юриста, лез из кожи вон, чтобы получить диплом.

— Иди спать, — спокойно сказала она. — А то, что ты думаешь про дядю Джима, пусть останется между нами. Но... попытайся понять его, Бретт. Не суди так сразу.

Они прошли через гостиную в кухню, где Холли приготовила какао для них. Джим-младший и крошка Гретхен уже спали.

— Ты дозвонилась? — спросила Холли.

— Нет. Похоже, он сидит у своего друга. Завтра еще попробуем.

— Хочешь какао, Бретт?

— Да, спасибо.

Черити наблюдала, как он садится за стол. Он положил на стол локоть и быстро отдернул, вспомнив, что это невежливо. Сердце ее наполнилось любовью, и страх как будто отошел.

«Время, — подумала она. — Время и перспективы. Дать ему это. Иначе ты потеряешь его».

Но сколько у них времени? Всего неделя, и он вернется назад, под влияние Джо. И когда она села напротив и тоже попросила налить ей какао, в уме у нее снова возникла мысль о возможном разводе.

В ее сне пришел Вик.

Он просто подошел к «пинто» и распахнул дверцу. На нем был его лучший костюм, серая тройка (она всегда говорила, что в ней он похож на Джерри Форда, только

с волосами). *«Выходите, — сказал он, слегка улыбнувшись. — Пора домой, пока не настало время вампиров».*

Она попыталась предупредить его, сказать, что пес бешеный, но не могла найти слов. И внезапно из темноты вышел Куджо с опущенной головой, рычащий.

«Осторожно! — попыталась она крикнуть. — Он убьет тебя!» — но крик ее был беззвучен.

Но прежде, чем Куджо успел броситься на Вика, тот повернулся и ткнул в него пальцем. И тут же шерсть Куджо опала, как сухие листья. Его красные глаза выпали из глазниц и, как бусины, покатались по гравию. Нос разбился о землю, как черное стекло. Через миг возле гаража осталась только гора опавшей шерсти.

«Не бойся, — сказал Вик во сне. — Не беспокойся насчет этого старого пса, это всего-навсего куча шерсти. Ты еще не получала почту? Вот это важно. А пес — ерунда. Так ведь? Почта...»

Его голос исчез в длинном-длинном туннеле отражаясь эхом. Внезапно голос стал уже не сном, а памятью о сне — она проснулась, и щеки ее были в слезах. Во сне она плакала. Она посмотрела на часы. Четверть второго. Оглянувшись на Тэда, она увидела, что он спокойно спит, так и не вынув палец изо рта.

«Почта — вот это важно».

И внезапно она осознала важность лежащей на почтовом ящике бандероли. Вчера, в понедельник, приносили почту. Сегодня был вторник, и почту должны принести снова.

Слезы облегчения стали скатываться по ее еще не высохшим щекам. Она еле удержалась, чтобы не разбудить Тэда и сказать ему, что все будет нормально, потому что не позже двух — или даже раньше, если отделение недалеко, — этот кошмар закончится.

Почтальон должен приехать, даже если почты для Кэмберов нет — вот в чем вся прелесть. Это его работа. Он приедет сюда, на свой конечный пункт, и сегодня его встретят здесь слезами, как спасителя.

Она увидела корзину Тэда и вспомнила, что там еще есть еда. Она хотела сберечь ее на случай... Ну, на всякий

случай. Теперь в этом не было необходимости, хотя Тэд наверняка проголодается, когда проснется. Она съела остатки огурца. Тэд его все равно не любит. Станный завтрак для него, подумала она, улыбнувшись. Инжир, оливки и «Слим Джим».

Доедая кусочки огурца, она подумала, что во всей этой истории есть ряд пугающих совпадений. Вик уехал на десять дней — раз. Вик вчера позвонил рано — два. Если бы он позвонил позже, он бы наверняка забеспокоился. И три — Кэмберов не оказалось дома. Всех троих. Остался только пес. Очень мило с их стороны. Они...

Внезапная страшная догадка пронзила ее. Что, если они все трое лежат в сарае? Она попыталась отогнать вставший перед глазами образ, но он возвращался во всей своей неумолимости. Три тела, лежащих рядом, как куклы, пыль рядом с ними пропитана кровью, невидящие глаза устремлены к потолку, одежда разорвана.

(прекрати)

Может быть, первым он схватил мальчика. Остальные были на кухне, слышали крики, выбежали...

(прекрати немедленно!)

...но мальчик был уже мертв, пес перегрыз ему горло, и когда они в ужасе замерли, он подкрался к ним в полутьме и...

(да нет, мужчина должен был успеть схватить ружье и продырявить ему башку, и потом, где машина? У них же была машина).

Тогда почему никто не приходит покормить пса? Если они все уехали, то должны были кого-нибудь попросить.

В этой мысли крылась пугающая логика. Почему никто не приходит? Когда вы уезжаете куда-нибудь...

Тут пес снова вышел из сарая.

«Вот и ответ, — появилась новая спасительная мысль. — Раз никто его не кормит, ему придется самому поискать себе еду».

Но с другой стороны, может, пес и не захочет есть. А может, мать с сыном действительно уехали на семейный праздник, а Джо Кэмбер просто валяется где-нибудь пьяный. Все может быть.

«Может, он ел что-нибудь в сарае?»

И что он там ел?»

Она отправила в рот последний кусочек огурца и почувствовала боль в желудке. Они оставили псу поест прежде, чем уехали. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться.

Но перед ней все еще стояла картина пропитанной кровью пыли в сарае.

«Хватит. Думай уж лучше о почте. Думай о будущем. Думай о спасении».

За окном раздался тихий скрежет.

Она не хотела смотреть туда, но голова поворачивалась словно под действием чьей-то невидимой руки. Она услышала хруст связок шеи. Там был Куджо, и он смотрел на нее. Его морда находилась от нее не более, чем в шести дюймах. Их разделяло только стекло.

Куджо усмехался.

Она почувствовала, как в ее легких зарождается крик, когда опять подумала, что может прочесть его мысли.

«Я до вас доберусь, крошки мои. Думай про почтальона, сколько хочешь. Я и его убью, как убил всех троих Кэмберов, как убью тебя и твоего сына. Можешь думать, о чем угодно. Можешь...»

Крик рвался наружу, словно был живым существом, а она в это время вспомнила: Тэд хотел писать, и она подняла его вверх и чуть приоткрыла окно, дюйма на четыре, и он сделал это туда, а она смотрела, не идет ли пес; потом она уснула, потом ей представились мертвецы в сарае, потом...

Пес усмехался ей; его звали Куджо, и его укус означал смерть.

Крик рвался наружу.

(Но Тэд спит).

Она изо всех сил стиснула челюсти. Наконец сердце забилося чуть поспокойнее, и крик угас. Она улыбнулась псу и показала ему оба средних пальца на руках, поднеся их к стеклу, чуть затуманенному его дыханием.

— Скотина, — прошептала она.

Пес повернулся и пошел к сараю. Она снова подумала о том, что он там делает

(и что он там ест)

и решительно закрыла эту тему.

Но спать больше не хотелось, хотя до рассвета еще было очень далеко. Она присела, твердя себе, что это глупо, что пес не может быть каким-то ужасным призраком, вырвавшимся из шкафа Тэда.

Вик подскочил на кровати в полной темноте, чувствуя, как дыхание со свистом выходит из пересохшего горла. Сердце в его груди билось, как молот, и он в первую минуту даже подумал, что упал с кровати.

Он открыл глаза и увидел окно, тумбочку, лампу.

(Это отель «Риц-Карлтон» в Бостоне, штат Массачусетс).

Он расслабился, удивляясь, как он мог так растеряться. Из-за чего? Ах да, ему приснился кошмар.

Кошмар! Такого он не мог припомнить даже в детстве. Он взглянул на будильник, стоящий на тумбочке. Без двадцати два. Роджер на другой кровати повернулся и лежал теперь на спине, сбросив простыню.

Вик спустил ноги с кровати, тихо прошел в ванную и прикрыл дверь. На полочке лежали сигареты Роджера, и он взял одну. Это было ему необходимо. Потом сел на унитаз и закурил, стряхивая пепел в раковину.

Опасный сон, сказала бы Донна, и он в самом деле мог быть опасным. Ведь он лег спать в пол-одиннадцатого в лучшем расположении духа, чем был всю последнюю неделю. Вернувшись в отель, они с Роджером просидели полчаса в баре, обсуждая его идею, а потом Роджер порывлся в бумажнике и извлек оттуда телефон Янси Харрингтона. Так звали актера, игравшего роль Профессора вкусных каш.

— Надо еще спросить, согласится ли он на это, — сказал Роджер, набирая номер. Вик тоже не знал, согласится ли Харрингтон. Он был очень подавлен всем происшедшим.

Но их ожидал приятный сюрприз. Харрингтон сразу же согласился. Он понимал, что с Профессором покончено,

но, как и Вик, считал, что ему нужно оправдаться перед публикой.

— Вот тип, — сказал Роджер восхищенно, вешая трубку.

— Не многим героям рекламы удастся попрощаться со своими зрителями. Держу пари, он готов примчаться в Бостон за свой счет.

Поэтому Вик лег спать довольным и заснул почти сразу. И ему приснился сон, что он стоит возле шкафа в комнате Тэда и говорит, что там ничего нет, потом открывает шкаф, и видит, что игрушки и вещи Тэда исчезли оттуда. Вместо них там вдруг вырос лес — старые ели и сосны с могучими стволами. Пол шкафа был усыпан шишками и хвоей. Он смел их, чтобы увидеть доски, но внизу была темная, влажная земля.

Он вошел в шкаф, и дверца захлопнулась за ним. Но света было достаточно. Он отыскал тропу и пошел по ней, увидев вдруг, что на спине у него рюкзак, а на боку — походная фляжка. Семь лет назад, еще до «Эд Уоркс», они как-то ездили в отпуск в Аппалачи, и там было точно так же. Тогда они чудесно провели время, а потом поехали на побережье. Он, Донна, Роджер и Элсия.

Первая часть сна была довольно приятной. Потом он вышел на поляну и увидел... но тут сон начал путаться, как это обычно бывает.

С одной стороны поляны возвышалась громадная горная цепь, в которой зияла пещера — нет, для пещеры она была недостаточно глубока. Скорее, ниша, углубление в скале. Там прятались Донна и Тэд. Прятались от какого-то монстра, пытающегося добраться до них и сожрать.

Это походило на сцену из «Кинг-Конга», но монстр во сне не был гигантской обезьяной. Это был... дракон? Нет, не похоже. Не дракон, не динозавр, не тролль. Он не мог понять. Но он пытался добраться до Донны с Тэдом и терпеливо ждал, как кот у мышиной норки.

Он побежал к ним, но никак не мог приблизиться к пещере. Он слышал, как Донна зовет на помощь, но когда он кричал в ответ, казалось, что она не слышит его. Услышал его Тэд.

«Папа! — кричал он отчаянным голосом, наполнившим Вика страхом. — Они не действуют! Слова от Монстров не действуют! Папа, ты меня обманул! Ты соврал!»

Он побежал еще быстрее, на безрезультатно. И когда он поглядел на подножие скалы, он увидел там груды высохших костей и белых, оскаленных черепов, поросших зеленым мхом.

Тут он проснулся.

Но что же это был за Монстр?

Он не помнил. Сон уже стирался в памяти, как это тоже всегда бывает. Он кинул сигарету в унитаз и включил воду в раковине, смывая пепел.

Он помочился, выключил свет и вернулся в постель. Лежа там, он поглядел на телефон и ощутил внезапное, почти иррациональное желание позвонить домой. Иррациональное? Было без десяти два. Он не просто ее разбудит, но еще и перепугает. Нельзя так доверять снам; любой это скажет. Когда твое дело и твой брак под угрозой, может привидеться что угодно.

«Только бы услышать ее голос и узнать, что все в порядке...»

Он отвернулся от телефона и закрыл глаза.

«Позвоню утром. Сразу после завтрака».

Эта мысль принесла облегчение, и он заснул. На этот раз сны ему не снились или, по крайней мере, не запомнились. И когда будильник утром поднял его, он забыл уже сон про монстра на поляне и только смутно помнил, что ночью вставал. Домой он так и не позвонил.

Черити Кэмбер проснулась в пять и тоже пережила минутную растерянность — желтые обои вместо дерева, зеленые занавески в цветочек вместо белых ситцевых, узкая кровать вместо их широкой двуспальной. Где она?

Потом она вспомнила и испытала приятное облегчение. Она целый день проведет с сестрой, вспоминая прежние времена. И Холли сводит ее посмотреть магазины.

Она проснулась часа на полтора раньше обычного и часа на два раньше, чем принято в этом доме. Но мать

говорила, что человек всегда плохо спит первые две ночи в незнакомой постели, и это была правда.

Пока она лежала, в окружающей тишине стали выделяться маленькие звуки. Она услышала скрип половицы. Шум первого утреннего поезда «Вестпорт-Гринич-Нью-Йорк». Шаги по мостовой за окном.

Снова скрипнула половица.

Это не просто так. Это шаги.

Черити села на кровати, отбросив покрывало. Шаги медленно спускались. Они были мягкими: босиком или в носках. Это Бретт. Она узнала его. Когда долго живешь с человеком, начинаешь различать звук его шагов.

Она встала и подошла к двери. Ее комната выходила в коридор, и она успела заметить только его голову, исчезающую внизу.

Когда она дошла до лестницы, Бретт уже скрылся за дверью, ведущей в кухню. Она открыла было рот, чтобы позвать его... Но они были в чужом доме. Она быстро спустилась по лестнице, стараясь не шуметь. Бретт стоял на кухне в одних голубых пижамных штанах, белые тесемочки которых болтались у пола. Она видела его в профиль в мягком утреннем свете. Бретт искал что-то среди шкафов и полок. Она, хоть и была испугана, невольно залюбовалась им — его стройным телом, изгибами мышц, чистыми линиями ног. «Какой он у меня красивый», — подумала она. Черити до конца своих дней не забыла того, как она стояла на кухне и любовалась своим сыном. Он казался ей совершенством.

Она видела, что он не проснулся. Он и раньше ходил во сне, между четырьмя и восемью годами. Ее это беспокоило, и она обратилась к доктору Грешэму (не говоря об этом Джо). Она не боялась, что Бретт лишится рассудка — он был совершенно нормальный мальчик, — но опасалась, что в таком состоянии он может упасть и сломать себе что-нибудь. Доктор сказал, что этого не может быть.

— Мы мало знаем о снохождении, — говорил он ей, — но нам известно, что оно гораздо чаще встречается у детей, чем у взрослых. Связь тела и сознания растет с годами, и

большинство специалистов, миссис Кэмбер, думают, что снохождение — просто безобидный симптом временной нестыковки между этими двумя.

Он доказывал, что сомнамбулизм Бретта достигнет пика, потом ослабнет и, наконец, совсем исчезнет. Ее это не совсем удовлетворило, и через неделю она привела к доктору самого Бретта. Ему тогда исполнилось шесть лет. Грешэм признал его совершенно здоровым ребенком. Последнее из его ночных хождений случилось уже два года назад.

И вот снова.

Бретт один за другим открывал шкафы, заглядывая в каждый. Глаза его были широко раскрыты, и ей показалось вдруг, что он видит совсем не то, что у него перед глазами.

Она испытала давний, бессильный страх, который уже почти забыла: страх родителей, когда их маленькие дети болевают чем-нибудь опасным и трудноизлечимым. «Где он сейчас? — подумала она. — Что он видит? И почему это опять началось, после двух лет? Неужели из-за отъезда из дома?»

Он открыл последний шкаф и достал розовый соусник. Поставил на стол. Взял что-то из воздуха и высыпал в соусник. Ее руки покрылись гусиной кожей. Это была процедура, которую он проделывал каждый день. Он кормил Куджо.

Она шагнула к нему и остановилась. Конечно, она не верила в сказки о том, что если неожиданно разбудить лунатика, сознание может покинуть его тело, и результатом станут безумие или смерть — но здравый смысл подсказывал ей, что все равно ничего хорошего из этого не выйдет. Если его сейчас разбудить, это повлечет за собой слезы или даже истерику.

Поэтому она никогда не будила Бретта во время его ночных хождений, не стала делать этого и сейчас. Одной из причин был здравый смысл, другой — ее неосознанный страх, которого она сама не могла понять. Что такого страшного в хождении Бретта во сне? Это было естественно, как и то, что он беспокоится о Куджо.

Он отошел от стола, держа соусник, и внезапно на его лице отразилась сложная пантомима тревоги и печати. Потом он произнес слова, выговаривая их как спящие, почти неразборчиво. И хотя это были самые обычные слова, но Черити они испугали больше чем все предыдущее. Она дотронулась рукой до тела. Кожа там была совсем холодной.

— Куджо больше не голоден, — сказал Бретт. Теперь он прижимал соусник к груди. — Не голоден.

Он выпрямился, и по лицу его скатилась единственная слеза. Потом он поставил соусник на стол и пошел к двери. Глаза его были открыты, но он не видел мать. На пути он остановился, обернулся назад и произнес:

— Ищи в траве, — кому-то невидимому.

Потом снова пошел к ней. Она стояла неподвижно, все еще прижимал ладонь к горлу. Он прошел мимо поднялся по лестнице и скрылся.

Она повернулась, чтобы идти за ним, и вспомнила про соусник. Он стоял на столе, как лаконичный натюрморт. Она взяла его обеими руками — руки дрожали, — и убрала назад в шкаф. Потом постояла еще немного, слушал тяжелый стук своего сердца, и пошла за ним.

Она заглянула в дверь его комнаты, когда он уже лег. Он натянул простыню и повернулся на бок — его обычная поза во сне.

Внизу кто-то закашлялся, напомнив ей, что они в чужом доме. Она почувствовала, что уже скучает, и в эту минуту мысли о разводе показались ей совершенно нереальными, как детские фантазии.

Но почему пантомима кормления Куджо так ее испугала? *«Куджо больше не голоден».*

Она вернулась к себе и лежала в постели, пока не взошло солнце. За завтраком Бретт казался таким же, как всегда. Он не вспоминал про Куджо и не стал звонить домой. Поразмыслив, Черити решила забыть про это.

Становилось жарко.

Донна чуть приоткрыла свое окно — насколько осмелилась, — и перегнулась через Тэда, чтобы сделать то же

с его окном. Тот она заметила желтоватый листок бумаги у него на коленях.

— Что это, Тэд?

Он посмотрел на нее. Глаза у него покраснели.

— Слова от Монстров.

— Дай посмотреть.

Он протянул ей листок. Лицо его казалось выжидающим, и она на миг испытала ревность. Она заботилась о нем, о его жизни, а он надеется на этот фокус-покус, который придумал его дорогой папочка. Тут же это чувство сменилось болью и злостью на себя. Кто, как не она, втравила его в это дело? Если бы она оставила его с няней...

— Я вчера положил их в карман, — сказал он, — когда мы уезжали. Мама, Монстр съест нас?

— Это не Монстр, Тэд, это всего-навсего *собака*, и, конечно же, он нас не съест. Говорю, скоро придет почтальон, и мы поедem домой. *«И я говорила, что машина заведется, и что кто-нибудь придет, что Кэмберы скоро вернутся...»*

— А ты отдашь мне их?

В какой-то момент ей хотелось разорвать листок на мелкие кусочки и выкинуть их в окно, но она вовремя одумалась. Она отдала его Тэду и обеими руками вцепилась себе в волосы, испуганная и разозленная. Что это с ней? Почему она хочет, чтобы все было еще хуже? Что это?

Было жарко — чересчур жарко, чтобы думать. Пот заливал ей лицо, и она видела, что и Тэд сильно вспотел. Его волосы прилипли к черепу непонятными клочьями и казались темнее, чем на самом деле. «Надо бы вымыть ему голову», — подумала она рассеянно и опять вспомнила про шампунь «Не плачь», стоящий в полной безопасности на полке в шкафу и ждущий, когда кто-нибудь придет и выльет его в ладонь.

(не распускайся)

Нет, конечно. Нет никаких поводов распускаться. Все идет нормально, так ведь? Пса не видно. Уже больше часа. И почтальон. Уже почти десять. Почтальон скоро придет.

Приедет и покончит с этим. Ничего что у них осталось только четверть термоса молока, и что утром ей захотелось в туалет, и она была вынуждена воспользоваться для этой цели маленьким термосом Тэда, и теперь в машине пахло мочой. Она швырнула термос в окно, слыша, как он разбился о гравий. Потом она заплакала.

Но все это неважно. Главное, что почтальон скоро приедет... может быть, он уже в пути в своей маленькой бело-синей машине. Уже скоро. Она отвезет Тэда домой, и они поднимутся наверх и будут мыться и отдыхать, но сперва она достанет с полки шампунь и вымоет волосы, сначала Тэду, а потом и себе.

Тэд опять читал написанное на листке, беззвучно шевеля губами. Конечно, он не читал; читать он научится года через два (*«если мы выберемся отсюда»*, — подсказал предательский голос); просто повторял на память. *Почтальон. Где этот чертов почтальон?*

— Мама, может быть, машина заведется?

— Дорогой, я боюсь пробовать. Аккумулятор сел.

— Но мы же все равно здесь сидим, — капризно сказал он. — Что с того, сел он или нет, раз мы здесь сидим? Попробуй!

— Не приказывай мне, а то получишь по попе!

Он отстранился, услышав ее сердитый окрик, и она снова обругала себя. Он устал... кто в этом виноват? И он был прав. Это и вызвало у нее гнев. Но он не понимал, что единственная причина, по которой она не хочет заводить машину — это боязно привлечь внимание пса.

Она безнадежно повернула ключ в зажигании. Мотор медленно, протестуя, зафыркал, но искра не проходила. Она выключила зажигание и нажала гудок. Он сипло прохрипел, но этот звук уже вряд ли кто-нибудь мог услышать, даже из того дома у подножия холма.

— Ну вот, — сказала она свирепо. — Доволен? Вот и все.

Тэд заплакал. Это началось, как в раннем детстве: рот скривился, слезы покатились по щекам еще до того, как раздались первые всхлипывания. Она обняла его, попросила прощения, говорила, что ей тоже плохо, что скоро

приедет почтальон, и они поедут домой, думая при этом: «Вся в мать. Она тоже в случае беды всегда старалась разделить ее с близкими. Яблочко от яблони. Может, и Тэд, когда подрастет...»

— Мама, почему так жарко?

— Эффект отражения, — машинально ответила она. Теперь она думала о том, что проходит последний экзамен на материнство — или на взрослость. Сколько они здесь? Часов пятнадцать, самое большее. И она уже совершенно выдохлась.

— А можно мне попить «Доктора Пеппера», когда мы приедем домой? — слова от Монстров, смятые и промокшие от пота, лежали у него на коленях.

— Все, что захочешь, — сказала она и крепко обняла его. Его тело казалось одревеневшим. «Зачем я кричала на него?» — подумала она горестно.

Но она исправится. Вот только приедет почтальон, и она обязательно исправится.

— А я думаю, что мо... что собака нас съест, — сказал Тэд.

Она промолчала. Куджо нигде не было. Даже звук мотора не привлек его. Может, он спит? Может он уже умирает? Вот было бы хорошо... особенно если бы он умирал медленно. В муках. Она снова посмотрела на дверь. Она заперта. Теперь это было ясно. Когда люди уезжают, они запирают дверь. Было бы глупо пытаться ее открыть, особенно зная, что скоро приедет почтальон. «Представь, что это на самом деле», — всегда говорил Вик. Представь, что на самом деле пес жив и ждет в сарае, когда ты соберешься вылезти.

Уже было почти одиннадцать. Она еще час назад заметила что-то, лежащее в траве за окном Тэда. После пятнадцати минут изучения она поняла, что это старая бейсбольная бита с рукояткой, обмотанной изолентой.

Вскоре после этого из сарая опять показался Куджо, слепо таращась на солнце своими красными, воспаленными глазами.

Приторный голос Джерри Гарсиа из чьего-то транзистора плыл по коридору, отражаясь от его стенок, как будто звучал в длинной стальной трубе. В это утро он умывался и брился в грязном общественном туалете, среди луж блевотины и засохших пятен крови.

«Иди куда хочешь, сладкая моя, — пел Джерри Гарсиа, — но не говори им, что знаешь меня».

Стив Кемп стоял у окна своей комнаты на пятом этаже портлендской гостиницы, глядя вниз и думая о Донне Трентон, о том, как он развлекался с ней, и что потом случилось. А что случилось? Что за чушь?

У него зверски болела голова. Лучше бы он поехал в Айдахо. Чего ради он торчит здесь? Он не знал. Этим утром он посмотрел на себя в грязное зеркало в туалете и подумал, что стареет. Вернувшись в номер, заметил на полу таракана. Кругом дрянь.

«Она поперла меня не потому, что я стар, — бессвязно думал он. — Я вовсе не стар. Она просто получила от меня, что хотела, эта сука. У нее чесалось в одном месте. Я ей прописал лекарство. Интересно, как любящему супругу мое скромное послание? Что он сделал с ней?»

И получил или он его вообще?

Стив затушил сигарету об шкаф. Да, это интересный вопрос. Ответ на него может дать ответы и на другие. И прогнать это гнусное чувство, не покидавшее его с тех пор, как ему так постыдно указали на дверь.

Внезапно он понял, что нужно делать, и сердце его забилось в предвкушении. Он сунул руку в карман, нащупал мелочь и вышел. Было без двадцати двенадцать, и почтальон, на которого так надеялась Донна, уже сворачивал на Кленовую дорогу.

Вик, Роджер и Роб Мартин провели утро в студии и вышли оттуда только к обеду. После гамбургеров и большого количества пива Вик внезапно осознал, что он пьян. Обычно он не выпивал больше одного коктейля или стакана белого вина; он наблюдал, как многие из его коллег по рекламе шлялись по питейным заведениям на Мэдисон-авеню, рассказывая первым встречным о сюже-

тах, которые они никогда уже не сделают... или, если напивались сильнее, о романах, которых никогда уже не напишут.

Его охватывало странное чувство: полупобедное, полутревожное. Роб встретил их идею последней рекламы Профессора с энтузиазмом... но не хотел ничего делать без одобрения старика Шарпа и его сына.

Теперь они втроем сидели за угловым столиком ресторана над остатками своих гамбургеров, загромоздившими стол пивными бутылками и переполненной пепельницей. Вик вспомнил день, когда они с Роджером сидели в «Желтой подлодке» в Портленде, обсуждали предстоящую поездку. На волне ностальгии он вспомнил про Донну и Тэда и подумал, что они сейчас делают. *«Надо позвонить им вечером, — подумал он. — Если я еще буду достаточно трезвым».*

— Ну и что теперь? — спросил Роб. — Останетесь тут или полетите в Нью-Йорк? Можем сходить на бейсбол.

Вик поглядел на Роджера, но тот лишь пожал плечами.

— В Нью-Йорк. Спасибо, Роб, но нам сейчас не надо бейсбола. Нужно еще много согласовывать, но я думаю, все в конце концов согласятся с моей идеей.

— Ну, не заносись, — сказал Роб. — Еще много вопросов.

— Вот и нужно их разрешить, — сказал Роджер. — Я думаю, на маркетинг нам хватит дня.

— Может понадобится и два, — заметил Вик. — Во всяком случае нужно иметь запас времени.

— А что потом?

— А потом мы позвоним старику и попросим с ним встречи. Я думаю, мы полетим в Кливленд прямо из Нью-Йорка. «Волшебное таинственное путешествие».

— Ага, «увидеть Кливленд и умереть», — мрачно подхватил Роджер. — Мне не терпится увидеть этого старого пердуна.

— Не забудь про молодого, — усмехнулся Вик.

— Как можно! Джентльмены, я предлагаю еще по маленькой.

Роб взглянул на часы.

- Знаете, мне...
- Ну, еще по одной.
- Ладно, — вздохнул Роб.

Почтальон Джордж Мира сошел со ступенек почты в Касл-Роке и пукнул. Сегодня он пукал особенно часто, но это его мало волновало.

Причем, это не зависело от того, что он ел. Вечером они с женой ели тосты с селедочным маслом — он пукал. Утром бананы — он опять пукал. Днем, в «Пьяном тигре» он съел два чизбургера с майонезом — и снова пукал.

Он отыскал симптомы в «Домашней медицинской энциклопедии», солидном двенадцатитомном издании, которое его жена приобретала по тому в год в Сауз-Пэрисе. То, что Джордж Мира прочитал в статье «Газы избыточные», его не очень обрадовало. Там говорилось, что это может быть симптомом гастрита или даже язвы. Он уже хотел сходить к доктору Квентину, но скорее всего тот скажет ему, что он стареет и оттого пердит.

Джордж тяжело пережил смерть старой Эвви Чалмерс — тяжелее, чем он думал раньше, — и с тех пор не любил думать о старости. Он предпочитал думать о предстоящем уходе на пенсию, когда они будут тихо-мирно жить вместе с Кэти. Не нужно будет вставать в полседьмого, таскать мешки с почтой и слушать назидания Майкла Фурнье, почтмейстера. Не нужно мерзнуть зимой и изнывать от жары, доставляя почту дачникам в их коттеджи. Вместо этого он сам будет ездить куда-нибудь... а лучше всего отдыхать. Мысль о причинах его пуканья вырвалась в эти приятные мысли, как ракета с неполадками в управлении.

Он повернул свой бело-синий автомобиль на дорогу №3, морщась от солнечных бликов, играющих на стекле. Лето, как Тетя Эвви и предсказывала, было невероятно жарким. Он слышал сонные рулады сверчков в высокой траве и опять представил, как будет слушать их в своем дворе, выйдя на пенсию.

Он заехал к Милликенам, бросив в ящик рекламный бюллетень и счет за электричество. В этот день всем

приходили счета, но он думал, что в управлении вряд ли дождутся денег от Милликенов. Эти Милликены — типичная «белая дрянь», как и Гэри Педье выше по дороге. Да и Джо Кэмбер немногим лучше.

Джон Милликен возился на заднем дворе, ремонтируя что-то вроде бороны. Джордж помахал ему, и Милликен лениво махнул в ответ.

— Вот вам, мистер получатель пособия, — подумал злорадно Джордж Мира. Он поднял ногу и снова пукнул. Черт, хорошо, что он не в компании.

Он доехал до гари Педье и сунул в его ящик такие же рекламу и счет. Потом он развернул машину: Джо Кэмбер звонил на почту и просил придержать его корреспонденцию на несколько дней. Фурнье сказал, что понедельничную почту уже отправили.

— Ладно, — сказал Джо. — Сегодня я еще смогу ее забрать.

Когда Джордж клал почту в ящик Гэри Педье, он заметил, что почта Гэри за понедельник — письмо с просьбой о пожертвовании из общества сельских школ и «Популярная механика» — все еще там. Посмотрев на дом, он увидел рядом с ним старый «Крайслер» Гэри и «Форд» Джо Кэмбера.

— Вот они где, — пробормотал он. — Два придурка развлекаются.

Он поднял ногу и еще раз пукнул.

Джордж Мира решил, что они уехали куда-нибудь пьянствовать, скорее всего на грузовике Джо. Ему не пришло в голову, что в этом случае они воспользовались бы более удобным транспортом. Не заметил он ни следов крови на крыльце, ни большой дыры во входной двери.

— Развлекаются, — повторил он. — Хорошо хоть, Джо предупредил насчет почты.

Он поехал назад к Касл-Року, то и делая поднимая ногу и пуская в дело свой гудок.

Стив Кемп заехал в магазин за чизбургерами. Потом сел в свой фургон и стал есть, поглядывая на Брайтон-авеню.

До этого он позвонил в офис любящего супруга. Он сказал, что его зовут Адам Своллоу. Можно ли поговорить с мистером Трентоном? Во рту у него пересохло от возбуждения. Когда Трентон возьмет трубку, он расскажет ему много интересного. Где у его жены родинки, и на что они похожи. Как она кусала его до крови, когда кончала. Что она говорила ему про него, любящего супруга.

Но все получилось не так. Секретарша сказала: «Простите, но ни мистера Трентона, ни мистера Брикстона сейчас нет. Они вернутся только на следующей неделе, не раньше. Если я могу вам помочь...» Голос ее выражал участие. Она действительно хотела ему помочь... А потом смотреть поскорее с работы, пока боссы не вернулись. Беги танцуй, детка, пока подошвы не задымятся.

Он поблагодарил ее и сказал, что перезвонит после. Теперь он ел чизбургеры и думал, что делать дальше. «Будто ты не знаешь», — прошептал внутренний голос.

Он завел мотор и поехал в Касл-Рок. Доев чизбургер, он был уже в Норз-Уиндеме. Бумажку он бросил на пол, где уютно расположились пластмассовые стаканчики, коробки «Биг Маков», пустые бутылки и прочий мусор. Он не любил сорить, так как считал себя экологом.

Стив добрался до дома Трентонов к полчетвертому. Он осторожно проехал мимо дома, не замедляя скорости, и припарковал фургон на соседней улице. Назад он пошел пешком.

Подъезд был пуст, и его охватило разочарование. Он, конечно, не думал, что она ему что-то позволит, но весь путь от Вестбрука до Касл-Рока он провел в возбуждении, которое теперь мгновенно улетучилось.

Она уехала.

Нет; *машина* уехала. Это ведь не одно и то же. Стив огляделся.

«Мы видим, леди и джентльмены, прелестный загородный дом в летний день, детишки в саду, жены смотрят телевизор — «Любовь к жизни» или «В поисках завтрашнего дня». Любящие мужья трудятся на благо семьи».

Двое маленьких детей в одних трусах прыгали по тротуару, изрисованному мелом. В окошко выглянула лысеющая старуха с чайником и что-то сказала детям. В общем, ничего не происходило. Улица млела от жары.

Стив решительно направился к подъезду. Сперва он заглянул в маленький одноместный гараж. Там было пусто. Ни «пинто» ни «ягуара».

Стив поднялся по ступенькам на крыльцо. Осторожно толкнул дверь. Не заперто. Он вошел внутрь тихо, не постучавшись.

Его сердце тяжело стучало, и этот звук казался ему оглушительным в молчании дома.

— Эй! Кто-нибудь дома? — голос его был радостным и чистосердечным, словно он пришел навестить лучших друзей после долгой разлуки.

— Э-эй! — он вошел в холл.

Конечно, никого нет. Пустой дом, где все на месте, кроме хозяев, всегда пугает. Кажется, что он наблюдает за вами.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? — В последний раз. *«Надо оставить ей что-нибудь на память»*. Он вошел в комнату и осмотрелся. Рукава его рубашки были закатаны, подмышки взмокли от пота. Теперь можно было припомнить все. Как ему хотелось ее убить, когда она обзывала его сукиным сыном. Как ему хотелось ее убить, когда она заставила его почувствовать себя старым и жалким. Конечно, письмо частично успокоило его, но этого было мало.

Справа от него на стеклянных полках стояли декоративные горшки. Повернувшись, он внезапным пинком обрушил нижнюю полку. Все сооружение рухнуло, разбивая стекло, керамику, фарфоровые фигурки кошек и пастушков и всю эту буржуазную дрянь. Он радостно ухмыльнулся, потом прошелся по осколкам, тщательно растапывая их в порошок. Он снял со стены семейное фото, с любопытством поглядел на улыбающееся лицо Вика Трентона (он обнимал Донну за талию, а Тэд сидел у него на коленях) и швырнул фото на пол, с размаху ударив каблуком по стеклу.

Он оглянулся, тяжело дыша, как после пробежки. Внезапно он набросился на ни в чем не повинные вещи, словно это они причинили ему боль, требующую отмщения. Он повалил кресло Вика, перевернул диван, который рухнул на кофейный столик, переломив его пополам. Он сбросил с полок книги, проклиная дурной вкус людей, которые их покупали и читали. Он перевернул полку с журналами, поднял ее и швырнул в зеркало, разбив его. Куски зеркала со звоном посыпались на пол. Теперь он сопел, как бык. Щеки его сделались почти пурпурными.

Он прошел через кухню в маленькую столовую. Прежде всего он повалил обеденный стол — свадебный подарок родителей Донны. С него посыпались набор для специй, ваза из-под цветов, стеклянная пивная кружка Вика. Керамические солонки и перечницы взрывались, как маленькие бомбы. От злобы он вновь испытал возбуждение. Он думал о том, что его найдут и накажут. Он был охвачен стихией разрушения.

Он вытащил из-под раковины ящик и выкинул оттуда кастрюли и сковородки. Они гремели, но не разбивались. Тогда он принялся один за другим открывать кухонные шкафы и швырять на пол посуду. Сперва это были тарелки, потом настала очередь стаканов. Среди них он обнаружил набор из восьми рюмочек для вина, который хранился у Донны с двенадцати лет. Его он растоптал с особенным наслаждением.

Потом салатница. Большое сервировочное блюдо. Плейер фирмы «Сейрс», разбившийся с громким треском. Стив Кемп танцевал на всем этом, чувствуя, как твердый, как камень, член распирает ему штаны. Вена у него на лбу пульсировала. В углу он отыскал коробку со спиртным, и аккуратно открывая бутылки одну за одной, швырял их об шкафы. Скоро белые дверцы украсились причудливыми узорами джина, виски «Джек Дэниелс», «Амаретто» (рождественский подарок от Роджера и Элсии Брикстонов). Осколки стекла причудливо искрились в легком свете, падающем в окошко над раковиной.

Стив ворвался в комнату для стирки, выволок оттуда пачки стирального порошка, отбеливатель в большой

синей бутылке, «Лестойл» и «Том Джоб» и щедро разлил и рассыпал все это по полу.

Он высыпал содержимое последней пачки и заметил на стене записку Донны:

«Мы с Тэдом уехали в гараж Джо Кэмбера. Скоро вернемся».

Это напомнило ему о реальности. Он был здесь уже полчаса, а может и больше. В своей ярости он не замечал времени, а теперь пора было оставлять поле боя. Но сначала он оставит им маленький подарок.

Он стер с доски запись и написал большими квадратными буквами:

«Это тебе, дорогая».

Потом поднялся бегом по лестнице и вошел в спальню. Теперь он каждую секунду ждал, что зазвонит звонок, и кто-нибудь (какая-нибудь ее подруга) просунет голову в дверь, как он сам, и спросит: «Эй, кто-нибудь дома?»

Но это лишь прибавило ему возбуждения. Он расстегнул ремень, спустил штаны и извлек свой член, окруженный порослью рыжеватых волос. Все произошло быстро; он был слишком возбужден. Два-три резких движения рукой, и он содрогнулся в оргазме. Сперма вылилась на покрывало.

Он поддернул джинсы, застегнул молнию (едва не прищемив головку члена — вот было бы смешно!). Он еще мог наткнуться на кого-нибудь по дороге, и этому «кому-то» могли чрезвычайно не понравиться его багровое лицо и выпученные глаза.

Он попытался собраться и успокоиться. Хм, поднятый им шум мог разбудить мертвого. Зачем только он бил эти горшки? О чем он думал?

Соседи могли услышать.

Но во дворе никого не было. Ничто не нарушало сонного покоя. Прямо перед ним возвышался забор, отделявший собственность Трентонов от соседского участка. Сперва открывался вид на город, раскинувшийся у подножия холма. Стив мог видеть пересечение дороги №117 и Хай-стрит и Городской совет, возвышающийся рядом. Он стоял посреди двора, пытаясь прийти в норму.

Дыхание понемногу замедлялось, краска отлила от лба и щек.

«А что, если она подъедет прямо сейчас?»

Это прогнало все вернувшееся было спокойствие. Он оставил свою визитную карточку. Если она позвонит в полицию, ему будет худо; но он не думал, что она решится на такое. Он мог рассказать там слишком много всего. «Сексуальная жизнь американской домохозяйки, как она есть». Хотя это было бы безумием. Лучше поскорее убраться отсюда. Может, как-нибудь потом он и позвонит ей. Спросит, как ей понравилась его работа. Можно будет повеселиться.

Он вышел на улицу и быстрым шагом направился к своему фургону. Никто не обращал на него внимания. Он влез в фургон, выехал на дорогу №117 и поехал в направлении Портленда. Там он уплатил пошлину и покати́л на юг. Гнев прошел, и в голову начали приходить здравые мысли — что он сделал, и придется ли за это отвечать. Он совсем разорил дом. Почему?

Он стал думать. Как школьник, кропотливо выводящий рисунок, стирая лишнее ластиком, он выстраивал картину случившегося и перестраивал ее, пока она окончательно не обрела в его сознании приемлемую для него форму.

Доехав до дороги №495, он повернул на запад, к молчаливым равнинам Айдахо, куда уехал в свое время и Папа Хемингуэй, когда состарился и смертельно устал. Он чувствовал подъем, который ощущал всякий раз, когда рвал старые связи и уезжал в другое место. В такие моменты он чувствовал себя почти что новорожденным, владеющим величайшей в мире свободой — свободой менять свою жизнь.

Переночевать он остановился в маленьком городке под названием Твиненхэм. Уснул он легко. Он убедил себя, что разорение дома Трентонов — не мщение, но акт революционной анархии, направленный против пары буржуазных свиней, готовых подчиняться любым фашистам, лишь бы те позволили им наслаждаться своим мещанским раем. Это был почти героический поступок, его способ

сказать «власть народу», что он говорил во всех своих стихах.

Засыпая, он подумал, что первым делом решила Донна, когда вернулась домой с ребенком. Эта мысль заставила его уснуть с улыбкой на губах.

В полчетвертого Донна поняла, что почтальон сегодня не придет.

Она сидела, обняв одной рукой полусонного Тэда. Его губы распухли от жары, лицо покраснело. Осталось еще немного молока, и скоро она напоит им Тэда. Солнце в последние три часа пекло невыносимо. Даже с приоткрытыми окнами температура в машине была не меньше 100. Так бывает, если надолго оставить машину на солнце, но в нормальных условиях можно открыть окна, включить вентиляцию, и ехать. «Ехать», — какое сладкое слово!

Она облизала губы.

На короткое время она открывала окна, но боялась оставить их так. Она могла получить солнечный удар. Жара пугала ее, в первую очередь, из-за Тэда, но еще больше она боялась, что в окне вдруг снова появится собачья морда, пускающая слюну и глядящая на нее красными глазами.

В последний раз она открывала окно, когда Куджо уходил в сарай. Но теперь он вернулся. Он сидел у сарая, опустив голову, и смотрел на «пинто». Пыль у его лап была влажной от слюны. То и дело он рычал и хватал зубами воздух, будто ему что-то мерещилось.

«Ну, когда же он содохнет?»

Донна рассуждала рационально. Она не верила в Монстров из шкафа; она верила в реальные, осязаемые вещи. Ничего иррационального в бешенстве сенбернара не было; просто больной пес, укушенный лисой или скунсом. Он вовсе не был божьим мщением ей, таким Моби-Диком, четвероногим роком.

Но... она уже совсем решила попытаться добежать до крыльца, когда он вышел из сарая Тэд. Нужно подумать о нем. Нельзя больше выжидать. Он уже стал говорить бессвязно, а глаза его смотрели на нее зачарованно, как

у боксера, получившего серию ударов, и ждущего только последнего, чтобы рухнуть на ринг. Все это пугало ее и напоминало, что испытанию подвергаются ее материнские чувства. Тэд не мог ждать. Но он же и удерживал ее в машине, потому что она боялась оставить его одного.

Пока Куджо не вернулся, она собиралась с духом, чтобы открыть дверь, снова и снова проигрывая в уме свои возможные действия. Она сняла рубашку и теперь сидела за рулем в своем белом лифчике. Когда она побежит, то обернет рубашкой руку. Плохая защита, но лучше, чем ничего. Она может разбить стекло и войти в дом. Даже если внутренняя дверь заперта, она как-нибудь проникнет туда. Как-нибудь.

Но Куджо вернулся и расстроил все ее планы.

«Ничего. Он еще уйдет. Как делал раньше». «Но уйдет ли? — спрашивала она себя. — Все слишком удачно складывается. Кэмберы уехали и, как примерные граждане, сказали, чтобы им не завозили почту; Вик тоже уехал и вряд ли позвонит до завтра. И если он позвонит рано, то решит, что мы отправились к Марио или в «Тэст Фриз» за мороженым. А потом он не будет звонить, чтобы не будить нас. Предупредительный Вик. Да, все очень удачно. Как тот пес Харона в Мифах. Только зовет его Куджо. Проводник в Царстве Мертвых».

«Уходи, — мысленно приказала она псу. — Уходи в сарай, сволоочь».

Куджо не двигался с места.

Она облизала губы, распухшие не меньше, чем у Тэда.

— Как ты, Тэдди? — она осторожно убрала его волосы со лба.

— Тсс, — бессвязно пробормотал Тэд. — Утки.

Она потрясла его.

— Тэд? Какие утки? Ты слышишь меня?

Он открыл глаза и огляделся, маленький мальчик, испуганный и смертельно уставший.

— Мама? Мы поедем домой? Мне жарко...

— Поедем, — пообещала она.

— Когда, мама? Когда? — он беспомощно заплакал.

«Ох, Тэд, береги влагу, — подумала она. — Она может тебе понадобиться». Дурацкие мысли. Но не так ли? Маленький мальчик, умирающий от обезвоживания организма

(прекрати, он же не умирает!)

в семи милях от города.

Но так и было. И не старайся с этим спорить, дорогая. Если хочешь, верь, что этот пес судьба, или Божеское наказание, или даже реинкарнация Элвиса Пресли. Это не меняет дела. В этой ситуации, когда речь идет о жизни и смерти, нужно думать о другом.

— Ну когда, мама? — он смотрел на нее заплаканными глазами.

— Скоро, — сказала она мрачно. — Очень скоро. Она прижала его к себе и посмотрела в его окно. Ее глаза снова заметили предмет, лежащий в траве, старую бейсбольную биту.

«Хотела бы я разбить этой штукой его башку».

В доме зазвонил телефон.

Она вскинула голову, мгновенно наполнившись безумной надеждой.

— Это нам, мама? Нам звонят?

Она не отвечала. Она не знала, кто это. Но при удаче — должна же им когда-нибудь улыбнуться удача? — этот звонящий должен заинтересоваться, почему телефон у Кэмберов так долго не отвечает.

Куджо поднял голову, напоминая в этот момент пса с граммофонной марки «Хиз Мастерс Войс». Он, шатаясь, поднялся и направился к дому.

— Может, он хочет ответить на звонок? — предположил Тэд. — Он...

С ужасающей быстротой пес изменил направление и помчался к машине. Неуклюжесть его в мгновение ока исчезла, словно он притворялся раньше. Он рычал и утробно лаял. Красные глаза горели. Он ударился о машину и отскочил — расширенными глазами Донна увидела вмятину на дверце. «Он должен расшибиться, — в испуге подумала она, — разбить свою проклятую башку, должен, ДОЛЖЕН...»

Куджо мотал головой. Из его носа текла кровь. Глаза казались изумленными. Телефон в доме зазвонил опять. Пес повернулся туда, но неожиданно опять кинулся на машину, ударившись о стекло прямо напротив лица Донны с глухим стуком. На стекло брызнула кровь, и по нему пробежала длинная извилистая трещина. Тэд завизжал и закрыл лицо руками.

Пес кинулся снова. Слюна брызгала из его окровавленной пасти. Она могла видеть его зубы, тяжелые и желтые, как слоновая кость. Когти царапали стекло. Его глаза глядели прямо на нее: тупые, дикие глаза, но в них она видела какое-то знание. Знание чего-то страшного, о чем она боялась даже думать.

— *Уходи!* — закричала она.

Куджо еще раз ударился о стекло на ее стороне. Еще раз. Еще. Дверь вдавилась внутри. Каждый удар двухсотфунтовой туши сотрясал маленький автомобильчик, и каждый раз она слышала тот же тяжелый стон и изо всех сил надеялась, что он расшибется или, по крайней мере, потеряет сознание. И каждый раз он отходил и снова бросался вперед. Его морда превратилась в кровавую маску, искаженную слепой яростью.

Она взглянула на Тэда и увидела, что он в шоке свернулся в комок на сиденье, зажав руками лицо.

«Может, это и к лучшему».

Телефон в доме замолчал. Куджо, готовящийся к очередному броску, застыл на месте. Донна затаила дыхание. Пауза показалась ей бесконечной. Куджо сел, задрал свой изувеченный нос к небу и завыл — дикий и тоскливый звук, от которого ее пробрала дрожь. В этот момент она была почти уверена — она *знала*, — что это не просто собака.

Наконец, Куджо медленно отошел от машины. Она надеялась, что он ляжет там — она не видела больше его хвоста. Но она ждала. Куджо не появлялся.

Она склонилась к Тэду и стала приводить его в чувство.

Когда Бретт, наконец, повесил трубку, Черити взяла его за руку и повела в кафе Кэлдора. Там за столом их ждала Холли, попивая коктейль.

— Ну, что там? — осведомилась она.

— Ничего. Он просто беспокоится за пса. Правда, Бретт?

Бретт с несчастным видом кивнул.

— Иди вперед, если хочешь, — предложила Черити. — Мы догоним.

— Ладно. Я жду внизу.

Холли допила свой коктейль и вышла, весьма привлекательная в своем бордовом платье и пробковых сандалиях, такая привлекательная, какой Черити не стать уже никогда. Холли отвезла их в Бриджпорт, угостила чудесным обедом — по карте Обеденного клуба, — и после этого они ходили по магазинам. Но Бретт в самом деле беспокоился о Куджо. Черити сама чувствовала себя неважно; стояла жара, и ей передалось беспокойство сына. Наконец, она согласилась, чтобы он позвонил домой из автомата... но результат оказался именно таким, какого она боялась.

Подошла официантка. Черити заказала кофе, молоко и два пирожных.

— Бретт, — сказала она, — когда я сказала отцу о нашей поездке, он был против...

— Да, я знаю.

— ...а потом передумал. И я подумала, что он увидел в этом шанс... шанс самому немного отдохнуть. Иногда мужчинам нужен такой отдых, нужно чем-нибудь заняться...

— Вроде охоты?

(И пьянства, и блядства, и еще Бог знает чего).

— Ну да.

— И кино, — сказал Бретт, принимаясь за пирожное.

— Может быть. Во всяком случае, твой отец мог уехать на пару дней в Бостон...

— О, я не думаю, — убежденно заявил Бретт. — У него много работы. Он так говорил.

— Может, ее оказалось не так много, — сказала она, стараясь говорить без горечи. — Я думаю, что он так и сделал, поэтому и не берет трубку. Пей молоко, Бретт. Оно полезное.

Он отпил половину стакана и стер появившиеся белые усы.

— Может быть. Он мог и Гэри с собой взять. Он ведь любит Гэри.

— Да, мог взять и Гэри, — она говорила, словно впервые слышала эту идею, но на самом деле уже звонила Гэри утром, пока Бретт играл во дворе с Джимом-младшим. Никто не брал трубку. Она и не сомневалась, что они укатили вместе. — Не ешь слишком много пирожного.

Он откусил кусок и положил пирожное на тарелку.

— Ма, я думаю, что Куджо все таки заболел. Он выглядел больным вчера утром. Серьезно.

— Бретт...

— Это правда, мама. Ты ведь его не видела. Он выглядел... ну, нехорошо.

— Если бы ты узнал, что с Куджо все в порядке, ты бы успокоился?

Бретт кивнул.

— Тогда мы позвоним вечером Альве Торнтону. Попросим его сходить и посмотреть. Я даже думаю, что отец уже попросил его кормить Куджо, когда уезжал.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно, — Альва или не Альва; друзей у Джо не было, кроме Гэри, но попросить кого-нибудь он вполне мог.

Лицо Бретта прояснилось, как по волшебству. Словно она вытянула правильный ответ, только и способный его утешить. Но ее это скорее расстроило. Что она скажет ему, когда позвонит Альве, и он скажет, что не видел Джо с весны? Во всяком случае, она не верила, что Джо уехал, не позаботившись о Куджо. На него это не похоже.

— Пошли к твоей тете?

— Ага. Сейчас.

Она с легким неудовольствием наблюдала, как он в три глотка прикончил пирожное и запил его остатками молока. Потом он отодвинул стол.

Черити оплатила чек, и они спустились вниз по эскалатору.

— Тьфу ты, какой большой магазин, — восхитился Бретт. — Это большой город, правда ма?

— Ну, по сравнению с Нью-Йорком он все равно, что Касл-Рок. И не говори «тьфу», я же просила.

— Ага, — он держался за поручень, глядя вокруг. Справа от них располагались клетки с возбужденно щебечущими попугаями. Слева — мебельный отдел, сверкающий лаком, с фонтаном посередине. Бретт посмотрел на мать.

— А вы с тетей Холли росли вместе?

— Да вроде, — усмехнулась Черити.

— Она правда красивая.

— Да, я рада, что тебе нравится. Я ей всегда немножко завидовала.

— Мама, а как она разбогатела?

Черити осеклась.

— А ты думаешь, они богатые?

— Дом у них недешевый, — сказал он, и она опять увидела за его мальчишеским лицом лицо Джо в его дурацкой зеленой шляпе. — И этот проигрыватель. Он ведь очень дорогой. У нее полный кошелек этих кредитных карт, и все, что мы купили...

Она перебила его:

— Думаешь, красиво заглядывать людям в кошельки, когда они угощают тебя обедом?

Лицо его казалось удивленным.

— Я просто сказал. Она это так показывает...

— Совсем она это не показывает, — Черити была шокирована.

— Показывает. Она хочет, чтобы все это видели. Мне так кажется.

Она внезапно разозлилась — отчасти потому, что он был прав.

— Мне не очень интересно, что тебе кажется, Бретт Кэмбер — отчеканила она.

— Я просто спросил, откуда у нее столько бабок.

— Это вульгарное слово. Никогда не говори его.

Он пожал плечами, утратив всякое желание разговаривать. Он отстаивал собственные взгляды на жизнь, совпа-

дающие с взглядами его отца. Или он не имеет право на свое собственное мнение по поводу жизни, которую ведут ее сестра с мужем, только потому, что ей эта жизнь нравится?

Она понимала, что имеет, но не ожидала, что его мнение будет настолько отрицательным.

— Я думаю, их деньги от Джима, — сказала она. — Ты знаешь, что он...

— Знаю, перекладывает бумаги с места на место.

Но она не собиралась отступать.

— Если хочешь, это так. Холли вышла за него, когда он учился в колледже. Изучал право. Когда он учился потом в юридическом училище в Денвере, она зарабатывала деньги. Так часто бывает. Жена работает, чтобы ее муж мог выучиться какой-нибудь специальности...

Она искала взглядом Холли.

— И, когда Джим окончил училище, они с Холли переехали на Восток. И он начал работать в Бриджтоне в большой юридической фирме. Сначала он получал мало. Они жили на третьем этаже без отопления и кондиционера. Но он работал и теперь занял в фирме высокий пост. И теперь он действительно получает неплохо... по нашим стандартам.

— Может, она показывает всем свою карту потому, что внутри все еще чувствует себя бедной? — предположил Бретт.

Ее поразила эта возможность. Она взъерошила ему волосы, уже не сердясь на него.

— Ты же говорил, что она тебе нравится.

— Это правда. А вон она.

— Вижу.

Они устремились к Холли, которая уже купила занавеску и теперь разглядывала скатерти.

Солнце наконец скрылось за домом.

Мало-помалу печь в машине начала остывать. Подул легкий ветерок, и Тэд с облегчением подставил ему лицо. Ему было лучше, чем в течение всего дня. Фактически, этот день весь казался ему сплошным страшным сном, где

явь перемежалась с видениями. Во сне он скакал на коне по полю, и там играли кролики, точь-в-точь, как в мультфильме, который он смотрел с мамой и папой в «Волшебном фонаре» в Бриджтоне. В конце поля был пруд, где плескались очень милые утки. Тэд играл с ними. Ему было лучше, чем маме, потому что мама была там, с монстром, с монстром, вылезшим из его шкафа. Там, где он видел уток, никакого Монстра не было. Тэду это нравилось, хотя он странным образом знал, что, если он пробудет в этом чудесном месте слишком долго, то не сможет вернуться в машину, к маме.

Потом солнце зашло за дом. Появились прохладные тени, приятные на ощупь, как бархат. Монстр отстал от них. Почтальон не приехал, но теперь можно было хотя бы отдохнуть. Хуже всего была жажда. Никогда в жизни ему так не хотелось пить. Там, где плавали утки, было так зелено, так прохладно...

— Что ты говоришь, дорогой? — над ним склонилось мамино лицо.

— Пить, — прошептал он. — Я хочу пить, мама.

— Да, я знаю. Мама тоже хочет пить.

— Я думаю, в доме есть вода.

— Дорогой, мы не можем войти в дом. Злая собака нас сторожит.

— Где? — Тэд встал на колени и выглянул в окошко, зажмурившись от яркого света. — Я не вижу.

— Сядь, Тэд. Ты...

Она еще говорила, и он чувствовал ее присутствие рядом, но все вдруг стало расплываться. Снова доходили до него через плотную туманную завесу как будто вечер окутал их туманом... как в то утро, когда папа уезжал в свою поездку. Но туман был не там, где осталась мама. Он был в том месте, где плавали утки. Мамино лицо отдалилось и стало бледным и спокойным, как луна, что заглядывает иногда в окошко, когда вы просыпаетесь среди ночи... потом это лицо растаяло в самом тумане. Ее голос растворился в кряканьи уток.

Тэд играл с ними.

Донна задремала, а когда она проснулась, тени уже шаползали друг на друга, и весь двор Кэмберов приобрел пепельную окраску. Солнце, круглое и багровое, висело над горизонтом, напоминая ей баскетбольный мяч, окрашенный кровью. Она пошевелила языком. Горло было будто обито мягкой тканью. Слюна свернулась тугим комком. Она мельком подумала, как приятно было бы открыть душ у себя в доме, включить ледяную воду и подставить тело под освежающий водопад. Образ был настолько ярким, что она вздрогнула. У нее болела голова.

Где пес?

Она выглянула в окошко, но смогла увидеть только то, что рядом с сараем его не было.

Она надавила гудок, но он только захрипел, не желая работать. Она потрогала пальцем трещину на стекле и подумала, что будет, если пес ударит в это стекло еще пару раз. Разобьется ли стекло? Она не верила в это сутками раньше, но теперь готова была поверить.

Она снова стала смотреть на дверь, ведущую в дом. Теперь она казалась более далекой, чем раньше... словно ей хотелось видеть ее такой.

«Этот проклятый пес гипнотизирует меня».

Она сразу оборвала эту мысль. Дела принимали слишком опасный оборот, чтобы позволять себе рефлексировать. Сознательно или неосознанно, Куджо в самом деле гипнотизировал ее, но теперь все изменилось. Она не могла больше выжидать, пока сварится вместе с сыном в этой жестянке.

Тэд спал. Если пес в сарае, она может попытаться сейчас.

«Но если он все еще за машиной? Или под ней?»

Она вспомнила, что обычно говорил ее отец, когда смотрел футбол по телевизору. В этих случаях он обычно ставил рядом с собой пепельницу и большую чашку бобов, и комната становилась непригодной для жизни на весь день; даже пес, поскуливая, удалялся прочь.

При особенно удачных ударах отец, всегда вскрикивал одно и то же: «Ждал в кустах!» Ее мать это неизменно

бесило, но тогда Донна уже знала, что ее бесит все, что отец ни делает.

Теперь ей представился Куджо, лежащий за машиной вне пределов видимости и наблюдающий за тем, как она выходит, своими кровавыми глазами. Он ждет ее, думает, что она такая глупая. Он ждет ее в кустах.

Она потеряла лицо руками. Над головой показалась Венера. Солнце превратилось в красную полосу на горизонте. Где-то запела птица.

До нее дошло, что сейчас она выбирает самый неудачный момент за весь день, чтобы выйти из машины. В самом деле, она задремала и не видела, куда делся пес. Она очень устала, а в машине было так уютно, и Тэд посапывал рядом; его полубредовое состояние перешло в настоящий сон.

Но она опасалась, что это лишь отговорки. На самом деле, ситуация была серьезной, но не отчаянной. Нужно только выбрать удачный момент. Силы ее убывают, и утром она еще больше ослабнет. К тому же, она просидела в одной позе уже двадцать восемь часов. Что, если она вообще не сможет разогнуться и, выйдя из машины, беспомощно скрючится, пытаясь размять затекшие ноги и наблюдала, как к ней большими прыжками несется Смерть?

«Речь идет о жизни и смерти, — беспомощно проговорил внутренний голос. — Нужно выбрать удачный момент, вот и все».

Ее тело собралось с силами раньше, чем мозг. Она ту же обернула рубашку вокруг правой руки и взялась левой за ручку дверцы. Она так ничего и не решила сознательно; она просто пошла.

Сейчас, пока Тэд спит и не увидит исхода... каким бы он не был.

Она открыла дверцу влажной от пота рукой, вслушиваясь в каждый звук.

Птица пропела снова.

«Если он согнул дверцу, она может и не открыться», — подумала она. Может, так будет и лучше. Можно будет снова сесть в кресло, и отбросить сомнения... и ждать... и терять влагу... и слабеть.

Она надавила на дверцу левым плечом. Правая рука под рубашкой тоже вспотела. Кулак сжался так сильно, что заболели пальцы. Снова и снова она проигрывала в уме, как подбегает к двери, тянется к ручке...

Но дверца не желала открываться. Она надавила на нее изо всех сил, связки на шее напряглись. Но дверца...

... внезапно открылась с ужасным скрежетом. Она едва не выпала из машины, схватившись для равновесия за ручку. Внезапно ее охватила паника, холодная и безнадёжная, как у пациента после медицинского заключения «рак». Дверца уже не закроется. Пес доберется до них. Тэд еще может милосердно потерять сознание прежде, чем зубы Куджо вопьются ему в горло.

Она тяжело дышала, быстрее и быстрее. Ей казалось, что она видит каждый камешек на дорожке, но думать было невероятно трудно. Мысли путались; мысленные сцены сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой.

Падение с крыльца в пятилетнем возрасте, когда она сломала запястье.

Стыд и страх, когда однажды в школе, на уроке алгебры, на ее светлой юбке проступили пятна крови, и как она старалась добежать до туалета, пока никто не заметил.

Первый парень, с которым она целовалась — Дуайт Сэмпсон.

Новорожденный Тэд у нее на руках, и как нянечка забирает его, и она пытается возразить: *«Он мой, отдайте его мне»*, — но не может говорить от слабости.

И ее отец, плачущий на ее свадьбе и потом напившийся пьяным.

Лица. Голоса. Комнаты. Фильмы. Книги. Ужас этого момента, когда думаешь *«Я СЕЙЧАС УМРУ»*...

Наконец она схватилась за ручку обеими руками и рванула ее на себя. Дверца закрылась с тем же скрежетом. Она ожидала, что Куджо вот-вот появится, но его не было.

Донна откинулась на сиденье, дрожа и беззвучно рыдая. Горячие слезы текли по щекам. Никогда в жизни она так не боялась, даже по ночам у себя в комнате, когда была маленькой, и ей казалось, что кругом шуршат громадные

пауки. Но теперь страх был сильнее. Нервы совсем расстроены. Нужно подождать, отдохнуть...

Но она не могла позволить этой навязчивой идее завладеть ей.

Лучшего шанса все равно не будет. Тэд спит, пса не видно. Если бы он был поблизости, он бы выскочил на звук открываемой дверцы. Он мог спать в сарае, но там бы он все равно услышал этот шум. Лучшего шанса просто не может быть.

Логично. Но окончательно убедила ее не логика, а видение того, как она входит в полутемный, прохладный холл Кэмберов, бросается к телефону и звонит шерифу Баннермэну. Потом идет на кухню и наливает стакан холодной воды.

Она снова открыла дверцу, стараясь приглушить скребущий звук. В душе она умоляла пса посидеть где-нибудь или поскорее сдохнуть.

Она спустила ноги на землю. И понемногу, заминая затекшие мышцы, встала в полный рост под темнеющим небом.

Птица снова запела где-то поблизости. Потом стало тихо.

Куджо слышал, как открылась дверца. Когда она открылась в первый раз, он почти уже выскочил из-за дома, где лежал в полузабытьи. Он почти уже собрался кинуться на Женщину, причинившую ему эту жуткую боль. Но инстинкт приказал ему пока подождать. Женщина только пробует, убеждал его инстинкт, и это оказалось правдой.

По мере того, как болезнь разрушала его нервную систему, как степной пожар, и уничтожала его привычные мысли и ощущения, его хитрость неожиданно возрастала. Он был уверен, что в конце концов доберется до Женщины и Мальчика.

Дважды он отходил от них, бегая к болоту на границе земель Кэмберов, где, в непосредственной близости от известняковой пещеры с летучими мышами, журчал ручей. Он ужасно хотел пить, но оба раза вид воды вызывал

у него отвращение. Он хотел убить эту воду, загадить ее, закидать землей. Оба раза эти чувства гнали его прочь, к Женщине и Мальчику, из-за которых все это случилось. И больше он от них не уйдет. Он будет ждать, пока не доберется до них. Если понадобится, он будет ждать до самого конца света.

Всему виной эта Женщина. Когда она смотрела на него, она словно говорила: *«Да, да. Это я заставила тебя заболеть. Я сделала тебе больно. Я загнала тебе боль в голову, и в лапы, и в мышцы».*

О, убить ее, убить!

Раздался звук. Тихий, но Куджо его услышал. Теперь его уши были особенно чувствительны к звукам. Он слышал небесные хоры и вопли грешников из ада. В своем безумии он слышал и реальное, и сверхъестественное.

Это был звук шуршащих камешков.

Куджо напрягся и стал ждать, когда Женщина покажется. Тогда он убьет ее.

В доме Трентонов зазвонил телефон.

Он позвонил шесть раз. Восемь. Десять. Замолчал. Чуть позже о переднюю дверь ударился свежий «Колл», и Билли Фримэн со своим холщовым мешком на плече покотил дальше, к дому Рэли.

В комнате Тэда дверца шкафа снова открылась, и из нее пахло неопишуемым запахом, диким и мертвым.

Дежурный предложил Виду Трентону подождать и попробовать еще раз.

— Нет, спасибо, — сказал Вик и повесил трубку.

Роджер смотрел игру «Ред Сокс» по 38-му каналу, сидя на диване в одном белье с сэндвичем и стаканом молока.

— Из всех твоих привычек, — сказал Вик, — самой худшей мне кажется разгуливать в подштанниках.

— Поглядите на него, — воскликнул Роджер. — Мужу тридцать два года, а он все еще называет трусы подштанниками.

— Ну и что?

— Да так, ничего... ты бы еще сказал «панталоны».

— Заткнись, Родж, — угрожающе заявил Вик, улыбаясь. — Иначе пожалеешь, но будет *поздно*, — он отхватил половину от сэндвича Роджера и сунул себе в рот.

— Что за антисанитария, — проворчал тот, стряхивая крошки с голой волосатой груди. — Что, Донны нет дома?

— Ага. Они с Тэдом, наверное, поехали куда-нибудь перекусить. Хотел бы я вернуться домой вместо этого чертового Бостона.

— Послушай, — возразил Роджер. — Мы уже вечером будем в Нью-Йорке. Помнишь, коктейль у Билтмора под часами...

— Плевал я на Билтмора и на его часы. Любой, кто уезжает на неделю из Мэна в Бостон и Нью-Йорк, особенно в такую жару, рискует свихнуться.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Роджер, поворачиваясь к телевизору, где Боб Стэнли бил штрафной.

— Вкусный сэндвич, — заметил Вик, победно улыбаясь своему компаньону.

Роджер прижал тарелку с сэндвичем к груди.

— Купи себе еще, бессовестный.

— Куда звонить?

— Шесть-восемь-один. Заказы в номер.

— Пива хочешь? — осведомился Вик, подходя к телефону.

Роджер покачал головой.

— Хватит с меня ланча. Башка болит, желудок болит. Утром наверняка буду икать. Пей сам.

Вик заказал горячий «пастроми» и две бутылки «Турборга». Когда он опять посмотрел на Роджера, тот сидел, глядя в телевизор, и плакал. Сначала Вику показалось, что это просто оптическая иллюзия. Но нет, это были слезы. Цветной экран отражался в них разноцветными бликами.

Вик стоял возле телефона, раздумывая, спросить ли у Роджера, что случилось, или сделать вид, что он ничего не заметил. Но Роджер посмотрел прямо на него, и лицо у него было беззащитным и жалким, как у Тэда, когда тот падал и ушибался.

— Что мне делать, Вик? — спросил он хрипло.

— Родж, о чем ты...

— Ты знаешь.

— Не волнуйся, Родж. Все...

— Все рушится, и мы оба это знаем. Это воняет, как целый ящик тухлых яиц. На нашей стороне Роб Мартин. На нашей стороне этот кандидат в Дом престарелых актеров. На нашей стороне все... кроме тех, кто решает дело.

— Ничего еще не решилось, Родж.

— Элсия даже не понимает, что это все значит. Это моя работа, это ей скучно. Но она ведь привыкла к Бриджтону, Вик. Ей здесь нравится. И девочки, у них здесь подружки... И озеро... Они не понимают, что все это вот-вот *накроется*...

— Ну, не паникуй, Роджер.

— А Донна знает, насколько это плохо?

— Я думаю, для нее это была просто смешная история. Но теперь я ей объяснил.

— Она ведь никогда не любила Мэн, как мы.

— Вообще-то да. Но теперь, я думаю, она схватится за голову, если ей предложат вернуться с Тэдом в Нью-Йорк.

— А мне что делать? — снова спросил Роджер. — Я уже не мальчик. Тебе тридцать два, а мне-то уже сорок один. Что я должен делать? Опять начинать все сначала? Думаешь, Дж. Уолтер Томпсон примет меня с распростертыми объятиями? «А-а, Роджер, я тут сохранил для тебя одну рекламу, можешь приступить». Думаешь, он так скажет?

Вик только покачал головой, в душе слегка разозлившись на Роджера.

— Я боюсь, Вик. Я по ночам лежу и пытаюсь представить, как будет после. Что будет. Я не могу это вообразить. Вот ты смотришь на меня и думаешь «Роджер паникует». Ты...

— Я никогда так не думал, — сказал Вик, стараясь, чтобы не прозвучало виновато.

— Я не говорил, что ты врешь, но я слишком давно работаю с тобой, чтобы знать, о чем ты думаешь. И я не обвиняю тебя, Вик — но между тридцатью двумя и сорока

одним большая разница. За это время из тебя вышибает весь дух.

— Я просто думаю, что не все еще...

— Что можно взять с собой в Кливленд две дюжины коробки этой красной дряни и дожидаться, пока их привяжут нам к хвосту и дадут хорошего пинка. Вот будет потеха!

Вик похлопал его по плечу.

— Да, я понимаю.

— А *ты* что будешь делать, если они закроют счет?

Вик уже задумывался над этим. Рассматривал со всех возможных сторон. Можно сказать, что он уже все для себя решил до того, как Роджер вообще задал себе этот вопрос.

— Ну, я думаю придется поработать как следует, — сказал он. — Тридцать часов в день, если понадобится. Нужно будет набрать как можно больше мелких заказов, чтобы компенсировать утрату Шарпа.

— Эта работа нас угробит.

— Может быть. Но мы откроем огонь из всех стволов.

— Мне кажется, — печально сказал Роджер, — что, если Элсия станет работать, мы сможем платить за дом еще год. За это время можно подыскать для него выгодного покупателя.

Внезапно Вик почувствовал, что у него дрожат губы: ему еще приходится думать о том, что сотворила Донна, воображая, что ей все еще девятнадцать или двадцать. Он опять разозлился на Роджера, счастливо женатого вот уже пятнадцать лет. Элсия мирно и ненавязчиво согревает ему постель и воспитывает девочек. Вик очень удивился бы, если бы узнал о ее измене мужу.

— Послушай, — сказал он внезапно. — В четверг я получил письмо...

Резкий стук в дверь.

— Заказ, — сказал Роджер. Он вытер слезы рубашкой... и как только слезы исчезли, у Вика пропала охота ему рассказывать. Может, еще и потому, что Роджер был прав — между тридцатью двумя и сорока одним на самом деле большая разница.

Вик подошел к двери и взял свое пиво и сэндвич. Он так и не закончил фразу, а Роджер не стал спрашивать, вернувшись к своему футболу.

Вик сел и стал есть, не очень удивленный исчезновением аппетита. Взгляд его упал на телефон, и он опять попытался позвонить домой. Было уже без пяти восемь, время укладывания Тэда в постель. Никто не брал трубку. Это его встревожило. Может быть, Донна уехала к кому-нибудь в гости? Никакой закон не устанавливает, что Тэд должен быть в постели в восемь, особенно в такую жару. Они могли отправиться в парк. Да.

(Или она у Кемпа).

Это была безумная мысль. Она сказала, что все конечно, и он верил ей. Правда верил. Она не лгала. Но мысль продолжала грызть его. Что, если ей вдруг взбрело в голову забрать Тэда и сбежать с Кемпом? Может, они прямо сейчас уже где-нибудь в мотеле, между Касл-Роком и Балтимором? Не будь дураком, Вик. Они могли...

Это концерт, вот это что. Каждый, вторник в парке играет ансамбль, иногда школьный, иногда местный рэгтайм под претенциозным названием «Последняя черта», и она наверняка...

(Ага, сбежала с Кемпом).

Он допил пиво и взялся за вторую бутылку.

Донна стояла возле машины уже секунд тридцать, разминая ноги. Она смотрела на дверь гаража, все еще думая, что, если Куджо появится, то только оттуда — из самого сарая, из-за него или, может быть, из-под грузовика, кажущегося в полутьме нелепым черным чудовищем.

Она стояла, не в силах заставить себя сделать шаг. Ночь окружала ее благоуханием сена и клевера, сладким запахом жимолости.

И она слышала музыку. Тихую, еле слышную, почти призрачную. «Радио где-то», — подумала она и вдруг поняла, что это играет ансамбль в парке. Это был джаз «Диксиленд», и она даже узнала мелодию. «Возвращайся в Буффало». «Семь миль, — подумала она. — Я никогда не думала, что ночь такая тихая. Такая спокойная».

Она ощущала подъем сил.

Сердце пульсировало в груди, как мощный механизм. Кровь заструилась быстрее. Глаза, казалось, стали видеть зорче. Мысль о том, что на карту поставлена ее *жизнь*, наполняла ее странным очарованием; может быть, она впервые так полно ощутила ценность этой *жизни*. Она с легким стуком закрыла дверь.

Она ждала, вслушиваясь в окружающую тишину. Пасть гаража Джо Кэмбера была темной и молчащей. Хром на переднем бампере «пинто» тускло мерцал. Вдали все играл веселый джаз. Она взяла горсть камешков и стала по одному бросать их туда, где мог скрываться Куджо.

Один из камешков упал прямо перед носом Куджо. Куджо приподнялся немного, продолжая ухмыляться. Второй камешек угодил ему прямо в плечо. Он не двинулся. Пусть Женщина отойдет подальше.

Донна стояла возле машины, прислушиваясь. Первый камешек упал на гравий. Но второй... звука она не услышала. Что это значит?

Внезапно она решила не идти к крыльцу, пока не убедится, что за домом никого нет.

Она шагнула вперед. Один шаг. Второй. Третий.

Куджо напрягся. Глаза его сверкали в темноте.

Четыре шага. Сердце ее стучало, как барабан.

Теперь Куджо видел ноги Женщины. Скоро и она увидит его. Ему этого хотелось.

Пять шагов.

Донна повернула голову. Ей что-то почудилось, почти инстинктивное предчувствие опасности. Она повернула голову, ища Куджо, и Куджо был там. Он прятался там все время, ожидая ее.

На миг их глаза встретились — расширенные голубые глаза Донны и красные мутные глаза Куджо. На миг она увидела свое отражение в его глазах, отражение Женщины — видел ли он ее отражение в своих?

Потом он кинулся на нее.

В этот раз оцепенения не было. Она неуклюже отскочила, нащупывая ручку дверцы позади себя. Он рычал и ухмылялся, слюна стекала из пасти белой струйкой. Он приземлился туда, где она только что стояла, и проехался по гравию, подарив ей пару секунд.

Она нашла кнопку под ручкой и нажала на нее. Дверь не открывалась. Куджо бросился на нее головой вперед.

Ей показалось, что ее ударили в грудь большим мячом. Она почувствовала его удар по ребрам и конвульсивно отпихнула его обеими руками.

Клыки Куджо щелкали в нескольких дюймах от ее лица, и она обоняла его дыхание, пахнущее мертвечиной и бессмысленным убийством.

Как-то, используя всю свою силу, ей удалось оттолкнуть его, одновременно безуспешно пытаясь открыть дверцу. Куджо снова пошел вперед. Она пнула его, угадив носком босоножки прямо по носу, и без того разбитому во время его наскоков на машину. Пес неуклюже отпрянул, скуля от боли и ярости.

Она снова нажала на кнопку, отлично понимая, что это ее последний шанс. И последний шанс Тэда. Она продолжала ждать, когда пес снова стал наступать, как не знающая усталости адская тварь. Он будет кидаться на нее, пока кто-нибудь из них двоих не сдохнет.

Тэд проснулся. Он увидел свою мать, стоящую возле машины, и что-то темное у ее ног, с красными глазами, и он знал, что это; это было существо из его шкафа, которое обещало добраться до него, и оно добралось. Слова от Монстров не помогли; монстр был здесь, и он убивал его маму. Он заплакал, закрывая глаза руками.

Она продолжала отталкивать щелкающие челюсти пса от своих ног, с каждой минутой слабея, и плач сына никак не помогал ей. Куджо глядел на нее и, как ни странно,

вилял хвостом. Его задние ноги скребли гравий в попытке попрочнее утвердиться для нападения, но гравий рассыпался под его когтями.

Он снова прынул вперед, ее руки ослабли, и тут он укусил ее за голый живот, прямо под белым лифчиком, добираясь до внутренностей...

Донна дико вскрикнула от боли и присела. Кровь текла ей на джинсы. Она сдерживала Куджо левой рукой, а правой опять попыталась нажать на кнопку. Невероятно, но на этот раз дверца поддалась. Она стала бить ею Куджо. При каждом ударе слышался гулкий звук, как при выбивании козла. Куджо рычал и огрызался.

Он отступил перед новой атакой, и за этот момент она успела загородиться дверцей. На этот раз он ударился головой и взвыл от боли. Она подумала: *«Он должен отступить, должен, должен»*, но он опять стал наступать схватил ее за левое бедро выше колена, вырвав клочок мяса. Она завизжала.

Она снова и снова била Куджо дверцей по голове. Голова пса покрылась кровью, черной в темноте, как кровь насекомых. Мало-помалу он продвигался вперед.

Она последний раз выставила дверцу вперед, опустив голову; лицо ее исказилось от боли и страха. Конец был близок.

Но внезапно Куджо показалось, что с него хватит.

Оно отошел, спотыкаясь, и внезапно рухнул на гравий и начал тереть разбитую голову лапой.

Донна втиснулась в машину, закрывая за собой дверь и упала на сиденье, глухо рыдая.

— Ма... ма... мама...

— Тэд... ничего...

— *Мама!*

— ...ничего...

Движения рук: его — к ней, и ее — к его лицу, потом бессильно вниз.

— Мама... домой... пожалуйста... к папе...

— Конечно, Тэд, мы поедем... правда поедем... Подожди немного...

Бессмысленные слова. Она ощущала, что проваливается в серый туман. Слова Тэда слышались где-то далеко, как эхо. Ничего... ничего... Все хорошо...

«Нет. Не все хорошо».

Пес укусил ее. Бешеный пес.

Холли велела сестре не глупить и сразу набрать номер, но Черити настояла на том, чтобы сначала позвонить диспетчеру и заказать разговор. Счет она оплатит сама.

Диспетчер спросила, кого нужно вызвать в Мэне, и она назвала номер Альвы Торнтон. Через минуту раздался гудок.

— Алло, ферма Торнтонов.

— Бесси, привет! Это Черити Кэмбер. Я звоню из Коннектикута. Альва дома?

Бретт сидел на диване, делая вид, что читает.

— Нет, Черити. Он в своей лиге по боулингу в Бриджтоне. А в чем дело?

Черити уже придумала, что она скажет. Ситуация была несколько деликатной. Бесси, как и почти все замужние женщины в Касл-Роке, любила поболтать, и если она узнает, что Джо Кэмбер, не спросившись у жены, уехал куда-то... зачем им лишние толки?

— Ничего. Мы с Бреттом просто немного беспокоимся насчет собаки.

— Насчет вашего сенбернара?

— Да, Куджо. Мы поехали в Коннектикут к сестре, а Джо отлучился в Портсмут по делу, — это звучало правдоподобно; Джо иногда ездил в Портсмут покупать запчасти (там не брали налог с покупки). — Я хотела узнать, просил ли он кого кормить собаку. Знаешь, эти мужчины вечно все забывают.

— Ну, Джо заходил вчера или позавчера, — сказала Бесси с сомнением. На деле это было в прошлый четверг. Бесси Торнтон не отличалась большим умом (ее тетка, старая Эвви Чалмерс, всегда всем говорила — вернее, кричала, — что у Бесси ни грамма мозгов, зато доброе сердце), она много работала на ферме мужа, а отдыхала у экрана, смотря бесчисленные семейные мелодрамы. Она

плохо ориентировалась во всем, что не касалось ухода за цыплятами, сортировки лиц, мытья полов и ухода за садом. Поэтому она вряд ли помнила какие-либо даты, кроме дня выступления «Снежных дьяволов», клуба езды на снегоходах, где она состояла вместе с Альвой.

Джо тогда заходил по поводу ремонта трактора. Он не брал с Альвы денег, а тот взамен снабжал его свежими яйцами за полцены. Еще Альва приносила Джо скромную дань со своего огорода. Так часто водится среди сельчан.

Черити хорошо знала, что Джо был у Торнтонов в четверг, и что Бесси вечно путает даты. Она могла спросить Бесси, приходит ли Джо насчет ремонта трактора, и это значило бы, что Альва не видел Джо с четверга, и тот не просил его кормить Куджо.

Но можно было и не развивать этой темы. Можно предположить, что Джо заходил именно вчера, успокоить Бретта и забыть об этом до конца поездки. Господи, ну почему этот чертов пес должен портить им отпуск?

— Черити? Ты здесь?

— Да-да, Бесси, слышу. Он, наверное, попросил Альву кормить его?

— Ну, я спрошу его, когда он придет. И дам тебе знать.

— Хорошо. Спасибо, Бесси.

— Не за что.

— Ладно. Всего хорошего, — и она повесила трубку, вспомнив, что Бесси не записала номер. Ну и хорошо. Она повернулась к Бретту. Не будет она ему лгать. Но...

— Твой отец вчера заходил к Альве. Наверное, попросил его насчет Куджо.

— О, — Бретт радостно посмотрел на нее. — Но ты же не говорила с самим Альвой?

— Его нет. Но Бесси сказала, что известит...

— А она не записала номер, — слышалось ли в его голосе подозрение? Или это ей казалось?

— Ничего, я сама позвоню им утром, — быстро сказала Черити, надеясь, что это закроет тему на некоторое время.

— Папа был у них на той неделе, — настаивал Бретт. — Может, миссис Торнтон перепутала день.

— Я думаю, не настолько она глупа, — но мы можем еще кому-нибудь позвонить.

— А кому?

— Ну, допустим, Милликенам.

Бретт с удивлением взглянул на нее.

— Хотя вряд ли, — согласилась Черити. Прошлой зимой Джо и Джон Милликен поругались по поводу платы за какую-то мелкую работу, которую Джо сделал для него. С тех пор они не общались. Хотя Черити пыталась перекинуться словом с Ким Милликен, дочерью Фредди, но та не удостоила ее ни слова, словно сама не была первостатейной шлюхой, побывавшей чуть ли не под всеми старшеклассниками Касл-Рокской школы.

Ей пришлось в голову, что они живут в настоящей изоляции, и она почувствовала легкий страх. Никто им не поможет.

— Ничего, — сказал тихо Бретт. — Он может поесть лопухи или еще что-нибудь.

— Послушай, Бретт. Я позвоню Альве завтра утром и попрошу его сходить туда. Обещаю тебе.

— Хорошо, мама. Только не забудь.

Тут в комнату заглянул Джим-старший.

— Я иду в бильярд. Не желаете со мной?

— Я желаю, — сказал Бретт. — Только покажите, где это.

— А вы, Черити?

Черити улыбнулась.

— Нет, спасибо. Что-то не хочется.

Бретт с дядей ушли. Она осталась сидеть на диване, глядя на телефон и думая о ночном хождении Бретта.

«Куджо больше не голоден».

Она неожиданно вздрогнула. «Завтра обязательно разберусь с этим», — пообещала она себе. Так или иначе. Или нужно возвращаться и позаботиться обо всем самой. Она обещала Бретту.

Вик снова позвонил домой в десять вечера. Никто не отвечал. Он опять попробовал в одиннадцать и ждал очень

долго, но к телефону опять никто не подошел. В десять он начал волноваться, а после второго звонка уже порядком испугался.

Роджер спал. Вик набирал номер в темноте, слушал и вешал трубку тоже в темноте. Ему было одиноко и страшно, как в детстве. Он не знал, что ему делать и что думать. В уме снова и снова вертелась простая фраза: *«Она сбежала с Кемпом, она сбежала с Кемпом, она сбежала с Кемпом»*.

Все говорило против этого. Он вспоминал все, что они с Донной сказали друг другу, тщательно проигрывая в уме все фразы и интонации. У них с Кемпом все кончено. Она велела ему поискать другую дуру. Ничто не предвещало их повторной встречи.

«Разрыв не означает невозможности примирения», — произнес его ум мрачный вердикт.

Но где же Тэд? Она же не могла забрать его с собой? По ее словам, Кемп был чрезвычайно вспыльчив, и Вик предполагал, хоть она и не говорила, что в тот день между ними разыгралась какая-нибудь дикая сцена.

«Поступки людей иногда не предсказуемы».

Ум — вернее, его ревнивая, подозрительная часть, — находила ответы, на все, и в темноте самые дикие ответы обретали убедительность.

Он словно балансировал между двумя видениями: Кемпом и звонящим в их пустом доме телефоном. Она могла попасть в аварию. Может быть, они с Тэдом в больнице. Что-нибудь сломали. Конечно, в этом случае, кто-нибудь обязательно сообщил бы ему — но в темноте эта успокаивающая мысль не успокаивала его.

И он снова обратился к другой возможности: *сбежала с Кемпом*.

Среди возможных противовесов этой теории один наполнил его бессильной злостью. Что если они решили остаться у кого-нибудь на ночь, забыв предупредить его? Было уже поздно звонить их знакомым и спрашивать.

Можно, конечно, позвонить шерифу и попросить его заняться этим, но не излишняя ли это перестраховка?

«Нет», — сказал его ум.

«Они оба лежат с перерезанным горлом, — сказал ум. — Ты все время читал про такое в газетах. Даже в Касл-Роке такое случалось. Вспомни про Фрэнка Додда».

«Сбежала с Кемпом», — твердила другая его часть. В полночь он позвонил еще раз, и новая неудача окончательно наполнила его предчувствием беды. Кемп, убийцы, грабители — неважно. Беда есть беда.

Он бросил трубку и включил свет.

— Роджер, вставай.

— Угу, ммм..., — Роджер прикрыл глаза рукой, заслоняясь от света.

— Роджер!

Роджер открыл глаза и уставился на часы.

— Ты что, среди ночи...

— Роджер..., — он поперхнулся. — Роджер, уже середина ночи, а Донны с Тэдом нет дома. Я боюсь.

Роджер сел и поднес часы к самому носу, чтобы убедиться. Четыре минуты второго.

— Может, они где-нибудь заночевали? Элсия с девчонками иногда остаются на ночь у Салли Петри, когда меня нет. Она нервничает, когда одна в доме.

— Она бы позвонила, — при свете идея, что Донна могла сбежать с Кемпом, представлялась абсурдной, и он даже не верил, что еще недавно почти согласился с ней.

— Позвонила? — Роджер еще плохо соображал.

— Она знает, что я звоню домой по вечерам. Могла позвонить в отель и передать мне, если бы собиралась к кому-нибудь. Разве Элсия не звонит?

— Звонит, — Роджер кивнул. — Обязательно.

— Вот и я волнуюсь.

— Понятно. Но она могла и забыть, — но карие глаза Роджера все равно постепенно наполнялись тревогой.

— Могла. Но что-то могло и случиться.

— У нее же есть с собой документы? Если бы она попала в аварию, полиция в первую очередь известила бы тебя. Они позвонили бы домой, потом в офис, и им бы сказали...

— Я говорю не об аварии. А говорю о..., — его голос начал дрожать. — Я думал, что они с Тэдом там одни, и... не знаю... Я просто боюсь.

— Позвони шерифу, — предложил Роджер.

— Но...

— Да никаких «но». Пойми, наконец, — никаких сирен и мигалок, просто попросил послать полицейского в дом и проверить, все ли там в порядке. Они могут быть в тысяче мест. Например, на вечеринке.

— Донна ненавидит вечеринки.

— Ну, может играла с подругой в покер допоздна, и Тэд уснул где-нибудь на диване.

Вик вспомнил, как она говорила ему: *«Не хочу стать похожей на эти рожи на званых обедах»*, — но промолчал. Это было слишком близко к теме Кемпа.

— Может быть.

— Есть у вас запасной ключ?

— Да, на гвоздике возле двери.

— Вот и скажи им это. Пусть сходят и посмотрят... если, конечно, у тебя там нет ничего запретного, вроде травки.

— Да нет.

— Тогда позвони им. Она может за это время позвонить, и ты почувствуешь себя полным болваном, но хоть успокоишься.

— Да, — Вик слегка улыбнулся. — Так и сделаю.

Он снова поднял трубку, помедлил, потом снова набрал свой номер. Ответа не было. Он набрал номер офиса шерифа из Касл-Рока.

Донна Трентон сидела, положив руки на руль. Тэд в конце концов уснул опять, но сон его был беспокойным, он вздрагивал и иногда стонал. Она боялась, что он снова переживает во сне случившееся до того.

Она потрогала его лоб; он что-то пробормотал и отодвинулся. Лоб был горячим — естественный результат жары и постоянного страха. Она сама чувствовала себя отвратительно. Живот болел, но ей повезло; раны там оказались только царапинами, правда, глубокими. Сильнее пострадала нога. Раны там (укусы, поправила она себя)

уже опухли. Они еще кровоточили, и она решила пока не накладывать бинт, хотя в машине был пакет первой помощи. Она слабо надеялась, что текущая кровь очистит рану... правда так бывает, или это сказки? Она не знала.

Когда она решила забинтовать рану, сиденье «пинто» уже пропиталось кровью. На бинтование ушло три бинта из шести, находившихся в пакете. «Хватит на перевязку», — подумала она, истерически хихикнув.

В слабом свете рана над коленом была цвета вскопанной земли. Со времени укуса она, не переставая, ныла. Она проглотила пару таблеток аспирина из пакета, но это не помогло. Вдобавок заболела и голова.

Растирание ноги заставило ноющую боль перейти в невыносимо острую. Она не знала, сможет ли теперь ступить на эту ногу, чтобы добраться до двери. Да и могла ли она даже попытаться? Пес лежал на гравии. Между машиной и домом, сонно кивая изуродованной головой... но глаза его по-прежнему были устремлены на машину. *На нее.*

Она надеялась, что Куджо больше не станет нападать; по крайней мере, ночью. Завтра солнце загонит его в сарай, если будет так же жарко.

«Ему нужна я», — прошептала она запекшимися губами. И это была правда. По воле ли судьбы или по иным неведомым причинам псу была нужна именно она.

Когда он свалился, она была уверена, что он умирает. Ни одна живая тварь не может вынести таких ударов дверцей. Казалось, даже его шерсть свалаялась от этих ударов. Одно ухо сенбернара сплющилось в кровавую лепешку.

Но он еще жил и даже двигался. И по-прежнему смотрел ей в глаза.

— *Нет!* — закричала она, совершенно утратив самообладание. — Нет, лежи, ты должен сдохнуть, лежи и подыхай, проклятая тварь!

— Мама, не надо, — пробормотал Тэд, поднимая голову. — Мне больно.

С тех пор ничего не изменилось. Тэд по-прежнему вздрагивал во сне. Она поднесла к уху часы, чтобы

убедиться, что они не остановились. Время тянулось страшно медленно.

Двадцать минут первого.

«Что мы знаем о бешенстве, дети?»

Немного. Кое-что из воскресных приложений. Брошюрка, которую она пролистывала как-то у ветеринара, когда отвозила к нему их кошку Дину делать прививки от чумки. И от бешенства тоже.

Бешенство, болезнь центральной нервной системы, старой доброй ЦНС. Медленно разрушает ее — но как медленно? Она с надеждой думала, что не знает, точно ли у пса бешенство. Единственного в жизни бешеного пса она видела в фильме «Убить пересмешника» с Грегори Пеком. Конечно, тот пес не был *в самом деле* бешеным, это только кино. Просто какой-то ублюдок с ближайшей свалки.

Она вернулась к исходной точке. Нужно попробовать то, что Вик называл «анализом худшего из возможных вариантов». В душе она была уверена, что пес бешеный.

И он укусил ее. Что это могло означать? Она знала, что люди могут заразиться бешенством и умереть страшной смертью. Быть может, самой страшной из всех. Конечно, была вакцина, и уколы могли излечить заболевшего. Но...

Она припомнила, что были случаи выживания людей, больных бешенством. Один из выживших, мальчик, излечился совершенно, но другой, известный зоолог, с тех пор страдал повреждением ума. Старая добрая ЦНС — это вам не шутка.

Чем дольше не делать уколов, тем меньше шансов. Она потеряла лоб, и рука стала мокрой от холодного пота.

Но сколько нужно времени? Часы? Дни? Недели? Она не знала.

Внезапно машина будто уменьшилась в размерах. Двойной гроб для нее и Тэда.

Рука ее потянулась к дверной ручке прежде, чем она успела овладеть собой. Сердце стучало, отдаваясь ударами в голову. «*Остановись*, — подумала она. — *Не хватало еще клаустрофобии*».

Снова захотелось пить.

Она выглянула наружу и снова встретила непреклонный взгляд Куджо, тело которого казалось разрезанным пополам трещиной в стекле.

«Помогите, — беспомощно думала она. — Кто-нибудь, Господи, помоги нам».

Роско Фишер сидел в машине на дороге №117, когда его вызвали по дежурному телефону. Он формально следил за дорогой, фактически же дремал. В полпервого ночи дорога была абсолютно пуста.

— Номер три, прием, номер три. Отвечайте. Роско подскочил, пролив холодный кофе из термоса себе на штаны.

— А-а, черт! Начинается.

— Номер три, вы на связи? Прием. Он схватил микрофон и нажал на кнопку. — Слушаю, да. — Он хотел было добавить, что сидит жопой в холодном кофе, но передумал. Мало ли кто из начальства может оказаться на связи, даже в полпервого ночи.

— Нужно проехать на Ларч-стрит, 83, — сказал Билли. — Дом мистера и миссис Трентон. Проверить обстановку. Прием.

— А что там проверять? Прием.

— Трентон в Бостоне, и на его звонки никто не отвечает. О думает, что кто-нибудь должен там быть. Прием.

«Вот здорово», — мрачно подумал Роско.

— Он звонил в полпервого. Ключ на гвозде справа от входной двери. Мистер Трентон хотел бы, чтобы ты прямо зашел туда и проверил, все ли там в порядке. Прием.

— Ладно. Прием и отбой.

— Отбой.

Роско включил фары и поехал прямо по пустынной главной улице Касл-Рока, мимо совета и эстрады с конической зеленой крышей. Он поднялся на холм и свернул там на Ларч-стрит. Дом Трентонов был вторым от поворота, и он заметил, что от них открывается неплохой вид на город. Он поставил свой «Фьюри» и вышел. Улица была сонной и темной.

Он подождал, вытирая мокрые штаны рукой, и потом подошел к дому. Подъезд был пуст; в конце его стоял маленький одноместный гараж. Внутри он увидел только трехколесный велосипед, точно такой, как у его сына.

Роско поднялся на крыльцо и увидел там свежий «Колл». Он поднял газету и толкнул дверь. Незаперто. Он вошел, чувствуя себя почти грабителем. Нажал кнопку звонка перед внутренней дверью. По дому прокатилась трель, но никто не вышел. Он позвонил еще дважды, представляя уже, как леди открывает ему дверь в халате и в тапочках... если она, конечно, дома.

Не дождавшись ответа, он толкнул дверь. Она оказалась закрытой.

«Муж уехал, а она, небось, сразу к подружкам», — подумал он, но и его убедил тот факт, что она не известила мужа.

Он пошарил справа от двери и сбил ключ, повешенный Виком сразу же после их переезда сюда. Он поднял его и отпер дверь — если бы он зашел с кухни, как Стив Кемп днем, он мог бы войти и так. Донна, как и большинство жителей Касл-Рока, не запирала дом, когда выходила ненадолго.

Роско вошел. У него был фонарик, но он не хотел им пользоваться — так он еще больше чувствовал себя непрошеным гостем. Он нашарил выключатель и нажал его.

В первое мгновение он замер, не веря в то, что предстало его глазам. Он даже зажмурился, но все осталось, как есть.

«Ничего не трогать», — подумал он. Он забыл даже о мокрых штанах и о своем чувстве пришельца. Он испугался.

Здесь несомненно что-то произошло. Комната была просто перевернута вверх дном. Пол усыпали осколки. Мебель повалена, книги выкинуты с полок. Большое зеркало под камином тоже было разбито. «Семь лет не видеть удачи», — подумал Роско и почему-то вспомнил Фрэнка Додда, милягу-полицейского, который оказался маньяком-убийцей. Руки Роско покрылись гусиной кожей. При чем тут Фрэнк?

Он пришел через столовую, где тоже царил разгром, в кухню. Там было еще хуже. Кто бы здесь не хозяйничал, он был просто сумасшедшим. Роско разглядывал осколки на полу и залитые вином шкафы.

На доске большими квадратными буквами написано: *«Это тебе дорогая»*.

Внезапно Роско Фишеру не захотелось идти наверх. Он участвовал в обнаружении трупов трех жертв Фрэнка Додда, включая маленькую Мэри Кэйт Хендрасен. Он никогда больше не хотел видеть такое... и, может, эта женщина лежит там, расстрелянная или разрезанная на куски? Роско хватало этого и на дорогах. Два года назад они с шерифом Баннермэном извлекли человека из сортировочной машины, и это не та история, которую приятно рассказывать внукам. Но убийств со времен Додда у них не случилось.

Он не знал, облегчение или отвращение принесло ему то, что он нашел в спальне у Трентонов.

Он пошел в машину и позвонил.

Услышав звонок, Вик схватил трубку. До этого они с Роджером сидели у телевизора, смотря старую версию «Франкенштейна». Было двадцать минут второго.

— Алло? Донна? Это...

— Мистер Трентон? — мужской голос.

— Да.

— Это шериф Баннермэн. Боюсь, что мне придется вас огорчить. Я...

— Они мертвы? — спросил Вик. Внезапно мир для него сделался двухмерным, нереальным, как старый фильм, который они только что смотрели. Углом глаза он увидел тень Роджера, который быстро встал. Неважно. Все неважно. За эти несколько секунд он успел заново взглянуть на свою жизнь и увидел, сколько там было неважного и фальшивого.

— Мистер Трентон, полицейский Фишер доложил...

— Ответьте мне. Они мертвы? — Он повернулся к Роджеру. Лицо у того было серым. — Родж, дай сигарету, — Роджер молча протянул ему одну.

— Мистер Трентон, вы здесь?

— Да. Они мертвы?

— Мы не знаем, где ваши жена и сын, — сказал шериф, и Вик испытал безумное облегчение. Мир приобрел естественный цвет.

— Но что случилось? Что вам известно? Говорите, вы Баннермэн?

— Шериф графства, да. И я попытаюсь вам объяснить.

— Да-да, слушаю, — теперь он уже испугался опять: все менялось слишком быстро.

— Фишер приехал к вам домой; на Ларч-стрит, 83 сразу после вашего звонка. Он обнаружил, что машины у подъезда или в гараже нет. Он долго звонил и, не дождавшись ответа, вошел в дом, используя запасной ключ. Он увидел, что дом разгромлен. Мебель перевернута, посуда разбита, везде осколки...

— Господи, Кемп, — прошептал Вик. Он сразу вспомнил мерзкую записку. «А у тебя есть вопросы?» Человек, написавший это, способен и на большее мщение. Неужели это Кемп? Что он еще сделал?

— Мистер Трентон?

— Да.

Баннермэн откашлялся, словно переходил к самой ответственной части.

— Фишер прошел наверх. Там все осталось цело, но он обнаружил следы... ну, какой-то белой жидкости, по всей видимости, спермы, на кровати в спальне, — потом заключил, как будто для пущей комичности. — Не похоже, что на этой кровати спали.

— Где моя жена? — закричал Вик в трубку. — Где мой сын? У вас есть предположения?

— Успокойся, — Роджер положил руку ему на плечо. Ему легко говорить. Его жена и девочки спокойно спят дома. Вик сердито стряхнул руку.

— Мистер Трентон, все, что я могу вам сказать — мы вызвали оперативную бригаду сыщиков, и мои люди тоже помогают. Ни ваша спальня, ни комната вашего сына не пострадали.

— Кроме того, что кто-то кончил на мою постель, — зло сказал Вик. Роджер уставился на него, раскрыв рот.

— Ну да, — Баннермэн казался невозмутимым. — Но я хочу сказать, что нет следов насилия. Похоже на простой вандализм.

— Тогда где Донна и Тэд? — злость перешла в беспомощное бешенство; он почувствовал, что его душат слезы.

— Пока мы не можем сказать.

«Кемп... о Господи, что если Кемп увез их?»

В один момент он вспомнил фрагмент сна, который видел в предыдущую ночь: Донна и Тэд в пещере, посаженные неведомым чудовищем. Потом эта картина растаяла.

— Если у вас есть предложения, мистер Трентон...

— Я выезжаю в Аэропорт, — прервал Вик. — Приеду около пяти.

Баннермэн терпеливо сказал:

— Да, мистер Трентон. Но если исчезновение вашей жены и сына как-то связано с этим вандализмом, то фактор времени особенно важен. Если у вас есть хоть какие-то предположения, которые смогут вам помочь, то...

— Кемп, — сказал Вик странно изменившимся голосом, уже не в силах сдержать слезы. Он чувствовал, как они стекают по лицу.

— Это Кемп. Я уверен. О, господи, что если он увез их?

— Кто такой Кемп? — голос шерифа мигом утратил свою невозмутимость. Теперь он будто вел допрос.

Вик сжимал трубку в правой руке, вытирая левой слезы, забыв про Роджера, про телевизор, про отель. В темноте остались только его голос и горячие ручейки его слез.

— Стивен Кемп, — сказал он. — Стивен Кемп. Ремонтировал мебель. Сейчас он уехал. По крайней мере, жена так сказала. Он и моя жена... Донна... они... ну, у них была связь. Недолго. Она сказала, что все кончилось. Я узнал об этом, когда получил от него письмо. Издевательское. Мне кажется, ему этого показалось мало. Это... похоже на продолжение того письма.

Он провел рукой по глазам, наполнив их созвездием красных огоньков.

— Может, ему не понравилось, что наш брак не распался. Или он просто... просто злиться. Донна говорила, что он всегда очень злился, когда проигрывал в теннис. Даже не жал руки победителю. Это все..., — внезапно у него пропал голос. Грудь словно сдавил железный обруч. Он откашлялся. — Не знаю, как далеко он мог зайти. Насколько я знаю, он способен на это.

На другом конце замолчали; нет, не совсем. Слышно было, как карандаш царапает по бумаге. Роджер опять положил руку ему на плечо, и на этот раз он воспринял это с благодарностью.

— Мистер Трентон, у вас сохранилось то письмо?

— Нет. Я его порвал. Простите, но в тех обстоятельствах...

— Оно было написано печатными буквами?

— Да. Именно так.

— Фишер нашел на доске кухни надпись печатными буквами. «Это тебе, дорогая».

Вик охнул. Пропала последняя надежда, что это сделал какой-то другой — воры, грабители. Это был Кемп.

— Эта надпись доказывает, что вашей жены в тот момент не было дома, — сказал Баннермэн, но даже в своем шоковом состоянии Вик уловил фальшивые нотки в его голосе.

— Она могла вернуться, когда он еще был там. Вернуться из магазина или еще откуда-нибудь.

— Какая у Кемпа машина? Вам известно?

— У него фургон.

— А цвет?

— Не знаю.

— Мистер Трентон, я допускаю, что вы в состоянии сегодня же выехать сюда из Бостона. Но представьте, что ваши близкие вернуться завтра домой живые и здоровые, а вы разобьетесь где-нибудь по дороге.

— Да-да, — он не хотел спорить. У него просто не оставалось сил.

— И еще.

— Что такое?

— Попробуйте назвать близких друзей вашей жены. Возможно все же, что она заночевала у кого-нибудь из них.

— Да, конечно.

— И главное, помните, что следов насилия нами не обнаружено.

— Да, — сказал Баннермэн. — Ну ладно.

— Я пока здесь, — и Вик повесил трубку.

— Вик, старина, — сказал Роджер.

Вик не мог смотреть ему в глаза. *«Рогоносец, — думал он. — Так, кажется, это называется? Теперь и Роджер знает, что я рогоносец».*

— Ничего, — тупо сказал он, начиная собираться.

— И ты с *этим* поехал?

— А что мне было делать? Я думал... Я хотел подождать... пока все уляжется. Не знаю, как я мог быть таким идиотом.

— Не вини себя.

— Родж, я уже не знаю, в чем мне себя винить, а в чем нет. Я беспокоюсь о них и хочу поскорее добраться до дома. И хотел бы еще добраться до этого подонка Кемпа. Я бы его..., — он повысил голос и почти кричал. Плечи его тряслись. В какой-то момент он показался Роджеру совсем опустошенным и старым. Он подошел к чемодану и стал искать чистое белье, — Позвони, пожалуйста, в «Авис», в аэропорт, и закажи машину. Бумажник на тумбочке. Им понадобится номер моей кредитной карты.

— Я закажу на обоих. Я поеду с тобой.

— Нет.

— Но послушай...

— Никаких «но», — Вик влез в костюм и стал застегивать его, путаясь в пуговицах. В движении ему стало легче; чувство нереальности происходящего ослабло.

— Вик...

— Роджер, это ничего не изменит. Тебе нужно заниматься компанией. Я поехал еще и потому, что понимал — тебе одному будет трудно. Я знал, что тем, кто смотрит нашу рекламу, плевать, с кем трахается моя жена.

— Успокойся, Вик. Постарайся не думать об этом.

— Я не могу, — честно сказал Вик. — Даже сейчас — не могу.

— И я должен лететь в Нью-Йорк, как будто ничего не случилось!

— Ты должен. Может, ничего и не случилось. Может, я еще вернусь к тебе.

— Господи, это звучит так фальшиво. Извини.

— Ничего. Я позвоню тебе, как только что-нибудь выясню, — Вик застегнул молнию и нагнулся за туфлями. — А сейчас иди позвони в «Авис». Я пока поймаю такси. Погоди, запишу номер карты.

Он записал, пока Роджер смотрел молча смотрел, как он берет плащ и идет к двери.

— Вик.

Он повернулся, и Роджер неуклюже, но сильно обнял его. Вик обнял его в ответ, прижавшись щекой к плечу своего друга.

— Я буду молиться, чтобы все кончилось хорошо, — хрипло сказал Роджер.

— Ладно, — Вик вышел.

Как и накануне, Черити проснулась еще до рассвета. Она молча слушала и не могла понять, что слышит. Потом до нее дошло. Ее разбудили шаги. Она прислушалась снова.

Но в доме было тихо.

Она встала с постели, подошла к двери и выглянула в холл. Пусто. После минутного колебания она прошла в комнату Бретта. Над простыней виднелись его волосы. Если он и ходил во сне, то до того, как она проснулась. Сейчас он крепко спал.

Черити вернулась к себе и села на кровать, глядя на белую полосу у горизонта. Она думала о принятом ею неизвестно когда, возможно во сне, решении. Теперь, при первых лучах солнца, она могла заново взвесить его.

Она не соглашалась с Бреттом по поводу своей сестры. Ей казалось, что он (может быть, наученный отцом) преувеличивает. Но прошлым вечером она сама принялась

рассказывать Черити, сколько все это стоит — «Бьюик», цветная приставка «Сони», паркет в коридоре. Холли словно взвешивала на всех этих вещах невидимые ярлычки с ценами.

Черити все еще любила сестру. Холли была добросердечной, радушной, импульсивной. Но ее жизнь действительно навсегда сохранила отпечаток их нелегкого детства в Мэнской деревне.

Она боялась рассказывать Холли, как добивалась у мужа разрешения отправиться в эту поездку, а он угрожал ей ремнем — боялась потому, что реакция сестры была бы, скорее всего, гневной, а не сочувственной. Почему гневной? Да потому, что сестра всем своим домом, всеми этими «бьюиками» и «сони» показывала ей, на что она променяла такую жизнь, выйдя замуж за Джо Кэмбера.

Она боялась говорить ей все это. Гнев не решит ее проблем. Муж — это ее проблема. И Бретт тоже. За последние два дня она больше и больше убеждалась в том, что он сам сможет воспитать себя, без чьих-либо влияний.

Поэтому развода не будет. Она просто продолжает свою необъявленную войну с Джо за мальчика. В своей тревоге насчет того, что Бретт перенимает привычки отца, она забывала, что у него есть своя голова на плечах. Бретт замечал гордость Холли своими кредитными картами. Она надеялась, что в один прекрасный день Бретт заметит, что его отец садится за стол в шляпе.

День обещал быть жарким. Она надела халат. Ей хотелось принять душ, но придется ждать, пока проснутся остальные. Они здесь чужие. Теперь и лицо Холли казалось ей чужим; лицо это лишь слабо напоминало фотографии из этого альбома.

Им нужно вернуться назад в Касл-Рок, в дом на дороге №3, к Джо. Пусть все остается, как было. Так вернее.

Она вспомнила, что после семи нужно позвонить Альве. Он в это время как раз завтракал.

Около шести утра у Тэда начались конвульсии.

Он проснулся в 5.15 и разбудил Донну жалобами на голод и жажду. Донна впервые вспомнила, что тоже

голодна. Пить ей хотелось постоянно, но о еде она не вспоминала с прошлого утра.

Она успокоила его, как могла, говоря то, во что уже сама не верила — что скоро придут люди, заберут этого противного пса и спасут их.

Реальностью были мысли о еде.

Завтрак. Два яйца, жареных на сливочном масле. Французские тосты. Большой стакан свежего апельсинового сока, такого холодного, что стекло покрывается испариной. Ветчина. Домашнее печенье. Пирожное с вишенкой наверху.

В желудке у нее громко заурчало, и Тэд засмеялся. Звук этого смеха немного ободрил ее, и она улыбнулась в ответ.

— Слышал?

— Мама, ты тоже голодная?

— Конечно, а ты как думал?

Они снова немного посмеялись. Куджо снаружи наводил уши. В какой-то момент после этого их смеха он хотел подняться и снова напасть на машину; потом он снова тяжело пустился назад и стал ждать дальше.

Донна почувствовала иррациональное улучшение настроения, связанное, скорее всего, с наступлением дня. Конечно же, худшее позади, скоро все это кончится. Пока им не везло, но скоро все изменится к лучшему.

Тэд казался ей теперь тем же самым Тэдди — пусть бледным и осунувшимся. Боль в животе немного утихла. Нога еще болела, но теперь она смогла осторожно массировать ее.

Они говорили минут сорок. Донна стремилась немного приободрить Тэда и стала играть с ним в «вопрос-ответ». Тэд терпеливо отвечал. Они играли уже четвертый раз, когда это случилось.

Речь зашла о Фреде Реддинге, одном из любимых героев Тэда.

— У него рыжие волосы? — спросила она.

— Нет, они... они... они...

Внезапно Тэд начал задыхаться. Из его горла вырвался стон, напугавший ее.

— Тэд? Тэд?

Он хрипел, держась за горло. Глаза его закатились, остались лишь синеватые белки.

— Тэд!

Она схватила его и стала трясти. Его кадык метался вверх-вниз, как заведенный. Руки начали бесцельно шарить вокруг, потом снова потянулись к горлу.

На минуту Донна забыла, где она находится. Она схватилась за ручку, дернула ее и распахнула дверцу «пинто», будто они стояли где-нибудь возле магазина, и нужно было бежать за помощью.

Куджо поднялся. Он кинулся к машине и этим спас ее. Она втиснулась внутрь, а он ударился о дверцу, упал и отполз, подвывая от боли и разочарования.

Она закрыла дверь, визжа от страха. Куджо разбежался и со всего маха кинулся на стекло, ударившись о него с тупым звуком. Серебристая трещина, прорезавшая стекло раньше, дала дюжину ответвлений. Он ударил снова, и стекло треснуло сильнее. Мир за стеклом стал мутным и неясным.

«Если он ударит еще раз...»

Но Куджо отошел, видимо, решив подождать развития событий.

Она повернулась к сыну.

Все тело Тэда сотрясало, как в припадке эпилепсии. Он изогнулся дугой на кресле, упал, снова поднялся. Лицо приобрело синеватый оттенок. Вены вздулись. Она три года проработала медсестрой, два года в школе и год в колледже, и знала, что надо делать в таких случаях. Он не откусит язык; такое случается только в романах ужаса. Но язык может заткнуть ему горло, и он задохнется у нее на глазах.

Она взяла его за подбородок и раскрыла ему рот рукой. Паника заставила ее быть грубой; он услышала, как хрустнули связки челюсти. Ее пальцы нащупали его язык, она пыталась схватить его и не могла поймать. *«О, Господи, он умрет, — подумала она. — Он сейчас умрет.»*

Его зубы неожиданно сомкнулись, до крови укусив ее пальцы. Она не обращала внимания на боль. Наконец ей

удалось ухватить его язык и... он снова выскользнул из ее пальцев.

(Пес проклятый пес это все он проклятый пес. Я УБЬЮ ЕГО КЛЯНУСЬ).

Тэд снова укусил ее, ей опять удалось поймать его язык, и на этот раз она вытянула его изо рта как можно дальше. Тэд опять захрипел, потом начал всхлипывать.

Она ударила его по щеке. Она не знала, поможет ли это, но больше делать было нечего.

Тэд еще раз всхлипнул и начал быстро, неровно дышать. Она сама глубоко вздохнула от облегчения. Спасая сына, она неосторожно задела укушенную ногу, и та опять кровоточила.

— Тэд, ты меня слышишь?

Он кивнул. Чуть-чуть. Глаза оставались закрыты.

— Успокойся. Расслабься.

— ...хочу домой... Мама... это Монстр...

— Тсс, Тэдди. Не болтай и не думай про Монстров. Вот смотри, — она подобрала с пола смятые Слова от Монстра, расправила их и подала ему. — Старайся дышать медленно и регулярно.

Она поглядела в окно за его головой и снова увидела лежащую там в траве старую бейсбольную битую с ручкой, обмотанной изолентой.

— Только успокойся, Тэдди. Ты мне обещаешь?

Тэд слабо кивнул.

— Еще немного, дорогой. Все будет хорошо, я тебе обещаю.

Снаружи занимался день. Уже было тепло, и температура внутри машины неуклонно повышалась.

Вик вернулся домой в двадцать минут шестого. В тот момент, когда его жена пыталась вытащить язык сына изо рта, он медленно обходил комнаты, ставя на место вещи, пока Баннермэн, сыщик из полиции и детектив из судебного ведомства сидели на диване и пили растворимый кофе.

— Я уже сказал вам все, что я знаю, — сказал Вик. — Если она не там, куда вы уже звонили, то я не знаю, где

она, — он принес из кухни щетку и совок и сметал с пола разбитое стекло. — Если только это не Кемп.

Воцарилось неуютное молчание. Вик не мог вспомнить, когда еще в жизни он так уставал, он не думал, что сможет уснуть без укола. Соображал он плохо. Через десять минут после его прихода зазвонил телефон, и он кинулся к нему, как испуганное животное, не слушая предупреждения детектива, что это, может быть, звонят ему. Но это оказался Роджер, желающий знать новости.

Новости, конечно, были, но какие-то бессвязные. По всему дому были найдены отпечатки пальцев, и команда специалистов, тоже из Огаста, уже сверила их с отпечатками из магазина, где работал Стивен Кемп. Без долгих раздумий они заключили, что в доме побывал именно Кемп, хотя для Вика это и так было ясно.

Сыщик из полиции узнал приметы машины Кемпа. «Фред эконолайн» 1971-го года, лицензия 641-644. Светло-серый фургон, расписанный по бокам цветными картинками. Это им сообщил домохозяин Кемпа, которого они подняли с постели в четыре утра. Вот чудак этот Кемп — с такими росписями они отыщут его в два счета. По всей Новой Англии уже объявили розыск. Вдобавок службу ФБР в Бостоне и Портленде предупредили о возможном похищении ребенка, а также запросили Центральную картотеку в Вашингтоне. Кемп фигурировал там как участник трех акций протеста против войны во Вьетнаме в 1968-1970 годах.

— Меня во всей этой истории удивляет только одно — сказал детектив. Он все еще держал блокнот открытым, хотя Вик давно уже все рассказал. — Если говорить честно, то я ничего не понимаю.

— Что это? — спросил Вик. Он поднял семейную фотографию и потряс ее над пакетом с мусором так, что осколки стекла со звоном посыпались туда.

— Машина. Куда делась машина вашей жены?

Его фамилия была Мэсен — через «с», как он предупредил Вика при знакомстве. Теперь он смотрел в окно, задумчиво теребя свой блокнот. Автомобиль Вика стоял у подъезда рядом с «крейсером» Баннермэна. Он забрал его

в Портленде, оставив там прокатную машину «Ависа», на которой приехал из Бостона.

— Ну, и что это значит?

Мэсен пожал плечами.

— Кто его знает. Все, что угодно. Кемп приехал сюда, так? Похитил ваших жену и сына. Зачем? Спятил. Понятно. Может, у него такие шутки. А может, не хотел их терять.

Все эти вещи Вик говорил уже себе, почти дословно.

— Ну, и что он делает? Запихивает их в свой разрисованный фургон и едет с ними куда-то... или где-нибудь прячет. Логично?

— Да, я этого и боюсь...

Мэсен повернулся от окна к нему.

— Тогда куда делась ее машина?

— Ну... — Вик попытался обдумать это. Думать было трудно. Он очень устал. — Ну, может...

— Может, у него был сообщник, который ее угнал, — прервал его Мэсен. — Может быть, это похищение с целью получения выкупа. Но если он увез их на своем фургоне, то это совершенно безумный поступок, совершенный в состоянии аффекта. Если же это похищение с целью получения денег, то зачем было вообще угонять машину. Чтобы замести следы? Смешно. Этот «пинто» будет не труднее найти, чем его фургон. И, повторяю, если он действовал один, без помощников, то кто увел машину.

— Может, он вернулся за ней? — предположил сыщик. — Отвез леди с мальчиком и вернулся за машиной.

— Это все равно трудно было сделать без помощника, — сказал Мэсен, — но ладно, предположим. Только зачем?

Баннермэн впервые открыл рот.

— Она могла вести ее сама.

Мэсен уставился на него, удивленно подняв брови.

— Если он взял с собой мальчика, — Баннермэн посмотрел на Вика и слегка кивнул, — простите, мистер Трентон, но если Кемп схватил мальчика, наставил на него пистолет и велел вашей жене следовать за ним и ничего не предпринимать...

Вик кивнул, с ужасом представив себе эту картину.

Мэсен, казалось, был уязвлен предположением шерифа; быть может, потому, что не подумал об этом сам.

— Но зачем?

Баннермэн покачал головой. Вик тоже не мог понять, зачем Кемпу понадобился автомобиль Донны.

Мэсен зажег «Пэлл-Мэлл» и оглянулся, ища пепельницу.

— Простите, — беспомощно сказал Вик, опять чувствуя себя актером, произносящим заученные фразы. — Здесь было две пепельницы, но их разбили. Пойду пришешу из кухни.

Мэсен вышел с ним, взял пепельницу и сказал:

— Чертовски жарко сегодня, правда?

— Да, — вздохнул Вик.

Он взглянул на термометр... подарок от Донны на Рождество. Ртутный столбик дополз до отметки 73.

— Давайте еще подумаем, — сказал Мэсен. — Меня это очень удивляет. Допустим, она куда-то уехала на машине, и Кемп застал ее, когда она возвращалась. Зачем-то он каким-то образом угоняет ее машину да еще громит дом. Или предположим, он похитил ее где-нибудь вне дома. Тогда машина опять же должна остаться там. На улице или возле магазина.

— Может, кто-нибудь ночью ее увел? — предположил Вик.

— А не могла она сама оставить машину? — спросил Мэсен.

Тут Вик вспомнил. Клапан.

— У Вас такой вид, будто Вы что-то вспомнили.

— Конечно. Машины нет, потому что она в отделении «Форда» в Сауз-Пэрнсе. У нее неисправный карбюратор. Клапан отходит. Мы говорили об этом по телефону еще в понедельник. Ее это очень расстроило. Я хотел перед отъездом отвезти машину к одному мастеру, но забыл из-за...

Он замолчал, думая о том, из-за чего он забыл.

— Вы забыли сдать ее в ремонт в городе, и она повезла ее в Сауз-Пэрис?

— Ну да, наверное, — он не мог в точности припомнить, чем кончился тогда их разговор.

Мэсен поглядел на часы и встал. Вик тоже хотел подняться.

— Нет-нет, сидите. Мне просто нужно позвонить. Я сейчас вернусь.

Вик остался сидеть. Дверь хлопнула, когда в нее вышел Мэсен, и это напомнило ему о Тэде. Слезы невольно навернулись на глаза. Где они? Что с ними?

Солнце теперь поднялось уже высоко, освещая лежащие внизу дома и улицы. Оно осветило и качели во дворе, где он качал Тэда. Если Тэд вернется, он будет качать его, пока руки не отвалятся.

«Па, качай! Выше! Выше!»

От этого голоса, прозвучавшего у него в мозгу, он вздрогнул. Это был голос призрака.

Тут дверь снова открылась. Мэсен сел рядом и опять закурил.

— В Сауз-Пэрисе только одно отделение «Фонда»?

— Да. Мы там и купили этот «пинто».

— Я им звонил. Повезло: менеджер уже на месте. Вашей машины там нет и не было. Кто тот мастер в городе?

— Джо Кэмбер, — ответил Вик. — Может, она действительно отвезла машину к нему. Она не хотела, потому что он далеко живет, и, когда она звонила, никто не брал трубку. Я ей сказал, что он работает в гараже и не слышит звонков. У него в гараже нет телефона. Собственно, это просто сарай.

— Мы это проверим, — сказал Мэсен, — но вряд ли ее машина там. Сами посудите.

— Почему же?

— Вот, смотрите. Я был почти уверен, что она и не в Сауз-Пэрисе. Молодая женщина с ребенком с трудом может обойтись без машины. А если бы ей сказали у «Форда», что на ремонт уйдет, допустим, два дня, как бы она поступила?

— Ну... взяла бы машину напрокат...

— Великолепно! И где же она?

Вик поглядел вниз, словно ожидал ее там увидеть.

Ведь у Кемпа не больше причин угонять прокатную машину, чем ваш «пинто». Теперь предположим, что она поехала к этому Кэмберу. Если он опять же дал ей взамен какую-нибудь машину, то мы возвращаемся к вопросу, где эта машина. Другой вариант: Кэмбер предложил ей машину, но она сказала, что позвонит другу, и он — или она — ее подвезет. Могло такое быть?

— Да, конечно.

— Тогда кто этот друг? Вы дали нам список, и мы подняли их всех с постелей. Хорошо еще, что все оказались дома. Никто из них ничего не знает. И никто не видел ее с понедельника.

— Ладно, тогда чего Вы ждете? — Мрачно спросил Вик. — Позвоните Кэмберу и узнайте у него.

— Подождем до семи, — сказал Мэсен. — Пускай умоется и немного придет в себя. Мастера обычно встают рано.

Вик пожал плечами. Все это казалось ему бессмысленным. Он знал, что Донну с Тэдом увез Кемп — как знал, что Кемп разгромил его дом.

— Конечно, это не обязательно мог быть друг, — сказал Мэсен, сонно наблюдал за дымком от сигареты. — Возможны и другие варианты. Может, просто кто-то предложил подвезти ее. Или Кэмбер отвез их домой сам иди попросил жену. Он ведь женат?

— Да. Очень милая женщина.

— Ну вот. Люди часто спешат помочь даме в такой беде.

— Да, — сказал Вик, тоже закуривал.

— Но все это неважно. Остается главный вопрос: где эта чертова машина? Женщина остается одна. Ей нужно в магазин, в химчистку, на почту. Если мужа нет неделю, она еще может подождать. Но две недели? Для этого и существует прокат. Она могла взять машину в «Ависе» или в «Херус». Тогда где *эта* машина? Что-то должно стоять у Вас во дворе или нет?

— Не думаю, что это так уж важно.

— Может, и нет. Найдём самое простое объяснение и скажем: «Ну мы и идиоты!» Но меня это удивляет. Говорите, клапан? Вы уверены?

— Абсолютно.

— Тогда зачем ей вообще брать машину в прокат? Это работа на пятнадцать минут. Раз, и готово. Тогда где же...

— ...эта чертова машина? — закончил Вик. Мир вокруг него уже начал расплываться.

— Почему бы Вам не пойти поспать? — предложил Мэсен. — У Вас очень усталый вид.

— Нет, я хочу быть на ногах, если что-нибудь случится.

— Тогда Вас кто-нибудь разбудит. Потом, скоро придет ФБР ставить на Ваш телефон систему подслушивания. А эти парни мертвого разбудят. Так что не волнуйтесь.

Вик слишком устал, чтобы возражать.

— А это обязательно — система подслушивания?

— Лучше действовать наверняка, — сказал Мэсен, туша окурки. — Отдохните и будете соображать лучше, Вик.

— Ладно.

Он медленно поднялся наверх. Постель была убрана. Он сам ее убрал. Теперь он просто подложил под голову пару подушек и упал на матрас. Утреннее солнце палило в окно. *«Я не засну, — подумал он, — просто полежу. Минут пятнадцать... или полчаса?»*

Но когда телефон разбудил его, уже наступил день.

Черити Кэмбер пила свой утренний кофе и звонила Альве Торнтону в Касл-Рок. В этот раз Альва оказался дома. Он уже знал, что она говорила с Бесси.

— Нет, — сказал Альва. — Я его не видел с прошлой среды. Он привозил мне трактор. Нет, про Куджо ничего не говорил.

— Альва, ты можешь сходить к нам и посмотреть, как там Куджо? Бретт видел его перед нашим отъездом и говорит, что он выглядел больным. И я не знаю, кого Джо попросил его кормить.

— Я схожу, — пообещал Альва. — Вот только управлюсь с этими чертовыми курами и схожу.

— Спасибо, Альва, — сказала Черити. — Звони, если что.

Они поболтали еще, главным образом о погоде. Из-за жары Альва беспокоился за своих цыплят. Потом она повесила трубку.

Когда она вошла в кухню, Бретт поднял голову. Джим-младший сосредоточенно размазывал по столу пролитый сок и без умолку болтал. Видимо, за последние сорок восемь часов он пришел к выводу, что Бретт Кэмбер — ближайший родственник Иисуса Христа.

— Ну? — спросил Бретт.

— Ты был прав. Отец не просил Альву кормить его, — она увидела на лице Бретта тревогу и поспешила добавить.

— Но он обещал сходить посмотреть, как только покормит кур. Я дала ему телефон, и он обещал позвонить.

— Спасибо, мама.

Джим выскочил из-за стола на зов Холли.

— Бретт, пошли со мной!

Бретт улыбнулся.

— Я тебя здесь подожду.

— Ага, — Джим побежал наверх с криком: — Ма! Бретт сказал, что он подождет! Бретт подождет, пока я оденусь!

Слоновий топот по ступенькам.

— Славный парень, — сказал Бретт.

— Я думаю, — задумчиво проговорила Черити, — нам придется вернуться пораньше. Если хочешь.

Лицо Бретта прояснилось, и это даже немного опечалило ее.

— Когда?

— Что если завтра? — она имела в виду пятницу.

— Конечно! Только, — он замялся, — тетя Холли не обидится? Она ведь твоя сестра.

Черити подумала о кредитных картах мужа Холли. Бретту это не понравилось, и ей, пожалуй, тоже. Иногда и она видела мир глазами Бретта... или глазами Джо.

Поэтому хватит, хорошего понемногу.

— Нет, — сказала она. — Думаю, не обидится. Я ей скажу.

— Хорошо, мама. Я не из-за них хочу вернуться, ты знаешь. Они хорошие. Может, они еще приедут к нам в Мэн.

— Может быть, — сказала она, хотя сомневалась, что Джо это допустит. — Конечно, можно их пригласить.

...Альва так и не позвонил. Как только он кончил кормить кур, полетел мотор в его большом кондиционере, и началась отчаянная борьба за спасение птиц от жары. Это была та же воля рока, которую Донна Трентон читала в мутных, безумных глазах Куджо. Когда же кондиционер, наконец починили (Альва Торнтон потерял шестьдесят двух цыплят и считал, что еще легко отделался), было уже четыре часа дня, и противостояние на пропаленном солнцем дворе Кэмберов завершилось.

Энди Мэсена все считали вундеркиндом ведомства юстиции штата Мэн, и кое-кто даже прочил ему в скором будущем место начальника уголовного отдела. Но планы Мэсена простирались куда дальше. Он надеялся к 1984 году стать окружным прокурором и в 87-м баллотировался на пост губернатора штата. А после восьми лет губернаторства — кто знает?

Он вырос в большой бедной семье, в ветхом домишке «белой дряни» в городке Листан. Его трое братьев и две сестры шли в русле семейных традиций, только Энди и его младший брат, Марти, окончили школу. К ним могла присоединиться и их сестра Роберта, но она в выпускном году предпочла выскочить замуж за какого-то никчемного пьяницу, который хлебал виски прямо из бутылки, а напившись, колотил и ее, и сына. Марти же погиб в автомобильной катастрофе на дороге №9, когда он с друзьями, все пьяные, пытались съехать на полном ходу с Сиройского холма. «Камаро», в котором они ехали, дважды перевернулся и взорвался.

Энди был гордостью семьи, но мать его не любила и немного боялась. Подружкам она говорила: «Мой Энди холодный, как рыба», но это было еще не все. Он был всегда подтянут, всегда застегнут на все пуговицы. С пятого класса он знал, что станет юристом. Юристы много

получают и имеют дело с логикой. А логика была его Богом.

Он рассматривал каждое событие как точку, в которой сходились возможные пути развития. Такая схема всегда помогала ему. Он успешно окончил школу и почти без проблем поступил в колледж. Потом окончил Высший университет и отверг возможность учебы в Гарварде, так как твердо решил начать служебную карьеру в Огасте и не хотел приезжать в родной штат с гарвардской высокоумной миной.

В этот жаркий июльский день все шло по плану.

Он положил трубку. Номер Кэмберов не отвечал. Сыщик из полиции и Баннермэн еще были здесь, ожидая приказа, как тренированные собаки. С Таунсендом из полиции он уже работал и чувствовал себя с ним вполне комфортно. Баннермэна он, однако, не знал. То, как шериф высказал идею о том, что Кемп мог воспользоваться ребенком... хм, эта идея должна была исходить от него, Энди Мэсена. Они втроем сидели на диване, пили кофе и ждали, когда явятся парни из ФБР со своим оборудованием.

Энди думал обо всей этой истории. Она могла оказаться пустяковой, но могла и не оказаться. Муж обвиняет в похищении Стива Кемпа, а сам не обращает внимания на такую важную деталь, как пропавший автомобиль.

Энди Мэсена это удивляло.

Джо Кэмбера нет дома. Может быть, все они уехали в отпуск. Это вполне могло быть: на дворе лето. Мог он взять машину в ремонт, если собирался уезжать? Вряд ли. Вряд ли эта машина вообще была там. Но это нужно проверить. Была еще одна возможность, о которой он не сказал Вику.

Предположим, она отвезла машину к Кэмберу, и кто-то, не друг и не знакомый, а просто случайный человек, предложил ее подвезти. Энди так и слышал, как Трентон говорит: «Что вы, моя жена никогда не доверится незнакомцу». Но, с другой стороны, она ведь трахалась со Стивеном Кемпом, который тоже был ей почти незнаком. Если этот гипотетический незнакомец держался друже-

любно, она вполне могла принять его предложение. И этот дружелюбный тип вполне мог оказаться маньяком. У них тут, в Касл-Роке, уже был один такой, Фрэнк Додд. Может быть, он оставил их где-нибудь в канаве с перерезанным горлом. В этом случае «пинто», конечно, остался у Кэмбера.

Энди не был в этом *уверен*, но считал *возможным*. Нужно в любом случае послать кого-то к Кэмберу, но ему хотелось обосновать это для себя. Конечно, легче было предположить, что она доехала до дома Кэмбера, никого там не застала, и тут же сломалась машина. Но Касл-Рок все же не Антарктида. Ей достаточно было дойти до ближайшего дома.

— Мистер Таунсенд, — сказал он своим тихим голосом. — Вам с шерифом Баннермэном придется съездить в гараж Джо Кэмбера. Проверьте три вещи: нет ли там синего «пинто», номер 218-864, нет ли там Донны и Теодора Трентонов и нет ли там самих Кэмберов. Понятно?

— Ясно, — сказал Таунсенд. — Вы хотите...

— Я хочу знать только эти три вещи, — прервал его Баннермэн. Ему не понравилось, как Таунсенд смотрел на него, с каким-то презрением. — Если что-то из этих трех там обнаружится, звоните мне. Если здесь меня не будет, я оставлю номер. Вам ясно?

Зазвонил телефон. Баннермэн поднял трубку, послушал и передал ее Энди Мэсену.

— Это вас, срочно.

Энди взял трубку. Звонили из полиции Скарборо. Они нашли Стива Кемпа в мотеле в городке Твиненхэм в Массачусетсе. Женщины с ребенком с ним не обнаружено. При аресте Кемп назвал себя и с тех пор говорить отказывается.

Энди воспринял эту новость с облегчением.

— Таунсенд, поедете со мной, — сказал он. — Вы поедете к Кэмберу один, шериф.

— Хорошо, — сказал Баннермэн.

Энди зажег сигарету и посмотрел на него сквозь облако дыма.

— Вы хотите что-то возразить, шериф?

— Да нет, — усмехнулся Баннермэн.

«Боже, как я ненавижу такие усмешечки. Ну ладно, во всяком случае, он выведен из игры. Слава всевышнему».

Баннермэн сел за руль своего «крейсера» и выехал на дорогу. Было без двадцати семь. Его забавляло, как этот щенок Мэсен огрызается на него. Слава Богу, что он уехал. Пускай Хэнк Таунсенд слушает его чушь.

Джордж Баннермэн катил по дороге №117, выключив огни и сирену. Утро было чудесным. Причин волноваться не было.

Донна с Тэдом спали.

Тела их располагались в неуклюжей позиции, как у спящих пассажиров междугородних рейсов. Донна повернулась влево, Тэд — вправо. Руки Тэда беспокойно дергались на коленях, как выброшенные на берег рыбы. Дыхание его было хриплым и прерывистым. Белки глаз покраснели, губы запеклись. Струйка слюны сбегала из уголка рта.

Донна спала беспокойно. Ей не давали уснуть, несмотря на усталость, боль в животе и в ноге (и в пальцах, прокушенных Тэдом до кости) и жара. Волосы на голове слиплись в безобразные космы. Раны на ноге и на животе воспалились и пухли. Ее дыхание тоже было хриплым, но не так сильно, как у Тэда.

Тэд был на пределе. Обезвоживание изнурило его организм — с потом выходили хлориды и электролиты, которые ничто не замещало. Внутреннее сопротивление организма медленно ослабевало, и теперь он приблизился к критической стадии. Жизнь его трепетала, как свеча на ветру, готовая в любой момент угаснуть.

В бессвязных снах отец качал его на качелях, выше и выше, почему-то не над их двором, а над утиным прудом, и ветер приятно обдувал его горячий лоб и пересохшие губы.

Спал и Куджо.

Он лежал в траве возле крыльца, положив разбитую морду на лапы. В его отрывочных снах по черному небу

метались красноглазые летучие мыши, и он прыгал на них и каждый раз хватал их кожистые крылья зубами. Но они в ответ кусали его своими крошечными острыми зубками, и от этого в нем росла боль. Нет, он их всех убьет. Он их...

Внезапно он проснулся, вскинув голову.

Гудела машина.

В его искаженном болезнью слухе этот звук приобрел чудовищную форму: он казался жужжанием ядовитого насекомого, летящего закусать его до смерти.

Он поднялся на ноги. Казалось, все его мышцы были полны битого стекла. Он посмотрел на замершую машину. Внутри виднелась голова Женщины. Раньше Куджо видел ее хорошо, но теперь она что-то сделала со стеклом, и он ее почти не различал. Но, ничего. Она еще выйдет оттуда.

Шум машины приближался. Автомобиль въехал на холм, но... автомобиль ли это? Или огромная пчела прилетела жалить его, усиливать его и так невыносимую боль?

Куджо залез под крыльцо, где и раньше часто скрывался в жаркие дни. Там было полно опавших листьев, запах которых раньше нравился ему. Но теперь он казался удушливым и почти невыносимым. Куджо зарычал на этот запах. Жаль, что его нельзя убить.

Автомобиль с синими бортами и лампочкой на крыше подъехал к дому.

Подъезжая к дому Джо Кэмбера, Джордж Баннермэн меньше всего ожидал увидеть рядом с ним искомый «пинто». Он не считал себя дураком и, хотя и не был согласен с логическими построениями Энди Мэсена (он пережил кошмар Фрэнка Додда и знал, что не все в этом мире объясняется логикой), но у него было свое мнение по этому поводу. И он, как и Мэсен считал, что жены и сына Трентона здесь нет. Но машина стояла во дворе.

Баннермэн потянулся к рации, но потом решил сначала осмотреть машину. Со своего места он не видел, есть ли кто-нибудь внутри. Спинки весел были опущены, и Тэд с Донной спали.

Баннермэн вышел из машины и захлопнул за собой дверь. Он сразу же заметил, что окно со стороны водителя разбито. Это заставило его сердце забиться сильнее, и рука потянулась к кобуре.

Куджо наблюдал за Человеком, вылезшим из машины, с растущей ненавистью. Это он причинил Куджо боль; из-за него у Куджо ныли мышцы и надсадно звенело в голове; из-за него старые листья под крыльцом запахли вдруг тухлятиной; из-за него Куджо не мог без отвращения смотреть на воду, несмотря на жажду.

Глубоко в его груди родилось рычание. Он обонял запах человека, его пота и его горячей плоти. Рычание перешло в яростный рев. Он выскочил из-под крыльца и бросился на ненавистного Человека.

В первый момент Баннермэн даже не услышал низкого рычания Куджо. Он подошел к «пинто» достаточно близко, чтобы разглядеть копну волос над водительским сиденьем. Сперва он подумал, что женщину застрелили, но где же дырка от пули? Стекло было скорее раздавлено, чем пробито.

Потом он увидел, что голова шевельнулась. Не сильно, скорее дернулась. Но это неважно. Женщина жива. Он шагнул вперед и тут услышал рычание.

Почему-то первым делом он подумал про своего ирландского сеттера Расти, но ведь тот умер уже четыре года назад, вскоре после истории с Фрэнком Доддом. И Расти никогда так не рычал, и в решающий момент Баннермэн будто прирос к месту, охваченный диким, атавистическим ужасом.

Потом он повернулся, схватился за пистолет и успел только мгновенно увидеть фигуру громадного пса, летящего на него. В следующую минуту пес толкнул его в грудь и сшиб на землю. Его рука взметнулась в воздух и ударилась о багажник «пинто», пистолет выпал. Пес укусил его, и Баннермэн увидел первые пятна крови на своей

голубой рубашке. Внезапно он понял все. Они здесь машина сломана... и этот пес. Он никак не укладывается в логичный план Мэсена.

Баннермэн попытался оттолкнуть морду пса от своего живота. Внезапно он почувствовал там режущую боль и увидел, как кровь быстро пропитывает его брюки. Он потянулся вперед, но пес мощным ударом снова отбросил его на «пинто», заставив маленький автомобиль содрогнуться.

Он почему-то не мог вспомнить, занимались ли они с женой любовью в прошлую ночь.

«Безумные мысли. Безумные...»

Пес напал снова. Баннермэн попробовал увернуться, но пес, предупредив его, нырнул мордой вниз живота, жуткая, никогда еще не испытанная боль пронзила все его тело. Ему казалось, что пес ухмыляется, и глядя в его дикие мутные глаза, он подумал, что разглядел в них что-то знакомое.

«Привет, Фрэнк! Что, в аду слишком жарко для тебя?»

Тут Куджо вцепился в его пальцы, отрывая их по одному. Баннермэн забыл про Фрэнка Додда, забыл про все. Он хотел только спасти свою жизнь. Он пытался заслониться коленом и не мог — боль в животе парализовала его.

«Господи, что он делает со мной? Господи, за что? Вики, Вики...»

Тут дверца «пинто» открылась. Та самая женщина. Он видел ее на фотографии в доме, и там это была очень даже симпатичная женщина из тех, на кого оглядываются на улицах. Теперь перед ним стояла развалина. Пес и ее отделал. Живот пересекала кровавая полоса. Одна штанина джинсов была оторвана, и колено украшала неуклюжая повязка. Но хуже всего было ее лицо; оно походило на гнилое яблоко. Лоб изрезали глубокие морщины, губы потрескались и запеклись, глаза глубоко запали.

Пес на миг оставил Баннермэна и повернулся к женщине, припав к земле и рыча. Она спряталась в машине, захлопнув дверцу.

(машина скорее позвонит скорее в машину)

Он повернулся и побежал к «крейсеру». Пес побежал следом, но опоздал. Он рванул дверь, влез в машину и вызвал по радиции помощь. Помощь приехала. Пса застрелили. Их всех спасли.

Все это случилось за три секунды и только лишь в мыслях Джорджа Баннермэна. Когда он повернулся, чтобы бежать, ноги его подкосились, и он упал на гравий.

(ох Вики что же он со мной делает?)

Мир вокруг сверкал на солнце. Ничего не было видно. Баннермэн, шаря руками по гравию, поднялся на колени. Оглядев себя, он увидел толстую серую кишку, свисающую с разодранного живота. Брюки до колен пропитались кровью.

«Только не подпускай его к яйцам, Баннермэн. Тогда тебе конец. Нужно добраться до радиции и...»

(ребенок о Господи, неужели ее ребенок там?)

При этой мысли он подумал о собственной дочери.

Кэтри, которая в этом году должна перейти в седьмой класс. У нее уже видна грудь. Настоящая маленькая леди. Играет на пианино и хочет лошадку. В один из дней, если бы она не задержалась в библиотеке, Фрэнк Додд убил бы ее вместо Мэри Кэт Хендрасен. Тогда...

(шевелись же, идиот)

Баннермэн поднялся на ноги. Все вокруг сверкало на солнце. Пес был занят: он бешено колотился в разбитое стекло «пинто», рыча и взлаивая.

Баннермэн, шатаясь, побрел к «крейсеру». Лицо его было мертвенно-бледным. Губы посинели. Это самый большой пес, какого он когда-либо видел, и он покусал его. Ну, почему все вокруг так сверкает?

Он зажал живот рукой; кишки скользили между пальцев. Он добрался до двери и уже слышал радио, внутри. *«Сперва позвонить. Потом уже заняться раной. Так положено. Не спорь с правилами — хотя, если бы я не спорил, я ни за что не стал бы звонить Смиту тогда, в истории с Доддом. Вики, Кэтрин, простите...»*

Мальчик. Нужно помочь мальчику.

Он едва не упал, схватившись за дверцу. И тут он услышал, как пес приближается к нему. Если только

удастся закрыть дверцу... о, Господи, только бы закрыть дверцу прежде, чем он окажется рядом... о, Боже...
(о, Боже...)

Тэд снова закричал, закрыв лицо руками и мотая головой из стороны в сторону, когда Куджо опять принялся биться о дверь.

— Тэд, не надо! Не надо... дорогой, ну пожалуйста!

— *Папа... папа... папа...*

Внезапно он замолчал.

Прижав Тэда к груди, Донна повернула голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Куджо кидается на человека, пытающегося открыть дверцу машины и сбивает его с ног.

На дальнейшее она смотреть не могла. Она хотела бы вовсе не открывать глаз.

«Он спрятался, — подумала она иступленно. — Услышал, как едет машина, и спрятался».

Дверь. Теперь самое время дойти до двери, пока Куджо занят... занят.

Она взялась за ручку и потянула вниз. Дверца не поддавалась. Видимо, Куджо заклинил ее своими ударами.

— Тэд, — прошептала она. — Тэд, поменяйся со мной местами. Быстрее. Тэд? *Тэд?*

Тэд весь дрожал. Глаза его снова закатились.

— Утки, — еле прошептал он. — Пошли к уткам. Слова от Монстров. Па... а... ааа...

Он забился. Она начала трясти его, выкрикивая его имя снова и снова, пытаясь открыть ему рот, чтобы обеспечить приток воздуха. Голова у нее ужасно болела, и она испугалась, что сама сейчас упадет в обморок. Это Ад, настоящий Ад. Солнце палило невыносимо.

Наконец Тэд очнулся. Глаза его закрылись, дыхание стало частым и прерывистым. Потрогав его запястье, она с трудом нащупала пульс.

Потом выглянула внутрь. Куджо тряс лежащего человека за руку, как щенка куклу. Повсюду вокруг виднелась свежая кровь.

Будто поняв, что за ним наблюдают, Куджо поднял голову. Он глядел на нее с выражением («Есть ли у собак

выражение лица?» — подумала Донна) одновременно немолимой свирепости и сожаления... и вновь она испытала чувство, что они связаны и не разойдутся, пока не доведут эту таинственную связь до конца.

Она поглядела на труп человека в изодранной голубой рубашке и брюках цвета хаки. Полицейский.

Тэд... что с Тэдом?

«Ему плохо, — ответил внутренний голос. — Он умирает. Что ты думаешь делать? Ты ведь его мать».

Что она могла? Неужели Тэду станет лучше, если она выйдет и позволит себя убить?

Полицейский. Кто-то послал его сюда. И когда он не вернется...

— Пожалуйста, — прохрипела она. — Скорее.

Уже было восемь часов, и температура поднялась только до 77. Но днем обещали 102 — новый рекорд для этого сезона.

Таунсенд и Энди Мэсен прибыли в полицейский участок в Скарборо в 8.30. Мэсен послал Таунсенда на разведку.

Дежурный офицер сказал, что Стивена Кемпа отправили в Мэн. Он отказался говорить, но специалисты в Массачусетсе тщательно обследовали его фургон. Никаких следов пропавших женщины и ребенка им найти не удалось, зато у колеса фургона они обнаружили чудный маленький склад — марихуана, немного кокаина и быстродействующая смесь, известная под названием «Черная красавица». Это дало им право задержать мистера Кемпа.

— А «пинто»? — спросил Энди Таунсенда. — Где же этот чертов «пинто»?

Таунсенд пожал плечами.

— Баннермэн еще не звонил?

— Нет.

— Ладно. Передайте — пусть приедет сюда, когда они привезут Кемпа. Это входит в его обязанности, и я хочу, чтобы он сам его допросил.

Таунсенд вернулся через пять минут обеспокоенный.

— Я не могу до него дозвониться, мистер Мэсен. Диспетчер утверждает, что его нет в машине.

— Тьфу, наверное, попивает кофе на Кози-Корнерс. Ну и черт с ним, — и Мэсен закурил очередную сигарету. — Не допросить ли нам Кемпа без него?

— Что ж, можно.

Мэсен кивнул.

— Все это мне совсем не нравится, мистер Таунсенд.

— Да, хорошего мало.

— Я уж думаю, не закопал ли он их где-нибудь между Касл-Роком и Твикенхэмом. Но мы его расколем, мистер Таунсенд. Я раскалывал орешки и покрепче.

— Да, сэр, — сказал Таунсенд уважительно. Он верил в это.

— Расколем, если попотеем с ним дня два.

Таунсенд каждые пятнадцать минут пытался дозвониться до шерифа. Он не очень хорошо знал Джорджа Баннермэна, но был лучшего мнения о нем, чем Мэсен, и сомневался, что он в данный момент способен пить кофе. Когда пробило десять, он забеспокоился уже не на шутку. Еще он думал, не молчит ли Баннермэн специально, чтобы досадить Мэсену.

Роджер Брикстон прибыл в Нью-Йорк в 8.49 и добрался до гостиницы к 9.30.

— Ваш номер на двоих? — спросил его клерк.

— Моего компаньона срочно вызвали домой.

— Какая жалость, — безразлично сказал клерк и дал Роджеру заполнять бланк. Сам он в это время болтал с кассиром о своих планах насчет отпуска.

Потом Роджер лежал у себя в номере и пытался заснуть, но сон не шел. Донна трахалась с другим и взвалила это на Вика в придачу к этой вонючей красной каше. Теперь Донна с Тэдом пропали, и Вик пропал. Вся эта неделя прошла как в дыму. Замечательный трюк — куча дерьма, и все на вашу голову. Голова его раскалывалась от боли.

Наконец он встал, не желая оставаться наедине с головной болью и своими мыслями. Спустился вниз за

аспирином, потом вышел прогуляться. Его голове это помогло мало, зато позволило обновить старинную ненависть к Нью-Йорку.

«Никогда не вернусь сюда, — подумал он. — Лучше буду развозить «пепси», только бы не тащить сюда Элсию с девочками».

Потом он зашел к заказчикам — фирма «Саммерс», размещающаяся на четырнадцатом этаже громадного дурацкого небоскреба. Секретарша улыбнулась, узнав его.

— Мистер Хьюитт только что вышел. А мистер Трентон с вами?

— Нет, его вызвали домой.

— Постойте-ка, у меня есть кое-что для вас. Пришло сегодня утром.

Она протянула Роджеру телеграмму в желтом конверте. Адресовано В. Трентону /Р. Брикстону/ Эд Уоркс.

Роджер достал ее и сразу понял, что это от Шарпа. Он принялся читать.

Телефон разбудил Вика около двенадцати, иначе он проспал бы до вечера. Сон его был тяжелым и беспокойным, и проснулся он, с трудом соображая где он. Опять вернулось прежнее видение. Донна и Тэд прятались в пещере от ужасного, мифического чудовища. По пути к телефону он споткнулся и едва не упал.

«Донна и Тэд, — подумал он. — Нашлись».

— Алло?

— Вик, это Роджер.

— Роджер? — он сел. Рубашка прилипла к телу. Мозг еще не совсем проснулся, и он понимал только то, что в комнате невыносимо жарко. Сколько же он проспал? В доме было совсем тихо.

— Роджер, сколько сейчас времени?

— Времени? Что-то около двенадцати. А что...

— Двенадцать? О, Боже... Роджер, я спал.

— Что случилось, Вик? Они вернулись?

— Когда я засыпал, еще нет. Этот ублюдок Мэсен обещал...

— Что за Мэсен?

— Он расследует дело. Роджер, мне надо ехать. Нужно отыскать...

— Держись. Я звоню из «Саммерса». От Шарпа из Кливленда пришла телеграмма. Нам сохраняют заказы.

Что? Все менялось слишком быстро. Донна... какие-то заказы... Роджер, с его абсурдно радостным тоном.

— Когда я пришел, мне дали телеграмму. Хочешь, прочитаю?

— Лучше перескажи.

— Старик воспринял эту историю с «Клубникой», как второй «Аламо» — нужно держаться вместе, один за всех и все за одного. Мы оказались защитниками чести фирмы.

— Да, я так и думал, — пробормотал Вик, разминая пальцами шею.

— А сын, хотя по-прежнему от нас не в восторге, считает, что разборку с нами конкуренты воспримут как признак слабости. Как тебе?

— От этого параноика всего можно ожидать.

— Они хотят, чтобы мы прилетели в Кливленд и заключили новый контракт на два года. Конечно, это не пять лет, и потом они могут попытаться нас выкинуть, но у нас будет достаточно времени, Вик! За два года что-нибудь придумаем. Мы еще посоветуем им...

— Роджер, мне нужно...

— ... заткнуть свои вшивые торты в задницу! Еще они хотят обсудить новую рекламную кампанию, и тут можно подкинуть идею с лебединой песней Профессора.

— Все это прекрасно, Роджер, но я так и не знаю, что с Донной и Тэдом...

— Да. Да. Извини, что звоню в неудачное время, но я не мог держать это в себе. Меня так и распирает.

— Для хороших новостей всякое время удачно, — сказал Вик. В то же время его охватила зависть к счастливому облегчению Роджера и жалость, что он не может разделить это чувство. Но, может, и у него еще будут хорошие новости.

— Вик, позвони мне, когда все выяснится.

— Конечно. Спасибо за звонок.

Он положил трубку и сошел вниз. В кухне все еще царил разгром, от которого он опять пришел в ужас. На столе, придавленная солонкой, лежала записка:

«Мистер Трентон,

Стива Кемпа поймали в Массачусетсе. Ваших жены и сына с ним нет. Я не стал вас будить, так как он отказался говорить. Его задержали по обвинению в вандализме и незаконном хранении наркотиков. Мы ждем его прибытия сюда в 11.30. Если что-нибудь изменится, я позвоню.

Энди Мэсен»

— Отказался говорить, сука, — пробормотал Вик. Он вошел в комнату, набрал номер полиции в Скарборо и стал ждать ответа.

— Да, мистер Кемп здесь, — сказал ему дежурный офицер. — Уже минут пятнадцать. Сейчас с ним мистер Мэсен. Кемп требует адвоката. Не думаю, что мистер Мэсен может подойти...

— А вы и не думайте, — сказал Вик. — Просто передайте ему, что это муж Донны Трентон, и что я хочу, чтобы он объяснил мне, что все это значит.

Через минуту трубку взял Мэсен.

— Мистер Трентон, я понимаю ваше нетерпение, но, пока к Кемпу не прибудет адвокат, он ничего не скажет.

— Что он сказал?

Мэсен поколебался и сказал:

— Он признался в совершении акта вандализма. По моему, он понял, что все это серьезно. Но он заявил, что никого не застал дома.

— Но вы же не верите ему?

— Я не могу сказать сейчас, верю я во что-то или нет. Вот задам ему еще несколько вопросов...

— А к Кэмберу кто-нибудь поехал?

— Я отправил туда шерифа Баннермэна, но он о сих пор не звонил.

— Неужели? — с горечью осведомился Вик.

— Мистер Трентон, как только мы что-нибудь узнаем...

Вик швырнул трубку на рычаг и, тяжело дыша, устоялся в жаркую тишину комнаты. Потом медленно поднялся по лестнице наверх. Постоял там минуту и направился в комнату сына. Машинки Тэда все еще стояли вдоль стены, и при взгляде на них у него защемило сердце. Желтая майка Тэда висела на спинке кровати, на столе лежала стопка детских книжек. Дверца шкафа была открыта. Вик машинально закрыл ее и задвинул ее.

Он сел на кровать Тэда, обхватив колени руками и невидящим взглядом уставясь в стену.

Ничего. Тупик. Но где же они?

Тупик. Это слово всегда обладало для него странной, пугающей притягательностью. Он подумал, унаследовал ли Тэд эту его черту.

И внезапно он вспомнил, что дорога №3, ведущая к дому Кэмберов, была тупиковой.

Он огляделся и увидел, что со стены над кроватью исчезли Слова от Монстров. Может, Кемп взял их по какой-то странной прихоти? Но если Кемп побывал здесь, почему он не разорил и комнату Тэда, как нижние?

(Тупик и Слова от Монстров).

Повезла ли она «пинто» к Кэмберу? Он едва помнил их последний разговор об этом. Вроде бы она боялась Джо Кэмбера?

Нет. Не Кэмбер. Он просто раздевал ее взглядом. Она боялась *пса*. Как его звали?

И Тэд. Тэд с ним играл.

Он вспомнил голос Тэда, кажущийся теперь безнадежно далеким в этой пустой комнате: *«Куджо... эй, Куджо... Кууджо!»*

И тут случилось нечто, о чем Вик до конца своих дней никому не говорил. Он услышал голос Тэда на самом деле, слабый и испуганный. *Голос доносился из шкафа.*

Вик едва не вскрикнул, подпрыгнув на кровати. Дверца шкафа открылась, отбросив стол, и его сын кричал оттуда: *«Куууу...»*.

Тут он понял, что это не голос Тэда — он принял за него скрип ножек стула по крашеному полу. Просто шкаф

открылся, и... и он увидел там чьи-то глаза, красные и горящие злобой...

Тут все исчезло. Внутри так неожиданно открывшегося шкафа на него смотрели стеклянные глаза плюшевого мишки, сидящего на стопке одеял. Вот и все.

Сердце в его груди тяжело стучало. Он встал и подошел к шкафу. Там пахло чем-то неприятным. Может, это был всего-навсего нафталин, но...

«Не будь дураком. Это же шкаф, а не пещера. Откуда здесь монстры?»

Он смотрел на медведя. За ним была темнота, и в ней мог кто-то скрываться. Кто-то. Но, конечно же, там ничего не было.

— Ты напугал меня, мишка, — сказал он.

— *Монстры, уходите отсюда,* — отозвался медведь. Глаза его блестели. Стеклянные глаза блестели живым огнем.

— С дверью что-то не в порядке, вот и все, — продолжал Вик. Он вспотел, соленые капли скатывались по лицу, словно слезы.

— *Вам нечего здесь делать,* — повторил медведь.

— Что со мной? — спросил у него Вик. — Неужели я сошел с ума? Ведь так сходят с ума?

На это медведь возразил:

— *Монстры, оставьте Тэда в покое!*

Он закрыл дверь, припер ее стулом и положил на стул тяжелую стопку детских книжек. В этот раз дверь осталась закрытой. Вик стоял рядом и думал о тупиковых дорогах. По ним мало кто ездит. Все монстры живут в пещерах, или в шкафах, или в конце тупиковых дорог. Это закон природы.

Он сошел вниз и сел на ступеньки. Когда он закуривал, руки его заметно дрожали. В комнате Тэда что-то произошло. Он не был уверен в том, что видел, но что-то там произошло. Что-то.

Монстры, и псы, и шкафы, и гаражи, и тупиковые дороги.

«И что со всем этим делать, учитель? Складывать? Вычитать? Умножать?»

Он отбросил сигарету.

Он же верил, что это Кемп! Кемп виноват во всем. Он разгромил дом, едва не разрушил и его брак, изгадил их супружескую постель своей спермой, изгадил всю его жизнь.

Кемп. Кемп. Во всем виноват Кемп. И в холодной войне, и в озоновой дыре, и в том, что в Иране томятся американские заложники.

Какая чушь. Не все можно взвалить на Кемпа. Вот, например, история с «Клубникой» — ну, при чем тут Кемп? И вряд ли Кемп виноват в том, что у «пинто» испортился клапан.

Он посмотрел на свой старый «ягуар». Нужно ехать куда-нибудь; он просто не может здесь оставаться, он сойдет с ума. Нужно ехать в Скарборо. Взять Кемпа за горло и трясти до тех пор, пока он не скажет, куда он дел Донну с Тэдом. Если только его адвокат уже прибыл.

Вик вошел в машину, ощущая, как нагрелась кожа сиденья. Скорее.

«Куда?»

«В гараж Кэмбера», — сразу же ответил мозг.

Но это же глупо. Мэсен послал туда шерифа Баннермэна, чтобы он немедленно позвонил, если что-нибудь обнаружит, а он не позвонил, и это значит...

(...что монстр сожрал его)

Ладно, но почему бы ему туда не съездить? Надо же что-то делать!

Он завел мотор и поехал по дороге №117, еще не зная, поедет ли он прямо, в Скарборо, или свернет на Кленовую дорогу.

У поворота он медлил, пока кто-то не просигналил ему сзади. Потом резко свернул направо. Ничего, если он на пятнадцать минут съездит к Кэмберу. Посмотрев на часы, он увидел, что уже двадцать минут первого.

— Время пришло — поняла Донна.

А, может быть, и прошло. Помощи ждать было неоткуда. Ни один рыцарь на боевом коне не проезжал по дороге №3. И не проедет.

Тэд умирал.

Она повторяла это хриплым шепотом, снова и снова — Тэд умирает.

В машине совсем не осталось воздуха. Окно с ее стороны не открывалось, а со стороны Тэда... Она пыталась его приоткрыть, но Куджо, лежащий, лежащий в тени гаража, сейчас же вскочил и со всей возможной быстротой направился к машине, свирепо рыча.

Пот уже не тек по лицу Тэда. Пота больше не осталось. Кожа его была сухой и горячей; распухший язык оттопыривал верхнюю губу. Дыхание сделалось настолько слабым, что она с трудом могла его уловить. Дважды ей казалось, что она уже не дышит.

Ей самой было ненамного лучше. Металл кузова раскалился и обжигал при каждом неосторожном движении. Нога онемела, и она уже не сомневалась, что укус пса занес ей какую-то инфекцию. Может, для бешенства еще было рано, — она молила Бога об этом, — но укусы опухли и покраснели.

Куджо тоже был едва жив. Казалось, он усох внутри панциря из свалывшейся и окровавленной шерсти. Глаза его уже почти не видели, но он еще всматривался ими в ненавистных людей. Он уже не пускал слюну; морда его иссохла и походила на сморщенный кусок застывшей лавы.

«Старый монстр, — подумала она бессвязно, — еще опасен».

Сколько еще продлится этот чудовищный плен? Может, это все только сон? Нет уж, скорее сном было все, что происходило с ней до сих пор — любящие родители, школа, друзья, праздники и танцы, — а реальностью был этот вот раскаленный двор, где притаилась смерть. Старый монстр еще опасен, и ее сын умирает.

Бейсбольная бита. Вот все, что ей осталось. Бита и, если она сумеет добраться туда, что-нибудь в машине мертвого полицейского. Какое-нибудь ружье.

Она начала передвигать Тэда назад, борясь с забытием, грозящим навалиться на нее в любой момент. Наконец он перевалился за кресла, как мешок.

Она выглянула в окно, увидела битую, лежащую в высокой траве, и открыла дверь.

Куджо встал и медленно, нагнув голову, пошел к ней.

Когда она в последний раз вышла из «пинто», часы показывали 12.30.

Вик свернул на дорогу №3 как раз в это время. Он ехал быстро, чтобы после Кэмбера успеть еще и в Скарборо, что находилось за пятьдесят миль. Как только он решил ехать сперва к Кэмберу, он начал мысленно ругать себя за этот выбор. Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным.

Он уже проехал домишко Гори Педье, когда понял, что рядом с ним стоит «форд» Кэмбера. Он надавил на тормоза; «ягуар», сжигая резину, встал поперек дороги. Может быть, шериф был у Кэмбера и не застал его, а он сидит здесь.

Он заглянул в зеркальце, увидел, что дорога пуста, и быстро поехал назад. Загнав машину к подъезду, вышел из нее.

Чувства его были теми же, что у Джо Кэмбера двумя днями раньше. Он увидел пятна крови и проломленную панель двери. Во рту появился металлический привкус. Все это как-то связано с исчезновением Тэда и Донны.

Он зашел внутрь и тут же почуял запах — зловоние. Эти два дня было жарко. В коридоре на полу темнело что-то, похожее на поваленную скамейку, но Вик уже понял, что это не скамейка. Из-за запаха. Он нагнулся. Это был человек. Казалось, его горло перерезано очень тупым ножом.

Вик отшатнулся. Из горла его вырвался сухой стон. Телефон. Нужно позвонить в полицию.

Он пошел на кухню и там застыл. Внезапно все для него прояснилось; будто две половинки картины соединились в целое изображение.

Это пес. Это сделал пес.

И «пинто» в самом деле стоит у Джо Кэмбера. «Пинто» и в нем...

— О боже, Донна...

Вик повернулся и побежал к двери.

Донна шаталась; ноги почти не держали ее. Она схватила бейсбольную биту, боясь оглядываться на Куджо, пока не сжала ее в руке. Еще немного, и она могла бы заметить лежащий рядом служебный пистолет Джорджа Баннермэна. Но она его не заметила.

Она повернулась, и Куджо бросился на нее.

Она обрушила на голову сенбернара тяжелый конец биты, с замиранием сердца почувствовав, что она едва не сломалась. Пес отступил, хрипло рыча. Ее груди тяжело вздымались под белыми чашечками лифчика, окрашенными кровью — она вытирала о них руки, которыми касалась губ Тэда.

Они стояли, глядя друг на друга в залитой солнцем тишине. Были слышны только ее тяжелое дыхание, утробное рычание Куджо и беззаботное чириканье воробья где-то неподалеку.

Куджо начал заходить слева. Донна двинулась вправо. Они описали круг. Она держала биту в самом уязвимом месте, там, где дерево треснуло, ощущая пальцами шершавые кольца изоленды.

Куджо шагнул вперед.

— Ну, давай! — закричала она.

Она подняла биту и ударила Куджо по голове, но он увернулся, и удар пришелся оп ребрам. Тяжелый, тупой стук и хруст где-то в собачьем боку. Пес издал звук, похожий на стон, и зашатался. Она почувствовала, что бита под изолентой чуть разошлась.

Донна, пронзительно вскрикнула, опустила биту на передние лапы пса. Опять что-то хрустнуло. Пес попытался отползти, но она била его снова и снова, не переставая кричать. В голове у нее непрерывно звенело, мир плясал вокруг. Она была ведьмой, гарпией, Богиней-Мстительницей — не за себя, но за то, что сделали с ее сыном. Бита поднималась и опускалась у нее в руках, как удары ее собственного сердца.

Теперь конец биты окрасился кровью. Куджо все еще пытался отползти, но его движения делались все медленнее. Он еще смог увернуться от одного удара — бита ударила по гравию, — но следующий повалил его на землю.

Она подумала, что все кончено, и даже отошла на два шага; дыхание обжигало легкие, как горячая жидкость. Потом он снова поднялся и, пошатываясь, пошел на нее... и тут старая бита, наконец, сломалась. Половина ее отлетела в сторону и ударилась о машину с музыкальным звоном. У нее в руках осталась только рукоятка.

Куджо из последних сил тащился к ней. По его бокам текла кровь. Глаза его мигали, как неисправные фары.

И ей все еще казалось, что он улыбается.

— Ну, иди сюда! — взвизгнула она.

И умирающее существо, что когда-то было добрым псом Бретта Кэмбера, в последний раз оскалилось на женщину, по вине которой с ним случились все беды. Донна ткнула расщепленным концом рукоятки вперед, и он вонзился Куджо в правый глаз и через него прошел в мозг. Послышался негромкий треск, какой бывает, если раздавить пальцами виноградину. Последняя инерция бросила Куджо на нее и повалила наземь. Теперь его зубы в агонии щелкали в каких-то дюймах от ее шейной артерии. Его глаз вытек наружу. Она попыталась оттолкнуть его морду, и челюсти сомкнулись у нее на руке.

— Прекрати! — простионала она. — О, Господи, когда же ты остановишься. Ну, пожалуйста! Прекрати!

Кровь брызнула на ее лицо теплыми каплями — ее кровь и собачья. Боль в руке, казалось, заполнила все ее тело и весь мир вокруг. И мало-помалу он одолевал. Рукоятка биты, казалось, росла из его головы, из того места, где был глаз.

Он добирался до ее шеи.

Донна уже чувствовала там его зубы, и с последним стонущим криком она высвободила руки и отпихнула его от себя. Куджо тяжело рухнул на землю.

Его лапы скребли по гравию. Тише... тише... замерли. Оставшийся глаз уставился в небо. Хвост лежал на ее

ногах, тяжелый, как ковер. Он набрал воздуха, выдохнул и снова хрипло вдохнул. Потом издал слабый скулящий звук, и внезапно струйка крови побежала у него изо рта. Куджо умер.

Донна Трентон могла праздновать победу. Она попыталась встать на ноги, упала и поднялась опять. Сделав два неверных шага, споткнулась о труп собаки и упала на четвереньки. Подползла к месту, где лежал отломившийся тяжелый конец биты. Взяла его и снова поднялась, держась за капот «пинто», вернулась к месту, где лежал Куджо, и начала бить его. Каждый удар сопровождался глухим стуком. Изолента размоталась и вилась в горячем воздухе. Удары сорвали ей кожу на ладонях, и по рукам потекли новые струйки крови. Она продолжала кричать, но постепенно сорвала голос и издавала только хриплое рычание, как сам Куджо перед концом.

Позади нее остановился «ягуар» Вика.

Он не знал, чего он ожидал, но не этого. Он и так был напуган, но вид его жены — да полно, она ли это? — стоящей над какой-то кучей и бьющей ее снова и снова чем-то, напоминающим дубину пещерного человека, поверг его в настоящий ужас, почти отключивший мысли. В один бесконечно долгий момент, о котором он потом никогда не вспоминал, ему захотелось развернуть «Ягуар» и уехать отсюда... навсегда. Все, что здесь происходило, было чудовищно.

Вместо этого он заглушил мотор и вышел.

— Донна! Донна!

Она, казалось, не слышала его или не понимала. Ее щеки и лоб обгорели на солнце; левая штанина изорвана в клочья и окровавлена. И на животе у нее тоже была кровь.

Бейсбольная бита поднималась и опускалась снова и снова. Она глухо рычала. Кровь потоками струилась из обезображенного тела пса.

— Донна!

Он перехватил биту и взял у нее из рук. Потом отбросил прочь и обнял ее за голые плечи. Она повернулась к нему,

и он увидел ее безумные, пустые глаза и безобразно слипшиеся волосы. Она посмотрела на него... и снова отошла.

— Донна, дорогая, о, Господи, — тихо сказал он.

Это был Вик, но его не могло здесь быть. Это мираж. Это бешенство прогрессирует в ней, вызывая галлюцинации. Она отошла... зажмурилась... Он не исчез. Она протянула дрожащую руку и коснулась его. Нет. Не мираж.

— Вы..., — прошептала она хрипло. — Вы... Вы... Вик?

— Да, дорогая. Это я. Где Тэд?

Мираж оказался реальностью. Она хотела заплакать, но слез не было. Ее глаза только двигались в глазницах, как подшипники.

— Вик. Вик.

Он бережно обнял ее.

— Донна, где Тэд?

— Машина. Машина. Заболел. В больницу, — теперь она шептала уже более связно, но это отнимало у нее последние силы. Но это неважно. Вик здесь. Они с Тэдом спасены.

Он оставил ее и поспешил к машине. Она так и осталась стоять, глядя на тело пса. В конце концов, все не так уж плохо. Они выжили. В таких обстоятельствах остается либо выжить, либо умереть. Или-или. Теперь ее не так пугали и кровь, и мозги, вытекающие из разбитой головы Куджо. Вик здесь, и они спасены.

— О, Боже, — выдохнул Вик странно тонким голосом.

Она повернулась и увидела, как он вытаскивает что-то из машины. Какой-то мешок. Что это может быть? Разве она что-то покупала до того, как все случилось? Да... но она отвезла покупки домой. Они с Тэдом их выгрузили в коляски. Так что...

— Тэд! — попыталась крикнуть она и побежала туда. Вик отнес Тэда в тень у дома и положил там. Лицо мальчика было совсем белым, волосы прилипли к голове, как промокшая солома. Руки его лежали на траве, казалось, даже не приминая ее своим весом.

Вик прижал голову к груди Тэда. Потом посмотрел на Донну. Ее лицо было бледным, но довольно спокойным.

— Донна, как давно он умер?

«Умер? — попыталась она вскрикнуть, но губы лишь беззвучно двигались. — Он не умер, он был еще жив, когда я передвинула его назад, что ты говоришь? Что ты говоришь, сволочь?»

Она пыталась выговорить все это своим беззвучным голосом. Неужели Тэд умер одновременно с собакой? Нет, в это невозможно поверить. Ни бог, ни рок не могут быть настолько жестоки.

Она подбежала к мужу и оттолкнула его. Вик от неожиданности так и сел, а она склонилась над Тэдом и подняла его голову руками. Потом открыла ему рот и принялась вдыхать воздух в легкие своего сына.

Мухи уже облепили тела Куджо и шерифа Баннермэна, мужа Виктории и отца Кэтрин. Это были демократические мухи — они не делали различия между псом и полицейским. Солнце палило нестерпимо ярко. Без десяти час. Небо было бледно-голубым... Все предсказания покойной тети Эвви сбывались.

Она вдыхала воздух в легкие своего сына. Дышала. Дышала. Ее сын не умер; она не затем прошла через этот ад. Он не умер; этого просто не может быть.

Этого не может быть.

И она дышала. Дышала. Вдыхала воздух в легкие своего сына.

Она все еще продолжала делать это, когда, двадцать минут спустя, перед домом остановилась «скорая». Она не подпускала Вика к телу. Когда он подходил ближе, она скалила зубы и беззвучно рычала на него.

Он же, доведенный горем и страхом почти до полного безмыслия, все же нашел в себе силы войти в дом Кэмберов через дверь на крыльце, к которой так долго и бесплодно стремилась Донна, и позвонить в полицию.

Когда он вернулся, Донна все еще не прекратила своих усилий. Он пошел было к ней, потом подошел к «пинто» и заглянул туда еще раз. Сердце у него сжалось. Неужели

они просидели в этой душегубке больше двух дней? В это было невозможно поверить. В багажнике он нашел дырявое покрывало и прикрыл им обезображенное тело Баннермэна. Потом сел на траву и стал смотреть на дорогу №3.

Водитель «скорой» и двое санитаров погрузили тело шерифа в машину и подошли к Донне. Она оскалилась на них. Ее запекшиеся губы беззвучно повторяли: *«Он жив, жив»*. Когда один из санитаров попробовал ее увести, она его укусила. Впоследствии ему пришлось пройти курс лечения от бешенства.

Санитары в растерянности отступили. Вик все еще сидел на траве, глядя на дорогу. Водитель принес шприц. Короткая борьба. Шприц сломался... Тэд лежал на траве, такой же неподвижный. Мертвый.

Подъехали еще две машины. Это была полиция. На одной из них приехал Роско Фишер. Когда ему сказали, что шериф Баннермэн умер, Роско начал плакать. Двое других полицейских подступили к Донне. Новая борьба, и, наконец, четверо здоровых мужчин, потные и запыхавшиеся, смогли оторвать Донну от тела сына. Она беззвучно кричала что-то, мотая головой. Принесли другой шприц и сделали ей укол.

Потом они подошли к Тэду, который лежал на траве так же безучастно, и накрыли его простыней. Увидев это, Донна рванулась, высвободила одну руку и начала бешено бить ею вокруг себя.

— Донна, — сказал Вик, вставая на ноги. — Донна, дорогая, уже все. Поехали, поехали отсюда.

Она, не слыша, вырвалась и побежала не к сыну, а туда, где лежала сломанная бита. Она подняла ее и опять принялась колотить в труп собаки. Мухи взвились вверх зеленоватым облачком. Звук биты, бьющейся о тело, был жутким, как звуки рубки мяса. Тело Куджо при каждом ударе слегка подпрыгивало.

Полицейские пошли вперед.

— Не надо, — тихо сказал санитар, и скоро Донна просто уснула. Бита Бретта Кэмбера выпала у нее из рук.

«Скорая» уехала минут через пять, завывая сиреной. Вику тоже предложили сделать укол — «для успокоения нервов, мистер Трентон», — и он согласился, хотя и без того был спокоен. На упаковке шприца он прочитал название фирмы «Апджон».

— Мы делали им рекламу, — сообщил он санитару.

— Да? — с опаской спросил тот. Он был совсем еще молод и боялся, что его вот-вот стошнит. Он никогда еще не видел такого.

Одна из полицейских машин ждала Вика, чтобы отвезти его в больницу.

— Подождите минутку, — попросил он.

Полицейские кивнули. Они тоже смотрели на Вика Трентона с опаской, будто ожидая подвоха.

Он открыл обе дверцы «пинто». Пес порядочно поработал здесь. Он нашел рубашку Донны. Сумочку. Обертки от «Слим Джим» на полу и термос Тэда, воняющий прокисшим молоком. Корзинка для ланча. При виде каждой вещи его сердце прыгало в груди, и он старался не думать о будущем — если еще могло быть какое-то будущее. Потом он нашел тапочек Тэда.

«Тэдди, — подумал он. — Как же ты?»

Ноги его подкосились, и он тяжело опустился на сиденье. Ну почему? Почему все это случилось? Как совпало столько невероятных случайностей?

Внезапно голова его началась трястись. По щекам покатались слезы, и он стер их рукой. Ведь, кроме Тэда, Куджо убил еще троих. Были ли у того полицейского, которого он накрыл покрывалом, жена и дети?

Наверное.

«Если бы я приехал раньше. Если бы я не спал».

«Я ведь был уверен, что это Кемп! Уверен! Если бы я приехал на пятнадцать минут раньше. Если бы я не болтал так долго с Роджером. Что мне теперь делать? Как жить дальше и не сойти с ума? Что будет с Донной?»

Приехала еще одна полицейская машина. Вышедший из нее человек в форме, что-то сказал полицейским, которые ждали Вика. Один из них подошел к нему.

— Мистер Трентон, я думаю, нам пора. Квентин сказал, что сюда едут репортеры. Вряд ли вы захотите сейчас видеть их.

— Да, — сказал Вик, поднимаясь с места. В этот миг он заметил что-то желтое на сидении Тэда. Листок бумаги. Он развернул его и увидел Слова от Монстров, которые сам сочинил, чтобы успокоить Тэда. Листок был смят и пропитался потом; слова читались с трудом.

*«Монстры, уходите отсюда!
Вам нечего здесь делать.
Уходите, монстры, из-под кровати Тэда!
Вы еще сможете там спрятаться.
Уходите, монстры, из шкафа Тэда!
Он слишком мал для вас.
Уходите, монстры, из-за окна Тэда!
Вам не на чем там висеть.
Уходите, вампиры, и оборотни, и...»*

Дальше читать он не мог. Его душили слезы. Он скомкал листок и бросил его в сторону мертвого пса. Сентиментальная ложь, фальшивая, как клубничный оттенок этой проклятой каши. Все ложь. Мир полон монстров, и они всегда, в любую минуту, могут наброситься на безвинных и беспомощных.

Он позволил усадить себя в машину. Его увезли, как до того увезли Джорджа Баннермэна, Тэда Трентона и Донну Трентон. Через некоторое время на грузовике приехала ветеринарша. Она взглянула на мертвого пса, натянула длинные резиновые перчатки и ловко отпилила голову собаки небольшой циркулярной пилой. Полицейские отвернулись.

Голову она сунула в белый пластиковый мешок. Позже ее отвезли для исследования в Государственную инспекцию.

Так не стало Куджо.

Без четверти четыре того же дня Холли позвала Черити к телефону. Она выглядела очень встревоженной.

— Кажется это какой-то начальник, — сказала она. Полчаса назад Бретт повел своего малолетнего кузена в парк, слушая по дороге его бесконечную болтовню.

Поэтому в доме было тихо, слышались только голоса двух женщин, вспоминающих доброе старое время. Время, когда их отец возил сено в своей широкополой шляпе (однако они не вспоминали, как он нещадно лупил их за каждую провинность, действительную или мнимую); когда они бегали в кино в Лисбон смотреть молодого Элвиса; когда они возвращались из школы, и Ред Тимминс все пытался поцеловать Холли. Они не вспоминали и то, что Ред в 62-м лишился руки, оторванной его же собственным трактором. Прошое, как и шкаф: не следует залезать слишком глубоко. Там всегда может прятаться монстр, готовый укусить тебя.

Черити дважды пыталась сказать Холли, что им с Бреттом нужно уехать, но так и не смогла придумать, как сделать это так, чтобы не обидеть хозяйку.

Теперь все это забылось. Она взяла трубку, чувствуя легкую тревогу — всякие неожиданные звонки во время отпуска вселяют тревогу, особенно официальные.

— Алло? — сказала она.

Холли наблюдала, как ее лицо белеет, и слышала, как ее сестра говорит:

— Что? *Что?* Нет... нет. Это какая-то ошибка. Я говорю вам, это...

Она замолчала, слушая. Что-то ужасное случилось в Мэне. Холли видела это по лицу сестры, хотя не слышала ничего, кроме неразборчивого бормотания на другом конце провода.

Плохие новости из Мэна. Для нее это было привычно. Хорошо было сидеть с Черити в нагретой солнцем кухне, пить чай и говорить о том, как они когда-то бегали в кино. Хорошо, но это не меняло осознания того, что с тех пор случилось очень много плохого. Как она однажды разорвала юбку, и как одноклассницы смеялись. Как чистила картошку до помутнения в глазах. Как Ред Тимминс —

они избегали говорить о его руке, и Холли никогда не признавалась, что обрадовалась, когда с ним это случилось, — как он швырнул в нее зеленым яблоком и разбил нос, как она плакала, а он гоготал. Она помнила гнусный запах возле их дома в жаркие дни. Пахло дерьмом.

Плохие новости из Мэна. И она почему-то всегда знала, что Черити обречена на такую жизнь до конца своих дней. Они не виделись шесть лет, но казалось, что прошло шестнадцать. Лицо ее покрылось морщинами. Грудь отвисла, это было заметно даже под лифчиком. Взгляд стал каким-то безысходным. И хуже всего, что она смирилась с такой жизнью и для своего сына. Холли с горечью думала, что для туристов Мэн — чудесный край отпусков. Но для тех, кто там родился, каждый день — это плохая новость. Вот еще какие-то подоспели. Черити, наконец, повесила трубку. Она сидела, глядя прямо перед собой.

— Джо умер, — сказала она вдруг.

У Холли перехватило дыхание. *«Зачем ты приехала? — хотелось ей крикнуть. — Зачем ты привезла все это с собой?»*

Вместо этого она промямлила:

— Ох, дорогая, что ты говоришь?

— Это звонил какой-то Мэсен из Огасты. Из департамента юстиции.

— Это... это какая-то катастрофа?

Черити взглянула прямо на нее, и Холли была шокирована; казалось, что ее сестра только что услышала *хорошую* новость. Даже морщины у нее на лице разгладились.

Если бы она увидела лицо Черити Кэмбер, когда она выиграла в лотерею, то она бы все поняла.

— Черити?

— Это пес, — сказала Черити. — Это Куджо.

— Пес? — сначала Холли не могла уловить никакой связи между псом Кэмберов и смертью Джо. Потом догадалась, вспомнив раздробленную руку Реда Тимминса. — Как пес?

Прежде чем Черити успела ответить, на дворе послышались веселые голоса: высокий, захлебывающийся Джи-

ма-младшего и более низкий, снисходительный — Бретта. И теперь лицо Черити, наконец, изменилось.

— Бретт, — проговорила она. — О Господи. Холли... Как мне сказать ему, что его отец мертв?

Холли не отвечала. Она только беспомощно смотрела на сестру.

«Бешенный пес убил четырех человек. Трехдневное царство кошмара», — гласил заголовок в вечерней портлендской «Ивнинг экспресс». Ниже, более мелким шрифтом: «Единственный выживший находится в тяжелом состоянии». На следующий день в «Пресс Геральд»: *«Отец рассказывает об отчаянной борьбе матери за жизнь сына»*. И в других газетах: *«Врачи опасаются за здоровье миссис Трентон»*; *«Псу не делали прививки»*. Через три дня сообщения переместились на другие страницы: *«Врачи обвиняют взбесившуюся лисицу или енота?»* Все завершилось сообщением, что Вик Трентон не намерен возбуждать иск в отношении оставшихся членов семьи Кэмберов, которые, как было сказано, «пребывают в состоянии шока». Вскоре история забылась.

Вспышки бешенства в Центральном Мэне, которой опасались специалисты, так и не произошло. В отчетах случившееся фигурировало, как «прискорбный, но единственный, случай в Касл-Роке».

Донна Трентон пролежала в больнице почти четыре недели. Она прошла курс лечения без особых затруднений, но из-за серьезности болезни — и из-за ее глубокой депрессии — ее долго не хотели выписывать.

В конце августа Вик отвез ее домой.

Они весь день просидели дома. Вечером, сидя у телевизора, но не смотря в него, Донна спросила его про «Эд Уоркс».

— Все в порядке, — сказал он. — Мы прикончили Профессора. Теперь разрабатываем новую рекламную кампанию.

Это было не совсем верно: разрабатывал Роджер. Вик приезжал в офис три-четыре раза в неделю и в основном ничего там не делал.

— Хотя «Шарп» вряд ли станет держать нас у себя дольше двух лет. Роджер был прав. Но мы что-нибудь придумаем.

— Хорошо, — сказала она. Теперь у нее были периоды просветления, когда она казалась такой же, как раньше, но она почти все время молчала. Она потеряла в весе двадцать фунтов, и все платья на ней висели.

Она посмотрела на экран и потом повернулась к нему. На глазах у нее были слезы.

— Донна, — сказал он. — Маленькая.

Он бережно обнял ее и так держал. Ее тело казалось оцепеневшим, и во многих местах он ощущал выступы костей.

— Мы сможем жить здесь? — всхлипывала она. — Вик, мы сможем жить здесь?

— Не знаю, — сказал он. — Я думаю, придется попробовать.

— Может, я хотела спросить, сможем ли мы жить вместе. Если ты скажешь «нет», я пойму. Хорошо пойму.

— Я не хочу ничего так, как остаться с тобой. Может быть, когда я получил эту записку Кемпа, я так не думал. Но это было недолго. Я люблю тебя. И всегда буду любить.

Она тоже обняла его и крепко прижала к себе. За окном поливал летний дождь, отбрасывая на пол серые тени.

— Я не смогла спасти его, — сказала она, все еще всхлипывая. — Не смогла... Я все время про это думаю. Если бы я раньше добралась до двери... или подобрала эту биту... А когда я набралась сил, все уже... кончилось. Он умер.

Он не стал объяснять ей, что вряд ли она справилась бы с Куджо прежде, чем болезнь окончательно ослабила его; вряд ли он позволил бы ей даже подойти к крыльцу или к этой бите. Он чувствовал, что ей это не нужно.

— Я тоже не смог его спасти.

— Ты...

— Я ведь был уверен, что это Кемп. Если бы я приехал раньше, если бы я не спал...

— Нет, — сказала она мягко.

— Да. Я виноват, как и ты. Поэтому нам нужно простить друг друга. И жить дальше.

— Я чувствую его... в каждом углу.

— Я тоже.

Они с Роджером сдали все игрушки Тэда в Армию спасения. После этого они молча пили пиво в соседнем кафе. Вернувшись домой, Вик сел на кровать Тэда и плакал, пока не выплакал все слезы. Он в тот момент хотел умереть, но не умер и даже поехал на другой день на работу.

— Свари лучше кофе, — он провел ей рукой по спине. — А я затоплю камин. Что-то холодно.

— Ладно, — она встала. — Вик?

— Что?

— Я тоже люблю тебя.

— Спасибо. Мне сейчас это очень важно.

Она едва заметно улыбнулась и вышла. И они пережили этот вечер, хотя Тэд был мертв. Они пережили еще много таких вечеров. Осенью, когда начали опадать листья, им было уже немножко легче.

Немножко.

Она старалась не выдавать своего волнения.

Когда Бретт пришел из сарая, отряхивая снег с ботинок и вошел в кухню, она сидела за столом и пила чай. Какое-то время он молча смотрел на нее. За эти месяцы он вытянулся и похудел. Отметки его за первую четверть были не такими хорошими, как раньше, к тому же он дважды дрался в школьном дворе — все по поводу той летней истории. Но отметки за вторую четверть были уже лучше.

— Мама? Что...

— Альва принес.

— А ему сделали уколы? — это был первый вопрос, который Бретт задал, даже не раздумывая.

— Говорит, сделали. Альва не хотел, но я уплатила ему по счету ветеринара. Девять долларов. От чумки и от бешенства. Если ты откажешься, он вернет деньги.

Деньги теперь были для них очень важны. Она порой думала, что им придется продать дом. Страховка оказалась совсем небольшой. В «Каско-банке» ей объяснили, что эти деньги, вместе с остатками выигрыша, будут выплачиваться им с процентами в течение пяти лет. Ей пришлось устроиться на единственное в Касл-Роке предприятие, в отдел упаковки и рассылки. Продажа инструментов Джо, включая злосчастный мини-кран, принесла еще три тысячи долларов. Поэтому они смогли кое-как продержаться. Конечно, можно было продать дом и снять жилье в городе, но Бретт этого не хотел. И они остались здесь.

— А как его зовут? — спросил Бретт.

— Пока никак. Он еще маленький.

— Породистый?

— Да, — сказала она и улыбнулась. — Альва сказал, что это гончая.

Он тоже улыбнулся, довольно тревожно. Но это было лучше, чем полное отсутствие улыбки.

— Если он нагадит, будешь убирать сам, — предупредила она.

— Ладно, — он собрался уходить.

— Так как ты его назовешь?

— Пока не знаю, — долгая пауза. — Я подумаю.

Ей показалось, что он вот-вот заплачет, но она не стала его утешать. Он уже большой, а большие мальчики не любят, когда мать видит, как они плачут.

Он вышел и принес щенка в дом. Он так и оставался безымянным до весны, когда к нему сама собой пристала кличка Вилли. Это был маленький, жизнерадостный, короткошерстный пес, и кличка ему очень шла.

Той же весной Черити повысили зарплату. Она стала откладывать по десять долларов в неделю. Бретту на колледж.

Вскоре после страшных событий во дворе Кэмберов останки Куджо кремировали. Пепел отвезли на завод

удобрений в Огасте. Никто уже не помнил, что он всегда старался быть хорошим псом и слушался Хозяина, Хозяйку и Мальчика. Он умер бы за них, если понадобилось. Он никогда не хотел никого убивать. Им просто овладело нечто — судьба, или рок, или просто болезнь, называемая бешенством. Его желания никто не спрашивал.

Маленькую пещеру, куда Куджо загнал кролика, так никто и не обнаружил. Летучие мыши почему-то покинули ее. Кролик не смог выбраться и умер медленной мучительной смертью. Его кости, насколько я знаю, смешались с костями других маленьких животных, имевших несчастье попасть туда.

Вот и все.

*«Я вам скажу, чтоб знали вы
и помнили всегда,
что есть и у собак свой рай,
и он ушел туда».*

КОНЕЦ

РИТА ХЕЙВОРТ
В ШОУШЕНСКОЙ
ТЮРЬМЕ

РИТА ХЕЙВОРТ В ШОУШЕНКСКОЙ ТЮРЬМЕ

Я из числа тех самых славных малых, которые могут достать все. Абсолютно все, хоть черта из преисподней. Такие ребята водятся в любой федеральной тюрьме Америки. Хотите — импортные сигареты, хотите — бутылочку бренди, чтобы отметить выпускные экзамены сына или дочери, день вашего рождения или Рождество..., а может, и просто выпить без особых причин.

Я попал в Шоушенкскую тюрьму, когда мне только исполнилось двадцать, и я из очень немногих людей в нашей маленькой славной семье, кто нисколько не сожалеет о содеянном. Я совершил убийство. Застраховал на солидную сумму свою жену, которая была тремя годами старше меня, а потом заблокировал тормоза на «Шевроле», который ее папенька преподнес нам в подарок. Все было сработано довольно тщательно. Я не рассчитал только, что она решит остановиться на полпути, чтобы подвезти соседку с малолетним сынишкой до Кастл Хилла. Тормоза отказали, и машина полетела с холма набирая скорость и расталкивая автобусы. Очевидцы утверждали потом, что она неслась со скоростью не меньше восьмидесяти километров в час, когда, врезавшись в подножие монумента героям войны, взорвалась и запылала, как факел.

Я, конечно, не рассчитывал и на то, что меня могут поймать. Но это, увы, произошло. И вот я здесь. В Мэне нет смертной казни, но прокурор округа сказал, что я заслуживаю трех смертей, и приговорил к трем пожизненным заключениям. Это исключало для меня любую возможность амнистии. Судья назвал совершенное мною

«чудовищным, невиданным по своей гнусности и отвратительности преступлением». Может, так оно и было на самом деле, но теперь все в прошлом. Вы можете пролистать пожелтевшие подшивки газет Касл Рока, где мне посвящены большие заголовки и фотографии на первой странице, но, ей-богу, все это детские забавы по сравнению с деяниями Гитлера и Муссолини и проказами ФБР.

Искупил ли я свою вину, спросите вы? Реабилитировал ли себя? Я не вполне знаю, что означают эти слова и какое искупление может быть в тюрьме или колонии. Мне кажется, это словно политиканов. Возможно, какой-то смысл и был бы, если бы речь шла о том, что у меня есть шанс выйти на свободу. Но это будущее — одна из тех вещей, о которых заключенные не позволяют себе задумываться. Я был молодой, красивый и из бедного квартала. Я подцепил смазливенькую и неглупую девчонку, жившую в одном из роскошных особняков на Карбин Стрит. Ее папенька согласился на нашу женитьбу при условии, что я стану работать в оптической компании, владельцем которой он является, и «пойду по его стопам». На самом деле старикан хотел держать меня под контролем, как дикую тварь, которая не достаточно приручена и может укунить хозяина. Все это вызывало у меня такую ненависть, что когда она скопилась, я совершил то, о чем теперь не жалею. Хотя если бы у меня был шанс повторить все сначала, возможно, я поступил бы иначе. Но я не уверен, что это значит, что я «реабилитировался» и «осознал свою вину».

Ну да ладно, я хотел рассказать вовсе не о себе, а об одном паре по имени Энди Дюфресн. Но прежде, чем я вам о нем расскажу, нужно объяснить еще кое-что обо мне. Это не займет много времени. Как я уже говорил, я тот человек, который может достать для вас все в Шоушенке на протяжении этих чертовых сорока лет. Это не означает всяких контрабандных штучек типа травки или просто экстра сигарет, хотя эти пункты, как правило, возглавляют список заказываемых вещей. Но я достаю и тысячи других для людей, которые проводят здесь время, и некоторые из их заказов не являются собой ничего

противозаконного. Они вполне легальные, но просто трудно осуществимы в том месте, куда отправляют для наказания. Был один забавный тип, который изнасиловал маленькую девочку и показывал себя, свои мужские достоинства дюжинам остальных. Так вот, я достал для него три кусочка розового мрамора Вермонта. И он сделал три маленькие чудесные скульптурки: младенец, мальчик лет двенадцати и бородатый молодой человек. Парень назвал свои произведения «Три возраста Иисуса», и теперь они украшают гостиную губернатора штата.

А вот имя, которое вы должны были бы помнить хорошо, если вы жили на севере — Роберт Алан Коут. В тысяча девятьсот пятьдесят первом году он попытался ограбить Первый Государственный Банк. Его затея вылилась в кровавую бойню — в итоге шесть трупов. Два из них — члены банды, три — посетители, а один — молодой коп, который засунул нос в помещение банка очень не вовремя и получил свою пулю. У Коута была коллекция пенни. Вообще-то говоря, они запретили ему держать коллекцию в тюрьме, но с помощью матушки этого парня и одного славного малого, который работает шофером и обслуживает нашу прачечную я смог ему помочь. И я сказал ему: «Боби, ты должен быть совсем чокнутым, чтобы держать коллекцию монет в каменном мешке, забитом ворами и мошенниками». Он взглянул на меня и улыбнулся, и сказал, что он знает, как хранить свое добро. «Все будет в сохранности, — сказал он, — уж за это можешь не беспокоиться». Так оно и вышло. Боби Коут умер в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом, но его коллекция не была обнаружена тюремным начальством.

Я доставал шоколад для народа на день Святого Валентина. Я ухитрился добывать молочные коктейли, которые подают в «Мак Дональдсе», для абсолютно чокнутого ирландца по имени Меллей. Я даже организовал ночью показ фильмов «Огромная пасть» и «Дьявол в мисс Джонс» для двадцати мужиков, которые скинулись, чтобы заплатить за сеанс... хотя после этого я отдыхал где-то с неделю в одиночке. Ну да ладно, не беда. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Я доставал политические книги и книги

о сексе, и неоднократно пожизненно заключенные и отбывающие длительный срок умоляли добыть трусики своей жены или подружки... и я полагаю, вы догадываетесь, что эти парни делали долгими тюремными ночами, когда время тянется бесконечно медленно. Я не делаю все это за «спасибо», а иногда цена довольно высока. Но я не стал бы стараться и только ради денег, — что значат деньги здесь? Я не смогу купить «Кадиллак» или слетать на Ямайку. Пожалуй, я оказываю все эти услуги для того же, для чего хороший мясник всегда присылает вам самое свежее мясо: я заработал себе репутацию и хочу ее поддерживать. Я не занимаюсь только двумя вещами: оружием и сильными наркотиками. Я не хочу помогать кому-либо убивать себя или ближнего своего. Достаточно с меня убийств, сыт по горло.

Да, я человек дела. И когда Энди Дюфренс подошел ко мне в 1949 и спросил, нельзя ли добыть ему Риту Хейворт, я ответил: «Нет проблем!». Их правда не было.

Когда Энди попал в Шоушенк в 1948, ему было 30 лет. Он был невысокий, обаятельный человек с песочными волосами и маленькими узкими ладонями. Он носил очки в золотой оправе. Ногти на его руках всегда были аккуратно подпилены и безукоризненно чисты. Возможно, это покажется смешным, что я помню о мужчине такие вещи. Но его ногти произвели на меня впечатление и подняли Энди в моих глазах. Он всегда выглядел так, как будто был при галстукке и чуть ли не в смокинге. До тюрьмы он работал вице-президентом крупного банка в Портленде. Согласитесь, неплохая должность для такого молодого человека. Особенно, если учесть, насколько консервативны большинство банков... и умножьте этот консерватизм в десяток раз, если вы находитесь в Новой Англии, где люди не склонны доверять свои деньги человеку, если он не стар, не лыс, не готов завтра протянуть ноги. Энди получил срок за убийство своей жены и ее любовника.

Кажется, я уже говорил, что в тюрьме каждый считает себя невинным. И все находящиеся здесь — жертвы обстоятельств, чертовского невезения, некомпетентных следователей, бессердечных прокуроров, дубоголовых поли-

цейских и так далее и тому подобное. Мне кажется, большинство здешних людей — третий сорт, и самое большое их «чертовское невезение» заключается в том, что их мама вовремя не сделала аборт.

За мои долгие годы в Шоушенке было всего лишь человек десять, в невинность которых я поверил. Энди Дюфресн был одним из них, хотя ему я поверил спустя годы с момента нашего знакомства. Если бы я был в коллегии, слушавшей его дело в Портлендском суде в 1947, я вряд ли был бы на стороне этого парня.

История, вообще-то говоря, довольно банальная. Наличествуют все необходимые элементы такого рода скандалов. Красивая девочка со связями в обществе, молодой спортсмен — оба мертвы — и многообещающий бизнесмен на скамье подсудимых. И грандиозный скандал в газетах, которые трещали об этом процессе без умолку. И открытое судебное разбирательство, которое продолжалось довольно долго. Прокурор округа хотел обращаться в центральные органы, и он хотел, чтобы Джон К. Паблик взглянул повнимательней на это дело. Зрители начинали собираться около четырех утра, чтобы занять себе места в битком набитом зале. И это несмотря на то, что столбик термометра опускался необыкновенно низко в те дни. Даже мороз не смог отпугнуть любопытствующих. Факты таковы: у Энди была жена, Линда Коллинз Дюфресн. В июне 1947 года она захотела научиться играть в гольф клубе Фал Мауф Хилла. Она действительно брала уроки в течении четырех месяцев. Инструктором был тренер Фал Мауф Хилла по имени Глен Квентин. В августе 1947 Энди узнал, что Квентин и его жена любовники. Энди и Линда крупно поссорились 10 сентября 1947 года, и предметом ссоры была ее неверность. Энди показал на суде, что жена была рада, что он узнал правду: ей надоело хитрить и увиливать. Она говорила, что ей это было более всего неприятно, и заявила Энди, что намерена брать развод. На что он ответил, что скорее увидит ее в преисподней, чем на бракоразводном процессе. Она развернулась и уехала проводить ночь с Квентиным в бунгало, которое тот снимал неподалеку от клуба. На следующее утро

пришедшая домработница нашла их мертвыми в постели. И в каждом по четыре пули.

Последний факт более, чем все остальные настраивал суд против Энди. Окружной прокурор с невиданным вдохновением и дрожью в голосе обыгрывал эту тему в своем заключительном слове. Энди Дюфресн, вещал прокурор, не просто разгневанный муж, учиняющий расправу над неверной женой. Это, говорил прокурор, если не простительно, то хотя бы понятно. Но мы имеем дело с безжалостным чудовищем, с хладнокровным убийцей. Обратите внимание, возвышал голос прокурор, четыре и четыре! Не шесть выстрелов, а восемь! Он выпустил всю обойму, потом остановился, спокойно перезарядил пистолет, и снова выстрелил в каждого из них. Естественно, эта речь стала изюминкой газетных публикаций, которые пестрели заголовками типа «Расчетливый убийца», «Восемь выстрелов в невинную парочку», и прочей подобной пошлятиной.

Клерк из оружейного магазина в Левистоне показал, что он продал шестизарядный пистолет тридцать восьмого калибра мистеру Дюфренсу за два дня до убийства. Бармен из клуба в своих свидетельских показаниях сказал, что Энди пришел в бар около семи часов вечера 10 сентября, заказал три виски без содовой, выпил все это в течении двадцати минут. И когда расплачивался, сообщил бармену, что направляется к Глену Квентину, и о дальнейшем можно будет прочесть в утренних газетах. Другой клерк из магазина, находящегося в миле от дома Квентина засвидетельствовал, что Дюфресн зашел к нему тем вечером в четверть девятого. Он заказал сигареты, три бутылки пива и несколько салфеток. Судмедэксперт заключил, что Квентин и Линда Дюфресн были убиты между двадцатью тремя ноль-ноль 10 сентября и двумя ноль-ноль одиннадцатого сентября. Следовательно, который занимался этим делом, обнаружил на повороте, находящемся в семидесяти ярдах от бунгало вещественные доказательства, которые были представлены на суде: две пустые бутылки швейцарского пива с отпечатками пальцев обвиняемого, около двадцати окурков тех самых сигарет, что

обвиняемый приобрел в магазине и отпечаток, отлитый в пластике, шин на повороте, в точности соответствующий отпечатку шин на «Плимуте» 47 модели обвиняемого.

В спальне бунгало на софе были найдены четыре салфетки. Они были продырявлены пулями и испачканы порохом. Следователь заключил, что убийца обмотал ствол оружия салфетками, чтобы приглушить звук выстрела.

Энди Дюфресн, получив слово, рассказал о происшедшем спокойно, холодно, рассудительно. Он сказал, что начал слышать кое-какие сплетни где-то в конце июля. В начале августа он был так измучен неопределенностью ситуации, что решил устроить проверку. Линда однажды вечером собралась якобы съездить в Портленд за покупками после занятия гольфом. Энди преследовал ее и Квентина до бунгало (которое газеты окрестили «Любвым гнездышком»). Он припарковался на повороте и подождал, пока Квентин отвезет Линду до клуба, где она оставила свою машину.

«Вы хотите сказать, что преследовали жену на вашем новом «Плимуте»?» — спросил прокурор.

— Я поменялся машинами с другом на вечер, — ответил Энди, и эта холодная запланированность его действий только усугубила негативное отношение к нему судей и присяжных.

Вернув другу машину и забрав свою, Энди поехал домой. Линда, лежа в кровати, читала книгу. Он спросил ее, как прошла поездка в Портленд. Она ответила, что все было замечательно, но она не присмотрела ничего, что стоило бы купить. С тех пор Энди окончательно уверился в своих подозрениях. Он рассказывал все это совершенно спокойно, негромким ровным голосом, который за все время его показаний ни разу не пресекся, не повысился, не сорвался.

— Какое было ваше психическое состояние после этого и до той ночи, когда была убита ваша жена? — спросил защитник.

— Я был в глубокой депрессии, — холодно ответил Энди. Все так же монотонно и безэмоционально, как человек, зачитывающий меню в ресторане, он поведал,

что задумал самоубийство и зашел так далеко, что даже купил пистолет 8 сентября в Левинстоне.

Затем защитник предложил рассказать присяжным, что произошло после того, как Линда отправилась на встречу с Гленом Квентином в ночь убийства. Энди рассказал, и впечатление, которое он произвел на жюри, было наихудшим, какое только можно себе вообразить.

Я знал его довольно близко на протяжении тридцати лет и могу сказать, что из всех встречавшихся мне людей он обладает наибольшим самообладанием. Если с ним все в порядке, то кое-какую информацию о себе он выдает в час по чайной ложке. Но если с ним что-то не так, вам этого никогда не узнать. Если Энди когда-то и пережил «темную ночь души», как выражался какой-то писатель, он никогда никому этого не расскажет. Он относится к тому типу людей, которые, задумав самоубийство, не устраивают прощальных истерик и не оставляют трогательных записок, но аккуратно приводят в порядок свои бумаги, оплачивают счета, а затем спокойно и твердо осуществляют задуманное. Это хладнокровие и подвело его на процессе. Лучше бы он проявил хоть какие-либо признаки эмоций. Если бы голос его сорвался, если бы он вдруг разрыдался или даже начал бы орать на окружного прокурора — все одно было бы ему на пользу, и я не сомневаюсь, что он был бы амнистирован, например, в 1954. Но он рассказал свою историю как машина, как бесчувственный автомат, как бы говоря присяжным: «Вот моя правда. Принимать ее или нет — ваше дело». Они не приняли.

Энди сказал, что он был пьян той ночью, что он был в той или иной степени пьян с 24 августа, и что он был человеком, который терял над собой контроль и уже не мог удержаться от рюмки. Уже в это присяжные могли поверить с большим трудом. Перед ними стоял молодой человек в превосходном шерстяном костюме-тройке, при галстукe, превосходно владеющий собой, с холодным спокойным взглядом. И очень сложно было представить себе, что он напивается в стельку из-за мелкой интрижки его жены с провинциальным тренером. Я поверил в это

только потому, что у меня был шанс узнать Энди так, как эти шесть мужчин и шесть женщин знать его не могли.

Энди Дюфресн заказывал спиртное всего лишь четыре раза в год за все время нашего знакомства. Он встречал меня на прогулочном дворе за неделю до своего дня рождения, а потом перед Рождеством. Всякий раз он заказывал бутылку «Джек Даниэль». Он покупал это так же, как и большинство заключенных, получающих гроши за свой рабский труд здесь. С 1965 года расценки нашего труда подняли на двадцать пять процентов, но они остались смехотворно низкими. Плата за мой труд составляла десять процентов от стоимости товара. Прибавьте это к цене высоко классного виски типа «Блэк Джек», и вы получите представление о том, сколько часов тяжелого труда в тюремной прачечной могут обеспечить четыре бутылки в год.

Утром 20 сентября в свой день рождения, Энди слегка выпил, а вечером после отбоя продолжил это занятие. На следующее утро он отдал мне остаток бутылки и сказал, чтобы я распределил спиртное между своими. И другую бутылку, которую он пил на Рождество, и еще одну, заказанную на Новый год, он вернул мне недопитыми с теми же инструкциями. Четыре раза в год — и это человек, который прежде напивался безудержно, которого алкоголь втянул в эту скверную историю. Достаточно скверную, скажу я вам.

Энди сообщил присяжным, что в ночь с 10 на 11 сентября был настолько пьян, что помнит происходившее с ним только какими-то отрывками. Он начал пить днем еще до того, как поссорился с Линдой. После того, как она пошла на встречу с Квентином, он решил помешать ей. По дороге заскочил в клуб, чтобы опрокинуть стопочку-другую. Он не помнит, что говорил владельцу бара читать утренние газеты, да и вообще разговаривал с ним. Он помнит, как покупал пиво в магазине, но не салфетки. «И зачем бы мне нужны были салфетки?» — спросил Энди, и в одной из газет было отмечено, что три леди из присяжных содрогнулись.

Позже, гораздо позже, он излагал мне свои предположения о клерке, который упоминал эти чертовы салфетки, и мне кажется, так оно и было. «Предположим, в соответствии с концепцией обвинителя, — говорил Энди на прогулочном дворе, — они пристали к этому парню, что продавал пиво мне ночью со своими вопросами. С тех пор, как тот тип меня видел, прошло три дня. Мое дело занимало первую полосу любой газеты, было у всех на слуху. Они насели на беднягу, пять-шесть копов, плюс следователь, плюс помощник прокурора. Память на редкость коварная штука, Рэд. Они могли начать с вопроса: «А не покупал ли обвиняемый у вас салфеток?», и затем гнуть свою линию, не сворачивая. Если достаточное количество людей хочет, чтобы ты что-то вспомнил, то вспомнишь, что очень вероятно. И есть еще одна вещь, которая сильно давит на сознание. И поэтому я думаю, что клерк легко убедил себя сам в истинности своих слов. Это слава, Рэд. Представь, репортеры задают ему вопросы, фото во всех газетах... и, в довершение всего, его выступление в суде. Сдается мне, что он прошел бы — если действительно не прошел — детектор лжи, или поклялся бы — если действительно не поклялся — именем своей матери, что я покупал эти салфетки. И все же... память настолько коварна.

Я знаю одно: хотя мой адвокат и считал, что я выдумал половину своей истории, эпизод с салфетками он опровергал, не задумываясь. Действительно, здесь у них неувязка, согласись. Я был пьян в стельку. Слишком пьян, чтобы думать о том, как приглушить звук выстрела. Если бы я стрелял, я бы ни о чем уже не задумывался». Так говорил Энди.

Он припарковался на повороте, пил пиво, курил сигареты, ждал. Он наблюдал зажженный свет в окнах бунгало Квентина. Видел, как какой-то огонек поднялся вверх по ступеням, затем проследовал вниз, и наступила темнота. Энди говорил, что последующее он может только предполагать.

— Мистер Дюфресн, не поднялись ли Вы потом по ступеням дома мистера Квентина, чтобы убить его и Вашу жену? — спросил защитник.

— Нет, этого не было, — ответил Энди. Он рассказал, что начал трезветь где-то около полуночи. Затем почувствовал адскую головную боль и все прочие неприятные симптомы похмелья. Он решил поехать домой, хорошо выспаться и обдумать все свои дела утром на свежую голову.

— В то время, как я ехал домой, мне пришло в голову, что лучше всего было бы не мучиться и спокойно дать жене развод, — заключил Энди.

Прокурор подскочил на месте.

— Ну что ж, Вы выбрали неплохой путь развестись с женой, не так ли? Вы развелись с ней при помощи револьвера 38 калибра, прикрытого салфетками, да?

— Нет, сэр, этого не было, — спокойно ответил Энди.

— А затем пристрелили ее любовника.

— Нет, сэр.

— Вы хотите сказать, что Квентин получил свою пулю первым?

— Я хочу сказать, что я вовсе не стрелял ни в кого из них. Я выпил две бутылки пива и выкурил все те сигареты, что подобрала на повороте полиция. Затем поехал домой и лег спать.

— Вы рассказывали присяжным, что с 24 августа по 10 сентября Вы хотели покончить жизнь самоубийством?

— Да, сэр.

— И продвинулись так далеко, что купили револьвер.

— Да.

— Как Вы посмотрите, мистер Дюфресн, на то, что Вы не кажетесь мне сколько-нибудь суицидальным типом?

— Ну что ж, — ответил Энди, — а Вы не кажетесь мне человеком достаточно разумным и проникательным. Я действительно был на грани самоубийства, а Ваше мнение на этот счет — дело Ваше.

Легкий шум в зале. Перешептывание присяжных.

— Вы взяли свой пистолет с собой в ту сентябрьскую ночь?

— Нет, ведь я же говорил...

— Ах, да! — саркастически усмехнулся прокурор. — Вы выбросили его в реку, не правда ли? В Роял Ривер. Днем 9 сентября.

— Да, сэр.

— За день до убийства.

— Да, сэр.

— Убедительно, не так ли?

— Не знаю, убедительно или нет, сэр. Это правда, и все.

— Кажется, Вы слышали показания лейтенанта Минчера?

Минчер был главой группы, которая обследовала окрестность Роял Ривер около моста Понд Роуд, с которого Энди выбросил свой пистолет. Поиски на дне реки не принесли никаких результатов.

— Да, сэр. Я слышал.

— Вы слышали, что они ничего не нашли, хотя занимались этим в течение трех дней. И это звучит, кажется, тоже убедительно?

— Возможно. Факт тот, что они действительно не отыскивали пистолет, — спокойно ответил Энди. — Но я хотел бы заметить, что мост Понд Роуд расположен очень близко от места, где река впадает в залив Ярмут. Течение довольно сильное. Оно могло вынести пистолет в залив.

— И конечно же, нет никакой взаимосвязи между пулями, вынутыми из окровавленных тел вашей жены и мистера Квентина, и вашим револьвером. Это так, мистер Дюфресн?

— Да, сэр.

— И это должно звучать убедительно?

Здесь, как писали газеты, Энди позволил себе одну из немногих эмоциональных реакций, которые можно было наблюдать за все время процесса. Едва уловимая ироническая усмешка заиграла на его губах.

— Поскольку я невиновен в этом преступлении, сэр, и поскольку я сказал правду о том, что выбросил пистолет в реку за день до убийства, мне кажется совершенно неудивительным, что он до сих пор не найден.

Прокурор давил на него в течении двух дней. Он снова и снова перечитывал показания клерка о салфетках. Энди отвечал на это, что он не помнит, как покупал их, но не может поклясться, что он их не покупал.

Правда ли, что в начале 1947 года Энди и Линда Дюфресн застраховались на крупную сумму? Да, это так. А правда ли тогда, что Энди должен был получить пятьдесят тысяч долларов после убийства жены? Правда. В таком случае верно ли, что он пошел к дому Квентина с целью убить обоих любовников, и действительно убил их? Нет, это не верно. И что же он в этом случае думает о происшедшем, если полиция не обнаружила никаких следов грабежа?

— Я не могу этого знать, сэр, — отвечал Энди.

Суд удалился на совещание в час дня. Присяжные вернулись в три тридцать. Пристав сказал, что они придут раньше, но присяжные задержались, чтобы насладиться великолепным обедом за счет государства в ресторане Бентли. Они объявили мистера Дюфресна виновным, и если бы в Майне была смертная казнь, Энди покинул бы этот лучший из миров еще до того, как появились первые подснежники.

Прокурор спрашивал Энди, что он думает о случившемся, и тот не ответил. На самом деле у него были соображения на этот счет, и как-то вечером в 1955 году я их услышал. Ушло семь лет на то, чтобы от шапочного знакомства мы перешли к более близким дружеским отношениям. Но я не чувствовал себя достаточно близким к Энди человеком где-то до 1960 года или около того. И вообще, я был единственным, с кем он был на короткой ноге. Мы оба были долгосрочными заключенными, жили в одном коридоре, хотя и на порядочном расстоянии друг от друга.

— Что я об этом думаю? — Он усмехнулся. — Я думаю, что жуткое невезение просто витало в воздухе в тот день. Что такое количество неприятностей в такой короткий промежуток времени трудно себе представить. Несчастье просто кругами ходило у этого чертова домика. Это был какой-нибудь прохожий, незнакомец. Возможно, взломщик. Возможно, случайно оказавшийся там психопат. Маньяк. Он убил их, только и всего. И вот я здесь.

Все так просто. А он теперь обречен провести всю свою жизнь, или значительную ее часть, в Шоушенке, в этой

чертовой дыре. Выйти отсюда, когда в вашей карточке стоит пометка «убийство», довольно сложно. Сложно и медленно, как каплям воды раздробить камень. В коллегии сидит семь человек, на два больше, чем в остальных тюрьмах, и каждый из этих семерых имеет ледяной рассудок и каменное сердце. Вы не можете купить этих ребят, уболтать их, запугивать или взывать к состраданию. Здесь, за этой стеной, деньги уже не имеют того значения, и все меняется.

Был такой парень по имени Кендрикс, который солидно задолжал мне, и выплачивал долг в течении четырех лет. Он работал на меня, и чем он более всего был мне полезен — это умением добывать информацию, к которой я сам доступа никогда бы не получил. Когда занимаешься такой деятельностью, как я, нужно держать ухо востро и быть в курсе всех дел.

Кендрикс сказал мне, что коллегия голосовала за освобождение Энди Дюфресна следующим образом. В 1957 — семь-ноль против него, шесть-один в 58, семь-ноль в 59 и пять-два в 60. Не знаю, что было потом, но шестнадцатью годами позже он все еще находился в камере 14 пятого блока. Тогда, в 1975, ему было пятьдесят семь. Возможно, они проявили бы великодушие и выпустили его где-нибудь в 1983. Они, конечно, поступают очень гуманно даруя вам свободу, но вот что, послушайте. Я знал одного парня, Шервуда Болтона, и он держал у себя в камере голубя с 1945 по 1953. Пока его не амнистировали, у него был этот голубь. Парень не был большим любителем птиц, он просто жил с ним, привык к нему, и все. Он звал его Джек. Он выпустил Джека на свободу за день до того, как по решению коллегии был выпущен на свободу сам Болтон. Птичка выпорхнула из его рук, только ее и видели. А через неделю после того, как Шервуд Болтон покинул нашу счастливую маленькую семью, один приятель подозвал меня к себе и повел в западный угол прогулочного двора, где обычно прохаживался Шервуд. Там в пыли валялся маленький грязный комоч перьев, в котором с трудом можно было различить застывший трупик голубя. Друг спросил:

— Это Джек?

Да, это был Джек. Бедная птичка погибла от голода.

Я вспоминаю первый раз, когда мы пересеклись с Энди. Этот день так хорошо сохранился в моей памяти, что я могу воспроизвести все детали, словно это было вчера. В тот раз он не просил Риту Хейворт. Это было позже. Летом 1948 года он подошел ко мне совсем по другому вопросу.

Большинство моих операций совершалось на прогулочном дворе, здесь заключил я и эту сделку. Наш двор очень большой, гораздо больше, чем дворы во многих других тюрьмах. Северная сторона его представляет собой стену с вышкой в каждом углу. Охранники с биноклями, превосходно вооруженные, сидят на вышках и осматривают окрестности. Здесь же расположены главные ворота. Хозяйственные ворота для перевозки всяких грузов расположены в южной стороне двора. Их пять. В течение рабочей недели Шоушенк — довольно занятое место: туда-сюда постоянно снуют посыльные, у ворот сигналият грузовые машины. Мы имеем на своей территории большую прачечную, обслуживающую всю тюрьму, плюс госпиталь Киттери и приют Элиот. На нашей территории расположен также крупный гараж, где заключенные, исполняющие обязанности механиков, следят за машинами охраны, тюремными машинами, государственными, муниципальными.., и конечно, члены коллегии тоже не упускают случая воспользоваться нашими услугами.

Западная сторона двора — каменная стена в маленьких зарешеченных окнах. Пятый блок находится по другую сторону этой стены. Администрация и лазарет расположены в восточной стороне. Шоушенк никогда не был переполнен, как большинство тюрем, а в 1948 году он был занят едва ли на две трети. Но в любое время на прогулочном дворе вы можете увидеть от восьмидесяти до сотни заключенных, играющих в футбол или бейсбол, просто прохаживающихся, болтающих друг с другом, обсуждающих свои дела. В воскресенье становится еще болеелюдно, и все это напоминало бы даже уик-энд за городом, если бы не славные ребята на вышках и отсутствие женщин.

Энди подошел ко мне впервые именно в воскресенье. Я только что закончил разговор с Элмором Армитажем, славным малым, который часто имел дело со мной, и тут подошел Энди. Я, конечно, уже знал, кто он такой. Он успел заработать себе репутацию сноба и хладнокровного типа. Я слышал даже такую фразу, что Энди уверен, что его дерьмо пахнет приятнее, нежели дерьмо простого смертного. Говорили также, что ничего хорошего этому парню здесь не светит. Один из утверждавших это был Богс Даймонд, человек, которому лучше не попадаться на пути, если вы дорожите собственной шкурой. Про Энди уже сплетничали достаточно многие, но я не люблю прислушиваться к досужим рассказам, пока сам не составил мнение о человеке.

— Добрый день, — произнес он, — Я Энди Дюфреш. Он протянул руку, я пожал ее. Он не был похож на человека, который станет терять время, чтобы показаться общительнее. И действительно, мы сразу перешли к делу.

— Я слышал, что вы тот человек, который может кое-что достать.

Я согласился, что кое-что входит в возможности моей скромной персоны.

— Как Вы это делаете? — На прямую спросил Энди.

— Временами вещи, кажется, сами идут ко мне в руки. Это сложно объяснить. Возможно, все дело в том, что я ирландец.

Он слегка улыбнулся.

— Я хочу, чтобы Вы достали мне геологический молоток.

— Что это еще за штукавина, и зачем она Вам?

Энди изумился и чуть приподнял брови.

— Разве мотивация желания заказчика является частью Вашего бизнеса?

Вот тут-то, я понял, почему его называют снобом, не удивительно, что человек, задающий такие вопросы, заслужит соответствующую репутацию. Однако, мне показалось, что в его словах заключается изрядная доля иронии, и я объяснил ситуацию.

— Видите ли, если Вы хотите зубную щетку, я как-нибудь обойдусь без знания мотивов. Просто назову цену. Потому что зубная щетка не относится к вещам, если можно так выразиться, летальным.

— Вы испытываете неприязнь к летальным вещам?

— Да.

Старый потрепанный бейсбольный мяч полетел в нашу сторону. Энди развернулся и аккуратным движением кисти послал мяч в точности туда, откуда он приближался. Движение было великолепным, точным, быстрым, необыкновенно изящным. Сам Френк Мелзон мог бы таким гордиться. Я видел, что большинство людей, продолжая заниматься своими делами, краем глаза наблюдали за нами. Возможно, на нас с интересом смотрели и ребята с вышек. В каждой тюрьме есть несколько человек, имеющих наибольший авторитет среди заключенных. Скажем, четыре или пять в маленькой тюрьме, два-три десятка в большой. В Шоушенке я был одним из них, и от моего мнения зависело очень много. То, что я скажу об Энди, будет играть важнейшую роль в его дальнейшей судьбе. И он это знал, но нисколько не заискивал передо мной. Я начинал уважать его за это.

— Ну хорошо, я расскажу вам, что представляет собой этот молоток и почему я его хочу. Геологический молоток имеет примерно такие размеры. — Энди развел руки, и тут я обратил внимание, какие они у него ухоженные, и как аккуратно подпилены и вычищены ногти. — Это штука слегка напоминает кирку, с одного конца она острая с другого чуть плоская. Я люблю камни, поэтому делаю Вам такой заказ.

— Камни... — повторил я.

Энди посмотрел на меня и усмехнулся.

— Идите-ка сюда.

Я последовал приглашению. Мы опустились на корточки, как дети.

Энди набрал полную пригоршню дворовой пыли и начал растирать ее между ладонями. Пыль и грязь взвилась облаком вокруг его ухоженных рук. В ладонях остались несколько небольших камешков, парочка бле-

стоящих, остальные плоские и совершенно неинтересные на вид. Один из них был кварц, и он не производит впечатление, только пока Энди не очистил его хорошенько. Теперь он сверкал, как стеклышко. Энди бросил камешек мне. Я поймал его и назвал.

— Конечно, кварц, — кивнул Энди, — и вот еще смотрите. Слюда. Сланец. Гранит. Здесь были залежи известняка, ведь наш славный дворик, как вы могли заметить, вырезан в холме. Вот почему здесь можно найти все это. — Он отшвырнул камешки и отряхнул руки. — Я большой любитель камней. Точнее сказать... был таковым, пока не попал сюда, в той жизни. Но хочу и здесь, хоть в какой-то мере, заниматься своим увлечением.

— Воскресные экспедиции на прогулочный двор?

Эта идея, конечно, была совершенно идиотской. Однако, этот маленький кусочек кварца как-то странно затронул мое сердце. Не могу даже объяснить почему. Никому раньше не приходило в голову заниматься здесь такими вещами. Этот камешек, возможно, был для меня ниточкой, связывающей нас с внешним миром. Со свободой.

— Лучше устраивать воскресные экспедиции на прогулочный двор, чем вовсе обходиться без них. — сказал Энди.

— Однако могу ли я быть уверен, что этот молоточек не опустится рано или поздно на чью-нибудь голову?

— Здесь у меня нет врагов. — Мягко сказал Энди.

— Нет? — Я улыбнулся — Подождите немного.

— Если будут какие-нибудь эксцессы, я улажу все и без молотка.

— Возможно, Вы хотите устроить побег? Раздробить стену? Если это так...

Он рассмеялся. Когда через три недели я увидел этот молоток, я понял, почему.

— Полагаю, Вы в курсе, что если кто-нибудь увидит этот молоток, его отберут. Если у вас в руках обнаружат чайную ложку, будьте уверены, отберут и ее. И что же вы намерены делать, сидеть здесь посреди двора и стучать по камешкам?

— О, поверьте, я вовсе не это намерен делать. Я придумую кое-что получше.

Я кивнул. В конце концов, меня действительно это не касается. Я достаю заказчику товар, а что случается потом, меня волновать не должно.

— Сколько может стоить такая штуковина? — поинтересовался я. Мне начинал нравиться его стиль общения — прохладный, спокойный, чуть ироничный. Если бы вы провели в этой чертовой дыре столько лет, сколько я, вы бы поняли, как можно устать от этих шумных ребят с лужеными глотками, вечным стремлением качать свои права и широким ассортиментом бранных слов, среди которых попадаются хорошо если десяток цензурных. Да, пожалуй, Энди понравился мне сразу.

— Восемь долларов. — ответил он. — Но я понимаю, что Вы занимаетесь своим бизнесом не в убыток себе.

— Обычно я беру цену товара плюс десять процентов накидываю для себя. Но когда речь идет о такого рода вещах, которые если и не являются опасными, то могут показаться таковыми тюремному начальству, я увеличиваю цену. В конце концов, мне самому приходится давать кое-кому на лапу, чтобы заставить вращаться все винтики и колесики... Скажем так: десять долларов.

— Договорились.

Я взглянул на него с интересом, слегка улыбнувшись. — И у Вас они имеются?

— Да, — пожал плечами Энди.

Спустя довольно долгое время я узнал, что он имел гораздо больше. Порядка пяти сотен долларов. Он пронес их с собой. Конечно, при поступлении в тюрьму вы подвергаетесь тщательной проверке, и эти ребята, будьте спокойны, отберут у вас все, что им удастся обнаружить. Но человек опытный, или, как в случае с Энди, просто сообразительный может обвести всех этих славных малых вокруг пальца, есть тысяча способов это сделать.

— Вот и прекрасно, — сказал я, — и еще, надеюсь, Вы знаете, что нужно делать в случае, если Вас поймают.

— Надеюсь, знаю, — отвечал Энди, и по легкому изменению выражения его серых глаз я понял, что он знает, о чем я намерен толковать. Это было едва заметное изменение, просто взгляд чуть засветился тонкой иронией.

— Если Вас поймают, нужно говорить, что Вы нашли Ваш молоток. Окажетесь в одиночке на две, три недели... и, конечно, потеряете свою игрушку и получите отметку в карточку. Мое имя называть ни в коем случае нельзя. Нашли и все, ни больше ни меньше. Если же вы меня выдадите, мы никогда больше не будем иметь дел. Никаких: я не стану доставать для Вас ни бутылку виски, ни шоколадку к празднику. Кроме того, я попрошу своих ребят объяснить Вам вкратце правила поведения. Я не сторонник жестких мер, поймите правильно, мне приходится как-то защищаться, иначе мой бизнес ни чем хорошим не закончится. По-моему, это вполне естественное желание.

— Да, согласен. Можете не беспокоиться.

— Не в моих правилах беспокоиться о чем-либо. Это было бы глупо и смешно в таком месте, как здесь.

Он кивнул на прощанье и пошел своей дорогой. Тремя днями позже, когда в прачечной был перерыв на обед, он прошел мимо меня, не говоря ни слова, даже не поворачивая головы. И сунул мне в руку купюру с ловкостью карточного фокусника. Быстро же этот парень научился ориентироваться в ситуации! А молоток я уже достал. Он лежал у меня в камере целые сутки, и я мог видеть, что это в точности та штуковина, которую описал Энди. Конечно, сама мысль о том, чтобы с помощью этого орудия устроить побег была нелепой. Это заняло бы шесть сотен лет, не меньше. Однако я все еще оставался при своих сомнениях. Если острый конец молотка когда-либо опустится на чью-нибудь голову, то тот бедняга, с кем это случится никогда уже не выйдет прогуляться на наш славный дворик... Я слышал, Энди уже имел неприятности с сестрами, и очень надеялся, что молоток припасен не для них.

Мои ожидания подтвердились. Рано утром следующего дня, за двадцать минут до подъема, я сунул эту штуковину Эрни, славному малому, который подметал коридор пятого блока, пока не ушел отсюда в 1956. Не говоря ни слова, он взял молоток, и на протяжении девятнадцати лет я так и не увидел его, и не услышал ничего о каких-либо учиненных Энди с его помощью неприятностей.

В следующее воскресенье Энди подошел ко мне во дворе. Выглядел он, смею вам заметить, преотвратно. Разбитая нижняя губа опухла, правый глаз, окруженный огромным синяком, был полуприкрыт, на щеке виднелась ссадина. У него продолжались неприятности с сестрами, но Энди ни словом не упомянул об этом.

— Спасибо за инструмент, — произнес он и пошел дальше.

Я с любопытством наблюдал за ним. Он прошел несколько шагов, остановился, нагнулся и поднял с земли небольшой камешек. Затем отряхнул его и внимательно осмотрел его. Карманы в тюремной одежде не предусмотрены. Но из этого положения всегда можно найти выход. Камешек исчез в рукаве, и Энди продолжал свой путь... Я восхищался им. Вместо того, чтобы ныть по поводу своих проблем, он продолжал спокойно жить, и старался сделать свою жизнь максимально приятной и интересной. Тысячи людей вокруг на такое отношение к вещам не способны, и не только здесь, но и за пределами тюремных стен. Еще я отметил, что хотя лицо Энди было обезображено последствиями вчерашнего конфликта, ногти были идеально ухожены и чисты.

Я редко видел его на протяжении последующих шести месяцев — большую часть этого времени Энди провел в одиночном карцере.

Теперь несколько слов о сестрах. В других тюрьмах существуют какие-то другие термины для обозначения этих людей. Позже в моду вошло название «королевы убийц». Но в Шоушенке они всегда назывались сестрами. А впрочем, не вижу особой разницы. Не все ли равно, как именовать это явление, суть от этого не изменится.

В наше время уже не для кого не секрет, что за тюремными стенами процветает содомия. Это и не удивительно. Большое количество мужчин на долгое время оказываются в изоляции и не могут получать удовлетворения привычным путем. Поэтому часто те из них, кто на воле общался только с женщинами, в тюрьме вынуждены заниматься сексом с мужчинами, чтобы не сойти с ума от переполняющего их желания. Впрочем, если хотите знать

мое мнение, то гомосексуальная склонность была заложена в них с самого начала. Потому что если бы они были настолько гетеросексуальны, насколько привыкли себя считать, то они стали бы терпеливо дожидаться, пока их выпустят на свободу к женам и подругам.

Также есть достаточное количество мужчин, которые имели несчастье быть молодыми, симпатичными и неосмотрительными — их совратили уже в тюрьме. В большинстве случаев им отводится женская роль, и партнеры этих бедняг соревнуются друг с другом за обладание ими.

А есть еще сестры. Для тюремного общества это то же, что насильники для общества за этими стенами. Обычно сестры — заключенные, отбывающие длительный срок за тяжкие преступления: насилие, убийство, грабеж и так далее. Как правило, их жертва молода, слаба и неопытна... Или, как в случае с Энди, только выглядит слабой. Их охотничьи угодья — души, задний двор за помещениями прачечной, иногда лазарет. Неоднократно изнасилование происходило в маленькой, тесной, как шкаф, комнате, выполняющей функции кладовки или подсобного помещения в прачечной. Чаще всего сестры берут силой то, что могут получить и по хорошему: их жертвы, будучи уже совращены, довольно забавно испытывают увлечение своими партнерами, как шестнадцатилетние девчонки увлекаются своими Пресли Редфордами. Но для сестер, судя по всему основное удовольствие состоит именно в том, чтобы брать силой... И я полагаю, так будет всегда.

Энди оказался в центре внимания сестер с первого своего дня в Шоушенке. Наверное, их привлек ухоженный вид этого человека, его приятная внешность и абсолютное спокойствие. И если бы я рассказывал вам сказку, я с удовольствием бы продолжил ее в том духе, что Энди долго боролся с сестрами, и им так и не удалось достичь желаемого. Я хотел бы сказать так, но не могу. Тюрьма — не то место, где сбываются сказки.

Первый раз к нему подошли в душе спустя три дня после его прибытия в Шоушенк. Это была всего лишь проба сил. Шакалы долго кружат около своей добычи, и

прежде, чем схватить ее, они должны убедиться в беззащитности жертвы.

Энди, резко развернувшись, разбил губу огромного мощного парня из числа сестер по имени Богс Даймонд. Охранник разнял дерущихся прежде, чем это зашло слишком далеко. Но Богс обещал Энди, что достанет его, и сдержал свое слово.

Второй раз был за помещениями прачечной. За многие годы чего только не случилось на этом пыльном, узком задворке. Охранники прекрасно все знали и позволяли событиям течь своим чередом. Там было тесно, все было завалено упаковками от стиральных порошков и отбеливателей, пачками катализатора «Хекслайт», безвредного как соль, если у вас сухие руки, и убийственного, как кислота, если ваши ладони сыры. Охранники не любили ходить туда. Место для маневров там не было, а одна из первых вещей, чему обучали этих ребят при поступлении на работу — ни в коем случае не попадать в места, где заключенные могут окружить и некуда будет отступить.

В тот день Богса в прачечной не было. Однако Хенлей Бакас, мастер, который возглавлял бригаду работников прачечной с 1922 года, рассказывал потом, что были четыре дружка Богса. Энди стал в дверях, держа в руках пачку «Хекслайта» и обещая засыпать порошок в глаза нападающим на него, если они тронутся с места. Но удача в тот день была не на его стороне: Энди поскользнулся на большом целлофановом пакете отбеливателя и упал. Все четверо тут же накнулись на него.

Наверное, такая неприятная вещь, как групповое изнасилование останется неизменной на протяжении многих поколений заключенных. Это они с ним и сделали, четыре сестры. Они повалили его на большую картонную коробку, и один из насильников держал у его виска острую финку, пока остальные занимались своим делом. Такого рода происшествие выбивает вас из колеи, но не слишком надолго. Я сужу по собственному опыту, спросите вы? Я хотел бы, чтобы это было не так. Очень хотел бы... Некоторое время у вас будет идти кровь, но не слишком сильно. Если вы не хотите, чтобы какой-нибудь

клоун на прогулочном дворе поинтересовался, как прошла ваша первая брачная ночь, то следует просто подложить туалетную бумагу и ходить с ней, пока кровь не остановится. Кровотечение напоминает женскую менструацию, оно довольно слабое и продолжается два-три дня. Затем прекращается. Никакого особого вреда вам не причинили. Никакого физического вреда, но изнасилование есть изнасилование, с вами сделали нечто противоестественное, и вы должны решать теперь, как с этим жить дальше.

Энди прошел через это один, он переживал один все события тех дней. Он пришел к тому выводу, к которому приходит каждый, оказавшийся на его месте: что есть только два пути общения с сестрами — сдаться им или продолжать борьбу.

Он решил бороться. Когда Богс и еще парочка ублюдков из его компании подошли к нему через недельку после прошлого инцидента, Энди, не долго думая, заехал в нос приятелю по имени Рустер Макбрайд. Этот фермер с массивной нижней челюстью и низким лбом находился здесь за то, что до смерти избил свою падчерицу. К счастью для общества, он умер, не выходя из Шоушенка.

Они навалились на него втроем. Рустер и еще один тип, возможно, это был Пит Вернес, но я не могу быть в точности уверен, повалили Энди на колени. Богс Даймонд стал перед ним. У Богса была бритва с перламутровой ручкой и выгравированным на каждой стороне рукоятки его именем. Он открыл ее и произнес:

— Смотри сюда, мальчик. Сейчас я тебе дам кое-что, что ты возьмешь в рот. А потом так же поступит мистер Рустер. Я полагаю, ты не откажешься доставить нам удовольствие. Тем более ты имел неосторожность разбить ему нос, и должен теперь как-то это компенсировать.

— Все, что окажется в моем рту, будет вами на век утеряно. Спокойно ответил Энди.

Богс поглядел на него как на придурка, рассказывал потом Эрни, бывший в тот день в прачечной.

— Нет, — сказал он медленно, словно объясняя простейшие вещи глупому ребенку, — ты меня не понял. Если

ты попробуешь дернуться, то ты узнаешь вкус этого лезвия. Теперь дошло?

— Я-то вас понял. Боюсь, вы не поняли меня. Я сказал, что откушу все, что вы попробуете в меня засунуть. А что касается лезвия, следует учитывать, что резкая боль вызывает у жертвы непроизвольное мочеиспускание, дефекацию... и сильнейшее сжатие челюстей.

Он глядел на Богса, улыбаясь своей характерной, едва уловимой, иронической улыбкой. Будто вся компания обсуждала с ним проблемы человеческих рефлексов вместо того, чтобы собираться его изнасиловать. Будто он был в своей шикарной шерстяной «тройке» и при галстукке, а не валялся на грязном полу подсобки, придерживаемый двумя бугаями, с кровью, сочащейся из задницы.

— И кстати, — продолжал он, — я слышал, что этот рефлекс проявляется так сильно, что челюсти жертвы можно разжать только с помощью металлического рычага. Можете проверить, но я бы не рекомендовал.

Богс оставил Энди, и он ничего не засунул в его рот той февральской ночью сорок восьмого года, не сделал этого и Рустер Макбрайд. И насколько я знаю, никто никогда такого рода эксперимент поставить не решился. Хотя они втроем довольно круто избили Энди в тот день, и оказались все вместе в карцере. Энди и Рустер попали потом в лазарет.

Сколько еще раз эти ребята пытались получить свое от Энди? Не знаю. Макбрайд потерял вкус довольно быстро: перебитый нос не располагал к такого рода развлечениям. Летом отстал и Богс Даймонд.

С Богсом вышел довольно странный эпизод. Однажды утром, в начале июля, его не досчитались на проверке. Он был найден в камере в полубессознательном состоянии, жутко избитым. Он не сказал, что произошло, кто это сделал и как к нему в камеру пробрались, но для меня все было совершенно ясно. Я прекрасно знаю, что за соответствующую сумму офицер охраны окажет вам любую услугу. Разве что не продаст оружие. Большие деньги никогда не запрашивались, да и теперь цены не слишком высоки. И в те дни не было никаких электронных систем,

никаких скрытых телекамер, контролирующих каждый уголок тюрьмы. Тогда, в тысяча девятьсот сорок восьмом году, охранник, имеющий ключ от блока и всех его камер, мог позволить войти внутрь кому угодно. И даже двум-трем человекам. Даже в камеру Богса.

Такая работа стоила денег. Конечно, по стандартам мира, находящегося за пределами и тюремных стен, расценки были не слишком высоки. Здесь доллар в ваших руках значит столько же, сколько на свободе двадцать долларов. По моим подсчетам учинить такое над Богсом стоило не мало — пятьдесят долларов за то, чтобы открыли блок и камеру, по два-три доллара каждому из охранников в коридоре.

Я не берусь утверждать, что это сделал Энди Дюфренс, но я знаю, что он пронес сюда пять сотен долларов. И раньше он был банкиром. А это человек, который понимает лучше остальных, как можно сделать так, чтобы превратить деньги в реальную власть. Богс после того, как его избили — три сломанных ребра, подбитый глаз, смещенная бедренная кость и, кажется, чуть растянутая задница, — оставил Энди в покое. Надо сказать, он всех оставил в покое. Он стал похож на тех облезлых шавок, которые много лают, но совершенно не кусаются. И перешел в разряд «слабых сестер».

Так закончились домогательства Богса Даймонда, человека, который мог бы, что вполне вероятно, убить Энди, если бы тот не принял предупредительных мер. Я все же думаю, это был именно Энди, кто устроил тот эпизод с Даймондом. Эпопея с сестрами на этом не закончилась, хотя поутихла. Шакалы ищут легкой добычи, а Энди Дюфренс зарекомендовал себя человеком, слабо подходящим на эту роль. Вокруг было множество других жертв, и сестры ослабили свое внимание к Энди, хотя долгое время не оставляли его окончательно.

Он всегда боролся с ними, насколько я помню. Стоит только один раз отдалиться им без боя, и в следующий они будут чувствовать себя уверенней. Не стоит сдавать своих позиций. Энди продолжал появляться иногда с отметинами на лице, и неприятности с сестрами были причиной

двух сломанных пальцев спустя полгода после случая с Даймондом. А в 1949 году парень отдыхал в лазарете после того, как его угостили куском металлической трубы из подсобки прачечной, обернутой фланелью. Он всегда сражался, и в результате проводил немало времени в одиночном карцере. Но я не думаю, что одиночка представляла собой серьезную неприятность для Энди — человека, привыкшего всегда быть наедине с собой, даже когда он находился в обществе.

Война с сестрами продолжалась, то затихая, то вспыхивая вновь, до 1950 года. Тогда все прекратилось окончательно. Но об этом речь впереди.

Осенью 1948 Энди встретил меня утром на прогулочном дворе и спросил, могу ли я достать ему дюжину полировальных подушечек.

— Это еще что за хреновина? — Поинтересовался я.

Он объяснил мне, что это необходимо для обработки камней. Полировальные подушечки туго набиты, имеют размер примерно с салфетку и две стороны, тонкую и грубую. Тонкая — как мелкозернистая полировальная бумага. Грубая — как промышленный наждак.

Я ответил, что все будет сделано, и действительно, в конце недели мне купили заказанные штуковины в том же магазине, в котором когда-то был куплен молоток. В этот раз я взял с Энди свои десять процентов и ни пенни сверх того. Я не видел ничего летального или даже просто опасного в этих небольших набитых жестких кусочках ткани. Действительно, полировальные подушечки.

Пять месяцев спустя Энди попросил меня Риту Хейворт. Мы разговаривали об этом в кинозале. Теперь сеансы для заключенных устраивают раз или два в неделю, а в те далекие дни это было гораздо реже, раз в месяц или около того. Фильмы подбирались не какие-нибудь, а высокоморальные. С каждого сеанса мы должны были уходить более благонаправленными чем вошли в зал. Этот раз был не исключением. Мы смотрели фильм, повествующий от том, как вредно напиваться. Хорошо хоть то, что эту мораль мы получали с неким комфортом.

Энди сел близко ко мне, и где-то посреди сеанса он приблизился и спросил на ухо, не могу ли я достать для него Риту Хейворт. По правде говоря, он меня слегка удивил. Обычно такой спокойный, хладнокровный и корректный, сегодня он выглядел неловким и смущенным, будто он просил меня доставить ему троянского коня или... одну из этих резиновых или кожаных штучек, которые продаются в соответствующих магазинах и, судя по журнальной рекламе, «скрасят ваше одиночество и доставят массу наслаждения». Энди выглядел чуть растерянным.

— Я принесу ее, — сказал я, — все в норме, успокойся. Тебе большую или маленькую?

В то время Рита была лучшей из моих картинок (через несколько лет любимой звездой стала Бетти Грейбл) и она продавалась в двух видах. Маленькую вы могли купить за доллар. За два с половиной — большую Риту, в полный рост, размером четыре фута.

— Большую, — ответил он, не глядя на меня. Он зарделся, как ребенок, пытающийся попасть на вечеринку в клуб по пригласительному билету старшего брата. — Ты это действительно можешь?

— Могу, будь спокоен. Хотел бы я знать, что в лесу сдохло?

Зал заплодировал, закричал, затопал. Кульминационный момент фильма.

— Как быстро?

— Неделя. Или даже меньше.

— О'кей, — однако он все еще был в непривычном для себя смущении, которое с трудом преодолевал. — И сколько это будет стоить?

Я назвал ему цену, не добавив ни пенни для себя. Я мог себе позволить продать Риту за ее стоимость, тем более Энди всегда был хорошим покупателем. И славным малым. Во время всех этих разборок с Русером и Богсом я часто мучался вопросом, как долго он продержится, прежде чем этот молоток, который я ему доставил, опустится на голову какой-нибудь из сестер.

Открытки — существенная часть моего бизнеса, в списке самых популярных вещей они стоят сразу после

спиртного и курева, и даже перед травкой. В шестидесятых это дело процветало, все желали приобретать плакаты с Джими Хендриксом, Бобом Диланом и прочими из этой же серии. Однако больше всего пользовались спросом девочки, и одна популярная красотка сменяла другую.

Через несколько дней после того, как мы поговорили с Энди, шофер прачечной привез мне около шестидесяти открыток, большинство из них с Ритой Хейворт. Возможно, вы помните эту фотографию. У меня-то она стоит перед глазами во всех подробностях. Рита в купальном костюме, одну руку заложила за голову, глаза полуприкрыты, на полных чувственных губах играет легкая улыбка.

Администрация тюрьмы знала о существовании черного рынка, если вас волнует эта проблема. Разумеется, все знали. Им было известно о моем бизнесе ровно столько же, сколько мне самому. Они мирились с этим, потому что знали, что тюрьма — большой котел, и нужно кое-где оставлять открытыми клапаны, чтобы выпускать пар. Иногда они устраивали проверки, проявляли строгость, и я проводил время в одиночке. Но в безобидных вещах, типа открыток, никто не видел ничего страшного. Живи и жить давай другим. И если в чьей-нибудь камере обнаруживается, например, Рита Хейворт, то принято считать, что картинка попала к заключенному в посылке с вольного мира. Естественно, все передачи родственников и друзей тщательно проверяются, но кто станет устраивать повторные проверки и поднимать шум из-за такой невинной вещицы, как Рита Хейворт, Эйва Гарднер или еще какая-нибудь красотка на плакате? Если вы хороший повар, вы знаете, как оптимальным способом выпускать пар из котла. Живи и жить давай другим, иначе найдется кто-нибудь, кто вырежет вам второй рот аккуратно под кадыком. Приходится прибегать к компромиссам.

Это был снова Эрни, кому я доверил доставить открытку из моей шестой камеры в четвертую, где обитал Энди. И тот же Эрни принес записку, на которой твердым почерком банкира было написано одно слово: «спасибо».

Чуть позже, когда нас выводили на утреннюю проверку, я заглянул одним глазом в его камеру и увидел

Риту, висящую над его кроватью. Энди мог любоваться на нее в полумраке долгих бессонных тюремных ночей. А теперь, при свете солнца, лицо ее было пересечено черными полосами. То был тени от прутьев решетки на маленьком пыльном окошке.

А теперь я расскажу, что случилось в середине мая 1950 года, после чего Энди окончательно выиграл свою войну с сестрами. После этого происшествия он также сменил работу: перешел из прачечной, куда его определили, когда он вступил в нашу маленькую счастливую семейку, в библиотеку.

Вы могли уже заметить, что большинство из рассказанного мною — слухи и сплетни. Кто-то увидел, кому-то рассказал, через десятки руки все попало ко мне, и я вам пересказываю. Ну что же поделаешь, приходится пользоваться всякими источниками, в том числе и не проверенными, если хочешь быть в курсе событий. Просто нужно уметь выделять крупицу истины из тонн лжи, пустых сплетен и тех частых случаев, когда желаемое выдается за действительное. Вам может показаться также, что я описываю человека, который больше похож на легендарного персонажа, чем на мужчину из плоти и крови. Для нас, долгосрочных заключенных, знавших Энди на протяжении многих лет, не только в рассказах о нем, но и в самой его личности было что-то мифическое, некий неуловимый аромат магии, если вы понимаете, о чем я говорю. Все, что я рассказывал об Энди, сражающемся с Богсом Даймондом — часть этого мифа, и прочие события, связанные с Энди, и как он получил свою новую работу.., но с одной существенной разницей: я был свидетелем последнего происшествия, и я могу поклясться именем своей матери, что все, что расскажу сейчас — правда. Понимаю, что слово убийцы вряд ли имеет большую ценность, но вы уж мне поверьте.

К тому времени мы с Энди были уже довольно близки. Парень относился ко мне с уважением, и явно предпочитал мое общество любому другому. Да и я, как уже говорил, оценил его по достоинству с самого начала. Кстати, забыл рассказать еще об одном эпизоде. Прошло пять недель с

тех пор, как я принес Риту Хейворт, и я уже забыл об этом в повседневной суете, и вот однажды вечером Эрни принес мне небольшую коробочку.

— От Дюфресна, — произнес он, не выпуская щетки из рук, и исчез.

Мне было чертовски интересно, что же там может быть, и я разворачивал белый коттон, которым оказалась забита коробка, с нетерпением. И вот...

Я долгое время не мог оторвать глаз. Несколько минут я просто смотрел, и мне казалось, что к ним невозможно притронуться, так хороши были эти камешки. Все же в этом ублюдском мире, во всей этой мышиной возне и суете, во всем этом навозе встречаются иногда поразительно красивые вещи, радующие человеческий глаз, и беда многих в том, что они об этом забыли.

В коробке лежали два тщательно отполированных кусочка кварца, имеющие форму плавников. Вкрапления пирита давали металлический отблеск, и золотые вспышки играли на шлифованных гранях камней. Если бы они не были достаточно тяжелыми, из них получились бы шикарные запонки.

Как много труда ушло на то, чтобы превратить грязные камни с прогулочного двора в это чудо! Сперва отчистить их, затем придавать форму молоточком, и наконец, бесконечная полировка и заключительная отделка. Глядя на эти камешки, я испытывал нечто вроде восхищения родом человеческим — чувство, посещающее меня очень редко и вполне понятное, когда вы смотрите на что-то прекрасное, действительно приковывающее взгляд, сделанное человеческими руками. Мне кажется, это и отличает нас от животных... Конечно, я восхищался Энди, его необыкновенным упорством, еще одно проявление которого мне предстояло увидеть собственными глазами. Но об этом речь впереди.

В мае 1950 года администрация тюрьмы решила подновить крышу нашей фабрики. Лучше всего было делать это теперь, пока не наступила убийственная летняя жара, и начался набор желающих. Их оказалось много, человек семьдесят, потому что май — чертовски приятный месяц

для работы на свежем воздухе. Девять или десять бумажек с именами было вытащено из шапки, и случилось так, что среди них оказалось мое имя и Энди.

На следующей неделе мы прошли через прогулочный двор после завтрака с двумя охранниками впереди и двумя позади... не считая тех парней на вышках, что не забывали окидывать взглядом все вокруг себя, благо бинокли у них весьма неплохие.

Четверо несли большую лестницу, и ее прислонили к стене низкого плоского строения, и забрались на крышу. Там мы начали заливать поверхность расплавленным гудроном, выливая его полными черпаками и распределяя жесткими щетками по поверхности.

Внизу сидели шесть охранников. Для них эта затея с крышей обернулась великолепным недельным отпуском. Вместо того, чтобы вдыхать порошки в прачечной или пылиться рядом с подметающими двор заключенными, короче говоря, хоть как-то работать, они сидели на майском солнышке, облокотившись о низкий парапет, и чесали языки.

На нас они смотрели вполглаза, потому что южная стена была достаточно близко, бежать было некуда, а человек на крыше был прекрасной мишенью, и в случае неверного движения заняло бы пару секунд прострелить любому из нас череп. Итак, ребята сидели и расслаблялись, каждый из них был вполне доволен собой, и не хватало лишь хорошего крепкого коктейля со льдом, чтобы чувствовать себя хозяином мироздания.

Один из них был тип по имени Байрон Хедлей, и в 1950 году, когда происходили все эти события, он находился в Шоушенке более долгое время, чем даже я. Более долгое, чем два последних коменданта вместе взятые. Тот, кто находился у власти в 1950 году, был урод по имени Джордж Дуней. Он был янки, и все его терпеть не могли, кроме, наверное, тех людей, что назначили его на эту должность. Я слышал, что в этой жизни его интересовали только три вещи. Во-первых, статистика для книги, которая потом вышла в каком-то небольшом издательстве, вероятно, за его счет. Во-вторых, какая команда выиграла

бейсбольный чемпионат в сентябре каждого года. И в третьих, он добивался, чтобы в Майне была принята смертная казнь. Джордж Дуней был большим сторонником смертной казни. Он полетел с работы в 1953 году, когда вскрылись его махинации, связанные с автосервисом в тюремном гараже. Он делился доходами с Байроном Хедлеем и Гредом Стэмсом, но двое последних вышли сухими из воды. Никто не сожалел, когда выгнали прежнего начальника, но назначение на его место Грета Стэмса было довольно неприятной новостью. Это был коротышка с крепкой нижней челюстью, словно предназначенной для бульдожьей хватки, и холодными карими глазами. Он все время усмехался, болезненно кривя лицо, будто хотел в сортир или у него болела селезенка. Когда Стэмос пришел на пост коменданта, в Шоушенке начали твориться такие зверства, о которых прежде не было слышно. И кажется, хотя я не вполне уверен, что полдюжины могил для странным образом исчезнувших людей, что стояли поперек дороги нового начальника, были вырыты в лесу, что простирался к западу от тюрьмы. Конечно, и в прошлом коменданте не было ничего хорошего, но Гред Стэмос был жестоким, убогим, а потому особо отвратительным типом.

Он был добрым приятелем с Байроном Хендлеем. Как начальник, Джордж Дуней был не более, чем пешкой в руках этих двоих, которые действительно держали всю тюрьму.

Хендлей был высокий мужчина с неуклюжей ковыляющей походкой и редкими рыжими волосами. Он легко загорал на солнце, всегда громко говорил, и если вы недостаточно быстро подходили на его отклик, мог ткнуть вас как следует рукоятью своего пистолета. В тот день, на крыше он разговаривал с другим охранником по имени Мерт Энтвистл.

Хендли получил неожиданно хорошую новость, и усмехался своей желчной злорадной усмешкой. Это был его стиль. У этого человека ни для кого не находилось доброго слова, и он был уверен, что весь мир против него. Этот мир и все эти ублюдки, его населяющие, испортили ему

лучшие годы его жизни, и они были бы счастливы испортить остаток его дней. Я видел несколько тюремных офицеров, которые выглядели вполне умиротворенными и счастливыми, и понимал, как они к этому пришли. Для этого достаточно видеть разницу между их жизнями, возможно, полными страданий, борьбы и нищеты, и состоянием людей, за которыми они присматривают. Так вот, те офицеры, о которых я говорю, смогли увидеть разницу и сделать соответствующий вывод. Остальные не смогли и не захотели.

Для Байрона Хендлея не было и речи ни о каком сравнении. Он может спокойно сидеть здесь под теплым майским солнышком, болтать всякий вздор, тогда как в десяти футах от него работает, обливаясь потом, и обдирая себе ладони о большие ковши с кипящим гудроном, группа заключенных, каждодневный труд которых был настолько тяжел, что теперь они даже ощущали облегчение. Вы можете припомнить старый вопрос, который обычно задают, чтобы проверить, являетесь ли вы оптимистом или пессимистом. Для Байрона Хендлея ответ всегда будет одинаков: стакан полупустой. Во веки веков аминь. Если вы предложите ему стаканчик превосходного апельсинового сока, он скажет, что мечтал об уксусе. Если вы похвалите верность его жены, он ответит, что не удивительно: на эту уродину никто и не прельстится.

Так он сидел, разговаривая с Мертом Эндвислом достаточно громко, так, что мы слышали каждое слово, и его широкий белый лоб уже начинал краснеть под солнечными лучами. Одной рукой он опирался на парапет, окружающий крышу. Другую положил на рукоять своего револьвера 38 калибра.

Мы все слушали его рассказ вместе с Мертом. Суть была в том, что старший брат Хендлея свалил в Техас лет четырнадцать назад и с тех пор, сукин сын, ни разу не давал о себе знать. Семья решила, что он уже погиб, причем давно. Но неделю назад раздался звонок из Остина, это был адвокат, сообщивший, что брат Хендлея умер четыре месяца назад довольно богатым человеком.

— Меня всегда поражало, — говорил Хендлей, этот благороднейший из смертных, — как удача может приваливать к таким ослам, как мой милый братец. Деньги пришли к покойному как результат операции с нефтью, и это было что-то порядка миллиона долларов.

Нет, Хендлей не стал миллионером. Возможно, это даже его сделало бы счастливым, хотя бы не надолго. Но брат оставил каждому из членов семьи кругленькую сумму, 35 тысяч долларов, что тоже, казалось бы, очень неплохо.

Но для Байрона Хедлей стакан всегда полупустой. И уже полчаса он занимался тем, что жаловался Мерту на проклятое правительство, которое хочет хапнуть хороший кусок его наследства.

— Ну вот, теперь я останусь без новой машины. Да если у меня и хватит на нее, тоже приятного мало, — нудел он. — Нужно платить неслыханную цену за саму машину, потом тебе влетит в копеечку ремонт и техобслуживание, потом эти идиотские дети начинают упрашивать вас покатасть их и...

— И самим поводить машину, если они уже достаточно взрослые, — подхватил Мерт. Старина Мерт Энтвостл прекрасно знал, где собака зарыта. И он не произнес вслух того, что было очевидно для него, как и для всех нас: «Если тебе так мешают эти деньги, лапонька моя, я уж как-нибудь постараюсь постепенно тебя от них избавить. Для чего и существуют друзья».

— Да-да, водить машину, а еще учиться этому, получать права, о боже! — Байрон содрогнулся. — И что происходит под конец года? Если в твоих расчетах что-то не то, если ты превысил кредит, они заставят тебя платить из собственного кармана или, что еще хуже, обращаться в одно из этих еврейских агентств по займу. И они везде тебя достанут, будь уверен. Если уж правительство решило проконтролировать твои расходы, будь спокоен, обдерут до ниточки. Кто станет сражаться с Дядей Сэмом? Он высосет из тебя все соки, выбросит на помойку, и все это считается в порядке вещей. Боже мой.

Он замолчал и погрузился в тягостные раздумья о неприятностях, которые выпали ему на долю из-за того,

что он имел несчастье получить 35 тысяч наследства. В это время Энди Дюфресн в пятнадцати футах от него распределявший гудрон по крыше, опустил свою щетку в бадью и пошел прямо к Мерту и Хендли.

Мы все замерли, и я увидел, как один из охранников, Тим Янблуд, опустил руку на рукоять пистолета. Один из работавших парней дернул своего соседа за рукав, и оба тоже повернулись. В какое-то мгновение я подумал, что Энди решил получить пулю в лоб.

А он сказал Хендли очень мягко:

— Простите, доверяете ли вы своей жене?

Хендли тупо уставился на него. Кровь прилиwała к его лицу, и я знал, что это плохой знак. Секунды через три он схватится за свой пистолет, и Энди получит сильнейший удар рукоятью в солнечное сплетение. Если не рассчитать силы, удар в это место может убить человека, но охранники этого избегают. Вы просто валяетесь в парализованном виде достаточно долго, чтобы забыть, что вы планировали прежде, чем получили эту передышку.

— Мальчик, — произнес Хендли, — я даю тебе последний шанс поднять свою щетку. Затем ты съедешь с этой крыши на голове.

Энди спокойно смотрел на него, глаза его были холодны, как лед. Будто бы он не услышал угрозы охранника. Больше всего я хотел бы сейчас объяснить ему кое-что из правил выживания здесь. Вы никогда не должны показывать, что слышите разговор охранников. Никогда не вмешиваться в их дела. И говорить только тогда, когда вас спрашивают и только то, что хотят услышать. Черные, белые, желтые и краснокожие — в тюрьме все это не существенно, вот уж где наступает всеобщее равенство! В тюрьме каждый заключенный — негр, и приходится привыкнуть к этой идее, если вы не хотите нарваться на таких людей, как Хедлей и Стэмос, которые убьют вас, не задумываясь. И горе вам, если вы не осознаете этой простой идеи. Я знаю людей, которые лишились пальцев и глаз, я знаю одного человека, который потерял кусок своего пениса и был счастлив, что остальное осталось при нем. Но говорить что-либо Энди было слишком поздно.

Даже если он вернется к своему занятию и молча поднимет щетку, вечером в душе его будет подстерегать огромный тип спортивного сложения, которого покупают обычно за несколько пачек сигарет, и который выбьет вам все зубы, переломает ребра и оставит валяться на холодном цементном полу. Ну, по крайней мере, я хотел бы сказать Энди, чтобы он не усугублял ситуацию.

Но мне пришлось продолжать лить гудрон на крышу, как будто ничего не происходит. Как и все остальные, я должен в первую очередь думать о собственной шкуре. Все же она у меня одна, а желающих свернуть кому-нибудь шею, типа Хендлея, вокруг достаточно.

Мерт вскочил. Встал Хендлей. Поднялся с места и Тим Янблуд. Лицо Хендли было красное как помидор.

Энди сказал:

— Возможно, я неверно это преподношу. Неважно, доверяете вы ей или нет. Вопрос в том, верите ли вы в то, что она не обведет вас вокруг пальца и не бросит с деньгами на руках.

Хендлей, казалось едва не задыхался от злости.

— Вопрос в том, — произнес он, — сколько костей ты переломашь при падении. Посчитаешь их в лазарете. Подойди сюда Мерт. Мы выкинем этого ублюдка, если он не понимает с первого раза.

Мы продолжали лить гудрон. Солнце жарило во всю. Охранники явно собирались осуществить обещанное. Скверное происшествие: Дюфресн, заключенный номер 81433, случайно свалился с крыши во время ремонтных работ. Хорошего мало.

Они подошли к Энди вплотную, Мерт справа, Хедли слева. Энди не сопротивлялся. Он не сводил взгляда с красного перекошенного лица Хедлей.

— Если Вы уверены в ней, мистер Хедлей, — продолжал он все тем же ровным спокойным голосом, — у Вас есть великолепный шанс сохранить каждый цент Ваших денег. Итог Вас обрадует: Дядя Сэм остается ни с чем, тридцать пять тысяч Ваши.

Мерт взял Энди за локоть, Хендлей продолжал стоять, тупо уставившись в пространство перед собой. На секун-

ду мне показалось, что все кончено, и Энди полетит сейчас с крыши головой вниз. Но тут Хендлей произнес:

— Обожди немного, Мерт. Что ты имеешь в виду, парень?

— Я хочу сказать, что если Вы держите жену под контролем, Вы все можете отдать ей.

— Перестань говорить загадками, парень, по-хорошему говорю.

— IRS позволяет Вам сделать единовременный презент своей супруге. — пояснил Энди, — на сумму до 60 тысяч долларов.

Хендли ошарашенно уставился на него.

— Не может быть. Без налога?

— Да, налогом не облагается.

— Откуда ты знаешь эти вещи?

Тим Янблуд сказал:

— Он был банкиром, Байрон. Думаю, он может...

— Заткнись, Крокодил. — не поворачиваясь, бросил Хедлей. Тим вспыхнул и замолчал, его прозвали крокодилом приятели охранники из-за толстых губ и поросычких глазок. Хедли продолжал разговор с Энди:

— Ты тот пронырливый банкир, который пристрелил свою жену. Почему я должен верить такому, как ты? Чтобы подметать прогулочный двор рядом с тобой? Этого добиваешься?

Энди отвечал все также безэмоционально:

— Если Вы попадетесь на финансовой махинации, то будете отправлены в федеральный исправительный дом, а не в Шоушенк. Но этого не произойдет. Подарок, не облагающийся налогом, дает Вам превосходную возможность сберечь свои деньги, не преступая закон. Я делал дюжины... нет, сотни таких операций. В основном ко мне обращались люди, получившие одноразовую крупную прибыль типа наследства. Как Вы.

— Я думаю, ты лжешь, — произнес Хендли, но это было не так. И я ясно видел это. Его черты исказились в напряжении, покрасневший лоб собрался в морщины, и на лице читалось явственно эмоция, совершенно не свойственная этому человеку. Надежда.

— Нет, я не лгу. Впрочем, Вам нет резона принимать мои слова на веру. Обратитесь к юристу... и все.

— Этот официальный грабеж! Эти разбойники, ублюдки, которые сами только и думают о том, чтобы содрать с тебя все до последнего цента! — Прорычал Хендлей.

Энди пожал плечами:

— Обратитесь в IRS. Там Вам скажут точно те же вещи бесплатно. И действительно, вовсе не обязательно слушать меня. Вы можете узнать все об этой операции самостоятельно.

— Мать твою так, я не хочу, чтобы паршивый банкир, прикончивший свою жену, давал мне тут указания.

— Вам нужна помощь юриста или банкира, чтобы оформить составление дарственной, и это будет кое-что стоить. Или... если Вы в этом заинтересованы, я сделаю все необходимое почти бесплатно. Я возьму за это немного: по три бутылки пива для всех моих сотрудников. — Он обвел нас рукой.

— Сотрудников, — загоготал Мерт и хлопнул себя по коленям. Редкостным ублюдком был старина Мерт. Надеюсь, он умер от рака в какой-нибудь забытой богом дыре, где неизвестен морфий. — Сотрудники, ха! Остроумно! Ты хочешь...

— Заткнись, урод. — Рывкнул Хендлей, и Мерт заткнулся. Хендлей посмотрел на Энди:

— Что ты говорил?

— Я говорил, что хочу запросить за свою помощь всего-лишь по три бутылки пива для каждого из моих сотрудников, если это вообще можно считать платой. Полагаю, человек будет чувствовать себя человеком, когда он работает весной на открытом воздухе, если ему предложат бутылочку-другую чего-нибудь прохладительного. Это мое мнение. Полагаю, остальные со мной согласятся и будут Вам благодарны.

Я разговаривал потом с другими ребятами, которые были в тот день на крыше — Рени Мартин, Логон Пьер, Пауль Бонсайнт и другие, — и все мы увидели... точнее сказать, почувствовали одно и то же. Неожиданно оказалось, что преимущество на стороне Энди. На стороне

Хедлея был пистолет в его кобуре и дубинка в руках, его приятель Блек Стэмос и вся тюремная администрация, а за этим вся мощь государственной машины, но вдруг это все обратилось в ничто, и я почувствовал, что сердце мое забилося в груди так, как никогда с тех пор, как четыре офицера захлопнули за мной ворота в 1938 году, и я ступил на тюремный двор.

Энди глядел на своего собеседника холодным, ясным, спокойным взглядом, и мы все понимали, что речь шла не о 35 тысячах долларах. Я прокручиваю эту ситуацию снова и снова в своем мозгу и прихожу к одному выводу. Энди просто победил охранников, поборол их своим холодным спокойствием. И действительно, Хедлей каждую минуту мог кивнуть своим приятелям, они выбросили бы Энди с крыши, а потом можно было воспользоваться его советом.

И не было причин так не поступить.

Но этого не произошло.

— Если я захочу, я всем раздам по парочке бутылок. — медленно ответил Хендлей. — После пива лучше работается.

Черт возьми, и он был способен на какие-то благородные жесты.

— Я дам Вам один совет, который вряд ли кто-нибудь еще даст, — продолжал Энди, глядя Хедлею прямо в глаза. На эту операцию стоит идти, только если Вы уверены в своей жене. Если есть хотя бы один шанс из ста, что она Вас надует, мы можем продумать другой вариант...

— Надует меня? — Резко спросил Хедлей. — Меня?! Ну уж нет, мистер, не бывать этому. Она и пукнуть не смеет без моего позволения.

Мерт и Янблуд хихикнули. Энди даже не улыбнулся.

— Я сейчас напишу, какие формы необходимы, — сказал он, — и Вы возьмете бланки на почте. Я заполню их соответствующим образом, а Вы подпишете.

Это звучало конкретно и по-деловому. Хедлей принял важный вид и расправил плечи. Затем он оглянулся на нас и крикнул:

— А вы что стали, паразиты? Пошевеливайтесь, черт вас подери!

Он оглянулся на Энди:

— А ты учти, банкир. Если ты решил меня надуть, ничего хорошего из этого не выйдет. Ты понимаешь, надеюсь, что в этом случае тебе оторвут голову и засунут ее в твою же задницу.

— Понимаю. — Мягко сказал Энди.

Вот как случилось, что в конце второго дня работы бригада заключенных, перекрывающих крышу фабрики в 1950 году, в полном составе сидела под весенним солнышком с бутылками «Блек Лейбл». И это угощение было предоставлено самым суровым охранником, когда-либо бывшем в Шоушенке. И хотя пиво было теплым, такого чудного вкуса в моей жизни я еще не ощущал. Мы, не спеша, отхлебывали по глоточку, ощущали солнечные лучи на своей коже, и даже полупрезрительное, полуизумленное выражение лица Хедлея, будто он наблюдал пьющих пиво обезьян, никому не могло испортить настроение. Это продолжалось двадцать минут, и двадцать минут мы чувствовали себя свободными людьми. Словно ремонтируешь крышу собственного дома и спокойно попиваешь пивко, делая перерыв, когда захочется.

Не пил только Энди. Я уже рассказывал о его привычках, касающихся алкоголя. Он привалился в тени, руки между коленями, поглядывая на нас с легкой улыбкой. Просто удивительно, как много людей запомнило его таким, и удивительно, как много народу было на крыше в тот день, когда Энди Дюфресн одолел Байрона Хедлея. Я-то думал, что нас было человек девять десять, но к 1955 году уже оказалось не меньше двух сотен или даже больше...

Итак, вы хотите получить прямой ответ на вопрос, рассказываю ли я вам о реальном человеке, или же передаю мифы, которыми обросла его личность, как крошечная песчинка постепенно вырастает в жемчужину. Но я не смогу ответить определенно. И то и другое, пожалуй. Все, в чем я уверен — Энди Дюфресн был не такой, как я или кто-нибудь еще из обитателей Шоушенка. Он принес

сюда пять сотен долларов, но этот сукин сын ухитрился пронести сквозь тюремные ворота нечто гораздо большее. Возможно, чувство собственного достоинства, или уверенность в своей победе... или, возможно, просто ощущение свободы, которое не покидало его даже среди этих забытых богом серых стен. Казалось, от него исходит какое-то легкое сияние. И я помню, что лишь раз он лишился этого света, и это тоже будет часть моего рассказа.

С 1950 года, как я уже сказал, Энди перестал бороться с сестрами. За него все сделали Стэмос и Хедлей. Если бы Энди Дюфресн подошел к кому-нибудь из них или к любому другому охраннику, который был проинструктирован Стэмосом, и сказал лишь слово — все сестры в Шоушенке отправились бы спать этой ночью с сильнейшей головной болью. И сестры смирились. К тому же, как я уже отмечал, вокруг всегда находятся восемнадцатилетние угонщики автомобилей, какие-нибудь мелкие воришки и поджигатели, достаточно смазливые на вид и не способные за себя постоять. А Энди, с того самого дня на крыше, пошел своим путем.

Теперь он стал работать в библиотеке под начальством крепенького старичка, которого звали Брукс Хетлен. Хетлен занял эту должность в конце двадцатых по той причине, что он имел высшее образование. Если честно, его специализация была как-то связана с животноводством, но высшее образование в такой конторе, как Шенк — большая редкость, а на безрыбье, как известно, и рак — рыба.

В 1952 году Брукс, который прикончил свою жену и дочь, проигравшись в покер, еще когда Кулидж был президентом, был освобожден. Как обычно, государство в своем милосердии позволило ему выйти на свободу только тогда, когда любой шанс влиться в общество остался для него далеко позади. Хетлену было 68. Он страдал артритом. И когда он выходил из главных ворот тюрьмы с бумагами, свидетельствующими о его освобождении, в одном кармане старенького пиджака и автобусным билетом до Грейхоунда в другом, он плакал. Он шел в мир, который был ему так же чужд, как земли, лежащие за неизведанными морями, для путешественников пят-

надцатого века. Для Брукса Шоушенк был всем, был его миром. Здесь он имел какой-то вес, был библиотекарем, важной персоной, образованным человеком. Если же он придет в библиотеку Киттери, ему не доверят даже картотеки. Я слышал, бедняга умер в приюте для престарелых в 1953 году. Он продержался на полгода больше, чем я предполагал. Да, государство сыграло злую шутку с этим человеком. Сперва заставило его привыкнуть к неволе, потом выкинуло за тюремные стены, не предоставив ничего взамен.

Энди был библиотекарем после ухода Кетлена в течение 23 лет. Он проявил все ту же настойчивость и силу, что я неоднократно наблюдал у него, чтобы добиться для своей библиотеки всего необходимого. И я своими глазами видел, как тесная комнатуха, пропахшая скипидаром, поскольку раньше здесь находилась малярная подсобка с двумя убогими шкафчиками, заваленными «Ридер Дайджест» и географическими атласами, превратилась в лучшую тюремную библиотеку Новой Англии. Он делал это постепенно. Повесил на дверь ящик для предложений и терпеливо переносил такого рода записки, как «пожалуйста, больше книжек про трах» или «искусство побега в двадцати пяти лекциях». Энди узнавал, какими предметами интересуются заключенные, а потом посылал запросы в клубы Нью-Йорка и добился того, чтобы два из них, «Литературный союз» и «Книга месяца», высылали ему издания из своих главных выборок по предельно низким ценам. Он обнаруживал информационный голод у заключенных, и даже если дело касалось таких узкоспециальных вещей, как резьба по дереву, жонглерство или искусство пасьянса, всегда умел найти нужную литературу. Конечно, не забывал о популярных изданиях — Стенлей Гарднер и Луи Амур. Он выставил шкафчик с книгами в мягких обложках под контрольной доской, тщательно проверял, возвращаются ли книги и в каком состоянии, но они все равно быстро затрепывались до дыр, с этим ничего нельзя было поделать.

В августе 1954 года он стал подавать запросы в Сенат. Комендантом тюрьмы тогда уже был Стэмос. Этот человек

уверился в том, что Энди — нечто вроде талисмана, и проводил много времени в библиотеке, болтая с ним о том, о сем. Они с Энди были на короткой ноге, Гред часто усмехался и даже похлопывал его по плечу.

Как-то он начал объяснять Энди, что если тот и был банкиром, то эта часть его жизни осталась в прошлом, и пора бы приспособиться к изменившейся ситуации и привыкнуть к фактам тюремной жизни. В наше сложное время для денег налогоплательщиков, идущих на содержание тюрем и колоний, есть только три позвоительные статьи расходов. Первая — больше стен, вторая — больше решеток и третья — больше охраны. По мнению сената, продолжал Стэмос, люди в Шоушенке, и Томэстене, и в Пицфилде — отбросы общества. Раз уж они попали в такое место, они должны влачить жалкое существование. И ей богу, для заключенных действительно ничего хорошего не светит. И от твоего желания зависит слишком мало, чтобы ты мог что-то изменить.

Энди улыбнулся едва заметно и спросил Стэмоса, что случится с гранитным блоком, если капли воды будут падать на него день за днем, в течение миллиона лет. Стэмос рассмеялся и хлопнул Энди по спине:

— У тебя нет миллиона лет, старик, но если бы был... я уверен, ты сделал бы все, что захочешь, вот с этой усмешечкой. Продолжай писать свои письма. Я могу даже опускать их для тебя, если ты заплатишь за марки.

И Энди продолжал. Хотя Стэмос и Хедлей уже не могли увидеть итогов его трудов. Запросы для библиотечных фондов регулярно возвращались ни с чем до 1960 года, затем Энди получил чек на две сотни долларов. Сенат пошел на это в явной надежде, что надоевший проситель наконец заткнется. Но не тут то было! Энди только усилил нажим: два письма в неделю вместо одного. В 1962 году он получил четыре сотни долларов, и до конца шестидесятых на счет библиотеки каждый год, с точностью часового механизма, высылались семьсот долларов. В 1971 году сумма была увеличена до тысячи. Не так уж много, если сравнивать с субсидией, получаемой средней библиотекой в небольшом городке, но на

тысячу долларов можно купить достаточно Перри Мейсона и вестерна Джека Логана. К этому времени вы могли зайти в библиотеку, разросшуюся до трех просторных комнат, найти почти все, что желаете. А если чего-то не нашли, то Энди сможет помочь, будьте уверены.

Вы спрашиваете, произошло ли все это потому, что Энди научил Байрона Хедлея, как спасти свое наследство от налогов. Да, но не только. Судите сами, что происходило дальше.

Можно сказать, в Шенке появился добрый финансовый волшебник. Летом 1950 года Энди помог оформить займы двум охранникам, которые хотели обеспечить высшее образование своих детей. Он посоветовал парочке других, как лучше всего повернуть маленькие авантюры с акциями, и на столько успешно, что один из этих парней пошел в гору и смог взять отставку через два года. И я уверен, что сам Джордж Дуней консультировался у Энди по финансовым вопросам. Это было перед тем, как старикана выгнали с работы, и он еще спокойно спал и грезил о миллионах, которые принесет его книга по статистике. С апреля 1951 года Энди делал все финансовые расчеты для доброй половины администрации Шоушенка. А с 1952, пожалуй, для всех. Ему платили тем, что в тюрьме ценится, подчас, дороже золота — покровительством и хорошим отношением. Позже, когда комендантом стал Гред Стэмос, Энди приобрел еще больший вес. Если я постараюсь объяснить вам специфику ситуации, которая к этому привела, я окажусь в затруднительном положении. О некоторых вещах можно только догадываться. Зато другие я знаю наверняка. Известно, например, что некоторые заключенные обладают особыми привилегиями: радио в камере, более частые визиты родственников, прочие такого рода приятные мелочи, и у каждого из них за тюремными стенами есть «ангел». Так называем мы покровителей, которые оплачивают безбедное существование близкого для них человека в тюрьме. И если кто-то освобождается от субботних работ, будьте уверены, что здесь не обошлось без «ангела». Все происходит привычным, проверенным путем. Деньги за услугу передаются кому-нибудь из среднего звена администрации,

а тот уже распределяет прибыль вверх и вниз по служебной лестнице.

Кроме того, при коменданте Дунее расцвели махинации в сфере автосервиса. Некоторое время эти делишки тщательно скрывались, но затем приобрели невиданный размах в пятидесятых. Конечно, все, кто наживался на этом деле, платили дань верхушке администрации. И я уверен, что это верно и для компаний, оборудование которых закупалось и устанавливалось в прачечной и на фабрике.

В конце шестидесятых началось повальное увлечение «колесами», и все те же административные лица были вовлечены в оборот наркотиков, и делали на этом хорошие деньги. Конечно, речь идет не о той гряде нелегальных миллионов, что в больших тюрьмах, типа Аттики или Санкветин. Но и не мелочевка. И заработанные таким путем деньги сами по себе становились проблемой. Лучше не стоило класть их в бумажник, а затем, когда вам захочется приобрести новый мерседес или построить бассейн во дворе коттеджа, вытаскивать мятые купюры, что были получены столь грязным образом. Однажды вам придется в соответствующем месте объяснять, каков источник вашего дохода, и если ваше объяснение не найдут достаточно убедительным, придется пополнить число тех, кого вы прежде контролировали, и прогуливаться по тюремному двору с номером на спине.

Вот для чего был нужен Энди. Они вытащили его из прачечной и посадили в библиотеку, но если взглянуть на дело с другой стороны, работа осталась той же самой. Просто теперь ему приходилось отмывать грязные деньги, а не грязные рубашки.

Однажды он сказал мне, что прекрасно понимает происходящее, но нисколько не волнуется насчет своей деятельности. Те махинации, в которые он был вовлечен, все равно продолжались бы — с его участием или без него, какая разница... Никто не спрашивал его согласия попасть в Шоушенк, он всего лишь невинный человек в этой чертовой тюрьме, человек, которому крупно не повезло, а вовсе не миссионер и не апостол.

— Кроме того, Ред, — продолжал Энди со своей характерной полуусмешкой. — То, что я делаю здесь, не слишком отличается от того, чем я занимался на свободе. Люди, которые прибегают к моей помощи в Шоушенке, в большинстве своем — тупые, жестокие чудовища. Люди, которые правят миром, лежащим за этими стенами, тоже жестоки, и тоже чудовища, разве что они не настолько тупы: планка компетентности стоит чуть повыше. Не слишком, но слегка.

— Но «колеса», — возразил я, — заставляют меня беспокоиться. Я не хочу совать нос не в свои дела, но мне это все не приятно. Все эти транквилизаторы, корректоры, прочие хреновины — всем этим заниматься мне очень не хочется.

— Но ведь и я не большой сторонник колес. Ты же знаешь. Впрочем, я не слишком увлекаюсь и спиртным... И ведь учти, не я проношу их в тюрьму, не я их продаю. Скорее всего, этим занимаются охранники.

— Но...

— Знаю, что ты хочешь сказать. Есть люди, Ред, которые отказываются участвовать во всем этом. Они не хотят марать руки. Это называют святостью, и белый голубь садится на плечо твое и гадит тебе на рубашку. Есть другая крайность: славные малые, которые готовы валяться в грязи и вымазываться в дерьме ради всего, что принесет им доллар — оружие, наркотики, да все, что угодно. Тебе ведь предлагали такого рода контракты?

Я кивнул. Такое случалось неоднократно на протяжении многих лет. Люди видят, что вы тот человек, который может достать все и, заключают они, если вы приносите им батарейки для радио или сигарету с травкой, то так же легко можете предоставить им парня, который может по их заказу сунуть кому-нибудь перо под ребра.

— Да, от тебя этого ожидают, Ред. Но ты ведь этого не сделаешь. Потому что ты знаешь, что есть третий путь, его и выбирают такие люди, как мы. Да и все разумные люди в этом обществе. Ты балансируешь по самому краю, выбираешь меньшее из двух зол и следишь за тем, чтобы волки были сыты и овцы целы. И можно сделать вывод,

насколько хорошо у тебя это получается, изучив, насколько хорошо ты спишь и не видишь ли кошмаров. Можно действовать среди всей этой грязи, имея перед собой добрые намерения.

— Благие намерения? — засмеялся я. — Слыхали мы о таком. Говорят, ими дорога в ад вымощена.

— Не верь в это. — Отвечал Энди, чуть помрачнев. Мы уже в аду. Он прямо здесь, в Шенке. Они торгуют наркотиками, и я говорю им, как отмыть деньги, на этом нажитые. Но я также держу библиотеку, и знаю добрые две дюжины ребят, которые после подготовки, с помощью моей литературы, смогут продолжить образование. Возможно, когда они выйдут отсюда, то не пропадут в этом жестоком мире. Когда в 1957 году я просил вторую комнату для библиотеки, я получил ее. Потому что администрации выгодно видеть меня счастливым. Я беру не дорого. И доволен.

Население тюрьмы медленно увеличивалось на протяжении пятидесятых, затем в шестидесятых возросло довольно резко. В это время каждый школьник в Америке только и мечтал о том, чтобы попробовать наркотики, насколько не пугаясь смехотворных наказаний за их употребление. Да, тюрьма была переполнена, но даже в это время у Энди не было сокамерников. Правда, ненадолго к нему подселили огромного молчаливого индейца по имени Норманден, которого звали, как всех индейцев в Шенке, Вождь. Большинство долгосрочников считало Энди чокнутым, а он только улыбался. Он жил один и наслаждался покоем... Как было замечено, администрации было выгодно видеть его счастливым.

В тюрьме время тянется медленно, иногда кажется, что оно и вовсе останавливается. Но, на самом деле, оно течет, течет... Джордж Дуней покидал сцену под шум газетчиков, выкрикивающих: «скандал!», «коррупция!», «чрезвычайное происшествие!». Стэмос пришел на пост, на протяжении последующих шести лет Шенк напоминал ад. Кровати в лазарете и одиночки в карцере никогда не пустовали.

Однажды в 1957 году я взглянул в маленькое зеркальце от бритвенного набора, которое я хранил у себя в камере,

и увидел сорокалетнего мужчину. В 1938 сюда пришел ребенок, мальчишка с огромной копной рыжих волос. Сходящий с ума от угрызений совести, помышляющий о самоубийстве. Мальчишка повзрослел. Рыжая шевелюра поседела и стала редеть понемногу. Вокруг глаз появились морщинки. Сегодня я видел пожилого человека, ожидающего, когда его выпустят на свободу. Если выпустят. Это ужаснуло меня: никто не хочет стареть в неволе.

Стэмос ушел в 1959. Еще до этого времени вокруг так и роились вынюхивающие сенсацию журналисты, один из них даже ухитрился провести четыре месяца в Шенке в качестве заключенного. Итак, они уже открыли рты, чтобы кричать: «скандал!», «попавшийся взяточник!», но прежде, чем над его головой окончательно сгустились тучи, Стэмос свалил. Я его прекрасно понимаю. Если бы он был действительно пойман и уличен во всех своих грязных делишках, он здесь бы и остался. А кому этого хочется? Байрон Хедлей ушел двумя годами раньше. У этого ублюдка был сердечный приступ, и он взял отставку, к превеликой радости всего Шенка.

Энди в связи с аферами Стэмоса не тронули. В начале 1959 в тюрьме появился новый комендант, новый помощник коменданта и новый начальник охраны. Около восьми последующих месяцев Энди ничем не отличался от прочих заключенных. Именно в этот период к нему подселили Нормандена. Потом все вернулось на круги своя. Норманден съехал, и Энди опять наслаждался покоем одиночества. Имена на верхушке администрации меняются, но делишки прокручиваются все те же.

Я говорил однажды с Норманденом об Энди.

— Славный парень, — сказал индеец. Разговаривать с ним было очень сложно: у бедняги была заячья губа и треснутое небо, слова вырывались наружу с шумом, плевками и шипением, так что трудно было что-либо разоб-
рать.

— Мне он понравился. Никогда не подшучивает. Но он не хотел, чтобы я жил там. Это можно понять. Ужасные сквозняки в камере. Все время холодно. Он никому не позволяет трогать свои вещи. Я ушел. Слав-

ный парень, не издевается, не подшучивает. Но сквозняки ужасные.

Рита Хейворт висела в камере Энди до 1955, если я правильно помню. Затем ее сменила Мерлин Монро. Тот самый плакат, где она стоит около решетки сабвея, и теплый воздух развеивает ее юбку. Монро продержалась до 1960, и когда она была уже почти совсем затерта, Энди заменил ее на Джейн Менсфилд. Джейн была, простите за выражение, соска. Через год или около того ее сменили на английскую актрису, кажется, Хейзл Курт, но я не уверен. В 1966, убрав и ее, Энди водрузил на стену Реквель Велч. Этот плакат висел шесть лет. Последняя открытка, которую я помню — хорошенькая исполнительница песен в стиле кантри-рок Линда Ронстат.

Однажды я спросил Энди, что для него значат эти открытки, и он как-то странно покосился на меня.

— Они для меня тоже, что и для большинства других заключенных, полагаю, — ответил он. — Свобода. Пони-маешь, смотришь ты на этих хороших женщин, и чувствуешь, что можешь сейчас шагнуть на эту картинку. И оказаться там. На воле. Думаю, мне нравилась Реквель Велч более всего потому, что она стояла на великолепном побережье. Вид просто изумительный, помнишь? Где-то в окрестностях Мехико, милое, тихое местечко, где можно побыть наедине с природой. Разве ты никогда не чувствовал всего этого, когда глядел на картинки, Ред? Не чувствовал, что ты можешь шагнуть туда?

Я признался, что никогда над этим не задумывался.

— Однажды ты узнаешь, что я имею в виду. — Задумчиво ответил Энди, и он был прав. Спустя годы я понял, что он имел в виду, и первое, о чем я тогда вспомнил, был Норманден, и как он жаловался на сквозняки в камере Энди. Скверное происшествие случилось с Энди в конце марта или начале апреля 1963 года. Я уже говорил, что было в этом человеке что-то, что отличало его от большинства заключенных, включая меня. Можно назвать это свойство уравновешенностью, или внутренней гармонией, или верой в то, что однажды этот долгий кошмар непременно закончится. Как бы вы это ни назвали, Энди

Дюфресн резко отличался от всех нас. В нем не было того мрачного отчаянья, которое угнетает большинство остальных, и никогда он не терял надежды. Никогда — пока не наступила та зима 1963 года. К тому времени у нас был новый комендант, Самуэль Нортон. Насколько я знаю, никто никогда не видел этого человека улыбающимся. Он носил почетный значок тридцатилетнего членства в баптистской церкви Элиота. Его главное нововведение как главы тюремной администрации было убедиться, что каждый заключенный имеет Новый Завет. На его столе была небольшая табличка из тикового дерева, где золотыми буквами было выдавлено: «Христос — мой спаситель». На стене висел вышитый руками его жены лозунг: «Грядет пришествие Его». При виде этой сентенции у большинства из нас пробегал мороз по коже. Мы чувствовали себя так, будто пришествие уже началось, и не будет нам спасения, и возопим мы к небесам, и будем искать смерти, но не найдем ее. У мистера Нортонна на каждый случай имелась цитата из Библии, и если вы когда-нибудь встретите человека, похожего на него, мой вам совет: обходите его десятой дорогой.

Насколько я знаю, захоронения в лесу, случавшиеся при Греде Стэмсе, прекратились. И вряд ли кому-нибудь ломали кости и выбивали глаза. Но это не значит, что Нортон трогательно заботился о благополучии вверенных ему людей. Карцер был все также популярен, и люди теряли зубы не под ударами охранников, а от частого пребывания в одиночке на хлебе и воде. Это стали называть «диетой Нортонна».

Этот человек был самым грязным ханжой, которого я когда-либо видел в правящей верхушке. Мошенничество, о котором я рассказывал раньше, продолжало процветать, и Сэм Нортон даже прибавил кое-что от себя. Энди был в курсе всех его дел, и поскольку к тому времени мы стали верными друзьями, о многом мне рассказывал. При этом на его лице появлялось чуть брезгливое выражение, как будто он описывал мне какое-то уродливое, отвратительное насекомое, все действия которого из-за его омерзительности скорее смешны, чем ужасны. Это был именно

Нортон, кто придумал знаменитую программу «Путь к искуплению», о которой вы могли читать или слышать лет шестнадцать назад. Фото нашего коменданта было помещено даже в «Ньюсвик». В прессе программа освещалась, как образец истинной заботы о реабилитации заключенных и практическом использовании их труда. Она включала в себя использование заключенных в разных видах деятельности: обработка древесины, строительство дорог, овощехранилищ и прочего. Нортон назвал эту хреновину в своем характерном патетическом стиле «Путь к искуплению», и клубы «Ротейри» и «Кайванис» в Новой Англии приглашали его для выступлений, особенно после того, как фото Нортон было помещено в «Ньюсвик». Мы называли этот проект «Большая дорога», но что-то я не слышал, чтобы кого-нибудь из заключенных приглашали высказать свое мнение в клубе или газете. Нортон был тут и там, успевал поприсутствовать на строительстве автомагистралей и рытье канав со своими возвышенными речами и почетным значком баптиста. Есть сотни путей осуществлять все эти проекты — кадры, материалы, подбор всего необходимого... однако, Нортон оказался хитрее. И все строительные организации округа смертельно боялись его программы, потому что труд заключенных — рабский труд, и вы не станете этого отрицать. Итак, Сэм Нортон каждый день за время своего шестнадцатилетнего правления, получал изрядное количество заказов, просто заваливающих его стол с золотой табличкой «Христос мой спаситель». А потом он был волен ответить заказчику, что все его работники проходят «путь к искуплению» где-то в другом месте. Для меня всегда оставалось чудом, почему Нортон не нашли однажды утром в канаве с дюжиной пуль в голове.

В любом случае, права старая песенка, в которой говорится: «Боже, как крутятся деньги». Мистер Нортон, похоже, разделяет точку зрения старых пуритан, что лучший способ проверить, является ли человек избранныком божьим — заглянуть в его банковский счет.

Энди Дюфресн был правой рукой коменданта, его молчаливым помощником. Библиотека много значила для

Энди, Нортон знал это и умело использовал. Энди говорил, что один из любимых афоризмов Нортонa: «Рука руку моет». Итaк, Энди давал ценные советы и вносил деловые предложения. Я не могу с уверенностью заявлять, что он продумал программу «Путь к искуплению», но уверен, что он сводил все счета, связанные с этой грязной махинацией и... сукин сын! Библиотека получила новый выпуск пособий по авторемонту, новое издание энциклопедии Гройлера... и, конечно, новый Гарднер и Луи Амур.

И я убежден, что то, что произошло, должно было произойти, потому что Нортон не хотел лишаться своей правой руки. Скажем больше: он боялся, что Энди слишком многое может рассказать о его делишках, если покинет Шенк.

Я узнавал эту историю на протяжении семи лет, немного здесь, немного там, кое-что от самого Энди, но далеко не все. Он не любил говорить об этом периоде своей жизни, и я его в этом не виню. Я собирал эту историю по частям из дюжины разных источников. Заключение, как я уже отмечал, не более чем рабы. Возможно, поэтому им присуща рабская манера любопытствовать и пронюхивать все. Теперь я излагаю вам все последовательно, сначала до конца. И возможно, вы поймете, отчего человек провел около десяти месяцев в жуткой депрессии. Я думаю, он не знал всей правды до 1963 года, пятнадцать лет после того, как он попал в эту забытую богом дыру. Я думаю, он не знал, как скверно это может оказаться.

Томми Вильямс поступил в Шоушенк в ноябре 1962 год. Томми считал себя уроженцем Массачусетса, но за свою двадцатисемилетнюю жизнь вдоволь попутешествовал по всей Новой Англии. Он был профессиональным вором. Томми был женат, и жена навещала его каждую неделю. Она вбила себе в голову, что Томми будет лучше — а уж ей и трехлетнему сынишке и подавно — если он получит аттестат. Она уговорила мужа, и Томми Вильямс начал регулярно посещать библиотеку.

Для Энди все это было рутинным занятием. Он видел, как Томми набирал изрядное количество тестов высшей школы. Он хотел освежить в памяти предметы, которые

когда-то проходил — таковых было немного — а затем пройти тесты. Он также получил по почте большое количество курсов по предметам, которые он провалил или просто пропустил без внимания в школе.

Томми явно не был хорошим учеником, и я не знаю, получил ли он свидетельства об окончании высшей школы, да это и не важно для моего рассказа. Важно, что он очень привязался к Энди, как большинство людей, которые сколько-либо долго с ним общались.

Пару раз он спрашивал Энди: «Что такой продувной парень, как ты, забыл в тюрьме?» — вопрос, который звучит как грубый эквивалент светской любезности: «Что такая милая девушка, как Вы, делает в таком месте, как здесь?». Но Энди ничего не отвечал, только улыбался и переводил разговор на другую тему. Естественно, Томми стал спрашивать окружающих, и когда он получил ответ, он был шокирован до глубины души.

Человек, который рассказал ему, почему Энди в тюрьме, был его партнером на гладильной машине в прачечной. Мы называли эту машину мясорубкой, и вы можете себе представить, что случилось бы с человеком, работающем на ней, если бы он ослабил свою бдительность. Партнером Томми был Чарли Лафроб, который отбывал свои двенадцать лет за убийство. Он с наслаждением принялся пересказывать все подробности истории Дюфресна; замечательным развлечением для нас, старых обитателей тюрьмы, было введение новичков в курс всех наших дел. Чарли дошел уже до того места, как присяжные, придя с обеда, объявили Энди виновным, как вдруг послышался неожиданный свист, и мясорубка остановилась. В тот день машина обрабатывала свежeweыстиранные сорочки для приюта Элиот. Они выскакивали из машины сухими и выглаженными со скоростью штука в секунду. Томми и Чарли должны были подхватывать их и складывать в тележку, выставленную чистой бумагой.

Но Томми Вильямс продолжал стоять, открыв рот и тупо уставившись на Чарли. Он был завален грудой рубашек, которые падали на липкий грязный пол прачечной.

В тот день за прачечной присматривал Хомер Джесуб, и он уже спешил к машине, громко ругаясь на ходу. Томми даже не повернулся к нему. Он спросил Чарли, будто старина Хомер, который проломил за свою жизнь больше черепов, чем он мог сосчитать, и вовсе отсутствовал.

— Как ты сказал, как звали того инструктора из гольф-клуба?

— Квентин, — произнес смущенный и почти напуганный Чарли. Он рассказывал потом, что мальчишка был бледен, как полотно. — Кажется, Глен Квентин. Или что-то вроде этого, точно не помню...

— Эй, немедленно! — прорычал Хомер. Шея его налилась кровью. — Бросьте рубашки в холодную воду! Пошевеливайся, урод! Быстро, а то...

— Глен Квентин, о боже, — произнес Томми Вильямс, это были его последние слова, потому что Хомер Джесуб, этот образец гуманности, уже опустил свою дубинку на череп бедного парня. Томми упал на пол лицом вниз, при этом лишившись трех передних зубов. Очнулся он уже в одиночке, где и провел всю следующую неделю на диете Нортонa. Плюс черная отметка в его карточке.

Было это в феврале 1963 года, и Томми Вильямс обошел шесть или семь долгосрочников, и услышал в точности ту же историю, что и от Чарли. Я знаю это, потому что был одним из них. Но когда я спросил Томми зачем ему это, вразумительного ответа не получил.

И вот в один прекрасный день Томми пришел в библиотеку и вывалил Энди разом всю информацию. В первый и последний раз, по крайней мере с тех пор, как он в смущении говорил со мной о Рите Хейворт, Энди потерял присущее ему самообладание... Только на этот раз в куда большей степени.

Я видел его на следующий день, он выглядел как человек, который наступил на грабли и получил хороший удар промеж глаз. Руки Энди дрожали, и когда я заговорил с ним, он не отвечал. После полудня он нашел Билли Хенлона, дежурного охранника, и договорился с ним об аудиенции у коменданта на следующий день. Позже Энди

рассказывал, что в ту ночь он не спал ни минуты. Он прислушивался к завываниям холодного зимнего ветра, смотрел на длинные колеблющиеся тени на цементном полу камеры, которую он называл домом с тех пор, как Трумен стал президентом, и пытался все спокойно обдумать. Он говорил, что Томми принес ключ, который подходил к клетке, находящейся где-то в глубине его сознания. К такой же клетке, как его собственная камера, только вместо человека в ней был тигр. Тигр по имени надежда. Вильямс принес ключ, который открыл дверцу, и тигр вырвался на волю разгуливать по его сознанию. Четырьмя годами раньше Томми Вильямс был арестован в районе Роуд Айленд, когда он вел краденую машину, набитую краденым товаром. Томми признался в своем преступлении, и ему смягчили приговор: два с небольшим года лишения свободы. Прошло одиннадцать месяцев, и сокамерник Томми вышел на свободу, а его место занял некий Элвуд Блейч. Блейч отбывал наказание за кражу со взломом.

— Я никогда раньше не встречал настолько нервного типа, — говорил мне Томми, — такой человек не должен быть взломщиком, особенно вооруженным. Малейший шум, и он подскочит на три фута в воздух и начнет палить не глядя во все стороны... Однажды ночью он совершенно меня достал, потому что какой-то малый в нашем коридоре постукивал по прутьям своей решетки чашкой. Блейча это бесило.

Я провел с ним семь месяцев, прежде чем меня выпустили. Я не могу сказать, что мы беседовали с моим соседом. Вы не можете разговаривать с Элом Блейчем. Это он разговаривает с вами. Треплется все время, и заткнуть его не возможно. А если вы попытаетесь вставить хоть слово, он грозит своим волосатым кулаком, вращает глазами. У меня мороз пробежал по коже, когда он так делал. Огромный тип, довольно высокий, почти совершенно лысый, с глубоко посаженными злобными зелеными глазками. Господи Иисусе, только бы никогда не увидеть его опять.

Каждую ночь начинался словесный понос. Я был вынужден все это выслушивать. Где он вырос, как сбегал из

приютов, чем зарабатывал на жизнь, какие делишки проворачивал и каких женщин трахал. Мне ничего не оставалось, как выслушивать весь этот треп. Возможно, моя физиономия и не покажется вам слишком красивой, но она мне дорога, и я очень не хотел, чтобы этот тип видоизменил ее в припадке ярости.

Если ему верить, он взломал не менее двух сотен контор. Мне сложно поверить, что это мог проделать такой психопат, который взвизгивает, как укушенный, стоит кому-то рядом пукнуть громче обычного. Но он клялся, что говорит правду. А теперь... слушай меня внимательно, Ред. Я знаю, что люди иногда выдают желаемое за действительное, и что никогда не стоит доверять своей памяти... Но прежде, чем я услышал впервые про парня по имени Квентин, я, помнится, думал: «Если бы старина Эл когда-нибудь ограбил мой дом, узнав это, я чувствовал бы себя счастливейшим из смертных, что остался жив». Можешь себе представить, как этот тип в спальне какой-нибудь дамы роется в ее шкапулке с драгоценностями, а она переворачивается во сне на другой бок или кашляет? У меня мурашки по коже пробегают, стоит только подумать об этом, клянусь именем моей мамочки.

И он говорил, что убивал людей, когда они его дергали. Так и говорил, и я ему верил. Эл был похож на человека, который способен убивать. Боже, какой же он был нервный! В точности как пистолет со взведенным курком. Знал я одного парнишку, у которого был «Смит Энд Вессон» со взведенным курком, и ничего хорошего в этом я не видел. К тому же, спусковой крючок на этом пистолете нажимался так легко, что он мог прийти в движение просто от громкого звука. Вот такую штуковину напоминал мне Эл Блейч, и я не сомневаюсь, что он прирезал кого-нибудь из-за своих чертовых нервов.

Однажды ночью я спросил его просто чтоб хоть что-нибудь сказать: «Ну и кого же ты убил?» Он рассмеялся и ответил: «Один тип сейчас на зоне в Майне. Мотает срок за двух людей, которых прикончил я. Его жена с одним козлом была в домике, куда я пробрался, так все и случилось».

Насколько я помню, он не называл имя женщины. А может, я просто пропустил мимо ушей. Да и какая разница? В Новой Англии Дюфресны встречаются так же часто, как Смиты и Джонсы на остальной территории страны. Главное, что Эл назвал убитого им парня, он сказал, парня звали Глен Квентин, и он был богатенький хер, тренер гольфа. Эл говорил, что парень, по его предположению, держал дома тысяч пять долларов. А это по тем временам были деньги. И я спросил: «Когда это было?» Блейч сказал, что сразу после войны.

Он продолжал рассказывать эту байку: он вошел в домик, все там перерыл, а парочка проснулась, и тут начались неприятности. Меня это достало, сказал Эл. «Возможно, парень начал храпеть, и тебя достало это? Так?» — спросил я. А Эл, продолжая свой рассказ, упомянул юриста, чья жена лежала в постели с Квентином. «Теперь этот юрист мотает срок в Шоушенке», — закончил Эл и загоготал. Боже, как я счастлив, что больше не увижу этого гнусного типа.

Полагаю, теперь вы можете понять, почему Энди скверно чувствовал себя после того, как Томми рассказал эту историю, почему он волновался и хотел срочно видеть коменданта. Элвот Блейч был осужден на шестилетний срок, когда Томми сидел с ним в камере. И теперь, в 1963, он мог быть уже на свободе... Или же собираться выйти на свободу. Вот что волновало Энди: с одной стороны, весьма вероятно, что Блейч все еще в камере, а с другой стороны, не менее вероятно, что он уже освобожден. И ищи теперь ветра в поле.

Конечно, в рассказе Томми были неувязки, но разве их нет в реальной жизни? Блейч упоминал о юристе, а Энди был банкиром, но необразованный человек легко может перепутать эти две профессии. Не забывайте, что прошло двенадцать лет с тех пор, как Блейч читал заголовки газет, кричащих о деле Энди. Может показаться странным, что он сказал Томми, что полез за деньгами и действительно нашел тысячу долларов, а полиция не обнаружила никаких следов грабежа. На этот счет могу выдвинуть несколько предположений. Во-первых, если

хозяин имущества мертв, вы ни за что не выясните, что у него пропало, если кто-нибудь другой вам об этом не скажет. Во-вторых, кто сказал, что Блейч не солгал насчет этих тысяч долларов? Возможно, он просто не хотел признаваться в том, что ни за что убил людей. В-третьих, следы взлома и грабежа могли наличествовать, а полиция их проглядела: копы бывают на редкость дубоголовыми. Или даже, обнаружив эти следы, о них могли не упоминать, чтобы не разрушать версию прокурора. Прокурор, как уже упоминалось, шел на повышение, а привлечь внимание центральных органов к такому заурядному процессу, как кража, было бы сложнее.

Из этих трех версий лично я склоняюсь ко второй. Видал я таких Элвудов за свою долгую жизнь в Шоушенке. Такого рода малые хотят, чтобы вы думали, будто на каждом своем деле они наваривали миллионы и не стали бы стараться за что-то меньшее, чем королевский бриллиант. Даже если в результате их поймали на десятидолларовой мелочевке, за которую и посадили.

Была одна деталь в рассказе Томми, которая убедила Энди без тени сомнения. Блейч не описывал внешность Квентина. Он назвал его «богатым хером» и упомянул, что парень был инструктором гольфа. Когда-то давно Энди с женой выбирались в клуб пообедать, и случалось это пару раз в неделю на протяжении нескольких лет, а затем Энди частенько приходил туда выпить после того, как он узнал все о Линде. При клубе была дискотека, и в 1947 один из работавших там жокеев запомнился Энди. Он в точности соответствовал описанию Элвуда Блейча. Высокий крепкий мужчина, почти совсем лысый, с глубоко посаженными зелеными глазами. Он всегда смотрел так, будто оценивает вас взглядом. Он не проработал там долго, но Энди запомнил этого человека: он обладал слишком примечательной внешностью.

Энди явился к Нортону в дождливый ветреный день, когда большие серые облака ползли по небу над серыми стенами, в день, когда с полей, лежащих вокруг тюрьмы, сходил последний снег, обнажая безжизненные пожелтевшие клочки прошлогодней травы.

У Нортонa был солидных размеров офис в административном отделе тюрьмы, а прямо за его столом располагалась дверь, ведущая в комнату помощника коменданта. Помощник в тот день отсутствовал, а в его конторе был один из заключенных, убогий прихрамывающий тип, имя которого я уже не припомню. Все звали его Честером. Ему было поручено поливать цветы в помещении и натирать полы. И у меня есть сильное подозрение, что земля в цветочных горшках в тот день осталась сухой, а все, что Честер в тот день натирал — это собственное грязное ухо о замочную скважину.

Он услышал, как дверь, ведущая в кабинет коменданта из коридора, отворилась и захлопнулась, и Нортон сказал:

— Добрый день, Дюфресн, чем могу Вам помочь?

— Видите ли, — начал Энди, и старина Честер признавался нам, что едва смог узнать его голос. — Видите ли, комендант, произошло нечто... Со мной случилось нечто такое, что я... я затрудняюсь, с чего и начать.

— Ну что ж, почему бы Вам не начать сначала? — спросил Нортон своим елейным голоском, словно предназначенным для зачитывания псалмов. — Наверное, это будет лучше всего.

Энди так и поступил. Он напомнил Нортону подробности преступления, за которое попал в Шоушенк. Затем в точности пересказал всю историю, которую услышал от Томми Вильямса. Он назвал Томми, и возможно вам это покажется не слишком мудрым в свете последующих событий, но что ему оставалось делать? Ведь иначе его история звучала бы и вовсе неправдоподобно.

Когда он закончил, некоторое время Нортон молчал. Я ясно вижу его, откинувшегося на спинку кресла под портретом Рида, висящим на стене: пальцы сплетены, губы сжаты, лоб собран в морщины, почетный значок на груди тускло поблескивает.

— Да, — наконец произнес комендант, — это одна из самых дурацких историй, которую я когда-либо слышал. И знаете, Дюфресн, что меня больше всего удивляет?

— Что, сэр?

— Что Вы всему этому поверили.

— Сэр! Я не понимаю, что Вы хотите этим сказать? — Произнес Дюфресн, и Честер говорил потом, что он едва мог узнать голос человека, тринадцать лет назад справившегося с Байроном Хедлеем. Сейчас Энди с трудом выговаривал слова, голос его дрожал.

— Что ж, произнес Нортон, — для меня вполне очевидно, что этот молокосос Вильямс был Вами совершенно очарован. Попал под Ваше влияние, скажем прямо. Он услышал Вашу горестную историю, и вполне естественно с его стороны было желание как бы... оправдать Вас и приободрить. Вполне естественно. Он молод, не слишком рассудителен. Он никак не мог предвидеть, в какое состояние это Вас приведет. Все, что я могу предложить...

— Разве я бы об этом не подумал? — Перебил Энди. — Но я никогда не говорил Томми от том человеке, работавшем при клубе. Более того, никому не мог об этом говорить, в этом просто не было необходимости. Но описание сокамерника Томми и того парня, которого я помню... они же идентичны!

— Прекрасно, но теперь Вы склоняетесь к одностороннему восприятию действительности, — Ответил Нортон. Фразочки типа «одностороннее восприятие действительности» усваиваются в большом количестве людьми, проходящими обучение, чтобы потом работать в исправительных учреждениях. И они применяют эти словечки к месту и не к месту.

— Но это не так, сэр.

— Это Ваша точка зрения. Моя же принципиально иная. И учтите, что у меня нет никаких фактов, кроме Вашего слова, что действительно такой человек работал в клубе «Фальмауф Хилл».

— Нет, сэр, не только, потому что...

— Подождите, — остановил его Нортон, голос его становился все громче и уверенней, — давайте посмотрим на дело с другой стороны. Предположим на секунду, просто предположим, не более, что действительно существовал человек по имени Элвуд Блеч.

— Блайч, поправил Энди.

— Пусть Блейч, какая разница. И будем считать, что он действительно являлся сокамерником Томаса Вильямса в Роуд Айленд. Шансы очень высоки, что он сейчас уже на свободе. Более чем высоки. Ведь мы даже не знаем, сколько времени он провел в тюрьме, прежде чем попал в камеру Вильсона, не так ли? Известно только, что он был осужден на шесть лет.

— Нет. Мы не знаем, сколько времени он отсидел. Но я полагаю, есть шанс, что он все еще там. Даже если это не так, в тюрьме сохранились сведения о его последнем адресе, имена близких друзей и родственников.

— То и другое, как Вы понимаете, может ровным счетом ничего не значить. Концы в воду, и все тут.

Энди секунду помолчал, затем взорвался:

— Да, но есть шанс, так ведь?

— Да, конечно. Итак, Дюфресн, предположим далее, что Блейч не только существует, но и находится поныне в Роуд Айленд. И что же, по-Вашему, он скажет, когда мы придем к нему с показаниями Вашего Томми? Возможно, он упадет на колени, возведет глаза к небу и, рыдая, признается во всех своих грехах?

— Как можно быть настолько тупым? — пробормотал Энди так тихо, что Честер едва мог его слышать. Зато коменданта он услышал превосходно.

— Что?! Как Вы меня называли?!

— Тупым! — закричал в ответ Энди, — или это намеренно?

— Дюфресн, Вы отняли пять минут моего времени — нет, семь — а я сегодня очень занят. Итак, полагаю, нашу встречу можно объявить законченной и...

— В клубе хранятся все старые бланки и карточки, Вы хоть это понимаете? — продолжал кричать Энди. — У них и налоговые бланки, и В-формы, и компенсационные карточки для уволенных, и на каждой его имя! Кто-нибудь из администрации, кто работал в клубе прежде, остался там и сейчас! Возможно, и сам старик Бриггс, ведь прошло пятнадцать лет, а не вечность! Они вспомнят его! Если Томми подтвердит все, что рассказывал ему Блейч, и Бриггс удостоверит, что Блейч

действительно работал при клубе, мое дело возобновят! Я смогу...

— Охрана! Охрана! Уберите этого человека!

— В чем дело? — дрогнувшим голосом спросил Энди. — Это моя жизнь, моя возможность выйти на волю, Вы это понимаете? Почему бы не сделать всего лишь один запрос, чтоб подтвердить историю Томми? Послушайте, я заплачу...

Затем, по словам Честера, последовал легкий шум: охранники схватили Энди и потащили его прочь из кабинета.

— В карцер, — сухо сказал Нортон, и я представляю себе, как он при этом провел рукой по своему значку. — На хлеб и воду.

И Энди, окончательно вышедшего из-под контроля, увели. Честер говорил, что он слышал, как уже в дверях Энди продолжал кричать на коменданта:

— Это моя жизнь! Неужели не понятно, это моя жизнь!

Двадцать дней провел Энди на «диете Нортон». Это была его первая стычка с Сэмом Нортоном и первая черная отметка в карточке с тех пор, как он вступил в нашу маленькую счастливую семейку.

Расскажу теперь немного о Шоушенкском карцере, раз уж к слову пришлось. Эта старая добрая традиция восходит к началу девятнадцатого века. В те дни никто не тратил времени на такие вещи, как «искупление», «реабилитация» и прочую ерунду. Вещи подразделялись четко и ясно на черное и белое. Либо вы виновны, либо нет. Если виновны — вас полагается либо повесить, либо посадить в тюрьму. И если вы приговорены к лишению свободы, вас не будут отвозить в какое-то заведение, нет, вам придется рыть себе тюрьму своими руками, и власти провинции Майн выделяют для этого лопату. Вы выроете яму таких размеров, каких вам под силу, копая от восхода солнца до захода. Затем, получив пару шкур и корзину, вы спускаетесь вниз, а яму сверху накрывают решеткой, сквозь которую будут бросать немного зерен или кусочек червивого мяса, а по редким праздникам вас будут потчевать ячменной похлебкой. Испражняться придется в кор-

зину, а в шесть утра, когда приходит тюремщик, эту же самую корзину вы отдаете ему для воды. А в дождливую погоду приходится спасаться под ней от потоков воды.

Никто не проводил «в дыре» слишком долгое время — самое большее, насколько я знаю, тридцать месяцев. Это был четырнадцатилетний психопат, кастрировавший школьного товарища, но он был молод и здоров, когда его посадили.

Не забывайте при этом, что за любое более тяжелое преступление, чем пустячная кража или мелкое богохульство, вас повесят. А за такие мелкие преступления вы проводите три, или шесть, или девять месяцев в дыре, и выходите оттуда абсолютно бледным, полуослепшим, начинаете бояться открытого пространства, зубы ваши шатаются и готовы окончательно вывалиться, ноги покрыты грибком. Старая добрая провинция Майн...

Шоушенкский карцер являет собой некое более цивилизованное подобие средневековой тюрьмы... События в человеческой жизни развиваются в трех направлениях: хорошо, плохо и ужасно. И если вы углубляетесь в крошечную тьму ужасного, все труднее становится делать какие-либо различия.

Чтобы попасть в карцер, вы спускаетесь на двадцать три ступеньки в подвал. Единственный звук, проникающий туда — звук падающей воды. Все освещение представлено тусклой шестидесятиваттной лампочкой. Камеры там одиночные, они имеют форму бочонка, как те чуланчики, что богатые люди в своем доме скрывают за какой-нибудь картиной. Как и в чулане, двери раздвигающиеся, окон нет никаких, даже решетчатых, и единственное освещение — лампочка, которую выключают в восемь вечера, на час раньше, чем гасят огни в остальных помещениях тюрьмы. Вам приходится находиться в крошечной тьме, хотите вы этого или нет. В камере есть вентиляция, и можно слышать, как в вентиляционной системе шуршат и снуют крысы. В камере есть прикрученная к стене койка и большой кан без сидения. Таким образом, у вас есть возможность проводить время тремя способами: сидеть, испражняться или спать. Богатый выбор. Двадцать дней в

таком месте тянутся, как год, тридцать — как два года, сорок дней могут показаться десятилетием.

Единственное, что можно сказать в защиту одиночки — у вас появляется время подумать. Энди занимался этим все двадцать дней своего пребывания на «диете Нортон», а когда вышел, попросил о новом свидании с комендантом. Запрос был отклонен. Такая встреча, сказал комендант, будет «непродуктивна». Вот еще одно словцо, которому обучают на такого рода должности.

Энди терпеливо повторил свой запрос. И снова. И снова. Он действительно изменился, Энди Дюфресн. Той весной 1963 года на лице его появились морщины, а в волосах седые пряди. Исчезла та маленькая усмешка, которая всегда так восхищала меня. Он стал часто смотреть в пустоту, а я знаю, что когда у заключенного появляется такой взгляд, он считает оставшиеся годы в тюрьме, месяцы, недели, дни.

Энди возобновлял свой запрос снова и снова. Он был терпелив. У него не было ничего, кроме времени... Началось лето. В Вашингтоне президент Кеннеди обещал избирателям новое наступление на нищету и нарушения прав человека, не зная, что жить ему осталось всего полгода. В Ливерпуле появилась группа «Битлз» и стала популярна как одна из самых сильных музыкальных групп Англии, но я полагаю, в Штатах их еще не слушали. Бостонская команда «Ред Сокс» четыре года до того, что люди в Новой Англии назовут «Чудом-67», прозябала в бездействии в последних разрядах Американской Лиги. Вот что происходило в большом мире, где жили свободные люди.

Нортон встретился с Энди в конце июня, и подробности их разговора я узнал от самого Дюфресна спустя семь лет.

— Можете не волноваться, что я сболтнул что-нибудь, — говорил Энди Нортону тихим мягким голосом. — Информация о наших финансовых делах останется в тайне, я буду нем как рыба, и...

— Достаточно, — перебил его Нортон. Он откинулся в кресле так, что голова его почти касалась вышитых букв, оповещающих о грядущем пришествии. Лицо коменданта было холодней могильного камня.

— Но...

— Больше не упоминайте при мне о деньгах. Ни в этом кабинете, ни где-либо еще. Если Вы не хотите, конечно, чтобы библиотека опять превратилась в одну маленькую комнату типа чулана, как это было раньше. Надеюсь, это понятно?

— Я просто попытался Вас успокоить, только и всего.

— Учтем на будущее. И если я когда-нибудь еще буду нуждаться в успокоениях такого сукиного сына, я о них попрошу специально. Я согласился на эту встречу, потому что Вы утомили меня своими запросами, Дюфресн. Этому пора положить конец. Я выслушивал бы идиотские истории типа Вашей дважды в неделю, если бы пустил это дело на самотек. И каждый, кому не лень, использовал бы меня как жилетку, в которую можно поплакаться. Я раньше относился к Вам с большим уважением. Но теперь это закончилось. Вот и все. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Да, ответил Энди, — но я хотел бы нанять адвоката.

— О боже, и для чего?

— Думаю, мы можем это обсудить. С показаниями Томми Вильямса, моими показаниями и информацией, полученной из клуба, можно начать новое дело.

— Томми Вильямс выбыл из Шоушенка.

— Что?!

— Он был переведен.

— Переведен куда?

— Кешмен.

Энди замолчал. Его никто не назвал бы недостаточно сообразительным, но тут и круглый идиот мог бы догадаться, что дело нечисто. Кешмен — тюрьма к северу от Арустука, слабо охраняемая. Заключение часто посылаются на уборку картофеля, и это довольно тяжелая работа, но им выплачивают хороший заработок. А также у этих людей есть реальная возможность обучаться в CVI, престижном техническом институте, если у кого возникает желание. Что самое главное для таких людей, как Томми, людей с молодой женой и ребенком, отпускная программа в Кешмене довольно свободная. Что означает реальный шанс хотя бы по выходным жить как нормальный человек.

Воспитывать собственного ребенка, заниматься сексом с женой, даже ездить на пикник.

Нортон, несомненно, выложил все эти козыри перед ошалевшим Томми и потребовал взамен всего лишь одной маленькой услуги: не слова больше про Элвуда Блейча. Томми предстояло решать, отправляться ли ему в Кешман или оставаться здесь, где ему устроили бы действительно тяжкое существование и вместо секса с женой предложили бы секс с тремя-четырьмя сестрами.

— Но почему? — Спросил Энди. — Почему Вы...

— Да будет Вам известно, — спокойно продолжал Нортон, — что я связывался с Роуд Айленд. Там действительно содержался заключенный по имени Элвуд Блейч. Он был выпущен на свободу во время последней амнистии, знаете, эти идиотские правительственные программы, выдумка обезумевших либералов, позволяющая уголовникам спокойно разгуливать по улицам. Блейч исчез.

— Начальник той тюрьмы... не приходится ли Вам приятелем?

Сем Нортон одарил Энди ледяной улыбкой...

— Да, мы знакомы.

— Почему? — повторил Энди. — Скажите мне, зачем Вы это сделали? Я ни о чем бы не стал болтать, если бы вышел на свободу, это же очевидно. Так зачем же?

— Затем, что люди, подобные Вам, причиняют мне много расстройств и головную боль, — откровенно сказал Нортон. — Мне хорошо, что Вы находитесь здесь, в Шоушенке, мистер Дюфресн. И пока я нахожусь на посту коменданта, Вы на свободу не выйдете. Вы привыкли думать, что на голову выше всех окружающих. Это очевидно, для этого достаточно посмотреть хоть раз вам в глаза, и когда я впервые пришел в библиотеку, мне стало все очевидно. Ощущение собственного превосходства написано у Вас на лбу крупными буквами. Теперь Вы несколько изменились, и я этому рад. Не думайте, что Вы для меня чем-то полезны, вовсе нет. Просто такого человека не помешало бы поучить смирению. Вы привыкли шествовать по прогулочному двору так, как

будто это гостиная в доме Вашего приятеля, и Вы приглашены на вечерний коктейль. Знаете, такие очаровательные вечеринки, где всякий муж домогается чужой жены и все до одного напиваются безобразно пьяными. Но больше Вы не будете прогуливаться подобным образом, я в этом уверен. И буду следить на протяжении многих лет с большим удовольствием за тем, чтобы к Вам не вернулась прежняя самонадеянность. А теперь убирайтесь прочь.

— О'кей. Но знайте, Нортон, что вся моя активность в качестве Вашего личного экономиста сворачивается. И если Вы захотите впредь обходить налоги и сводить концы с концами, обращайтесь в консультацию. Возможно, Вам помогут.

Лицо коменданта на секунду стало красным от прихлынувшей крови, но затем прежний цвет вернулся к нему.

— Теперь Вы пойдете в карцер. Тридцать дней. На хлеб и воду. Вторая черная пометка в карточке. И пока Вы будете там сидеть, обдумайте мои слова: если Вы прекратите на меня работать, я приложу все усилия, чтобы библиотека вернулась в то состояние, в котором была до Вашего прихода. И сделаю Вашу жизнь тяжелой... Очень тяжелой. Уж будьте спокойны, это я обеспечить смогу. Вы потеряете свою одноместную камеру в пятом блоке, поступающих сейчас много, так что будете жить с соседом. Потеряете все ваши камешки, лежащие на окне, и лишитесь протекции охраны против гомосексуалистов. Вы лишитесь всего... Ясно? Думаю, Энди было ясно все.

Время шло — возможно, единственно невозполнимая, единственно ценная вещь в этом мире. Энди Дюфресн действительно изменился. Он продолжал делать грязную работу на Нортон и заниматься библиотекой, все шло по-прежнему. По-прежнему он заказывал выпивку на день рождения и Рождество, по-прежнему отдавал мне недопитые бутылки. Время от времени я доставал ему полировальные подушечки, и в 1967 я принес молоток: старый, который он получил девятнадцать лет назад, совсем истерся... Девятнадцать лет! Когда вы произносите эти слова, они звучат как захлопывание двери в гробницу

и дважды повернутый в замке ключ. Молоток, который тогда стоил десять долларов, теперь поднялся до двадцати двух, и мы с Энди печально улыбнулись, когда заключали сделку.

Энди продолжал обрабатывать камни, которые находил на прогулочном дворе. Правда, двор теперь стал меньше: половина его была заасфальтирована в 1962 году. В любом случае, Энди находил достаточно, чтобы ему было чем заниматься. Когда он заканчивал обрабатывать камень, помещал его на подоконник. Энди говорил мне, что он любит смотреть на камешки, освещаемые солнечными лучами, на кусочки планеты, которые он взял из пыли и грязи и отшлифовал до зеркального блеска. Аспидный сланец, кварц, гранит. Крошечные скульптуры, склеенные заботливыми руками Энди. Осадочные конгломераты, отполированные так, что можно было ясно видеть, что они составлены из слоев различных пород, отлагавшихся здесь на протяжении многих веков. Энди называл такие образцы «тысячелетние сэндвичи».

Время от времени Энди убирал некоторые камешки с подоконника, чтобы оставить место для новых. Большинство из тех камней, что покинуло его комнату, перешло ко мне. Считая те, самые первые, напоминающие запонки, у меня было пять экземпляров. Одна скульптура человека, мечущего копьё, два осадочных конгломерата, тщательно отполированных. У меня до сих пор хранятся эти камни, и я часто верчу их в руках, думая о том, сколь много может добиться человек, если у него есть время и желание.

Итак, все текло своим чередом. Если бы Нортон мог видеть, как изменился Энди в глубине души, он был бы доволен результатами своих трудов. Но для этого ему пришлось бы заглянуть чуть глубже, чем он привык.

Он говорил Энди, что тот идет по прогулочному двору, как по гостиной на званом ужине. Я называл такое поведение чуть иначе, но прекрасно понимаю, что именно имел ввиду комендант. Я уже говорил, что Энди носил свою свободу как невидимый пиджак, и хотя он находился за решеткой, никогда не походил на заключенного. Глаза его никогда не принимали отсутствующего тупого выра-

жения. Он никогда не ходил так, как большинство здесь — сгорбившись, вжав голову в плечи, тяжело переставляя ступни, словно они налиты свинцом. Нет, не такой была походка Энди: легкий шаг, расправленные плечи, будто он возвращается домой, где его ждет прекрасный ужин и красивая женщина вместо пресного месива из овощей, переваренной картошки и двух жирных жестких кусочков того, что скорее можно назвать пародией на мясо... Плюс картинка с Реквель Элч на стене. И за все эти четыре года, хотя Энди и не стал таким же, как остальные, он приутих, замкнулся в себе, стал более молчаливым и сосредоточенным. И кто может его винить? Разве что Нортон.

Мрачное состояние Энди прекратилось в 1967 году во время мирового чемпионата. Это был сказочный год, год, когда «Ред Сокс» стали победителями. Первое место вместо предсказываемого Лас Вегасом девятого. Когда это случилось — когда команда стала призером Американской лиги — невиданное оживление охватило всю тюрьму. Это была какая-то идиотская радость, странное ощущение, что если ожила безнадежная, казалось бы, команда — то шанс на воскресение есть у всякого. Теперь я едва ли смогу объяснить природу этого чувства, как бывший битломан не объяснит причин своего сумасшествия, когда оно уже прошло. Но тогда все это было вполне доступным и реальным. Всякое радио включалось на волну радиостанции, передающей чемпионат, когда играли «Ред Сокс». Жуткое уныние охватило публику, когда в Клевелэнд была пропущена под конец пара мячей, и идиотский взрыв буйного веселья последовал за решающим броском Рико Петросели, который решил исход игры. Затем, после поражения в седьмой игре чемпионата, «Ред Сокс» утратили свое магическое воздействие, и заключенные вновь впали в тягостное оцепенение. Подозреваю, как обрадовался этому Нортон. Проклятый сукин сын любил видеть вокруг себя людей с постными лицами, посыпающих головы пеплом, и на дух не переносил счастливых улыбок.

Что касается Энди, ему не было причин унывать. Возможно потому, что он никогда не был бейсбольным

фанатом. В любом случае, он сумел поймать то непередаваемое ощущение удачи, которое, казалось, потерял. Энди вытащил свою свободу, как невидимый пиджак, из пыльного шкафа — и примерил вновь...

Я вспоминаю один ясный осенний денек две недели после окончания чемпионата. Возможно, было воскресенье, потому что я помню множество людей, расхаживающих по двору, перекидывающихся мячиком, треплющихся друг с другом о всякой ерунде и заключающих сделки. Другие в это время сидели в зале для посетителей, общаясь с близкими под пристальным взглядом охранников, рассказывая с серьезным видом совершенно неправдоподобные сказки о своей жизни и радуясь передачам.

Энди сидел на корточках у стены, сжимая в руке подобранные им только что камешки. Лицо он поднял к солнцу и, зажмурившись, впитывал тепло его лучей. В тот день была на редкость ясная погода, это я помню точно.

— Привет, Ред, — окликнул он меня. — Подсаживайся, поговорим.

Я подошел.

— Хочешь? — Он протянул мне парочку тщательно отполированных «тысячелетних сэндвичей».

— Конечно. Чудные вещицы... Спасибо большое тебе.

Энди сменил тему:

— У тебя в следующем году знаменательная дата.

Я кивнул. В будущем году я отмечу тридцатилетие своего поступления в Шоушенк, шестьдесят процентов жизни проведено в тюрьме...

— Думаешь, ты когда-нибудь выйдешь отсюда?

— Разумеется. Когда у меня отрастет длинная седая борода, а старческий маразм разовьется настолько, что я уже не буду осознавать, в тюрьме я или на свободе.

Энди слегка улыбнулся и прищурился на солнце:

— Хорошо.

— Я думаю, в такой чудный денек почему бы не быть хорошему настроению.

Он кивнул, и некоторое время мы молчали.

— Когда я отсюда выйду, — наконец произнес Энди. — я поеду туда, где все время тепло.

Он говорил с такой уверенностью, как будто до освобождения оставалось не больше месяца. — И ты знаешь, Ред, куда я поеду?

— Понятия не имею, и куда же?

— Зихуатанезо, — ответил Энди, медленно, мягко выговаривая это слово, и оно звучало как музыка. — Недалеко от Мехико. Это маленькое местечко в двадцати милях от тридцать седьмой магистрали. Оно находится в сотне миль к северо-востоку от Акапулко в Тихом океане. Ты знаешь, что говорят мексиканцы о Тихом океане?

Я ответил, что не знаю.

— Говорят, у него нет памяти. Именно там я хочу провести остаток своих дней, Ред. В теплом месте, где исчезает память.

Энди забрал в ладонь горсть пыли, и теперь, продолжая говорить, отбирал камешки. Пару раз кварц вспыхнул под солнечными лучами.

— Зихуатанезо. Там у меня будет маленький отель. Шесть домиков вдоль побережья, и еще шесть — чуть по дальше около магистрали. У меня будет парень, который будет возить гостей на рыбалку. А для того, кто поймает самую большую рыбу сезона, будет учрежден приз, и его портрет я повешу в вестибюле. Это будет такое место, где стоит провести свой медовый месяц.

— И где ты собираешься взять денег для этого всего? Финансовые операции?

Он взглянул на меня и улыбнулся:

— В точку, Ред. Временами ты меня просто пугаешь.

— Так вот, слушай, — продолжал Энди, закуривая сигарету. — Когда случается что-нибудь скверное в этом суетном мире, люди делятся на две категории. Предположим, есть маленький домик, уютно обставленный и полный гениальных полотен и всякого антиквариата. И вот хозяин его услышал, что приближается ураган. Один из этих двух типов людей будет надеяться на лучшее. «Ураган свернет с пути, — говорит себе такой человек. — Было бы абсурдно уничтожить этот чудный дом и эти старые картины. Господь не позволит этого... Да если что и

случится, все имущество здесь застраховано». Это один сорт людей. А другой пребывает в уверенности, что ураган может идти прямо на него, и тогда разрушит все на своем пути. И даже если прогноз погоды утверждает, что ураган сменил путь, такой человек знает, что в любой момент он может вернуться вновь и сравнить его милый домик с землей. Такие люди отдают себе отчет в том, что стоит надеяться на лучшее, это еще никому не вредило... Но готовиться стоит к худшему.

Я зажег сигарету и спросил:

— Ты хочешь сказать, ты застраховался от неожиданности?

— Да, я подготовился к урагану. Я знаю, как скверно он выглядит. У меня было мало времени, но во все отведенное мне время я действовал. У меня был друг, единственный человек, который остался со мной. Он работал в инвестиционной компании в Портленде. Шесть лет назад он умер.

— Жаль.

— Да. — Энди отбросил окуроч. — У нас с Линдой было что-то около четырнадцати тысяч долларов — не много, но кое-что. Однако, черт, мы были молоды и не о чем не думали. Но когда начался ураган, я принялся вытаскивать свои картины в безопасное место. Я продал акции и честно заплатил весь налог, как примерный школьник. Внес в декларацию абсолютно все, ничего не скрыл.

— Они заморозили твой счет?

— Я был обвинен в убийстве, Ред, а не мертв! Невозможно заморозить имущество невинного человека. И слава богу. А это все было еще до того, как меня обвинили в преступлении. У нас с Джимом, тем моим другом, было немного времени. Я все быстро скинул по дешевке. Конечно, много проиграл на этом. Но тогда у меня были другие, гораздо более серьезные поводы для волнения.

— Да, пожалуй.

— Когда я попал в Шоушенк, все это оставалось в целости. Как и теперь. Там, за этими стенами, живет человек, которого никто никогда не видел в лицо. У него

есть карточка социальной безопасности и водительские права, полученные в Майне. А также свидетельство о рождении на имя Питера Стивенса. Превосходное имя, не правда ли?

— Кто он? — спросил я. Похоже, я знал, что ответит Энди, но не мог в это поверить.

— Я.

— Не станешь же ты говорить мне, что у тебя было достаточно времени, чтобы получить фальшивые документы, пока над тобой трудились копы. Или что ты оформил все это, находясь на судебном разбирательстве.

— Нет, этого я утверждать не стану. Мой друг Джим оформил все за меня. Он начал действовать после того, как отклонили мою апелляцию. Основные документы были в его руках до 1950 года.

— Он должен был быть тебе очень близким другом, — сказал я.

Не знаю, какой части из всего этого я поверил — всему, половине или же вовсе ничему. Но денек был теплый, солнце ясно светило, и все один черт — это была занимательная история.

— Ведь весь этот расклад на сто процентов нелегален.

— Он был близким другом. Мы вместе воевали. Франция, Германия, оккупация. Он был хорошим другом. Он знал, что в этой стране сделать фальшивые бумаги, хотя и не легально, легко и безопасно. Он взял мои деньги, все налоги на которые были выплачены так тщательно, что IRS было просто не к чему придраться. И вложил их на имя Питера Стивенса. Это было в 1950 и 1952 году. Сегодня по приблизительным расчетам там триста семьдесят тысяч долларов.

Наверное, у меня отвисла челюсть, потому что Энди улыбнулся, глядя на меня.

— Если я не умру здесь, возможно, у меня будет семь или восемь миллионов, «Роллс-Ройс» и все, чего я не пожелаю.

Ладонь его зачерпнула новую пригоршню камешков.

— Я надеюсь на лучшее, готовлюсь к худшему, и ничего, кроме этого. Фальшивое имя предназначено для того, чтобы сохранить этот маленький капитал.

Просто я перестраховывался и заранее выносил свои пожитки из дому. Но, к сожалению, я не знал, что ураган будет продолжаться так долго.

Я некоторое время молчал, пытаюсь осознать, что этот невысокий худощавый человек в сером тюремном костюме может обладать большей суммой денег, чем комендант Нортон соберет за всю свою гнусную жизнь, даже если вывернется наизнанку.

— Значит, ты не придурился, когда говорил, что можешь нанять адвоката. — Наконец вымолвил я. — За такие деньги можно пригласить Клеринса Дерроу, или кто там сейчас самый крутой вместо него. Почему ты до сих пор этого не делаешь? Ты бы вылетел из этой чертовой дыры как пуля.

— Не совсем так, — ответил Энди, слегка улыбаясь.

— Хороший адвокат вытащит Томми Вильямса из Кешмана и заставит его говорить, хочет тот или нет. Твое дело возобновят, ты наймешь частных сыщиков для поисков Элвуда Блейча и смешаешь эту суку Нортон с дерьмом. Почему бы нет, Энди?

— Потому, что я сам себя перехитрил. Если я когда-нибудь попробую наложить лапу на деньги Питера Стивенса, находясь здесь, я потеряю все до цента. Это мог сделать Джим, однако он мертв. Видишь, в чем проблема?

Я видел: эти деньги так много могли дать Энди, но получалось так, будто они принадлежат другому лицу. И если отрасль, в которую они вложены, придет в убыток... Все, что остается Энди — наблюдать за курсом акций на страницах «Пресс-геральд», будучи не в силах сделать хоть что-нибудь. Хреновое положение, скажу я вам.

— И еще тебе кое-что скажу, Ред. В городке Бакстоне есть скошенный луг. Ты же знаешь, где находится Бакстон?

Я знал.

— Вот и хорошо. В северном углу лужка расположен большой камень, на котором выбито стихотворение Роберта Фроста. Около основания большого камня расположено вкрапленное в него вулканическое стекло, которое

до сорок седьмого года было моим пресс-папье. Джим вставил этот камешек в большой валун на лугу. Под ним лежит ключ от депозитного ящика в Портлендском банке.

— Ну и попал же ты в переделку, — сказал я. — Когда умер твой друг, IRS вместе с исполнителем его завещания вскрыл все депозитные ящики.

Энди улыбнулся:

— Все не так плохо. Мы позаботились о такой возможности. Ящик зарегистрирован на имя Питера Стивенса, и каждый год компания юристов, являющаяся исполнителем завещания Джима, посылает в банк чек. Рента вносится исправно.

Питер Стивенс находится в этой коробке, и рано или поздно он выйдет наружу. Водительские права просрочены на шесть лет, потому что Джим умер шесть лет назад, но ничего не стоит восстановить их за пять долларов. В коробочке также расположены биржевые сертификаты и два десятка тысячедолларовых облигаций.

Я присвистнул.

— Питер Стивенс надежно заперт в ящике портлендского банка, а Энди Дюфреш еще более надежно заперт в Шоушенке. Вот ведь в чем проблема. А ключ, которым можно открыть ящик с документами, деньгами и новой жизнью, находится под черным стеклом на Бакстонском лугу. Скажу больше, Ред, последние двадцать лет я с необычайным интересом проглядывал газеты, выискивая в них все новости, касающиеся новых строительных проектов в Бакстоне. И в один прекрасный день, подозреваю, мне придется прочитать, что через луг проложили магистраль или начали строить там новый госпиталь или универмаг, похоронив мою новую жизнь под десятью футами бетона.

— О боже, Энди, если все это так, как ты еще не сошел с ума?

Он улыбнулся:

— Все спокойно на западном фронте.

— Но возможно, через годы...

— Да, возможно. Но есть вероятность, что я окажусь на свободе чуть раньше, чем этого хотят государство и

Нортон. Я не могу позволить себе ждать долго. Я думаю о Зихуантанезо и своем отеле. Это все, чего я теперь хочу от жизни. Я не убивал Глена Квентина, и жену свою тоже не убивал, и этот отель... не так уж многое из всего, что может хотеть человек. Купаться, загорать и спать в комнате с открытыми окнами... не так уж это много. Естественное человеческое желание.

Он отбросил свои камешки и продолжил, глядя мне в глаза, довольно бесцеремонно:

— А знаешь, Ред, в этом месте мне непременно понадобится человек, умеющий крутиться и доставать вещи.

Я долгое время думал об этом разговоре. И почему-то мне даже не казалось абсурдным, что мы обсуждали такие проекты на вонючем тюремном дворе под пристальными взглядами вооруженных до зубов ребят на вышках.

— Не могу, — ответил я. — Там я ничего не могу. Я привык к своей несвободе. Здесь я человек, который может все — по крайней мере, многое. Но там, на свободе, мои способности не будут нужны никому. И если ты хочешь купить открытки или полировальные подушечки, у тебя всегда под рукой каталоги любого крупного универмага. Здесь я выступаю в роли этого чертового каталога. А там... просто непонятно, с чего начать. И непонятно, как.

— Не приуменьшай своих достоинств. Ты самоучка, человек, который всего в жизни добился сам. Совершенно замечательный человек, на мой взгляд.

— О дьявол, у меня нет даже диплома высшей школы.

— Я знаю. — Ответил Энди. — Но не бумажка создает человека. И не тюрьма его уничтожает.

— За пределами этих стен я буду ничем, Энди. Это точно.

Он встал.

— Обдумай мои слова, — негромко произнес он и пошел прочь, как если бы один деловой человек на свободе сделал конкретное предложение другому деловому человеку. И на какое-то мгновение я действительно почувствовал себя свободным. Да, Энди может делать чудеса. Благодаря ему я на время забыл о том, что оба

мы осуждены пожизненно, забыл о ребятах на вышках и коменданте-баптисте, которому нравится Энди Дюфреш, находящийся в Шоушенке, и нигде больше. Ведь Энди для него — как домашняя зверушка, обученная заполнять ведомости и проводить счета. Совершенно замечательное создание!

Но ночью в камере я вновь стал заключенным. Идея была совершенно абсурдной, но она зацепила мое воображение, как крючок. Видение голубой воды и белого песчаного пляжа теперь было скорее жестоким, чем идиллическим. Я не умел носить тот невидимый пиджак, что отличал Энди от всех нас. Я провалился в мучительный скверный сон. Я видел огромный черный камень в форме гигантской наковальни посреди луга. Я пытался поднять его, чтобы вытащить ключ, но чертов валун был необыкновенно тяжел, и я даже не сдвинул его с места. И где-то вдали слышался лай ищеек...

Теперь, думаю, стоит немного рассказать о побегах. Конечно, они случаются время от времени в нашей милой семейке. Через стену, конечно, вы не перепрыгнете при всем своем старании. Прожектора освещают пространство всю ночь, протягивая длинные белые пальцы через поля, которые окружают тюрьму с трех сторон, и зловонное болото с четвертой стороны. Заключенные иногда перебираются через стену и всегда попадают под луч прожектора. Даже если этого не происходит, копы подбирают беднягу, пытающегося голосовать на шестой или девятой магистрали. Если они пытаются пробираться сквозь фермерские угодья, кто-нибудь непременно позвонит в тюрьму и сообщит местонахождение беглеца. Те ребята, которые пытаются бежать через стены, просто кретины. В сельской местности человек, бегущий по полям в сером тюремном костюме, находится в худшем положении, чем таракан, забравшийся на блюдо с пирогом посреди стола.

Ребята, которые действуют оптимально, всегда согласуются с требованиями момента. Они просто ловят счастливый случай и применяют всю свою сообразительность, чтобы его не упустить. Многие бежали в грудах белья из прачечной, что машина вывозит за ворота тюрьмы. Когда

я еще только попал в Шоушенк, таких случаев было много, и поэтому теперь администрация стала более бдительно следить за этой лазейкой.

Знаменитая программа Нортон «Путь к искуплению» породила новые варианты побега. Нет ничего проще, чем аккуратно прихватить грабли и пойти прогуляться в кустах, пока охранник отходит за стаканчиком воды или двое охранников увлечены перебранкой так, что мало что вокруг себя замечают.

В тысяча девятьсот шестьдесят девятом заключенных отправили на картошку. Было уже третье ноября, и вся работа была выполнена почти до конца. Один из охранников по имени Генрих Пух — теперь он уже выбыл из нашей счастливой семейки — сидел на бампере комбайна и спокойно завтракал, положив карабин на колени. И тут из осеннего легкого тумана реализовалась десятидолларовая купюра. Она медленно кружилась в морозном воздухе, и Пух решил, что в его бумажнике эта штука будет смотреться куда лучше. Пока он сосредоточил свое внимание на том, чтобы поймать бумажку, улетающую от него в слабом осеннем ветерке, трое заключенных тихо смылись. Двоих из них вернули. Третий не найден по сей день.

Но самый знаменитый случай, наверное, это побег, который совершил Сид Недью. Дело было в 1958 году. Сид линовал бейсбольное поле для предстоящего в субботу матча, когда послышался свисток, извещающих охрану о том, что уже три часа и пришла новая смена. Когда ворота открылись, отдежуривший патруль направился к выходу, а охранники, заступающие на смену, пошли на тюремный двор. Как всегда, смена охраны сопровождалась громкими приветствиями, похлопываниями по спине, бородатыми шутками... Сид просто развернул линовочную машину в направлении ворот и поехал, оставляя за собой белую полосу на протяжении всего пути до ямы, находящейся уже далеко за пределами тюремной территории, где перевернутая машина была обнаружена в груде известки. Понятия не имею, как ему это удалось. Он просто ехал на этой штуковине, оставляя за собой клубы известковой

пыли. Был ясный денек, охранники, покидающие тюрьму, были рады наконец уйти, а их сменщики были слишком огорчены тем, что заступают на работу, и никто из них не дернулся вовремя, чтобы остановить линовочную машину, к тому же совершенно невидную в клубах пыли. И пока все эти парни отряхивались и чихали, Сиды и след простыл.

Насколько мне известно, он и теперь на свободе. Мы с Энди часто смеялись на тему этого грандиозного побега, и когда слышали об угоне аэроплана, из которого один парень ухитрился выпрыгнуть с парашютом, Энди готов был биться об заклад, что настоящее имя этого малого — Сид Недью.

— И наверняка он прихватил с собой пригоршню известковой пыли на счастье, — говорил Энди. — Везучий сукин сын!

Но вы понимаете, что такие случаи, как Сид Недью с тем приятелем, который спокойно ушел с картофельного поля, очень редки. Столько счастливых совпадений должны предшествовать такой удачной попытке, а такой человек, как Энди, не может ждать десятки лет, пока предоставится шанс.

Возможно, вы помните, я упоминал парня по имени Хенлей Бакус, бригадира в прачечной. Он пришел в Шоушенк в 1922 году и умер в тюремном лазарете тридцать один год спустя. Побег и попытки к побегу были его хобби. Возможно потому, что он никогда не пытался проделать этого сам. Он вывалит перед вами сотню различных схем, все совершенно сумасшедшие, и все рано или поздно были кем-то испробованы в Шоушенке. Мне больше всего нравилась байка о Бивере Моррисоне, который в подвале фабрики попробовал из каких-то отходов смастерить глайдер. Эта штука действительно должна была летать: он пользовался чертежами из старой книжки под названием «Занимательные технические опыты для юношества». В соответствии с рассказом, Морисон построил глайдер, и его не обнаружили. Только он, к сожалению, обнаружил, что в подвале нет дверей таких размеров, через которые можно вывести проклятую штуковину наружу.

И таких историй Хенлей знал две дюжины, не меньше. Однажды он говорил мне, что за время его пребывания в Шоушенке он слышал более чем о четырехстах попытках бежать из тюрьмы. Только подумайте об этой цифре — четыреста попыток! Это выходит по двенадцать целых девять десятых на каждый год, который провел в нашей тюрьме Хендлей Бакус. Можно основывать клуб «лучший побег месяца». Конечно, большинство из них были совершенно непродуманными и идиотскими и заканчивались примерно так: охранник хватает за руку какого-нибудь беднягу и вопрошает: «Куда это ты собрался, кретин, мать твою так?!»

Хендлей сказал, что классифицирует как серьезные чуть более шестидесяти попыток. И он включает сюда знаменитое дело тридцать седьмого года, когда строился новый административный корпус, и четырнадцать заключенных сбежали, воспользовавшись плохо запертым оборудованием. Весь южный Майн впал в панику по поводу четырнадцати «жутких уголовников», большинство из которых были до смерти напуганы и имели какие-то соображения, куда им теперь податься, не более чем кролик, выскочивший вдруг на оживленную трассу под свет фар бешено несущихся машин. Никто из четырнадцати не смог уйти. Двое были застрелены — жителями, а не полицией и не персоналом тюрьмы — и ни один не ушел.

Сколько побегов происходило между 1937 годом, когда я попал в Шоушенк, и тем октябрьским днем, когда мы говорили о Зихуантанезо? Складывая свою информацию с информацией Хендлея, я полагаю, что десять. Десять вполне успешных. Но я предполагаю, что не меньше половины из этих десяти теперь сидят в других заведениях типа Шоушенка. Потому что к неволе привыкаешь. Когда у человека отнимают свободу и приучают его жить в клетке, он теряет способность мыслить как прежде. Он как тот самый кролик, испуганно вжимающийся в асфальт, по которому несутся машины. Чаще всего эти ребята заваливаются на каком-нибудь небрежно сработанном деле, у которого не было ни шанса на успех... И все почему?

Потому, что они просто хотят за решетку, туда, где надежнее и спокойнее.

Энди таким не был, а вот я был. Идея увидеть Тихий океан звучала прекрасно, но действительно оказаться там... Эта мысль меня до смерти пугала.

В любом случае, в день того разговора о Мехико и Питере Стивенсе я поверил, что у Энди есть план побега. Я молил Бога, чтобы он был осторожен, если это так. И все равно я не стал бы биться об заклад, что у него большие шансы на успех. Нортон пристально следил за Энди, не спуская с него глаз. Энди для него не был обыкновенным двуногим существом с номером на спине, как другие заключенные. У Энди были мозги, которые Нортон хотел использовать, и дух, который он хотел сломить.

Если за тюремными стенами в свободном мире где-то есть честные политики, то наверняка есть и честные охранники в тюрьме. И они не покупаются. Но ведь встречаются среди охраны и ребята с другими взглядами на жизнь, и если у вас достаточно здравого смысла и денег, кто-нибудь вовремя закроет глаза — и успех вашего побега обеспечен. Не стану говорить, что никто никогда не пользовался таким способом. Но он был явно не для Энди: бдительность Нортон была известна всем охранникам, и собственная шкура и работа были им все же дороги.

Никто не собирался посылать Энди в группе, задействованной в программе «Путь к искуплению», куда-либо за ограду Шоушенка. По крайней мере, пока списки групп подписывал Нортон. И Энди не был таким человеком, который мог бы воспользоваться способом Сида Недью.

Был бы я на его месте, мысль о ключе бесконечно угнетала бы меня. Каждую ночь я едва ли мог бы сомкнуть глаза и видел бы кошмарные сны. Бакстон менее чем в тридцати милях от Шоушенка. Так близко и в то же время так далеко!

Я оставался при своем мнении, что лучше всего пригласить адвоката и требовать пересмотра дела. Хоть как-то вырваться из под контроля Нортон. Возможно, Томми Вильямсу действительно заткнули рот этой чер-

товой отпускной программой. Но я не уверен. Скорее всего, крутой мужик из адвокатуры Миссисипи, поработав немного, сумеет Томми расколоть. И вряд ли ему придется слишком долго трудиться: мальчик был искренне привязан к Энди. Неоднократно я приводил все доводы, снова и снова повторял, что это лучший шанс на успех, а Энди только улыбался, говоря, что он над этим подумает.

Как выяснилось, он много над чем думал в те дни...

В 1975 году Энди Дюфресн сбежал из Шоушенка. Его не вернули, и я уверен, этого никогда не произойдет. Да и вряд ли сейчас где-нибудь существует такой Энди Дюфресн. Но я более чем уверен, что в Зихуантанезо живет человек по имени Питер Стивенс. Владелец небольшого отеля на тихоокеанском побережье.

Двенадцатого марта 1975 года двери камер в пятом блоке открылись в шесть часов тридцать минут утра, как каждое утро, кроме воскресенья. Как обычно, заключенные вышли в коридор, двери камер гулко захлопнулись за их спинами, а затем, выстроившись по двое, заключенные пошли к дверям блока. Там два охранника должны сосчитать своих подопечных, прежде чем отправить их в столовую на скромный завтрак, состоящий из овсянки, яичницы-болтуньи и жирного бекона.

Все шло как обычно, пока охранники не окончили счет. Двадцать шесть человек вместо двадцати семи. Заключенные пятого блока были отправлены на завтрак, а о случившемся сообщили капитану охраны.

Капитан, в общем-то неглупый и славный малый по имени Ричард Ганьяр, и его ублюдский ассистент Дейв Беркс зашли в пятый блок, открыли двери камер и медленно пошли по коридору, держа наготове дубинки и пистолеты. В таких случаях, когда кого-то недосчитались, обычно обнаруживается какой-нибудь бедняга, заболевший так тяжело, что он не может подняться на ноги. Реже оказывается, что кто-нибудь умер или покончил жизнь самоубийством.

Но на этот раз случилось нечто совершенно неожиданное: ни больного, ни мертвого человека охранники не

нашли. Вообще никого. В пятом блоке четырнадцать камер, семь по одну сторону коридора и семь по другую, и все совершенно пустые.

Первое предположение Ганьяра, и вполне разумное: произошла ошибка при счете. Поэтому вместо того, чтобы пойти на работу после завтрака, заключенные пятого блока были приведены обратно в камеры, совершенно довольные происходящим. Любое нарушение надоевшего распорядка всегда желанно. Двери камер открылись, заключенные вошли, двери захлопнулись. Какой то клоун крикнул:

— Эй, ребята, сегодня вместо работы по распорядку онанизм?

Беркс: — Заткнись немедленно, или я тебе сейчас вставлю ума.

Клоун: — Жене твоей я вставлял, Беркс.

Ганьяр: — Заткнитесь все немедленно, очень вам рекомендую.

Они с Берксом пошли вдоль коридора, считая всех по головам. Далеко идти не пришлось.

— Это чья камера? — Спросил Ганьяр ночного охранника.

— Энди Дюфресн, — пробормотал охранник, и эти два слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Надоевший порядок окончательно рухнул.

Во всех фильмах я видел, что как только обнаруживают побег, начинаются завывания сирен и прочие шумовые эффекты. В Шоушенке никогда такого не происходило. Первое, что сделал Ганьяр, это связался с комендантом. Во-вторых, приказал обыскать тюрьму. В-третьих, предупредил полицию о возможности побега заключенного.

Все это было простое следование инструкции. Не было никогда никакой необходимости обыскивать камеру беглеца, да никто этого и не делал. Зачем попусту тратить время? Вы увидите все ту же надоевшую картину: маленькая комнатуха с решетками на двери и окне, койкой, ну еще блестящие камушки на подоконнике.

И, конечно, плакат. На этот раз Линда Рондстадт. Открытка привешена прямо над койкой, на том же самом

месте, где одна красавица сменяла другую на протяжении 26 лет. И если бы кто-нибудь заглянул за картинку, его хватил бы удар.

Но это произошло только ночью, спустя двенадцать часов после того, как обнаружилось отсутствие Энди, и не менее двадцати часов после того, как он совершил побег.

Нортон просто взбесился.

Информацию о происходящем в его кабинете я получал все из того же надежного источника: от старины Честера, натирающего полы в административном корпусе. Только в тот день ему не пришлось полировать ухом замочную скважину: крики коменданта были слышны по всей тюрьме.

— Вы с ума сошли, Ганьяр! Что вы подразумеваете, когда говорите, что он «не обнаружен на территории тюрьмы»? Что это значит? Это значит, что Вы не нашли его! Лучше найдите! Ей-Богу, это будет лучше для Вас! Я этого хочу, слышите?!

Ганьяр что-то ответил.

— Что значит «не в Вашу смену»? Никто не знает, когда это случилось. И как. И случилось ли вообще. Так вот, в 15.00 он должен быть у меня в офисе, или полетят головы. Уж это я обещаю! И я всегда выполняю свои обещания!

Какая-то реплика Ганьяра, провоцирующая Нортон на настоящий взрыв.

— Что?! Да Вы посмотрите сюда! Сюда, я говорю! Узнаете?! Рапорт ночной смены пятого блока. Все заключенные на месте! Дюфресн был закрыт в камере в девять вечера, и то, что сейчас его там нет — невозможно! невозможно, понимаете? Немедленно его найдите!

Но в 15.00 Энди в офисе Нортон не было. Комендант самолично ворвался в пятый блок, где все мы были заперты на целый день, несколько часов спустя. Задавали ли нам вопросы? Мягко сказано. Мы только тем и занимались в этот день, что отвечали на бесконечные вопросы нервничающих озлобленных охранников, которые чувствовали, что им скоро не поздоровится. Все мы говорили одно и то же: ничего не видели, ничего не слышали. И насколько я знаю, все мы говорили правду. Я в том числе. Все мы сказали слово в слово одно: Энди был на месте,

когда запирали камеры и гасили огни. Один парень с невинным видом заявил, что видел, как Энди пролезает в замочную скважину, и эта фраза стоила ему четырех дней карцера. Нервы у всех были на пределе.

Итак, к нам спустился сам Нортон. Его голубые глазки побелели от ярости и, казалось, могли бы высекать искры из прутьев решетки. Он смотрел на нас так, как будто думал, что мы все заодно. Могу спорить, он был в этом уверен.

Он вошел в камеру Энди и огляделся. Камера была все в том же состоянии, в каком ее оставил Энди: кровать расстелена, но не похоже, чтобы на ней сегодня спали. Камни на подоконнике... но не все. Один, который Энди больше всего любил, он забрал с собой.

— Камни, — прорычал Нортон, сгреб их в охапку и выбросил в окно. Ганьяр вздрогнул, но ничего не сказал. Взгляд Нортон остановился на открытке. Линда оглядывалась через плечо, держа руки в задних карманах облегających бежевых слаксов. Майка-топ подчеркивала великолепный бюст и нежную гладкую кожу с темным калифорнийским загаром. Для Нортон с его баптистскими воззрениями такая девица была исчадием ада. Глядя на него в эту минуту, я вспомнил, как Энди когда-то сказал, что может пройти сквозь картинку и стать рядом с девушкой.

В точности так он и поступил, как Нортон обнаружил парой секунд позже.

— Какая пакость! — Прошипел комендант, сорвав картинку со стены резким жестом.

И обнажил довольно большую зияющую дыру в бетоне, которая была скрыта за плакатом.

Ганьяр отказался залезать в эту дыру.

Нортон приказывал ему — Боже, это надо было слышать, как Нортон во весь голос орал на капитана — а Ганьяр просто отказывался, да и все тут.

— Уволю! — Вопил Нортон. Более всего он напоминал в этот момент истеричную бабу. Все спокойствие было окончательно утеряно. Шея покраснела, на лбу вздулись и пульсировали две вены. — Вы ответите за это,

Вы... Вы, француз! Лишиться работы, и я уж послежу за тем, чтобы ни одна тюрьма в окрестности не приняла такого кретина!

Ганьяр молча протянул коменданту служебный пистолет. С него было достаточно. Уже два часа, как закончилась его смена, шел третий час, и все это ему порядком надоело. События развивались таким образом, будто исчезновение Энди из нашей маленькой семьи толкнуло Нортон на грань ненормальности... Он был просто сумасшедшим в ту ночь. Двадцать шесть заключенных прислушивались к грызне Нортон и Ганьяра, пока последний свет падал с тусклого неба, какое бывает поздней зимой. И все мы, долгосрочники, которые видели не раз смену администрации и перепробовали на своей шкуре все новые веяния, все мы сейчас знали, что с Самуэлем Нртоном случилось то, что инженеры называют критическим напряжением.

И мне казалось, что я слышу далекий смех Энди Дюфресна.

Нортон наконец получил добровольца из ночной смены, который согласился лезть в дыру, открывшуюся за плакатом. Это был охранник Тремонт, бедняга, который явно не стоял в очереди, когда Господь раздавал мозги. Возможно, ему пригрезилось, что он получит бронзовую звезду или нечто в этом роде. Как выяснилось, это оказалось большой удачей, что в лаз проник человек примерно того же роста и комплекции, что и Энди. Если бы туда полез охранник с толстой задницей, каковых большинство, могу биться об заклад, что он бы торчал там и поныне.

Тремонт полез внутрь, держась за конец нейлонового шнура, который кто-то нашел в багажнике своего автомобиля. Шнур для надежности обмотали вокруг талии охранника, в руку сунули мощный фонарь. Затем Ганьяр, который передумал уходить в отставку и который был единственным мыслящим человеком из присутствующих, откопал кипу распечаток, являющих собой план тюрьмы. Я прекрасно себе представляю, что он там увидел. Тюремная стена в разрезе смотрелась как сэндвич: вся она

была толщиной в десять футов, внешняя и внутренняя секции были по четыре фута каждая, между ними оставалось свободное пространство в два фута. В чем и заключался весь фокус.

Приглушенный голос Тремонта донесся из дыры: — Здесь что-то скверно пахнет, комендант.

— Не обращайтесь внимания! Продвигайтесь вперед. Ноги Тремонта исчезли в дыре.

— Комендант, здесь жутко воняет.

— Вперед, я сказал! — Заорал Нортон.

Едва слышный печальный голос Тремонта:

— Пахнет дерьмом. О Боже, это оно, дерьмо, это же дерьмо! О Господи Иисусе. Сейчас меня стошнит. Дерьмо. Ведь это дерьмо. Боже...

После чего последовал характерный звук, свидетельствующий о том, что желудок бедняги выворачивается наизнанку.

Я ничего не мог с собой поделывать. Весь последний день — нет, все последние тридцать лет с их событиями — все стало вдруг на свои места, ясно, как Божий день, и я расхохотался. У меня никогда не было такого смеха с тех пор, как я переступил порог этого чертова места. И Боже, как мне было хорошо!

— Уберите этого человека! — Орал Нортон, а я смеялся так, что совершенно не мог понять, имеет ли он ввиду меня или Тремонта. Я свалился с ног и корчился на полу камеры, не в силах остановиться. Я не смог бы прекратить смеяться, даже если бы Нортон приказал пристрелить меня на месте.

— Уберите его!

Да, друзья, это было про меня. Убрали меня непосредственно в карцер, где я и провел последующие пятнадцать дней. Срок довольно долгий. Но как только я вспоминал о стенаниях бедняги Тремонта — «Дерьмо, Боже мой, это дерьмо» — и представлял Энди Дюфресна, направляющегося к югу в собственной машине, в костюме и при галстуке, я начинал хохотать. Все пятнадцать дней я просто стоял на голове. Возможно потому, что какая-то часть моего существа была сейчас с Энди Дюфресном. С

Энди, который прошел через дерьмо и вышел чистым, с Энди, едущим к океану.

Я услышал о том, что происходило в остаток той ночи из полдюжины различных источников. Дело на этом не закончилось. Очевидно, Тремонт решил, что ему нечего терять после того, как он потерял недопереваренный ужин, потому что он решил продолжить. Не было опасности провалиться между внутренними и внешними секциями стены. Пространство было настолько узким, что Тремонту приходилось силой пропихивать себя вниз. Позже он говорил, что едва мог переводит дыхание и что это напоминало погребение заживо.

Внизу он обнаружил канализационную трубу, которая обслуживала четырнадцать туалетов пятого блока, керамическую трубу, установленную 33 года назад. В ней была пробита дыра, внутри которой Тремонт нашел молоток Энди.

Энди вышел на свободу, но это было нелегко.

Труба была даже уже, чем промежуток между стенами. Тремонт внутрь не полез, и на сколько я знаю, на это не отважился никто. Пока Тремонт обследовал дыру в трубе, из нее выскочила крыса, и охранник позже клялся, зверюга был размерами со щенка спаниеля. Тремонт в два счета взобрался по шнуру обратно в камеру, ловко, как обезьяна.

Энди вышел через трубу. Возможно, он знал, что она оканчивается на западной стороне тюрьмы в пяти сотнях ярдах от ее стен. Я думаю, знал. Существовали эти карты, и Энди наверняка мог найти способ взглянуть на них. Он был методичен. Он узнал, что сточная труба, обслуживающая пятый блок — единственная в Шоушенке не реконструированная по новому образцу, и он знал, что в августе 1975 года будет установлена новая канализационная система. Поэтому бежать надо было сейчас или никогда.

Пять сотен ярдов. Длина пяти футбольных полей. Он полз, сжимая в руке свой любимый камешек, а возможно, еще пару книг и спички. Полз сквозь зловоние, которое я боюсь себе даже представить. Крысы выскакивали перед его носом и следовали за ним, а в темноте они всегда

наглеют. Возможно, где-то ему приходилось протискиваться сквозь сужающуюся трубу, опасаясь, что он останется здесь навсегда. Если бы я был на его месте, клаустрофобия довела бы меня до сумасшествия. Но он все прошел до конца. Через две мили от тюрьмы была найдена его униформа, и было это только днем позже. Газетчики, как вы можете предположить, ту же принялись раздувать историю. Но ни один человек в радиусе пятнадцати миль от тюрьмы не пожаловался на угон автомобиля, кражу одежды. Никто не сообщил о том, что видел голого человека, бегущего в лунном свете. Даже собаки не лаяли во дворах. Энди вышел из канализационной трубы и таинственным образом исчез, словно растворился в воздухе. Но я могу спорить, что растворился он в направлении Бакстона.

Три месяца прошло с того памятного дня, и комендант Нортон взял отставку. Но без радости могу добавить, что он был совершенно раздавленным человеком к этому времени. В последний раз он выходил из тюремных ворот ссутулившись, ковыляющей походкой, как старый больной заключенный ковыляет в лазарет за своими каплями. Комендантом стал Ганьяр, и для Нортонa это было худшее, чего только можно было ожидать. Насколько я знаю, Сэм Нортон и теперь живет в Элиоте, исправно посещает воскресные церковные службы. Его не покидают тягостные мысли об Энди Дюфресне, какого-то черта взявшем над ним верх. Все просто, Сэм: это должно было произойти. Имея дело с таким человеком, как Энди, следовало знать, что это должно произойти.

Вот все, что я знаю. Теперь попробую изложить свои предположения. Не знаю, насколько они могут оказаться близки к истине в деталях. Но могу спорить, что общую линию я уловил верно. И когда я теперь думаю об этом, я вспоминаю Нормандена, придурочного индейца.

— Славный малый, — говорил Норманден после восьми месяцев проживания с Энди. — Но я был рад оттуда съехать. Такие сквозняки в камере. Все время холодно. Он не позволяет никому трогать свои вещи. Хороший человек. Но такие сквозняки... Бедняга Норманден знал

больше, чем все мы. Прошло восемь долгих месяцев, прежде чем Энди смог снова остаться один в своей камере. Если бы не эти восемь месяцев, которые Норманден провел с ним, Энди был бы на свободе еще до того, как Никсон стал президентом.

Я полагаю, все началось в 1949 — не с молотка даже, а с Риты Хейворт. Я уже описывал, каким нервным показался мне Энди, когда разговаривал со мной в кино-театре. Тогда я подумал, что это просто смущение, что Энди из тех людей, которые не хотят, чтобы окружающие знали, что они тоже из плоти и крови и тоже могут хотеть женщину. Но теперь я знаю, что ошибался, возбуждение Энди имело совсем другую причину.

Что привело к появлению того лаза, который Нортон обнаружил за фотографией девочки, которая даже не родилась в те далекие дни, когда Энди принес в камеру Риту Хейворт? Долгий труд и тщательный расчет Энди, этого у него не отнимешь. Но было еще кое-что: удача и те свойства, которыми обладает бетон. Что такое удача, объяснять не нужно. Насчет бетона я писал даже в Майн-ский университет и получил адрес человека, который мог ответить на интересующие меня вопросы. Он был автором проекта строительства Шоушенской тюрьмы.

Корпус, содержащий третий, четвертый, пятые блоки, был построен с 1934 по 1937 год. Теперь не принято считать цемент и бетон «техническим достижением», как автомобили и ракеты, но это не верно. До 1870 года не было современного цемента, и до начала нашего столетия не было современного бетона. Смешивать компоненты для бетона — такая же непростая задача, как выпекать хлеб. Вы можете взять слишком много или слишком мало воды, передозировать песок или выбрать его неподходящего качества. И в 1934 году в этой области не было накоплено достаточно опыта, чтобы бетон всегда выходил качественно.

Стены пятого блока достаточно твердые, но не достаточно сухие. Точнее говоря, чертовски отсыревшие. Время от времени в них появляются трещины, некоторые очень глубокие, к этому мы давно уже привыкли, и трещины регулярно замазываются. И вот в блоке появился

Энди Дюфресн. Человек, который окончил Майнский университет по экономическому профилю и был бизнесменом, но заодно окончил два или три геологических курса. Геология была его главным хобби. Это вполне соответствовало его скрупулезной, педантичной натуре. Тысячелетние ледники. Миллионы лет горообразования. Движущиеся глубоко под земной корой тектонические плиты, которые на протяжении тысячелетий перемещались, наталкивались друг на друга, образуя кору. Давление. Энди как-то сказал мне, что геология заключается в изучении давлений.

И, конечно, время.

У него было много времени на изучение этих стен. Когда захлопывалась дверь камеры и гасли огни, просто не на что было смотреть.

Новички всегда трудно адаптируются к тюремной жизни. У них начинается нечто вроде горячки. Особо нервных приходится даже пичкать успокоительными в лазарете, чтобы они пришли в норму. Довольно обычным занятием для нас, стариков, является слушать крики какого-нибудь бедняги, только вчера попавшего в нашу милую семейку. Он бьется о прутья решетки и кричит, чтобы его выпустили, и по блоку проносится слух: «Новенький попался».

Энди не выкидывал никаких штук, когда попал в Шоушенк в 1948, но это не значит, что он не испытывал тех же переживаний. Он находился на грани сумасшествия, возможно, и он сумел удержаться на этой грани и не потерять рассудок. Хотя это так тяжело, когда старая жизнь рушится в одно мгновение, и начинается долгий кошмар, жизнь в аду.

И что же он сделал? Он стал искать какого-нибудь занятия, чегонибудь, что помогало бы убить время и дать пищу для деятельности сознания. В тюрьме можно найти множество разнообразных способов развлечься; похоже, что человеческий мозг бесконечно изобретателен и имеет неограниченные возможности, когда дело касается развлечений. Я уже рассказывал о скульпторе, создавшем «Три возраста Иисуса». Многие собирают колекцию монет, и их всегда крадут. Кто-то коллекционирует марки, и я знаю

одного парня, у которого были почтовые открытки из 35 стран мира. И он отвернул бы голову тому, кто посмел бы тронуть его коллекцию.

Энди интересовался камнями. И стенами своей камеры.

Я думаю, первоначально его намерения заходили не слишком далеко. Разве что выбить свои инициалы на стене. Или, может быть, несколько строчек стихотворения. Вместо того все, что он обнаружил, был удивительно мягкий бетон. Возможно, с первого же удара молотка от стены откололся хороший кусок. Я представляю себе, как Энди лежит на своей койке, вертит в руках кусок бетона и задумчиво его разглядывает. На секунду стоит забыть о том, что Вы находитесь в проклятой Богом дыре, что вся прошлая жизнь дала трещину и разлетелась на мелкие кусочки. Обо всем этом сейчас лучше не думать и внимательно посмотреть на этот кусок бетона.

Через несколько месяцев он решил, что будет забавно посмотреть, какое количество бетона он сможет вытащить, выбить из стены. Но нельзя ведь начать долбить стену вполне откровенно. И потом, когда придет недельная проверка (или одна из тех неожиданных проверок, которые вечно обнаруживают у заключенных травку и порнографию) просто сказать охраннику: «Это? Просто я ковырял маленькую дырочку в стене. Пустяки, не обращайтесь внимания».

Нет, так он поступить не мог. Поэтому он пришел ко мне и спросил, нельзя ли достать плакат с Ритой Хейворт. Большой экземпляр.

И, конечно, тот самый молоток. Помню, когда я доставал его в 1948 году, я подумал, что уйдет шесть сотен лет на то, чтобы пробить такой штуковиной стену. Вполне резонно. Но Энди пришлось проходить только половину стены, да еще из довольно мягкого бетона, и на это ушло всего лишь 27 лет и два истершихся молотка.

Большую часть одного из этих лет пришлось потратить на Нормандена. К тому же Энди приходилось работать ночью, когда все, включая охранников ночной смены, спят. Но я подозреваю, что более всего работу замедляя необходимость куда-то девать вынутые из стены куски.

Приглушить звук молотка можно было с помощью полировальных подушечек, но что делать с раскрошившимся бетоном и попадающемся гравием?

Помню одно воскресенье вскоре после того, как я принес Энди молоток. Помню, как я смотрел на Энди, идущего по двору. Вот он останавливается, подбирает камушек... и тот исчезает в рукаве тюремной куртки. Такой карман в рукаве — старый тюремный трюк. В рукаве или в штанинах брюк. Помню и другое свое наблюдение. Энди Дюфресн прогуливался по двору в жаркий летний день, когда вокруг нег Энди легкий ветерок, казалось, поднимал и кружил песчинки и пыль.

Стало быть, у него была пара потайных карманов. В них набивался раскрошенный цемент, и как только Энди оказывался в сравнительной безопасности, и никто не наблюдал за ним довольно пристально, он выпускал цементную пыль. Старый трюк, который применяли пленники времен второй мировой войны, устраивающие подкопы.

Проходили годы, и Энди понемногу выносил свою разрушавшуюся стену на тюремный двор. Он участвовал в махинациях каждой новой администрации, и все думали, что он это делает потому, что хочет расширять библиотеку. Несомненно, в этом была доля истины, и довольно большая. Но главное заключалось в том, что Энди хотел оставаться один в четырнадцатой камере пятого блока.

Не знаю, были ли у него реальные планы побега. Или, по крайней мере, надежда на побег. Возможно, он считал, что стена более чем твердая и длинной 10 футов. И если даже он пройдет этот путь, то выйдет наружу в тридцати футах над прогулочным двором. Но как я уже сказал, не думаю, чтобы он как-то беспокоился и особо задумывался на этот счет. Его мысли могли течь по следующему руслу: я прохожу всего фут стены за семь лет, значит, наружу смог бы выйти только лет через семьдесят, в сто один год, но и черт с ним со всем, будь что будет.

Посмотрим, как развиваются события дальше. Энди знает, что если его увлечение обнаружат, он получит изрядный срок карцера и черную отметку в карточке. А

так как регулярные проверки происходят каждую неделю, а неожиданная может придти в любой момент, и чаще всего это происходит ночью, то все это не может продолжаться слишком долго. Рано или поздно какой-нибудь охранник может заглянуть за картинку, чтобы проверить, не прячет ли там Энди остро наточенную ручку алюминиевой ложки или сигарету с травой. И Энди сделал из этого игру: поймают или не поймают? Тюрьма — чертовски скучное место, и возможность нарваться на ночную комиссию в то время, как Рита Хейворт снята со стены, как всякий риск, вносила некий интерес и разнообразие в жизнь заключенного на протяжении первых лет.

Думаю, что с помощью одного везения ему не удалось бы продержаться двадцать семь лет. Но первые два года — до мая 1950, когда произошел эпизод с Байроном Хедлемом — надеяться приходилось только на везение.

Кроме того, конечно, у него были деньги. Можно было каждую неделю распространять между дежурными охранниками небольшую сумму, чтобы они не слишком тщательно обыскивали его камеру во время проверок. Охранники не особо усердствуют в таких случаях: деньги у них в кармане, и пусть себе заключенный спокойно курит свои сигареты или развешивает картинки. К тому же, Энди всегда был паинькой. Тихий, хладнокровный, корректный, он вовсе не напоминал тех дебоширов, к которым проверка приходит чаще, чем к остальным, переворачивает подушки и проверяя канализационную трубу.

Тогда, в 1950, Энди стал чем-то большим, чем просто примерным заключенным. Он стал заметной фигурой, человеком, который умеет обращаться с бухгалтерией. Он оформлял счета, давал советы по планированию вложений, заполнял бланки договоров по займу и аренде. Я помню, как однажды Энди сидел в библиотеке, терпеливо прорабатывая параграф за параграфом соглашение о прокате автомобиля с начальником охраны. Он рассказывал во всех подробностях, что в договоре хорошо и что плохо, объясняя непонятные термины и предостерегая от операций с финансовыми компаниями, которые

отличались от сидящих в Шенке грабителей только тем, что были официально зарегистрированы и признаны. Когда он окончил, начальник начал было протягивать ему руку для пожатия... и быстро отдернул ее обратно. На секунду он забыл, что находится в тюрьме и имеет дело с заключенным.

Энди был в курсе всех изменений в законах о налогообложении и ситуаций на рынке акций, поэтому его активность как знающего специалиста не прекратилась после того, как его заперли в каменный мешок, как это могло бы произойти. Он был полезен для администрации. Поэтому война с сестрами прекратилась, библиотека росла, и камера по-прежнему была в распоряжении Энди. Он был очень полезным ниггером. Им было выгодно видеть его счастливым.

Однажды в октябре 1967 года простое развлечение, долгое хобби превратилось в нечто иное. Ночью, когда Энди, просунувшись в дыру уже по талию, продолжал крошить стену, молоток внезапно ушел в бетон по самую рукоятку.

Энди вытащил, возможно, несколько обломков, но он услышал, как другие провалились в полость, гулко ударившись о трубу внизу. Знал ли он к этому времени, что наткнется на пространство между стенами или же был удивлен? Понятие не имею. Не знаю, была ли у него возможность до этого дня ознакомиться с планом тюрьмы. Если нет, будьте уверены: на следующий же день он это сделал.

Тогда Энди понял, что он играет уже не в детские игрушки. Что ставки слишком высоки: его свобода, его жизнь. Даже тогда он не был вполне уверен в успехе, но идея побега уже пришла ему в голову, потому что именно в это время мы впервые говорили о Зихуантанезо. Вместо того, чтобы оставаться простым вечерним развлечением, этот лаз сделался его хозяином, если Энди к этому времени знал уже о канализационной трубе и о том, что она выведена за стены тюрьмы.

На протяжении многих лет он беспокоился о своем ключе, лежащем под камнем в Бакстоне. Волновался, что

какой-нибудь крутой охранник из новеньких устроит у него тщательный обыск и заглянет за плакат, или что придет новый сокамерник. Все эти вещи действовали ему на нервы на протяжении восьми лет. Все, что я могу сказать по этому поводу: он — самый хладнокровный человек из мне известных. Я бы просто свихнулся от такой неопределенности. Но Энди продолжал свою игру.

Он вынужден был мириться с тем, что в любой момент его тайна раскроется, но боги были добры к нему на протяжении всего этого долгого времени.

Самое забавное, что можно только себе представить, если бы его амнистировали. Ведь три дня после того, как решение об освобождении принято, заключенный проводит в менее охраняемом корпусе, проходя физические, психические, профессиональные тесты. Пока он там, его камеру полностью освобождают от вещей хозяина и готовят для нового жильца. Поэтому вместо освобождения Энди получил бы довольно долгий срок в карцере, а потом поднялся бы по все тем же ступеням, но уже в другую камеру.

Если он вышел на полость в 1967, почему же ничего не предпринимал до 1975?

Точно не знаю, могу лишь кое-что предполагать.

Во-первых, он должен был стать еще более осторожным. Он был слишком умен, чтобы сломя голову броситься осуществлять свои замыслы и попытаться выйти наружу в восемь месяцев или даже в восемнадцать. Он должен был расширять свой лаз понемногу. Отверстие размером с чашку, когда он заказал свою новогоднюю выпивку в тот год. Размером с тарелку к тому времени, когда он отмечал день рождения в 1968. И уже довольно большой ход в 1969, когда начался бейсбольный сезон.

К тому времени он стал продвигаться гораздо быстрее, чем раньше. Вместо того, чтобы измельчать куски бетона и выносить пыль во двор в потайных карманах, можно было просто выбрасывать их в полость. Возможно, он так и делал, а может, и нет, ведь шум мог бы возбудить подозрения. Или, если он уже знал о трубе, то мог бояться, что падающий вниз обломок бетона пробьет ее раньше

времени. Канализационная система блока выйдет из строя, что повлечет за собой расследование, и его ход будет непременно обнаружен.

Несмотря на все это, к тому времени, как Никсон был избран во второй раз, ход сделался настолько большим, что Энди спокойно мог проникнуть в него.

Почему же он этого не сделал?

Здесь сколько либо обоснованные предположения заканчиваются, и остаются только смутные догадки. Конечно, лаз мог быть засорен внизу осколками стены, и его надо было расчистить. Но эта операция не могла занять много времени. Что же тогда?

Мне кажется, Энди испугался.

Я уже описывал, как привыкает человек к несвободе. Сперва вы не можете находиться среди этих четырех стен, затем понемногу к ним привыкаете, начинаете принимать их как нечто естественное... И наконец, тело ваше и сознание на столько приспособляются к клетке, что вы начинаете ее любить. Здесь вам указывают, когда надо есть, когда писать письма, когда курить. Когда вы работаете, то пять минут каждый час вам выделяется на то, чтобы справить свою нужду. Мой перерыв приходился на двадцать пятую минуту каждого часа, и это было на протяжении тридцати пяти лет. Поэтому единственное время, когда я мог захотеть в туалет, приходилось на двадцать пятую минуту. А если я по каким-то причинам туда не шел, на тридцатой минуте нужда проходила... До двадцать пятой минуты следующего часа.

Возможно, Энди тяготил страх оказаться за пределами тюремных стен, этот обычный для всякого заключенного синдром.

Сколько ночей провел он, лежа на койке под своим плакатом, раздумывая о канализационной трубе и своих шансах благополучно сквозь нее пробраться? Распечатки указали ему местоположение и радиус трубы, но никак нельзя было узнать, что находится внутри — не задохнется ли он, не будут ли крысы настолько велики, чтобы нападать на него, а не убегать, а главное, что он найдет на дальнем конце трубы, когда до него доберется? Ведь

могла бы выйти даже более забавная история, чем с амнистией: Энди пробивает отверстие в трубе, ползет пять сотен ярдов, задыхаясь в зловонной темноте, и видит крупную металлическую сетку или фильтр на другом конце трубы. Забавная ситуация, не правда ли?

Все эти вопросы постоянно волновали его. И даже если все закончится благополучно и Энди вылезет из трубы, сможет ли он найти гражданскую одежду и исчезнуть незамеченным ни полицией, ни фермерами? Даже если все это произойдет, и он будет далеко от Шоушенка прежде, чем поднимут тревогу, доберется до Бакстона, найдет нужный луг, перевернет камень... а там ничего? Нет даже необходимости в таком драматическом развитии событий, как придти на нужное место и увидеть вместо луга новый супермаркет. Может все оказаться еще проще: какой-нибудь ребенок, любитель камней, увидит вулканическое стекло, вытащит его, обнаружив ключ, и унесет то и другое в качестве сувениров... да все, что угодно, может произойти.

Итак, мне кажется, что Энди просто на некоторое время затих. Что он мог потерять, спросите вы? Во-первых, библиотеку, и потом, привычную подневольную жизнь. И любой будущий шанс воспользоваться своими документами и деньгами.

Но в результате он решился, и преуспел.

Но действительно ли ему удалось убежать, спросите Вы? Что произошло потом? Что случилось, когда он перевернул камень... Даже если предположить, что камень был все еще на месте?

Я не мог описать эту сцену, потому что все еще сижу в четырех стенах своей камеры, и вряд ли скоро покину Шенк.

Но кое что я знаю. Пятнадцатого сентября 1975 года я получил почтовую открытку из маленького городка Мак Нери, штат Техас. Город расположен на американской стороне границы. Та сторона открытки, где полагается писать, была абсолютно пуста. Но я все понял.

Именно там он переходил границу. Мак Нери. Штат Техас.

Вот и вся моя история. Я никогда не задумывался о том, сколь долгой она получится и сколько страниц займет. Я начал писать сразу после того, как получил открытку, и закончил сегодня, 14 января 1976 года. Я использовал уже три карандаша и полную упаковку бумаги. Рукопись я тщательно прячу... Да и вряд ли кто-нибудь сможет прочитать эти каракули.

Ты пишешь не о себе, — говорю себе я. — Ты пишешь об Энди, а сам являешься лишь второстепенным персонажем своего рассказа. Но знаете, каждое слово, каждое чертово слово этого рассказа все-таки обо мне. Энди — это часть меня, лучшая часть, которая обрадуется, когда тюремные ворота откроются наконец, и я выйду на свободу. В дешевом костюме, с двадцатью долларами в кармане. Эта часть моей личности будет радоваться независимо от того, насколько старой, разбитой и напуганной будет оставшаяся половина.

Здесь есть и другие заключенные, которые, подобно мне, помнят Энди. Мы счастливы, что он ушел, но и печальны. Некоторые птицы не предназначены для того, чтобы держать их в клетке. Их оперение блистает сказочными красками, песни их дикие и сладкозвучные. Лучше дать им свободу, иначе однажды, когда вы откроете клетку, чтобы покормить птицу, она просто выпорхнет. И какая-то часть вас будет знать, что все происходит так, как и должно, и радоваться. Но дом ваш опустеет без этого чудного создания, жизнь станет более скучной и серой.

Вот и все, что я хотел рассказать вам. И я рад, что мне это удалось, даже если мой рассказ где-то оказался непоследовательным и бессвязным, и если эти воспоминания сделали меня чуть печальнее и даже старше. Благодарю за внимание. И Энди, если ты действительно сейчас на свободе — а я верю, что это так, — погляди за меня на звезды после заката, набери полную пригоршню песка, брось ее в прозрачную чистую воду и вдохни за меня полной грудью воздух свободы.

Я никогда не подозревал, что снова возьмусь за свою рукопись, но вот передо мной лежат разбросанные по столу страницы, и я хочу к ним добавить еще несколько.

Я буду писать их на новой бумаге, которую я купил в магазине. Просто пошел в магазин на Конгресс Стрит и купил.

Я думал, что закончил свой рассказ в Шоушенской тюрьме январским днем 1976 года. Сейчас май 1977, и я сижу в маленькой дешевой комнатухе отеля «Брюстер» в Портленде.

Окно открыто нараспашку, и доносящийся с улицы гул машин кажется мне очень громким, волнующим, будоражащим сознание. Я постоянно выглядываю в окно, чтобы убедиться, что на нем действительно нет решетки. Ночью я плохо сплю, потому что кровать в моем дешевом номере кажется слишком большой и непривычно роскошной. Я вскакиваю в шесть тридцать каждое утро совершенно растерянный и испуганный. Мне снятся дурные сны, и постоянно возникает чувство, что свобода моя вот-вот исчезнет, и это ужасно.

Что со мной случилось? Я был выпущен из тюрьмы. После тридцати восьми лет подъемов и отбоев по звонку я оказался свободным человеком. Они решили, что в возрасте пятидесяти восьми лет после долгой тюрьмы я слишком стар и разбит, и совершенно безопасен для общества.

Я едва не сжег рукопись. Выходящих на свободу заключенных обыскивают так же тщательно, как новичков, попадающих в тюрьму. А моя рукопись содержит в себе достаточно взрывоопасных вещей, чтобы стоить мне других шести или восьми лет заключения. А главное, название города, где находится сейчас Энди Дюфресн. Мексиканская полиция с удовольствием объединит свои усилия с американской, и я не хочу, чтобы мое нежелание расставаться с записями, которым я отдал столько времени и энергии, стоило Энди его свободы.

И вот я вспомнил, каким способом Энди пронес в тюрьму пятьсот долларов, и вынес свои исписанные листки точно так же. Для перестраховки я тщательно вымарал название Зихуантанезо и имя Питера Стивенса. Если записи бы даже обнаружили, я вернулся бы в Шенк еще на некоторое время, но Энди бы никто найти не смог.

Комитет по освобождению дал мне работу в большом продовольственном магазине на Спрус Малл в Портленде. Я стал посыльным. Есть только два типа мальчиков на побегушках, насколько известно: мальчишки и старики. Если вы делали закупки на Спрус Малл, возможно, я даже относил вашу корзинку к автомобилю. Но только если это происходило между мартом и апрелем 1977 года, поскольку именно в этот период я там и работал.

Сперва я думал, что никогда не приспособлюсь к жизни за стенами Шенка. Я описывал тюрьму как уменьшенную модель общества, но никогда не представлял себе, как интенсивно развиваются события и как быстро движутся люди в большом мире. Они даже говорят быстрее. И громче.

Теперь мне приходится проходить период адаптации, и он еще не закончился. Например, меня смущают женщины. На протяжении сорока лет я успел забыть, что они тоже являют собой половину рода человеческого. И вот внезапно я оказался в магазине, переполненном женщинами. Старые леди, беременные женщины в майках со стрелочками, указывающими на живот и надписью «беби здесь»... Женщины всех возрастов и форм. Я большую часть времени находился в легком смущении и ругал себя за это: «Прекрати глазеть по сторонам, грязный старикашка!»

Другой пример — необходимость отлучиться в туалет или ванную. Когда мне приходило такое желание (обычно это случалось на двадцать пятой минуте часа по старой привычке) мне приходилось бороться с непреодолимым желанием спросить разрешение у босса. Одно дело знать, что я могу обойтись без чьего либо разрешения на эти вещи в свободном мире. Другое дело — выработавшаяся за долгие годы привычка доложить о своем уходе ближайшему охраннику: уклонение от этого правила могло стоить двух дней карцера.

Мой босс меня не любил. Он был молод, лет двадцать шесть или двадцать семь. Я видел, что вызываю у него отвращение, которое может вызывать подползающий к вам на брюхе, чтобы его погладили, старый пес. Боже, я

и сам себе был отвратителен. Но ничего не мог с собой поделать. Я хотел сказать ему: «Вот что делает с человеком жизнь, проведенная в тюрьме. Она превращает каждого вышестоящего в хозяина, а тебя делает псом. Но там, за решеткой, когда все вокруг тебя находятся в том же положении, это не имеет большого значения. А здесь становится заметным». Но я не мог сказать ему этих слов, да и зачем? Все равно он никогда не поймет меня, как и мой инспектор, огромный тип с густой рыжей бородой и богатым набором шуток о поляках. Он встречался со мной минут на пять каждую неделю.

— Остаешься по эту сторону решетки, Ред? — спрашивал он, когда запас шуток иссякал. Я отвечал утвердительно, и мы расставались до следующей недели.

Музыка по радио. Когда я попал в Шенк, музыкальный бум только начинался. Теперь же было множество групп вокруг самых разнообразных направлений. Казалось, все только и поют, что о страхе. Возможно, это мне только казалось... Много машин и очень оживленное движение на улицах. Первое время когда я переходил улицу, то чувствовал себя так, будто жизнь моя висит на волоске.

Было много всего, чего и не опишешь, но думаю, суть вы уловили. Я начал было подумывать о возвращении в старый добрый Шенк. Когда вас только освободили, нет ничего проще. стыдно признаться, но я намеревался даже украсть выручку в своем магазине... В общем, что угодно, чтобы попасть обратно туда, где день регламентирован и все предписано и известно заранее.

Если бы я не был знаком с Энди, я бы так и поступил. Но я вспоминал о том, как долгие годы этот человек терпеливо пробивал стену тюрьмы, чтобы выйти на свободу. И мне становилось стыдно. Да, вы можете сказать, что у него было больше причин, чем у меня, желать освобождения. У него были новые документы и уйма денег. Но это не совсем так. Он не мог быть уверен, что документы все еще на месте, а без документов и деньги находились за пределами досягаемости. Нет, он просто хотел на свободу. И поэтому мое трусливое желание вернуться в клетку было просто предательством.

Тогда в свободное от работы время я начал ездить в маленький городок Бакстон. Было начало апреля 1977 года, уже теплело, снег сходил с полей, бейсбольные команды уехали на север, чтобы открыт новый сезон единственной богоугодной, по-моему, игры. Когда я отправлялся в эти поездки, в правом кармане у меня всегда лежал компас.

В Бакстоне есть большой луг. На его северной стороне лежит валун. В него вставлен камешек, не имеющий отношения к Майнскому лугу. Вулканическое стекло.

Идиотская идея, скажете вы. Сколько лужаек в маленьком провинциальном городишке? Сотня? По моему собственному опыту могут сказать, что даже больше. Стоит еще посчитать те, которые были обработаны после того, как Энди попал в тюрьму. И если даже найду нужное место, то не факт, что узнаю его. Потому что кусочек вулканического стекла можно проглядеть. Или Энди мог забрать его с собой.

Да, я с вами соглашаюсь. Затея глупая и даже опасная для бывшего заключенного, потому что некоторые из этих лужков обнесены теперь оградой с табличкой «вход воспрещен». А как я уже говорил, вас всегда рады упрятать обратно за решетку по любому пустячному поводу. Дурацкая идея... Впрочем, не более, чем пробивать дырку в стене на протяжении двадцати семи лет. И если вы перестали быть значимой персоной, человеком, который может все достать, и стали просто старым мальчиком на побегушках, то замечательно будет завести себе какое-нибудь хобби. Моим хобби стали поиски камня Энди.

Итак, я ездил в Бакстон и прогуливался о дорогам. Я слышал пение птиц, наблюдал, как с полей сходит снег, обнажая прошлогоднюю траву и валяющиеся тут и там обрывки газет, консервные банки, бутылки. Все бутылки непригодны к возвращению; удивительно расточительным стал этот мир... И конечно, я искал лужайки. Большинство из них отпадало сразу. Никаких валунов. Или же компас указывал мне, что валун лежит не на том краю. Я проходил мимо. Эти прогулки были довольно приятны, я

действительно ощущал спокойствие, умиротворенность, свободу. В одну субботу меня сопровождала какая-то дворняжка, а однажды я увидел вышедшего из-за деревьев оленя.

Затем наступило двадцать третье апреля, день, который останется в моей памяти, даже если я проживу еще пятьдесят восемь лет. Была суббота, и я шел по направлению Олд Смит Роуд, следуя совету мальчишки, рыбачившего на мосту. Я взял с собой немного бутербродов в коричневом пакете нашего магазина и позавтракал, сидя на обочине дороги. Потом я встал, аккуратно закопал пакеты, как учил меня папенька, когда я был не старше этого рыбака, и пошел дальше. Часа в два дня я увидел слева от себя большой луг. Большой валун лежал в точности на северной стороне луга. Я пошел к нему, хлюпая по весенней грязи. Белка внимательно глядела на меня с ветки дуба.

Обойдя валун, я увидел у его основания камешек. Тот самый, ошибки быть не могло. Черное стекло, гладкое, как шелк. Камешек, не имеющий никакого отношения к этому лугу. Долгое время я стоял и просто смотрел на него, чувствуя, что сейчас могу заплакать. Сердце мое бешено билось.

Когда я почувствовал, что немного взял себя в руки, я приблизился к камню и дотронулся до него. Он был реальный. У меня и в мыслях не было брать его: я был уверен, что в тайнике уже ничего нет, и спокойно мог бы пойти домой, так и не обнаружив ничего. И ни в коем случае не стал бы я уносить с собой — это было бы хуже воровства. Нет, я просто взял его в руки, чтобы лучше ощутить его реальность, чтобы окончательно понять, что это не галлюцинация. Долгое время я не двигаясь смотрел на то, что лежало под камнем. Глаза мои все видели, но мозг был не в состоянии что-либо понять. Там лежало послание, аккуратно запечатанное в пластиковый пакет для предохранения от сырости. На нем каллиграфическим почерком было выведено мое имя. Я взял письмо и вернул на место камень.

«Дорогой Ред,

Когда ты читаешь эти строки, ты уже дышишь вольным воздухом. Так или иначе, ты вышел на свободу. Теперь, возможно, ты запомнил название города? Мне очень нужен такой человек, как ты, чтобы помочь наладить мое дело.

Пропусти теперь стаканчик виски и обдумай это предложение. Помни, что надежда — хорошая вещь, возможно, даже лучшая из всех. Она не умирает. Я буду надеяться, что это письмо найдет тебя, и все будет хорошо.

Твой друг,
Питер Стивенс.»

Я не стал читать письмо прямо на лугу. Меня охватил ужас, и захотелось немедленно убежать отсюда, пока меня никто не увидел.

Я вернулся в свою комнату и прочитал его там. С кухни доносился запах дешевых обедов — Бифарони, Нудл Рони... Могу спорить, что все, что сейчас едят в Америке пожилые люди с ограниченным доходом, оканчивается на «рони».

Я вскрыл пакет и прочитал письмо. Потом уронил голову на руки и заплакал. К письму были приложены двадцать пятидесятидолларовых чеков.

И вот я сижу за столом в своей дешевой комнатухе отеля «Брюстер» и думаю, что делать дальше. Кажется, я слегка обойду закон. Нарушение условия освобождения. Преступление не слишком тяжкое: инспектор будет недоволен, но засад на дорогах никто выставять не станет.

Передо мной эта рукопись. На кровати валяется весь мой багаж, уместающийся в чемоданчике размеров с докторский. В кармане девятнадцать пятидесятидолларовых бумажек, четыре десятки, пятерка, три доллара и всякая мелочь. Я разменял одну из пятидесяток, чтобы купить упаковку бумаги и курево.

Я раздумывал, как быть дальше. Но на самом деле никаких сомнений не было. Всякий выбор сводится к одному простому вопросу: быть или не быть, жить или существовать.

Сперва я положу рукопись в чемоданчик. Затем закрою его, возьму пальто, спущусь по ступенькам и покину этот клоповник. Я пойду в бар, положу перед барменом пять долларов и закажу две порции «Джек Даниэль» — одну для меня, и другую для Энди Дюфресна. Если не считать того пива на крыше фабрики, это будет первая моя выпивка с 1938 года. Затем я поблагодарю бармена и оставлю ему доллар на чай. Я пойду к станции Грейхаунд, где куплю билет до Эль Пассо. Там я пересяду на автобус до Мак Нери. Когда я приеду в этот городишко, там уже будет видно, сможет ли такой старый плут, как я, пересечь мексиканскую границу.

Я запомнил это название: Зихуантанезо. Такое название трудно забыть.

Я чувствую прилив энергии, я настолько возбужден, что едва могу держать карандаш в дрожащей руке. Я думаю, такое возбуждение может испытывать только свободный человек, отправляющийся к океану.

Я надеюсь, Энди сейчас там.

Надеюсь, я смогу пересечь границу.

Надеюсь увидеть моего друга и пожать ему руку.

Надеюсь, что Тихий океан такой же голубой, как в моих снах...

Я надеюсь.

БАБУЛЯ

БАБУЛЯ

Мама Джорджа пошла к двери, но остановилась у порога и, поколебавшись, вернулась. Она взъерошила волосы сыну:

— Я не хотела бы, чтоб ты волновался. Все будет в порядке. И Бабуля тоже.

— Конечно, все будет о'кей. Передай Бадди, чтобы держал хвост пистолетом.

— Что-что, извиняюсь?

Джордж улыбнулся:

— Пусть будет паинькой.

— А, забавно. — Она улыбнулась рассеянно: — Джордж, ты уверен...

— Все будет ОТЛИЧНО.

«Уверен — в чем? Что не боишься остаться один с Бабулей? Она это хотела спросить?» Если это, ответ будет, конечно, отрицательным. В любом случае, сейчас ему уже не 6 лет, как тогда, когда они только переехали в Майн, чтобы ухаживать за Бабулей. Он заплакал, когда Бабуля оторвала свои тяжелые полные руки от белого кресла, пропахшего яйцами-пашот и сладкой пудрой, которую мама втирала в морщинистую кожу старухи. Бабуля подняла руки, ожидая, что он подойдет к ней, чтобы заключить его в объятия, прижать к своему огромному тяжелому телу — а он разревелся. Бадди подошел — и ничего, остался жив... но Бадди на 2 года старше. А теперь он сломал ногу и лежит в госпитале в Левинстоне.

— У тебя есть номер телефона доктора, если ВДРУГ что-то произойдет. Но он, надеюсь, не понадобится, так?

— Разумеется, — ответил Джордж и почувствовал сухой комок в горле. Он улыбнулся. Выглядит ли эта улыбка естественной? Да, конечно. Разумеется. Он ведь вовсе не боится Бабули. И ему уже далеко не 6 лет. Маме нужно пойти в больницу навестить Бадди. А он должен остаться здесь и быть умницей. Остаться с Бабулей — пожалуйста, без проблем.

Мама опять направилась к двери и, поколебавшись, снова вернулась, улыбаясь своей рассеянной, никому особо не адресованной улыбкой:

— Если она проснется и попросит чаю...

— Я в курсе, — ответил Джордж. Он видел, какое волнение и даже испуг пытается скрыть мать за этой улыбкой. Она очень беспокоилась о Бадди и его дурацкой Лиге, тренер которой позвонил и сказал, что Бадди сломал ногу во время игры. Джордж только пришел из школы и ел на кухне пирожные с колой, когда мама, задохнувшись от волнения, воскликнула: «Что? Бадди?!.. И насколько серьезно?». Потом осторожно положила трубку на рычаг...

— Я все это знаю, мамочка. Я в курсе. Иди спокойно.

— Ты молодец, Джордж. Не бойся. Ты ведь не боишься Бабулю?

— Ха! — победно ухмыльнулся мальчик. Великолепная улыбка человека, которому уже далеко не 6 лет, который в курсе дела и держит хвост пистолетом. Замечательная голливудская улыбка, скрывающая за собой пересохшее горло, словно забитое шерстяными комками.

— Передай Бадди, мне очень жаль, что с ним такое случилось.

— Хорошо, — ответила мать и в который раз направилась к выходу. В окно светило солнце, и в лучах плясали пылинки.

— Слава Богу, мы взяли спортивную страховку, правда, Джордж? Я не знаю, что мы теперь делали бы без нее.

— Передай Бадди, я желаю ему скорого выздоровления.

Мама опять улыбнулась. Обаятельная пятидесятилетняя женщина с поздними сыновьями: старшему 13, млад-

шему 11 лет. Дверь приоткрылась, и холодный октябрьский ветер ворвался в комнату.

— И помни, доктор Арлиндер...

— Да, конечно. Теперь иди, а то Бадди наложат гипс до твоего прихода.

— Она будет спать все время, я надеюсь... Держись, сынок. Я очень люблю тебя. Ты у меня молодец! — На этом мама закрыла дверь.

Джордж подошел к окну и увидел, как она спешит к машине (старый Додж-69, потребляющий слишком много топлива), по дороге роясь в сумочке в поиске ключей. Теперь, когда она вышла из дома и не знала, что сын смотрит в окошко, улыбка исчезла. Мать выглядела усталой и потерянной, она боялась за Бадди. А Джордж волновался за нее. К брату он не испытывал особо светлых чувств. Бадди никогда не был слишком любезен и заботлив. Любимым его развлечением было повалить Джорджа на пол, усесться сверху и колотить его по лбу ложкой — Бадди называл это Пыткой Краснокожих и смеялся, как дебил. Иной раз он продолжал эту процедуру до тех пор, пока Джордж не начинал плакать... Или тот незабываемый случай, когда ночью в спальне Бадди слушал так внимательно горячий шепот брата о его симпатиях к Гови Макардл, а на следующее утро бежал по школьному двору и орал во всю глотку «ТИЛИ-ТИЛИ-ТЕСТО, ЖЕНИХ И НЕВЕСТА!» Конечно, сломанная нога не изменит манер такому братцу, но Джордж предвкушал хотя бы временное спокойствие. «Ну-ну, посмотрим, как ты будешь устраивать Пытку Краснокожих с загипсованной ногой. И каждый день, детка!» Додж остановился. Мама посмотрела налево и направо, хотя никакого транспорта на пыльной дороге не предвиделось. Ей предстояло проехать 2 мили до асфальтовой дороги, и потом еще до Левинстона 19 минут. Машина, поурчав, скрылась из виду. Чистый прохладный октябрьский воздух замутился поднятой пылью, затем она стала медленно оседать.

Он остался один.

С Бабулей.

Джордж сглотнул слюну: «Эй, спокойно! Без истерик! Все будет в норме, так?»

— Так! — сказал вслух Джордж и прошелся взад-вперед по маленькой залитой солнцем кухне. Он посмотрел в стоящее на холодильнике зеркальце: симпатичный паренек с веснушками на носу и щеках и живым веселым блеском темно-серых глаз.

С Бадди случилась эта неприятность, когда он играл со своей Лигой в чемпионате 5 Октября. Команда Джорда — Тигры — пролетела в первый же день... «Бедные деточки! Бедные ЩЕНКИ!», — восклицал Бадди, когда Джордж, весь в слезах, покидал поле. А теперь он сломал ногу. Если бы мама не переживала так из-за этого, Джордж был бы абсолютно счастлив.

На стене висел телефон, рядом с ним табличка для записей с закрепленным карандашом. В верхнем углу таблички добрая деревенская бабушка с розовыми щеками и смешной парик, и она говорит: «Не забудь, сынок!». На табличке маминым почерком написан телефон доктора Арлиндера: 681-4330. Мама написала его не сегодня. Номер появился здесь еще 3 недели назад, когда у Бабули опять были «заскоки». Джордж поднял трубку и прислушался:

— Так и сказала ей: «Мейбл, — говорю, — если ты будешь продолжать с ним...»

Джордж положил трубку. Генриетта Додд. Генриетта всегда была на проводе, и в любое время можно было услышать душещипательные истории и уйму сплетен. Однажды мама выпила вина с Бабулей после того, как у Бабули начались ее «заскоки», доктор Арлиндер запретил алкоголь; перестала пить и мама — а жаль: она становилась очень веселой и рассказывала забавные истории из своего детства, и мама сказала тогда: «Стоит Генриетте открыть рот, как все ее внутренности лезут наружу». Бадди и Джордж расхохотались, а мама поднесла палец к губам и шепнула: «Не говорите никому, что это мои слова!», и тоже засмеялась. И они втроем сидели за

столом на кухне и смеялись, пока не разбудили Бабулю, и она начала кричать высоким пронзительным голосом: «Руфы! РУ-У-УФЬ!». Мама помрачнела, вышла из-за стола и подошла к Бабуле.

Сегодня Генриетта Тодд могла говорить все, что ей угодно. Джордж просто хотел проверить, работает ли телефон. Две недели назад был сильный ветер, и с тех пор линия плохо срабатывала.

Джордж опять взглянул на добрую деревенскую бабушку из картона. Он хотел бы, чтоб и у него была такая. Но Бабуля была огромная, жирная, слепая. И эти ее «заскоки»... Когда они наступали, бабуля могла вести долгие разговоры одна в пустой комнате, звать каких-то людей, которых здесь нет и выкрикивать непонятные, лишённые смысла слова. Во время последнего из «заскоков», не так давно, мама вдруг побледнела как мел и ворвалась к Бабуле в комнату, крича, что та должна немедленно заткнуться, заткнуться, ЗАТКНУТЬСЯ!!! Джордж очень хорошо помнил этот эпизод, и не только потому, что он впервые видел маму так кричащей. На следующий день было странное происшествие: кто-то обнаружил, что было разрушено Бирчское кладбище, что на дороге в Майн. Перевернуты могильные камни, памятники, сорваны старинные XIX века ворота, а некоторые могилы будто даже вскопаны. «Осквернение». Так назвал это мистер Бурдон, директор школы, собравший учеников на лекцию о Злостном Хулиганстве и что Это Вовсе Не Смешно. Придя домой вечером, Джордж спросил Бадди, что такое ОСКВЕРНЕНИЕ, и получил ответ, что это значит раскапывать могилы и писать на гробы. Джордж не очень поверил в такое объяснение... но случай запомнился...

Когда у Бабули бывали «заскоки», она становилась шумной, но обычно она редко вылезала из своей кровати — огромная, неповоротливая, в резиновом поясе и подгузниках под своей вечной ночной рубашкой. Лицо изрыто морщинами, блеклые голубые глаза пусты и неподвижны. Сперва Бабуля не была совсем слепой, но

со временем она ослепла, и первое время у ее белого кресла стояли двое помощников, чтобы помочь ей добраться до ванной или постели. Весила она в то время, пять лет назад, добрые сотни фунтов... Она поднесла руки, и Бадди, тогда восьмилетний, спокойно подошел. Джордж отпрянул и разревелся... «Но теперь-то я ничего не боюсь, — думал он, шлепая кедами по кухонному полу. — Ни капельки. Она просто старая женщина со своими странностями».

Он налил воды в чайник и поставил его на медленный огонь. Взял чашку и бросил в нее специальный пакетик чая из трав, который пила Бабуля. На случай, если она проснется и захочет чаю. Джордж отчаянно, до безумия надеялся, что этого не произойдет. Ведь ему придется подойти к ней, сесть рядом на больничную кровать, подавать чашку, видеть беззубый рот, прилепившийся к краю, слышать хлюпающие звуки и сопение... А иногда она сползает с кровати, и тогда нужно поднять ее; сухая кожа покрывает жирное тело, как будто поднимаешь бурдюк с водой, и слепые глаза смотрят на тебя... Джордж облизал губы и подошел к столу. Осталось еще одно пирожное, но ему не хотелось есть. Он без энтузиазма взглянул на валяющиеся тут же учебники... Нужно пойти и посмотреть, как там Бабуля.

Нужно было сделать это сейчас.

Не хочется.

Джордж сглотнул слюну, пытаясь хоть как-то убрать сухость в горле, будто забитом шерстью. «Я не боюсь Бабулю. Я подойду, если она протянет руки, чтобы заключить меня в объятия. Что с того? Просто старая женщина. Она старенькая, поэтому случаются «заскоки». Вот и все. Подойду к ней и не буду бояться. Как Бадди.

Он двинулся к дверям ее комнаты: лицо искривлено, как от горькой пилюли, губы сжаты так сильно, что даже побелели. Он заглянул осторожно в дверь и увидел Бабулю. Седые волосы разметались по подушке, как корона, беззубый рот приоткрыт, подбородок чуть шевелится — медленно, так медленно, что приходится с ми-

нута наблюдать за ней, чтобы увидеть, что она жива. «О Боже, что если она умрет, пока мама в больнице?

Не должна. Нет!

А если все-таки умрет?

Не будет этого, с чего ты взял?!

А если...

Перестань ныть, наконец!!!».

Бабуля шевельнулась во сне, и морщинистая желтоватая рука с длинными желтоватыми пальцами чуть царапнула покрывало. Джордж отпрянул за дверь, сердце его билось так, что чуть не выпрыгивало из груди. «Что случилось, идиот? Она спокойно спит. Не нервничай».

Он пошел на кухню взглянуть на часы. Если мама отсутствует часа полтора, можно уже ждать ее обратно... О, Боже! Не прошло и двадцати минут, как она вышла из дому; конечно, она еще даже не в Левинстоне, и нет никаких оснований надеяться на скорое возвращение. Никаких. Джордж стоял посреди кухни, прислушиваясь к тишине. Он слышал едва различимое гудение холодильника, шорох ветра за окнами, а где-то за закрытой дверью — легкое поскребывание длинных желтых ногтей о покрывало. Бабуля ворочалась во сне. Джордж сжался в сплошной комок нервов и испустил неслышный вопль: «Господи Боже пусть скорее придет мамочка». Он попробовал успокоиться. Сел на стул, взялся за пирожное... Можно, конечно, включить телевизор, но звук может разбудить Бабулю, и последует назойливый громкий крик высоким голосом: Руфь! РУ-У-УФЬ! Мой чай!». Джордж провел сухим языком по еще более сухим губам и приказал себе не быть таким щенком. Старая женщина 83-х лет, она не собирается ни с того ни с сего сейчас умереть и не хочет вылезти из кровати и погнаться за ним. Бред. Джордж снял телефонную трубку:

— ...и причем она ДАЖЕ знала, что он женат! Представь, Кори! Ну, я тогда и говорю...

Джордж догадался, что Генриетта говорит с Корой Симард. Темы их бесед были известны наперечет: кто

кому что сказал на вечеринке или церковной службе, кто кого пригласил на уик-энд, ЧТО ЭТО ОН (ОНА) О СЕБЕ ВООБРАЖАЕТ, и далее в этом роде. Джордж и Бадди однажды спрятались за угол ее домика — в безопасности — и стали кричать: «КОРА-ДОРА-ПОМИДОРА-СЪЕЛА-ШЛЯПКУ-МУХОМОРА!» И если бы мама об этом узнала, она бы их убила. Обоих. Но сейчас Джордж был рад, что Кора с Генриеттой на проводе. Пусть говорят хоть до позднего вечера: приятно слышать человеческий голос в этом пустом доме... а в общем-то, он никогда ничего не имел против Кору. Однажды Бадди толкнул его, и он расшиб себе коленку. Дело было прямо перед домом Кору. Она вышла, смазала Джорджу ссадину, залепила пластырем, дала мальчикам по пирожному и болтала все время не переставая. Джордж готов был сквозь землю провалиться со стыда. Зачем он тогда дразнил ее?!

Он взял книгу для чтения, повертел ее в руках и отложил. Он прочитал ее уже давно и знал едва ли не наизусть все изложенные там истории, хотя занятия в школе всего месяц как начались. Он преуспевал в этом больше, чем Бадди, но Бадди был первым в спорте. «А теперь не будет. Некоторое время. Пока нога в гипсе. Так-то!» — подумал Джордж почти удовлетворенно. Он взял учебник истории, раскрыл его и начал делать задание — но ничего не лезло в голову. Он встал и пошел посмотреть на Бабулю. Желтая рука спокойно лежала на покрывале. Рот приоткрыт. На белоснежной наволочке желтовато-серое лицо в короне седых волос казалось бледным умирающим солнцем. Но не так, совсем не так должны выглядеть старенькие бабушки — ни тени умиротворенной мудрости, спокойствия. Она выглядела зловещей и...

... и опасной?

Да, пожалуй. Как притаившийся краб, который готов в любой момент к атаке — и уж из его-то клешней добыча не ускользнет... Джордж хорошо помнил, как они приехали в Кастл-рок заботиться о Бабуле, когда Дедуля

умер. До этого мама работала в прачечной в Стратфорде. Дедуля был моложе Бабули на три или четыре года. Он был плотником и работал до самой смерти. С ним случился сердечный приступ.

А Бабуля всегда была энергичной, просто вулканической женщиной. Лет пятнадцать она преподавала в школе, успевая рожать детей и сражаться с Церковным Собранием, которое посещала их семья — Бабуля, Дедуля и все 9 детей. Мама говорила, что Бабуля перестала посещать церкви и решила прекратить работать, но однажды Джордж услышал совсем иную историю. Около года назад приезжала Тетя Фло. Мама засиделась с сестрой допоздна, и Джордж с Бадди, подслушивавшие под дверью, узнали, что Бабулю выкинули с работы и выгнали из церкви, причем это было связано с какими-то «книгами». Как за книги можно кого-то выгонять с работы, и что это могут быть за книги, Джордж никак не мог взять в толк. И когда они вернулись в спальню, он спросил об этом Бадди.

— Книги разные бывают, кретин!

— Да, а какие именно?

— Мне-то почему знать! Спи!

Тишина. Джордж задумался, затем окликнул: — Бадди!

— Ну чего тебе, черт возьми?

— Почему мама говорила нам, что Бабуля сама оставила работу и церковь?

— Это скелет в шкафу, вот почему. А теперь спи, и ни слова больше.

Но как можно было заснуть после этого?! Джордж, затаив дыхание, смотрел на полированную дверцу шкафа. Сейчас она откроется, и в лунном свете предстанет перед ним скелет, настоящий скелет, он будет скалить зубы и греметь косточками. А Джордж не сможет даже закричать от страха... Но что делает скелет в шкафу с книжками? Джордж провалился в беспокойный, странный сон. Ему грелилось, что его, снова шестилетнего, хочет обнять Бабуля. Слепые глаза смотрят в пустоту, и пронзитель-

ный голос спрашивает: «Руфь! Где малыш? Почему он кричит? Я хочу запереть его в шкаф... со скелетом...»

Джордж потом долго обдумывал услышанное, и через месяц после отъезда Тети Фло решил подойти к маме и все рассказать. Он уже знал, что такое «скелет в шкафу». Школьная учительница миссис Риденбейгер сказала, что это значит какая-то семейная тайна, скандал, о котором люди будут болтать много лишнего.

— Как болтает Кора Синард, да? — спросил Джордж. Миссис Риденбейгер закусил нижнюю губу и отвернулась, скрыв лицо в ладонях. Затем проговорила:

— Ну да, Джордж... хоть и не хорошо так говорить, но именно так!

Когда он рассказывал все маме, лицо ее оставалось спокойным, но руки ее переставали перебирать колоду карт:

— Ты думаешь, что поступил хорошо, Джордж? Теперь ты и твой брат будете подслушивать все мои разговоры?

Джордж понурил голову:

— Мы очень любим Тетю Фло, мамочка. Мы просто хотели послушать ее подольше.

Это было действительно так.

— Идея принадлежала Бадди?

Конечно, мама угадала, но Джордж вовсе не хотел, чтобы Бадди оторвал ему голову за ябедничество.

— Нет, я предложил.

Мама долгое время сидела молча, затем снова начала перебирать карты.

— Возможно, пришло время сказать правду, — произнесла мама. — Мне кажется, ложь не лучше твоего подслушивания, а мы так долго врани вам о нашей Бабуле. Мы врани и себе, пожалуй. Она говорила с неожиданной горечью, резко, казалось, слова, которые ей приходится произносить, обжигают. — Хватит с меня. Я вынуждена жить с ней, и мне надоело лгать своим детям.

И мама рассказала ему, как Бабуля с Дедулей поженились, и у них родился мертвый ребенок. А через год

еще один. Тоже мертвый. И доктор сказал Бабуле, что лучшее, что она может сделать, — вовсе не иметь детей. Потому что они все будут мертворожденными. И в конце концов один из них не сможет покинуть утробу — тогда может умереть и сама Бабуля.

Так сказал доктор.

А вскоре появились КНИГИ.

— Книги о том, как рожать детей?

Но мама не ответила. Она не сказала, что это были за книги, где Бабуля взяла их, что она с ними делала. Факт тот, что после этого она забеременела и родила живого и здорового ребенка — дядю Ларсона. И продолжала преспокойно рожать здоровых детей. И ни один из них не умирал в утробе или сразу после появления на свет. Однажды Дедуля уговаривал ее попробовать, нельзя ли обойтись без книг — но Бабуля и слышать об этом не захотела.

— Почему? — спросил Джордж. И мама задумчиво ответила. — Потому что КНИГИ стали для нее значить столько же, сколько и дети... даже больше. Гораздо больше.

— Я не понимаю этого!

— Я не вполне уверена, что сама все понимаю, я тогда была совсем маленькой... В общем, книги приобрели некое влияние над ней. И она сказала, что больше не хочет слышать никаких разговоров на эту тему. Разговоры прекратились. Бабуля всегда была главой семьи.

Джордж захлопнул книгу и поглядел на часы. Почти пять. Желудок его был пуст и требовал пищи. Джордж с ужасом подумал, что если мама не придет после шести, Бабуля может проснуться и потребовать свой ужин. Мама не давала никаких инструкций на эту тему. Возможно, она слишком беспокоилась о Бадди. Ну ничего, можно достать из холодильника один из мороженных полуфабрикатов, лежащих там специально для Бабули. Она ела специальную пищу — без соли, предписание врача — и еще тысячу разных порошков и пилюль.

А он может довольствоваться остатками вчерашних макарон с сыром. Если влить немного бульона, все будет о'кей. Джордж достал из холодильника макароны, выва-

лил их в кастрюльку и поставил на плиту рядом с чайником, терпеливо ожидающим своей очереди. Ведь в любой момент Бабуля может проснуться и захотеть своего чая с травами... Джордж налил себе молока и снова снял телефонную трубку:

— ... я глазам своим не поверила, когда это увидела! Представь себе, она... — Генриетта вдруг замолчала, затем спросила другим тоном, резко и язвительно:

— Интересно было бы знать, кто это нас подслушивает?!

Джордж спешно положил трубку на рычаг. Уши его горели. «Дурак, на линии шесть смежных номеров. Никто не заподозрит тебя». Но в любом случае подслушивать дурно. Даже если ты делаешь это вовсе не из любопытства, а лишь для того, чтобы услышать человеческий голос. Когда совершенно, абсолютно необходимо знать, что ты не один на свете. И в этом пустом доме. С Бабулей, которая выглядит...

... успокойся, прекрати!

... которая выглядит как подстерегающий добычу краб, из цепких клешней которого никто никогда не спасется.

За окнами быстро темнело. Джордж налил себе еще молока.

Мама родилась в 1930-м, затем в 1932-м тетя Фло, потом дядя Франклин в 1934-м. Дядя Франклин умер в 1948-м от разорвавшегося аппендикса, и мама до сих пор иногда плакала, вспоминая о нем. Она доставала его фото и говорила, что обидно и глупо умирать от аппендицита. Мама любила дядю Франклина больше других своих братьев и сестер. Она сказала как-то, что Бог подло поступил, когда забрал Франклина.

Джордж выглянул в окно. Над холмами вдали заходящее солнце покрывало все легкой позолотой. Тени на лужайке перед домом становились глубже и чернее. Надвигалась ночь... О, Господи, если бы Бадди не сломал свою чертову ногу! Mamочка сейчас была бы дома и готовила бы на ужин что-нибудь вкусненькое. Они смеялись бы и болтали все вместе, а потом перекинулась бы в картышки или еще чем-нибудь занялись...

Джордж включил свет в кухне, хотя в этом не было особой необходимости. Потом сделал поменьше огонь под макаронами... Мысли его все время возвращались к Бабуле, сидящей в своем белом кресле, похожей на большого жирного червяка. Седые пряди волос свисают до плеч, руки протянуты в ожидании Джорджа — а он прячется за маму, всхлипывая.

— Пошли его сюда, Руфь. Я хочу обнять его.

— Он немного испугался, маменька. Сейчас успокоится и подойдет. (Но голос мамы тоже был взволнованным и... и чуть испуганным...)

Мама? Испугана? Джордж остановился: было ли это на самом деле? Бадди говорил, что память часто играет с нами странные штучки. **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** ли она волновалась?

Да. Это было именно так.

Бабуля повысила голос:

— Прекрати, Руфь! Вѣли мальчику подойти ко мне — я обниму его!

— Нет. Он плачет.

Бабуля медленно опустила руки, на сморщенном лице заиграла бессмысленная старческая улыбка, и она произнесла:

— А правда, он похож на Франка? Ты говорила, он вылитый Франк, да, Руфь?

Джордж снял свой ужин с плиты. Странно, раньше он не помнил этот эпизод так отчетливо, во всех деталях. Может, это тишина прояснила его память? Тишина... и то, что он теперь наедине с Бабулей.

Итак, Бабуля рожала детей и преподавала в школе, доктора были совершенно озадачены, а Дедуля плотничал — да так успешно, что находил себе работу даже в период Великой Депрессии. И вот, люди начали говорить...

— Что говорить? — спросил Джордж.

— Ничего особенного, — ответила мама, резко собрав карты в колоду. — Они говорили, что твои Бабуля с Дедулей что-то слишком везучие, что они куда удачливее остальных.

И вот тогда-то были обнаружены книги. Мама больше ничего не сказала об этом, кроме того, что был большой скандал, и Бабуле с Дедулей пришлось уехать в Бакстон. Вот и все.

Дети выросли, сами завели детей. Мама вышла замуж за папу, которого Джорж вовсе не помнил, и уехала в Нью-Йорк. Родился Бадди, и в 1969-м родился Джордж, когда они уже переехали в Статфорд. А в 1971 папу задавила машина с пьяным водителем.

Когда с Дедулей случился сердечный приступ, тети и дяди начали переписываться друг с другом. Они, конечно, не хотели сдавать Бабулю в приют. И она не хотела в приют. Конечно, надо было прислушиваться к желаниям этой женщины. Она будет проводить остаток дней своих с одним из детей. А поскольку все дети были замужем или женаты, и никто не горел желанием видеть у себя дома неприятную полусумасшедшую старуху, выбор пал на маму. Она единственная была к тому времени без мужа. Мама пыталась отказываться, но наконец сдалась. Она бросила работу и переехала в Майн ухаживать за Бабулей. Ее братья и сестры купили домик и каждый месяц, сбрасываясь все вместе, присылали чек «на жизнь».

— Ну и втянули же меня братья и сестры в переделку! — сказала однажды мама. Она произнесла это с горькой улыбкой, будто бы и полушутя, но без смеха. Скорее с болью. Джордж знал (Бадди рассказывал ему), что мама пошла на этот шаг потому, что абсолютно все в большой семье, все без исключения родственники уверяли ее, что Бабуля долго не протянет. И действительно: высокое давление, ишемическая болезнь, почечная недостаточность... «Восемь месяцев, не больше» — дружно уверяли тетя Фло, и тетя Стефани, и дядя Джордж (в честь которого назвали Джорджа). «Ну, максимум год...» Однако прошло пять лет. И последний год тянулся, как целое десятилетие. Это продолжалось так долго... Краб на камне, поджидавший... кого? или что?

«Ты знаешь, что надо делать, Руфь, ты знаешь, как ее заткнуть».

Джордж остановился на полпути к холодильнику, из которого намеревался достать полуфабрикат для Бабули. На лбу выступила испарина. Что еще за голос внутри его черепа?

Джордж весь пошел мурашками. Он смотрел на руку, покрытую гусиной кожей, и медленно вспоминал: дядя Джордж. Он приезжал из своего Нью-Йорка с семьей два — нет, три — года назад, на Рождество.

— Она более опасна теперь, когда впала в маразм.

— Джордж, говори тише. Дети дома.

Джордж стоял, положив руку на прохладную хромо-вую поверхность холодильника и мучительно вспоминая полузабытый эпизод. Да, дома был только он сам, а Бадди убежал кататься на санках с холма. Джордж долго рылся в поисках теплых носок и непромокаемых ботинок, и его ли вина, что дядя Джордж говорил слишком громко? Или, может, он виноват, что мама не прикрыла дверь на кухню! Или его ошибка в том, что Бог не заткнул ему уши, или, на худой конец, не отгородил звуконепро-ницаемой стенкой? Джордж так не считал, мама и сама говорила после стаканчика-другого вина, что Бог иногда играет грязно.

— Ты знаешь, о чем я, — продолжал дядя Джордж. Его жена и три дочки ушли за рождественскими покупками, и дядя Джордж, оставшись без строгого присмотра, неплохо подвыпил. Он говорил чуть заплетающимся языком, не теряя, однако, своей мысли:

— Ты понимаешь, что я имею в виду. Ты понимаешь, что случилось с Франком, когда он осмелился ей пере-читать.

— Джордж, помолчи, или я вылью это пиво тебе в физиономию, успокойся ради Бога!

— Понимаю, она вовсе не хотела этого. Но не удержала свой язык — и вот результат. Аппендикс...

— Джордж, заткнись!

Теперь давно забытый разговор всплыл в памяти во всех подробностях. И Джордж подумал, что Бог, кажется, не единственный, кто грязно играет.

Он наконец вытащил из холодильника ужин для Бабули. Телятина. Варить 40 минут, затем готово к употреблению. О'кей. Чайник на плите. Телятина в пакетике. Если Бабуля захочет чаю — пожалуйста, потребует ужин — он сделает, ничего сложного, все в порядке. Телефон доктора Арлиндера записан — на всякий случай. Он все учел и предусмотрел, так зачем теперь волноваться? Он никогда раньше не был наедине с Бабулей. Никогда. Поэтому и волнуется теперь.

— Пошли мальчика ко мне, Руфь. Пусть подойдет.

— Нет, он плачет.

— Теперь она более опасна, когда впала в маразм. Ты понимаешь, о чем я.

— Мы врили нашим детям о Бабуле.

У Джорджа пересохло во рту. Он набрал себе воды в стакан и отхлебнул немного... Господи, ну для чего память стала вдруг выдавать эти вещи? Эти мысли. Эти воспоминания. Зачем они? Джорджу показалось, что перед ним лежат в беспорядке разбросанные куски мозаики, которые никак не хотят сложиться в единую картину. А может, это и хорошо, что они не складываются? Может, картина бы вышла слишком пугающая? Может...

Из комнаты, где спала Бабуля, донесся странный хриплый клекот. Сдавленный звук, но довольно громкий. Джордж хотел бежать туда, но ноги его словно приросли к линолеуму. Сердце выпрыгивало из груди, глаза расширились. Он не мог и шевельнуться от страха: НИКОГДА, никогда раньше Бабуля не издавала подобных звуков. Да, она была довольно шумной во время «заскоков», и голос у нее был пронзительный и громкий, но ТАКИХ звуков Джордж не слышал. Они повторялись, затихая, переходя в еле слышный шум и — замолкли. Джордж, наконец, обнаружил в себе силы пойти в ее комнату и медленно двинулся туда на все еще непослушных ногах. Глотка его пересохла так, что сглотнуть он вовсе не мог. По лицу стекал липкий пот.

Первое, что он подумал, заглянув осторожно в комнату: Бабуля спит. Мало ли, какой звук она может издать

во сне. Может, она все время так шумела, пока они с Бадди были в школе. Ведь он впервые остался один с ней.

Это была первая обнадеживающая мысль. А потом он увидел, что морщинистая желтоватая рука, лежавшая поверх покрывала, безвольно свисает вниз. И желтые длинные ногти касаются пола. Беззубый рот открыт, подбородок отвалился — как червоточина в сморщенном яблоке, обнажающая гнилое нутро. Джордж медленно и осторожно сделал пару шагов. Он стоял совсем рядом с Бабулей и внимательно всматривался в ее лицо. «Ты щенок, — говорил внутри его насмешливый голос Бадди. — Твой мозг играет с тобой скверные штучки. Бабуля спокойно дышит, присмотрись-ка!» Джордж присмотрелся. Ни малейшего движения.

— Бабуля? — попытался сказать он, но голос не слушался, он издал лишь хриплый шепот, и, сам испугавшись этого звука, отпрянул от постели, прикрыв рот рукой. — Бабуля! — теперь вышло громче. — Не хотите ли чаю? Бабуля?

Нет ответа.

Глаза закрыты..

Челюсть отвалилась.

Рука висит.

За окном заходящее солнце окрашивало золотым и алым листву деревьев. Он видел ее во всех деталях, видел не здесь, не теперь, а сидящую в белом кресле.

Выражение лица тупое и торжествующее одновременно. Руки протянуты к нему. Джордж вспомнил один из ее «заскоков», когда Бабуля начала кричать:

«Гиаши! Гиаши! Гастур-дегрион-йос-сов-ов!»

И мама начала подталкивать их к двери, прикрикнув: «Побыстрей пошевеливайся» на Бадди, когда тот замешкался в прихожей в поисках своих перчаток. И Бадди даже остановился на секунду, совершенно ошеломленный, потому что мама никогда раньше не кричала на них. Дети вышли за порог и стояли во дворе, недоумевающие, испуганные. А потом мама позвала их к ужину как ни в чем ни бывало. Джордж никогда не вспоминал раньше

этот эпизод. Почему-то теперь, глядя на Бабулю, так странно лежащую на своей кровати, с отвалившейся челюстью, он припоминал в мельчайших подробностях тот ужасающий день. Наутро они узнали, что миссис Хэрхэм, жившая неподалеку и иногда посещавшая Бабулю, умерла в своей постели в тот вечер без особых, как сказал доктор, на то причин.

Бабушкины «заскоки».

«Заскоки».

Эти странные слова, лишённые всякого смысла, незнакомые, напоминающие заклинания. Но ведь заклинания произносят ведьмы. Ведьмы способны и на большее. Разбросанные кусочки мозаики стали складываться в целостную картину. «Магия», — подумал Джордж, и эта мысль пронзила его как молния.

Картина была ясна. Те самые таинственные книги, о которых мама говорила с тетей Фло, слова на неведомом языке, которые выкрикивала Бабуля, ее мертворожденные дети и изгнание из церкви, как и из города — все это складывалось в мозгу Джорджа, как по волшебству, воедино. Выходил неплохой портрет его Бабули, жирной, морщинистой, напоминавшей жабу, обтянутую желтой кожей. Беззубый рот скривился в отвратительной усмешке, взгляд слепых глаз одновременно отсутствующий и пронизывающий, на голове конический черный колпак, увенчанный звездами, расписанный таинственными иероглифами. В ногах черные кошки с глазами желтыми, как янтарь. Он чувствовал запах тления и серы. Видел свет загадочных черных звезд. Слышал пронзительный голос, произносящий странные слова из странных книг, и каждое слово подобно камню. И каждый параграф подобен ночному кошмару, и каждое предложение как пылающий костер.

Джордж смотрел на все это глазами ребенка, но они были открыты для постижения бездонности этой тьмы. Бабуля была ведьмой.

И теперь она умерла. И этот странный звук, который напугал его, звук, напоминающий клекот, был ее предсмертным хрипом.

— Бабуля? — прошептал Джордж, и в голове его пронеслось: «Динь-дон, злая ведьма умерла». Ответа не последовало. Он опасливо поднес ладонь ко рту старухи. Дыхание не чувствовалось. Она лежала неподвижно, и страх снова охватил Джорджа. Неужели... Он вспомнил, как дядя Фрэд учил его слюнявить палец, чтобы определить направление ветра. Он проделал эту операцию — но ни малейшего дуновения, ни слабого вздоха изо рта Бабули не было. Ничего не было. Мальчик ринулся было к телефону звонить доктору Арлиндеру, но остановился. А если на самом деле Бабуля жива, и он окажется в идиотской ситуации из-за своего преждевременного испуга? Нет уж, надо все проверить самому. «Пощупай ее пульс».

Он остановился в дверях и обернулся. Рукав ночной сорочки на свисающей мертвой руке был чуть отвернут, обнажая запястье. Нет, идея не слишком хороша. Однажды после визита к доктору Джордж решил пощупать себе пульс. Медсестра делала это легко и быстро, но сам он, как ни бился, не смог повторить ее действий. Неумелые пальцы говорили ему, что и сам-то он мертв. Так что лучше не браться за то, о чем не имеешь представления. И потом... ведь придется прикоснуться к Бабуле. От этой мысли Джорджу становилось не по себе. Даже если она мертва... **ОСОБЕННО**, если она мертва. Джордж стоял в нерешительности на пороге, переводя взгляд с тяжелого неподвижного тела на висящий в кухне телефон. Может, лучше не тратить времени, а позвонить? Или...

«Зеркало!»

Ну конечно же, когда дышишь на зеркало, оно запотеет. И в кино доктор подносил его ко рту человека, потерявшего сознание, чтобы проверить, жив ли он. Великолепная мысль! Джордж побежал в ванную и принес зеркало. Он поднес его к самому беззубому рту, почти касаясь губ, и стал считать про себя. Он досчитал до шестидесяти, убрал зеркало и стал внимательно рассматривать его поверхность. Никаких изменений. Ни малейших.

Бабуля мертва.

Джордж обнаружил, что он испытывает некоторое сожаление, и даже сам слегка себе удивился. Все мучившие его сомнения отступили на задний план. Возможно, она была ведьмой. А может быть, ему это только показалось, иллюзия, бред, цепь совпадений... Какая теперь разница? Важно одно: она умерла, и все конкретные жизненные вопросы блекнут и исчезают перед пугающим ликом Смерти. Новая для Джорджа взрослая печаль охватила его. Такие переживания оставляют неизгладимый след в душе человека, и только по прошествии многих и многих лет обнаруживает он, как важны для формирования его личности были ощущения, испытанные в далеком детстве, особенно ощущение смерти ли бренности всего земного — пугающее и незабываемое...

Джордж взглянул на Бабулю. Закат раскрасил ее лицо причудливыми переливами бордового с оранжево-красным. Мальчик поспешно отвернулся и пошел в ванную относить зеркало. Теперь надо позвонить. Джордж постарался сосредоточиться, чтобы все сделать правильно. В мозгу его сразу возникла приятная мысль: когда Бадди начнет приставать к нему, дразнить и обзывать щенком, он ответит спокойно: «Я был дома ОДИН, когда умирала Бабуля — и я сделал все необходимое». Вот так-то.

Во-первых, позвонить доктору Арлиндеру. Набрать номер и сказать: «Моя Бабуля умерла. Будьте добры, скажите мне, что мне надо делать дальше?»

Нет, не так.

«Я думаю, Бабуля умерла». Это будет лучше. Никто не ожидает, что ребенок разбирается в этих вещах, поэтому лучше не говорить категорично...

Или так:

«Я уверен, что Бабуля умерла».

Уверен! Самое точное слово... А потом рассказать о зеркале и предсмертном хрипе. И доктор Арлиндер придет, пощупает ей пульс — и что там еще делают доктора? — скажет, что Бабуля мертва, и добавит: «Ты был молодцом, Джордж. Ты действовал решительно и верно.

Позволь тебя поздравить!» А Джордж ответит что-нибудь скромно и с достоинством.

Он сделал два глубоких вдоха, прежде чем снять трубку. Сердце его учащенно билось, но страх, перехватывающий горло, отпустил. Худшее уже произошло. В каком-то смысле это даже легче, чем сидеть на кухне в постоянном напряжении, смотреть на часы, ожидая маму, и знать, что в любую секунду из комнаты может послышаться пронзительный голос... Он снял трубку... телефон не работал. Ни голосов. Ни гудка. Джордж стоял, ошеломленный, с готовыми уже заранее словами: «Простите, миссис Додд, но я должен вызвать доктора», ставшими ненужными теперь... Абсолютная тишина. Звонящая, мертвая тишина — как там, в комнате, где лежит Бабуля.

Лежит так спокойно.

Так тихо.

Опять мурашки по коже и комок в горле. Джордж переводил взгляд с чайника на плите на чашку с пакетиком трав для Бабули.

Никакого чая.

Никогда.

Он вздрогнул, повернулся опять к телефону и стал лихорадочно нажимать на рычаг, прислушиваясь, нет ли сигнала. Бесплезно. Мертвая тишина. Мертвая, как...

Джордж с силой бросил трубку на рычаг, и телефон жалобно звякнул. Он спешно схватил трубку: а вдруг все включилось, как по волшебству? Но тщетно: никаких звуков.

Его сердце, казалось, готово выпрыгнуть из груди.

«Я один в этом доме. Один с ее мертвым телом».

Он медленно прошел по кухне, постоял минуту-другую у стола, затем включить свет. В доме становилось сумрачно, скоро зайдет солнце, и настанет ночь. Джорджа пугала эта мысль: ночь, мертвое тело, одиночество. Господи, когда вернется мама? Все, что осталось ему — ждать. Мама скоро придет, и все будет о'кей. Это лучше, что Бабуля умерла. Иначе он сошел бы с ума от страха в ожидании ее пронзительного крика, и она могла потре-

бовать ужин, могла свалиться с кровати... Господи, как это ужасно — сидеть одному в темноте и думать о странных вещах... Видеть переплетение колеблющихся теней на стене и думать о смерти, о мертвом морщинистом теле, видеть, как сверкают в темноте мертвые глаза, как вращаются они, и скрипит половица, будто кто-то крадется по дому, прячась в черных углах, переходя из тени в тень... В темноте мысли ваши замыкаются на одном, и можете пытаться думать о цветах на лужайке, о Деве Марии или золотом призере Олимпиады в 440 году — все равно мысли вернутся к невидимой тени, опасной, огромной туше с клешнями и пристальным взглядом мертвых слепых глаз.

— Хватит же, черт возьми!

Джордж обхватил руками голову. Пора прекратить это сумасшествие, вернуться в реальность. Ему же не 6 лет, в конце концов. Она мертва, мертва — и все тут. Она не более опасна, чем... чем этот стол, или стул, или радио, или... «Прекрати панику, Джордж! Заткнись! Возьми себя в руки!» Да, она просто труп — и ничего больше. Джордж подошел к двери в ее комнату. Бабуля лежала все в той же позе, рука свешивается с кровати, рот открыт. Она теперь — предмет неодушевленный, часть мебели; можете положить ее руку обратно в постель, или вылить на нее стакан воды, или включить музыку под самым ухом — Бабуле все равно. Она, как иногда говорил Бадди, ВНЕ этого всего.

Внезапно негромкий повторяющийся стук раздался слева от Джорджа. Он невольно вскрикнул. Это была наружная дверь, всего лишь вторая дверь, которую Бадди поставил неделю назад — она хлопала, под порывами ветра закрываясь и открываясь вновь. Джордж отпер замок внутренней двери и выглянул, чтобы прикрыть плотней наружную. Порыв ветра взъерошил ему волосы. Странно, когда мама уходила, был ясный солнечный день, а сейчас уже совсем стемнело... Джордж подошел к телефону, снял трубку. Ничего. Все та же тишина. Он сел на стул, затем встал и начал нервно расхаживать взад-

вперед по кухне, пытаюсь взять себя в руки и хоть сколько-нибудь успокоиться.

Часом позже наступила полная темнота. Телефон молчал. Наверное, ветер, который дул теперь с неистовой силой, повредил линию. Такое уже было. Ничего страшного... Телефон тихо динькнул — далекий призрачный звук — и снова замолчал. Ветер грозил перерасти в настоящий ураган, он свистел и завывал за окнами, раскачивал деревья... Джордж подумал, что в лагере бой-скаутов у ночного костра он расскажет замечательную историю о том, как сидел когда-то один в пустом доме со своей мертвой Бабулей, и ветер быстро гнал по небу облака, черные вверху и внизу белые, чуть тронутые желтизной — как Бабулина сморщенная кожа... Это, как иногда выражался Бадди, классика!

Больше всего на свете Джордж хотел бы сидеть у костра сейчас, чтобы все уже было позади, и все с открытыми ртами слушали бы его рассказ о своей смелости и хладнокровии. Но — увы — за окнами в полной темноте, бушевал ветер, дом наполнялся странными звуками, и каждый из которых заставлял Джорджа подпрыгнуть на стуле от страха, и мама все не возвращалась...

«Она вернется скоро. И все будет о'кей. Скоро вернется...

Ты не прикрыл лицо Бабуле!

... вернется домой...

Не прикрыл лицо!»

Джордж резко вздрогнул, будто кто-то сзади него громко заговорил, и непонимающим взглядом обвел кухню, остановившись на молчавшем телефоне. В кино он видел, что мертвым прикрывают лицо — так полагается, но, Боже, опять войти туда... «Черт с ним со всем! Я не пойду в ее комнату!» Пусть этим занимается кто-нибудь другой. Кто-нибудь из взрослых. Мама, когда вернется домой. Или доктор Арлиндер, когда его вызовут. Кто угодно, но не Джордж. Ему это не нужно. А Бабуле теперь и вовсе безразлично. Так зачем же идти туда, к ней? Голос Бадди ехидно произнес у него в голове: «Оправдываешь-

ся, бедняжка. А если бы не боялся, то пошел бы и спокойно прикрыл ей лицо. Ты просто струсил, щенок! Кишка тонка!» Джордж сидел бы за столом, бесцельно перелистывая свой так и не прочитанный учебник истории. Он понимал, что если не сделает всего до конца, у Бадди будет возможность поддеть его. Он видел себя у костра, описывающим свои приключения. Вот он приближается к концу рассказа, когда на дороге вдали засветились фары их старенького автомобиля — и, как всегда, вовремя появляющиеся взрослые установили торжество порядка и покоя, и все стало на свои места, — но тут из тени выступает темная фигура. Костер вспыхивает чуть ярче, и Джордж узнает своего братца и слышит язвительный голос: «А если ты и правда был так храбр, цыпленочек, отчего ты не прикрыл ей лицо?» Нет, так дело не пойдет. Джордж встал и прошелся по кухне, пытаясь напомнить себе, что Бабуля мертва, и ее ничто уже не потревожит. Ей можно вылить стакан чаю на голову, или убрать подушку, и так далее, и так далее, а она не почувствует, потому что она ВНЕ всего этого, спокойная, холодная, безучастная. Мертвые никогда не встанут, а все остальное — бред, галлюцинации, странные полуночные страхи, глупые навязчивые мысли — как о том, что полированные дверцы шкафа распахнутся в темноте, как о том, что лунный голубоватый свет будет играть на белых костях скелета, как... Джордж прошептал вслух: «Прекрати, неужели ты не можешь остановиться?! Перестань быть ослом!»

Он попытался успокоиться, и наконец был готов войти к Бабуле и набросить покрывало ей на лицо. Он сделает все как надо. А потом выкинет ее ненужный пакетик с чаем и уберет чашку. И все будет исполнено до конца, и никто не сможет упрекнуть его.

Джордж подошел к дверям Бабулиной комнаты. Каждый шаг стоил усилий воли. В комнате было темно, Бабуля неопределенной черной тушей возвышалось над белеющими простынями. Джордж лихорадочно шарил по стене в поисках выключателя, никак не мог найти его —

казалось, это будет длиться вечность. Но наконец он нащупал выключатель; щелчок — и комнату залил неяркий желтый свет.

Бабуля лежала все так же: рот открыт, рука сваливается с кровати. Джордж задумался, не стоит ли положить руку в кровать вдоль туловища, но от одной мысли, что придется коснуться трупа, капли холодного пота выступили у него на лбу. Что угодно, только не это. К тому же, рука в любой момент может соскользнуть обратно, и его героические усилия пропадут даром. Не стоит напрягаться зря.

Медленно, словно преодолевая сопротивление какой-то вязкой жидкости вместо воздуха, Джордж приблизился к Бабуле и склонился над ней. Тело покойной было абсолютно желтое; конечно, отчасти виной тому было освещение, но только ли оно?

Джордж приподнял край покрывала и потянул его. Он покрылся испариной, дыхание было неровным, сердце бешено билось. Он набросил край покрывала на лицо Бабули, но ткань соскользнула, обнажая сморщенный лоб. Постояв немного и успокоившись, Джордж попробовал снова. Осторожно приподнял покрывало за края, изогнувшись над кроватью, стараясь не коснуться трупа даже сквозь ткань — на этот раз все удалось. О'кей. Джордж почувствовал удовлетворение. Даже страх слегка отступил. Он похоронил Бабулю! Вот для чего покойникам прикрывают лицо: это напоминает их захоронение. Таков обычай.

Джордж смотрел на свисающую вниз, до самого пола руку — и ощутил вдруг, что больше не боится так, как раньше. И сможет поднять эту безжизненную кисть и положить на кровать, похоронить под покрывалом со всем остальным телом покойной. Он решительно взял холодную руку и поднял ее.

Бабулина рука дернулась в его ладони — и вцепилась ему в запястье.

Джордж закричал. Он рванулся назад, крича во весь голос, заглушая шум ветра и скрип половиц в доме, и остановился у дверей, в относительной безопасности.

... Рука судорожно сжалась в воздухе, повернулась и, бессильно упав вниз, вновь застыла в полной неподвижности.

«Со мной все в порядке, ничего не произошло, это просто рефлекс». Но один взгляд на Бабулю, на мертвую руку с длинными желтыми когтями лишил Джорджа остатков рассудительности. Паника охватила все его существо, не оставив места доводам разума. Все тело вновь покрылось мурашками, холодный пот стекал со лба, и он чувствовал себя на грани сумасшествия. Все, чего он хотел в жизни — быть далеко отсюда, вне этого дома, за пределами досягаемости Бабулиных цепких рук — да хотя бы просто в другой комнате... И Джордж бросился бежать, не видя перед собой ничего, бежать прочь из этого страшного места на непослушных спотыкающихся ногах. Он не вписался в дверной проем, со всего разбега ударился лицом в стену и упал на пол. Боль, раскалывающая голову, казалось, на тысячу частей, была даже сильнее страха. На своей зеленой рубашке Джордж увидел красные пятна. Кровь лила из разбитого носа. Он вскочил на ноги и, испуганно озираясь, направился в кухню.

Сквозь приоткрытую дверь в комнату Бабули он видел свисающую руку... но тело лежало на кровати спокойно и ровно... Ему просто привиделся весь этот кошмар. Он вошел в комнату, чтобы прикрыть лицо покойной, и от страха придумал все последующее... Но нет. Происшествие было слишком реальным. Боль прояснила сознание Джорджа, и он, сравнительно спокойно припоминая ситуацию, приходил к выводу, что она не должна была произойти. Ведь мертвые не оживают. Вы можете делать с трупом все, что угодно, но он-то не может в ответ вцепляться ногтями в ваше запястье! Можно сбросить мертвеца с кровати, или скатить с вершины холма и т. д. и т. д. и т. д. — короче говоря, совершать какие-то действия НАД покойным. А время **ДЕЙСТВОВАТЬ** самостоятельно для него прошло.

«Если только речь не идет о ведьме. О злой ведьме, которая специально выбрала время своей смерти так, чтобы дома был один маленький мальчик, с целью...

С какой целью?»

Глупости все это. Он опять начинает переживать события и дает слишком много воли воображению. Джордж вытер нос ладонью и посмотрел на кровавый след. В любом случае, правда все это или галлюцинации, он не подойдет больше к Бабуле. Хватит с него. Приступ животного ужаса прошел, но он был все еще напуган, нервы предельно напряжены, слезы вот-вот готовы брызнуть из глаз, и больше всего на свете ему хотелось, чтобы скорее вернулась мама и прекратила весь этот кошмар. Джордж глубоко вздохнул. На нос пора было положить мокрую повязку. Он подошел к крану и вдруг почувствовал, что находится на грани потери сознания. Он постоял немного, опершись о раковину. Затем взял валяющуюся рядом тряпку и, подставив ее под кран, включил холодную воду. Подержав ее там минут несколько, пока не устала рука, Джордж чуть отжал тряпку и приложил ее к разбитому носу. Он закрыл кран, когда из соседней комнаты раздался голос Бабули:

— Подойди сюда, малыш. Иди сюда, твоя Бабуля хочет обнять тебя.

Джордж хотел закричать, но не смог издать ни звука. Зато звуки доносились из комнаты: скрип кровати, будто что-то тяжелое переворачивается и приподнимается на ней, — о, Господи, это было похоже на то, что Бабуля пытается... что она выбирается из кровати!

— Малыш! Иди-ка сюда! Немедленно!!!

Джордж с ужасом увидел, что его ноги подчиняются этой команде. Он хотел остановиться, но они продолжали медленно шагать по линолеуму кухни, не подчиняясь приказам хозяина: правая нога, левая, снова правая, шаг за шагом приближаясь к...

«Она ВЕДЬМА, Боже мой, она ведьма, что же теперь будет? Господи, помоги, помоги, ПОМОГИ!!!»

Джордж вошел уже в Бабулину комнату и с ужасом увидел, что она не только хотела, но и действительно выбралась из постели и сидела в своем старом белом кресле, которое пустовало уже 4 года — с тех пор, как

Бабуля стала слишком тяжела, чтобы двигаться, и слишком мало стала понимать, где она находится... Но теперь она лишилась и следов старческого маразма. Лицо ее было жирным и обвисшим, но тупое выражение исчезло, будто его никогда и не было, будто это была лишь маска, предназначенная для глупых мальчишек и усталых одиноких женщин. Ночная сорочка сползла с плеча, обнажая огромное рыхлое тело. Покрывало с постели было сброшено на пол... Бабуля медленно поднимала тяжелые желтоватые руки:

— Я хочу обнять тебя, Джордж. Не хнычь. Не маленький уже. Подойди к Бабуле.

Джордж пытался — и не мог противостоять силе ее притяжения. Его тело подчинялось приказам старой ведьмы, а мозг был пленником, бессильным, не способным ничего изменить. Лицо его искривилось от невероятного напряжения, по лбу ручьями бежал пот, дрожали ноги... В любом случае, он докажет Бадди, что не боялся Бабули. Он подойдет к ней — что ж, по крайней мере тот не назовет его трусливым щенком.

Руки с длинными желтыми ногтями уже почти касались Джорджа, когда слева от него раздался звон стекла, и сквозь разбитое окно в комнату ворвался ветер, кружа залетевшие листья и какие-то бумаги, развевая волосы и сорочку Бабули.

Теперь Джордж смог кричать. Он отпрянул от протянутых рук, и Бабуля издала странный шипящий звук, сжимая и разжимая в воздухе свои клешни, шевеля толстыми бескровными губами.

Ноги все еще не слишком слушались Джорджа, он упал на пол и, продолжая кричать, пополз из комнаты. Бабуля медленно поднималась из кресла — огромная, жирная туша, нависающая над обезумевшим от страха ребенком. Мертвая — и в то же время живая, куда более живая, чем все эти 4 года... Джордж понял вдруг, ЧТО означает это объятие, и это открытие поразило его. Бабуля схватила его за рубашку, и Джордж ощутил на мгновение холод мертвого тела, он отчаянно рванулся,

оставив в цепкой старой руке кусок своей рубашки — и оказался на кухне.

Он убежит в ночь. Немедленно. Сейчас. И пусть кого-нибудь другого обнимает злая ведьма, его Бабуля. А мама, когда вернется, увидит живого сына.

Но в дверях выросла огромная уродливая тень. Отступать было некогда, и смертельный, леденящий кровь ужас охватил Джорджа... В это мгновение зазвонил телефон. Джордж схватил трубку и закричал — он просил помощи, умолял, чтобы его спасли — но ни звука не вырвалось из сдавленного страхом горла. Бабуля стояла в дверях в своей розовой рубашке, опираясь огромными руками о косяк, желтые волосы обрамляли оплывшее злое лицо... Она усмехалась.

— Руфь? — это был голос тети Фло, едва слышный сквозь треск и завывание. — Руфь, это ты? — тетя Фло из Миннесоты, две тысячи миль отсюда.

— Помогите! — прокричал Джордж, и все, что вырвалось из него, был сдавленный хриплый шепот.

Бабуля медленно двинулась к нему, протягивая руки, сжимая и разжимая их в воздухе. Она ждала этого объятия 5 лет — и теперь не хотела отступать.

— Руфь, ты меня слышишь? Здесь такая буря, и мне... мне стало страшно... Связь плохая... Руфь, я не слышу!

— Бабуля, — произнес наконец Джордж. Желтая туша нависла над ним.

— Джордж? — голос тети Фло неожиданно стал прекрасно слышен, будто она была рядом.

— Джордж, это ты?

Он отступал от надвигающихся рук — и обнаружил, что сам, как последний идиот, отрезал себе путь к отступлению, забившись в угол между раковиной и кухонным шкафом. Ужас сковал все его существо, и он мог только повторить в трубку снова и снова:

— Бабуля! Бабуля! Бабуля!

Холодные руки прикоснулись к его горлу, и Джордж уже едва слышал далекий, словно доносящийся не только

с расстояния в тысячи миль, но и пролетевший сквозь года́ голос тети Фло:

— Скажи ей лечь, Джордж. Скажи, что она должна это сделать во имя твое — и во имя ее отца. Ее духовного отца звали ГАСТУР. Успокойся, и скажи ей это...

Морщинистая рука с неожиданной силой дернула шнур. Телефон отключился. Джордж сжался в комок в своем углу, огромная зловещая тень накрыла его...

— Ложись! Успокойся! Именем Гастура! Гастур! Ложись!

Ее руки смыкаются на шее Джорджа, холодные как лед и...

— Ты должна! — кричал мальчик. — Тетя Фло сказала — именем Гастура! Моим именем!

... и сжимают ее в объятии, неотвратимом, как смерть... сжимают...

Когда огни старенького авто часом позже загорелись вдалеке на дороге, Джордж сидел за столом перед так и не прочитанным учебником истории. Он встал, подошел к двери, отпер ее... Телефон с оборванным шнуром безжизненно молчал. Ветер на улице, чуть утихнув, шуршал желтыми листьями. Мама вошла, стряхнула прилипший к пальто лист:

— Ах, такая непогода. У тебя как, все нормаль... Джордж! Джордж, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?! — кровь отхлынула от ее лица, ставшего мертвенно-бледным, глаза расширились.

— Бабуля, — сказал мальчик. — Она умерла. И заплакал.

Мать обняла его и устало прислонилась к стене, словно из нее разом ушли все силы.

— Джордж... что-нибудь еще? Что ЕЩЕ случилось?

— Ветер разбил веткой окно в ее комнате.

Мама отпустила его, взгляделась в лицо и, не говоря ни слова, быстрыми шагами направилась в комнату Бабули.

Она вернулась с обрывком зеленой ткани в руках — это был клочок рубашки Джорджа.

— Я вынула из ее рук, — прошептала мама.

— Я ни о чем не буду сейчас говорить, — устало ответил Джордж. — Слишком хочется спать. Позвони тете Фло, если хочешь. Спокойной ночи, я пойду.

Он пошел в комнату, оставив приоткрытой дверь, чтобы слышать, что делает мама. Она так и не позвонила тете Фло ночью — потому что был поврежден шнур. Не будет этого и следующим вечером — потому что незадолго до ее прихода домой Джордж произнесет пару десятков странных слов (некоторые изуродованная Латынь, другие — заклинания друидов) — и за две тысячи миль отсюда тетя Фло скоропостижно скончается от инфаркта.

Он разделся и лег в постель, заложив руку за голову. Медленно, постепенно на лице его проступила зловещая жуткая усмешка. Теперь все — ВСЕ — будет по-другому.

Например, Бадди.

Бедняга, он ведь, вернувшись, опять возьмется за свое: Пытка Краснокожих и прочие щенячьи штучки, — и Джордж, возможно, позволит ему поразвлечься на виду у других...

Но ночью, когда они останутся одни в этой темной спальне... Джордж беззвучно рассмеялся. Как говорит тот же Бадди, это — Классика!

КРАТЧАЙШИЙ
ПУТЬ
ДЛЯ МИССИС
ТОДД

КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ ДЛЯ МИССИС ТОДД

— Вон едет эта Тодд, — сказал я.

Хомер Бакленд проводил взглядом небольшой «Ягуар» и кивнул. Женщина за рулем помахала рукой в знак приветствия. Хомер еще раз кивнул ей в ответ своей большой лохматой головой, но не поднял руки для выражения ответных дружеских чувств. Семья Тоддов владела большим летним домом на озере Касл, и Хомер уже давным-давно был ими нанят сторожем этого дома. Мне казалось, что он невзлюбил вторую жену Уорта Тодда столь же сильно, как ему ранее нравилась Фелия Тодд — первая жена хозяина дома.

Это было как раз два года тому назад. Мы сидели на скамейке перед магазином Белла, и я наслаждался апельсиновой шипучкой. У Хомера в руках был стакан простой минеральной. Стоял октябрь — самое мирное времечко для Касл Рока. Отдыхающие по-прежнему приезжали на уик-энды на озеро, но их становилось все меньше, и была просто благодать по сравнению с тем жаркими летними деньками, когда пляжи ломились от тысяч и тысяч приезжих отовсюду, вносящих в и без того накаленную атмосферу свои собственные и весьма агрессивные нотки. А сейчас был тот благословенный месяц, когда летних отдыхающих уже не было, а для выкладывающих большие денежки за свои причуды пришельцев-охотников с их огромными ружьями и столь же огромными палаточными лагерями еще не настали сроки прибытия в городок.

Урожай почти везде был уже снят. Ночи стояли прохладные, самые лучшие для крепкого сна, а потому таким

стариканам как мне было еще просто рано и не на что особенно жаловаться. В октябре небо над озером заполнено облаками, медленно проплывающими где-то вверху подобно огромным белым птицам. Меня всегда удивляло, почему они кажутся столь плоскими внизу, у своего основания, и почему они там выглядят чуть сероватыми, словно тень заката. Мне это нравилось, так же как и то, что я могу просто любоваться отблесками солнечным лучей на воде и не думать при этом о каких-то жалких и никому не нужных минутах. Только в октябре и только здесь, на скамейке перед магазином Белла, откуда открывается столь чудный вид на озеро, мне иногда даже приходит в голову сожаление, что я не курильщик.

— Она не водит столь быстро, как Фелия, — сказал Хомер. — Я всегда удивлялся, как же это так здорово удавалось женщине с таким старомодным именем.

Летние отдыхающие наподобие Тоддов никогда особо не интересовали постоянных жителей небольших городков в Мэне, а уж тем более в той степени, какую они самонадеянно себе приписывают. Старожилы-резиденты предпочитают смаковать собственные любовные истории и ссоры, скандалы и слухи. Когда тот предприниматель-текстильщик на Амсбери застрелился, Эстонии Корбридж пришлось подождать добрую неделю, пока ее пригласили на ленч, чтобы послушать, как же ей удалось наткнуться на несчастного самоубийцу, все еще державшего револьвер с окостеневшей руке. Но зато о своем земляке Джо Кэмбере, которого загрыз собственный пес, местные старожилы не переставали судачить на все лады и до и после этого случая.

Ну да не в этом дело. Просто мы и они бежим по разным дорожкам. Летние приезжие подобны вольным скакунам или иноходцам. В то время как все мы, выполняющие годами изо дня в день, из недели в неделю свою работу здесь, являемся тяжеловозами или другими рабочими лошадками. И все же исчезновение в 1973 году Офелии Тодд вызвало немалый интерес среди местных жителей. Офелия была не просто обворожительно пре-

красной женщиной, но и тем человеком, который сделал немало хорошего для нашего городка. Она выбивала деньги для библиотеки Слоэна, помогала восстановить памятник погибшим в войнах и участвовала во многих подобного рода делах. Но ведь все летние отдыхающие любят саму идею «выбивать деньги». Вы только упомяните о ней — и их глаза загорятся ярким блеском, а руки начнут искать, за что бы зацепиться. Они тут же создадут комитет и выберут секретаря, чтобы не забыть повестку дня. Они это страшно любят. Но как только вы скажете «*время*» (где-нибудь на шумном людном сборище, являющемся каким-то диковинным гибридом вечеринки с коктейлями и собрания комитета), — вы тут же лишитесь удачи. Время — это то, чего никак не могут и не должны терять приезжающие на лето. Они лелеют его, и если бы они смогли запечатать его в какие-нибудь банки-склянки, то наверняка бы попытались законсервировать эту самую большую ценность в своей жизни. Но Фелии Тодд, видимо, нравилось *тратить* время, — работая за стойкой библиотеки столь же рьяно и прилежно, как и при выбивании денег для нее. Когда нужно было перебрать фундамент и смазать машинным маслом все внутренние металлические конструкции памятника погибшим, Фелия была в самой гуще, среди женщин, потерявших сыновей в трех кровопролитных последних войнах, такая же, как и все, с запрыганными под косынку волосами и в рабочем комбинезоне. А когда местных ребятишек нужно было доставить к месту летних заплывов, караван машин с детьми вниз по Лэндинг-роуд неизменно возглавлял сверкающий пикап Уорта Тодда, за рулем которого восседала Фелия. Хорошая женщина. Хотя и не местная, но хорошая женщина. И когда она вдруг исчезла, это вызвало внимание. Не печаль, конечно, поскольку чье-то исчезновение — это еще не чья-то смерть. Это не похоже на то, что вы вдруг что-то ненароком отрубили ножом для разделки мяса. Куда больше оно походило на то, словно вы тормозите столь медленно, что еще долго не уверены, что наконец остановились.

— Она водила «Мерседес», — ответил Хомер на тот вопрос, который я и не собирался задавать. — Двухместная спортивная модель. Тодд купил ее жене в шестьдесят четвертом или пятом, по-моему. Ты помнишь, как она возила ребят все эти годы на игры лягушек и головастиков.

— Н-да.

— Она везла детей заботливо, со скоростью не более сорока миль, потому в ее пикапе их всегда было полным-полно. Но это ей так нравилось. У этой женщины и котелок варил, и ноги летали, как на крыльях.

Такие вещи Хомер никогда не говорил о своих летних нанимателях. Но тогда умерла его жена. Пять лет тому назад. Она пахала склон для виноградника, а трактор опрокинулся на нее, и Хомер очень сильно все это переживал. Он тосковал никак не меньше двух лет и только потом, казалось, чуть отошел от своего горя. Но он уже не был прежним. Казалось, он чего-то ожидает, словно продолжения уже случившегося. Вы идете мимо его маленького домика в сумерках — и видите Хомера на веранде, покуривающего свою трубку, а стакан с минеральной стоит на перилах веранды, и в его глазах отражается солнечный закат, и дымок от трубки вьется вокруг его головы. — Тут вам непременно приходит в голову, по крайней мере, мне: *«Хомер ожидает следующего события»*. Это затрагивало мое сознание и воображение в намного большей степени, чем бы мне хотелось, и, наконец, я решил, что все это потому, что будь я на его месте, я бы не ждал следующего события. Это ожидание слишком напоминает поведение жениха, который уже напаялил на себя утренний костюм и затянул галстук, а теперь просто сидит на кровати в спальне наверху в своем доме и то таращится на себя в зеркало, то смотрит на каминные часы, ожидая одиннадцати часов, чтобы наконец начать свадебный обряд. Если бы я был на месте Хомера, я бы не стал ждать никаких следующих событий и происшествий, я бы только ожидал конца, когда тот приблизится ко мне.

Но в тот период своего ожидания неизвестно чего и кого — который завершился поездкой Хомера в Вермонт годом позже — он иногда беседовал на эту тему с некоторыми людьми. Со мной и еще кое с кем.

— Она никогда не ездила быстро со своим мужем в машине, насколько мне известно. Но когда она ехала со мной, этот «Мерседес» мог просто разлететься на части.

Какой-то парень подъехал к бензоколонке и начал заливать бак. Машина имела номерную пластину штата Массачусетс.

— Ее машина была не из тех новомодных штук, которые могут работать только на очищенном бензине и дергаются туда-сюда, когда вы только переключаете скорость. Ее машина была из тех старых, со спидометром до ста шестидесяти миль в час. У нее была очень веселая светло-коричневая окраска, и я как-то спросил Фелию, как она сама называет такой цвет — она ответила, что это цвет шампанского. «Разве это *не здорово?*» — спросил я — и она так расхохоталась, словно готова была лопнуть от смеха. Мне нравятся женщины, которые смеются сами, не дожидаясь твоего разъяснения, когда и почему им следует смеяться, ты же знаешь это.

Парень у колонки закончил накачку бензина.

— Добрый день, джентльмены, — сказал он, подходя к ступенькам.

— И вам тоже, — ответил я, и он вошел внутрь магазина.

— Фелия всегда искала, как бы и где бы можно срезать расстояние, — продолжал Хомер, словно нас никто и не прерывал. — Она была просто помешана на этом. Я никогда не видел здесь никакого особого смысла. Она же говаривала, что если вы сумеете сократить расстояние, то этим также сэкономите и время. Она утверждала, что ее отец присягнул бы под этим высказыванием. Он был коммивояжером, постоянно в дороге, и она часто сопровождала его в этих поездках, всегда стремясь найти кратчайший путь. И это вошло не только в привычку, а в самую ее плоть и кровь.

— Я как-то спросил ее, разве это не забавно, что она, с одной стороны, тратит свое драгоценное свободное время на расчистку той старой статуи в сквере или на перевозку мальцов на занятия плаванием, вместо того, чтобы самой играть в теннис, плавать и загорать, как это делают все нормальные отдыхающие, — а с другой стороны — она едет по чертову бездорожью ради того, чтобы сэкономить какие-то несчастные пятнадцать минут на дороге отсюда до Фрайбурга, поскольку мысль об этом вытесняет все прочее из ее головки. Это просто выглядит так, словно она идет наперекор естественной склонности, если так можно выразиться. А она просто посмотрела на меня и сказала: «Мне нравится помогать людям, Хомер. А также я люблю водить машину, по крайней мере, временами, когда есть какой-то вызов, но я не люблю *время*, которое уходит на это занятие. Это напоминает починку одежды: иногда вы ее штопаете, а иногда просто выбрасываете. Вы понимаете, что я здесь подразумеваю?»

«Думаю, что да, миссис», — сказал тогда я, здорово сомневаясь в этом, на самом деле.

«Если сидение за рулем машины было бы *всегда* мне приятно и казалось самым лучшим времяпрепровождением, я бы искала не кратчайших, а самых длинных путей», — сказала она мне, и это мне показалось очень смешным и занятным.

Парень из Массачусетса вышел из магазина с шестибаночной упаковкой пива в одной руке и несколькими лотерейными билетами в другой.

— У вас веселый уик-энд, — сказал Хомер.

— У меня здесь всегда так, — ответил тот. — Единственное, о чем я всегда мечтаю, это то, чтобы пожить здесь целый год.

— Ну, тогда мы постараемся сохранить здесь все в том же виде, чтобы все было в порядке, когда вы *сможете* приехать, — заявил Хомер, и парень рассмеялся.

Мы смотрели, как он отъезжает на своей машине с массачусетским номером. Номер был нанесен на зеленую пластину. Моя старуха говорит, что такие пластины ав-

тоинспекция штата Массачусетс присваивает только тем водителям, которые не попадали в дорожные происшествия в этом странном, озлобленном и всегда бурлящем штате в течение двух лет. «А если у тебя происходили какие-то нарушения, — говорила она, — тебе обязательно выдадут красную пластину, чтобы люди на дороге остерегались повторных инцидентов с твоим участием».

— Они ведь оба были из нашего штата, ты знаешь, — сказал Хомер, словно парень из Массачузетса напомнил ему об этом факте.

— Да, я это знаю, — ответил я.

— Тодды ведь были словно те единственные птицы, которые зимой летят на север, а не на юг. Это что-то новое, и мне кажется, что ей не очень-то нравились эти полеты на север.

Он глотнул своей минеральной и помолчал с минутку, что-то обдумывая.

— Она, правда, никогда об этом не говорила, — продолжал Хомер. — По крайней мере, она никогда, насколько я могу судить, не жаловалась на это. Жалоба была бы подобна объяснению, почему она всегда искала кратчайших путей.

— И ты думаешь, что ее муж не замечал, как она тряслась по лесным дорогам между Касл Роком и Бэнг-ром только для того, чтобы сократить пробег на девять десятых мили?

— Его не заботила вся эта ерунда, — коротко отрезал Хомер, после чего он встал и пошел в магазин.

«А теперь, Оуэнс, — сказал я самому себе, — ты будешь знать, что не следует задавать ему никаких вопросов, когда он что-то начинает рассказывать, поскольку ты забежал сейчас чуть вперед и всего одним своим ненужным высказыванием похоронил столь интересно начавшийся было рассказ».

Я продолжал сидеть и повернул лицо вверх к солнцу, а он вышел минут через десять, неся только что сваренное яйцо. Хомер сел и начал есть яйцо, а я сидел рядышком и помалкивал, а вода в озере иногда так блестела и отливала

своей голубизной, как об этом можно только прочитать в романах о сокровищах. Когда Хомер наконец прикончил яйцо и вновь принялся за минеральную, он вдруг вернулся к своему рассказу. Я был сильно удивлен, но не сказал ему ни слова. Иначе это бы только снова все испортило.

— У них ведь было две, а точнее, три машины на ходу, — сказал Хомер. — Был «Кадиллак», его грузовичок и ее дьявольский спортивный «Мерседес». Пару зим назад он взял этот грузовичок на тот случай, если им вдруг захочется сюда приехать зимой покататься на лыжах. А вообще-то летом он водил свой «Кадди», а она «Мерседес»-дьяволенок.

Я кивнул, но не проговорил ни слова. Мне все еще не хотелось рисковать отвлечь его от рассказа своими комментариями. Позднее уже я сообразил, что мне бы пришлось много раз перебивать его или задавать свои дурацкие вопросы, для того чтобы заставить Хомера Бакленда замолчать в тот день. Он ведь сам настроился рассказывать о кратчайших путях миссис Тодд возможно более длинно и неспешно.

— Ее маленький дьяволенок был снабжен специальным счетчиком пройденного пути, который показывал, сколько миль пройдено по выбранному вами маршруту, и каждый раз, как она отправлялась из Касл Лейка в Бэнгор, она ставила этот счетчик на нули и засекала время. Она превратила это в какую-то игру и, бывало, не раз сердила меня всем этим сумасбродством.

Он остановился, словно прокручивая сказанное обратно.

— Нет, это не совсем правильно.

Он снова замолчал, и глубокие бороздки прочертили его лоб подобно ступенькам лестницы в библиотеку.

— Она заставляла тебя думать, что она сделала игру из всего этого, но для нее все было серьезно. Не менее серьезно, чем все прочее. — Он махнул рукой, и я подумал, что он здесь подразумевает ее мужа. — Отделение для перчаток и всяких мелочей в ее спортивной машине было сплошь забито картами, а еще больше их было позади, в багажнике. Одни из них были карты с

указанием местонахождения бензоколонок, другие были вырванными страницами из «Дорожного атласа» Рэнди Макнэлли. У нее также было полно карт из путеводителей Аппалачской железной дороги и всяких туристических топографических обзоров. Именно то, что у нее было столько всяких карт, на которые она наносила выбранные маршруты, заставляет меня думать, что ее занятия с ними были далеки от игры.

— Она несколько раз прокалывалась, а также один разок прилично чмокнулась с фермером на тракторе.

— Однажды я целый день клал кафель в ванной, сидел там, залепленный цементом, и не думал ни о чем, кроме как не расколоть бы эту чертову черепицу, — а она вошла и остановилась в дверном проеме. Она начала мне рассказывать обо всем этом довольно подробно. Я, как сейчас помню, немного рассердился, но в то же время вроде бы и как-то заинтересовался ее рассуждениями. И не потому только, что мой брат Франклин жил ниже Бэнгора и мне пришлось поездить почти по всем тем дорогам, о которых она рассказывала мне. Я заинтересовался только потому, что человеку моего типа всегда интересно знать кратчайший путь, даже если он и не собирается им всегда пользоваться. Вы ведь тоже так делаете?

— Да-а, — отвечал я. В этом знании кратчайшего пути скрывалось нечто могущественное, даже если вы едете и по более длинному маршруту, хорошо представляя себе, как ваша теща ожидает вас, сидя у себя дома. Добраться туда побыстрее было стремлением, обычно свойственным птицам, хотя, по-видимому, ни один из владельцев водительских лицензий штата Массачусетс не имел об этом представления. Но *знание*, как туда можно побыстрее добраться — или даже знание, как еще можно туда доехать, о чем не имеет представления человек сидящий рядом с вами, — это было уже силой.

— Ну, она разбиралась в этих дорогах, как бойскаут в своих узелках, — заявил Хомер и осклабился большой солнечной улыбкой. — Она мне говаривала: «Подождите минутку, одну минутку», — словно маленькая девочка, и

я слышал даже через стену, как она переворачивает вверх дном свой письменный стол. Наконец она появлялась с небольшой записной книжкой, которая выглядела как выдавшая виды. Обложка вся была измята, знаете ли, и некоторые страницы уже почти оторвались от проволоочных колец, на которых должны были держаться.

«Путь, которым едет Уорт — да и большинство людей — это дорога 97 к водопадам, затем дорога 11 к Льюистону, а затем межштатная на Бэнгор. Сто пятьдесят шесть и четыре десятых мили».

Я кивнул.

«Если вы хотите проскочить главную магистраль и сэкономить чуточку расстояния, вы должны ехать мимо водопадов, затем дорогой 11 к Льюистону, дорогой 202 на Аугусту, потом по дороге 9 через Чайна-Лэйк, Юнити и Хэвен на Бэнгор. Это будет сто сорок четыре и девять десятых мили».

«Но вы ничего не сэкономите во времени таким маршрутом, миссис, — сказал я, — если поедете через Льюистон и Аугусту. Хотя я и готов согласиться, что подниматься по старой Дерри-роуд в Бэнгор действительно приятнее, чем ехать по обычному пути».

«Сократите достаточно миль своего пути — и вы сэкономите и достаточно времени, — ответила она. — Но я же не сказала, что это — мой маршрут, хотя я его перепробовала среди многих прочих. Я же просто перечисляю наиболее часто пробуемые маршруты большинства водителей. Вы не хотите, чтобы я продолжала?»

«Нет, — сказал я, — оставьте, если можно, меня одного в этой ванной, глазеющим на все эти трещины, пока я не начну здесь бредить».

«Вообще-то существует четыре основных пути, чтобы добраться до Бэнгора. Первый — по дороге 2, он равен ста шестидесяти трем и четырем десятым мили. Я только один разок его испробовала. Слишком длинный путь.

«Именно по нему я поеду, если жена вдруг позовет меня и скажет, что я уже зажился на этом свете», — сказал я самому себе, очень тихо.

«Что вы говорите?» — спросила она.

«Ничего, — отвечал я ей. — Разговариваю с черепицей».

«А-а. Ну, да ладно. — Четвертый путь — и мало кто о нем знает, хотя все дороги очень хороши, — лежит через Крапчатую Птичью гору по дороге 219, а затем по дороге 202 за Льюистоном. Затем вы сворачиваете на дорогу 19 и объезжаете Аугусту. А уж потом вы едете по старой Дерри-роуд. Весь путь занимает сто двадцать девять и две десятых мили».

Я ничего не отвечал довольно долго, и она, наверное, решила, что я очень сомневаюсь в ее правоте, потому что она повторила с большей настойчивостью: «Я знаю, что в это трудно поверить, но это так».

— Я сказал, что, наверное, она права и думаю сейчас, что так оно и было. Потому что именно этой дорогой я сам ездил к брату Франклину через Бэнгор, когда тот еще был жив. Как ты думаешь, Дэйв, может ли человек просто позабыть дорогу?

Я допустил, что это вполне возможно. Главная магистраль всегда прочнее всего застревает у вас в голове. Через какое-то время она почти все вытесняет из вашего сознания, и вы уже не думаете о том, как вам добраться отсюда туда, а лишь о том, как вам отсюда добраться до главной магистрали, *ближайшей* к нужному вам конечному пункту. И это заставило меня вдруг подумать, что в мире ведь существует множество других дорог, о которых почти никто и не вспоминает, дорог, по краям которых растут вишневые деревья, но никто не рвет эти вишни, и о них заботятся только птицы, а отходящие в стороны от этих дорог насыпные гравийные дорожки сейчас столь же заброшены, как и старые игрушки у уже выросшего ребенка. Эти дороги позабыты всеми, кроме людей, живущих возле них и думающих о том, каков будет быстрее и кратчайший путь до выбранной ими цели. Мы нередко любим пошутить у себя в Мэне, что ты не сможешь добраться туда отсюда, а лишь сможешь приехать сюда оттуда, но ведь эта шутка про нас самих.

Дело в том, что существует чертовски много, добрая тысяча, различных путей, о которых человек и не подозревает.

Хомер продолжал:

— Я провозился почти весь день с укладкой кафеля в этой ванной, в жаре и в духоте, а она все стояла в дверном проеме, одна нога за другую, босоногая, в юбке цвета хаки и в свитере чуть потемнее. Волосы были завязаны конским хвостом. Ей тогда должно было быть что-то тридцать четыре или тридцать пять, но по ее лицу этого никак нельзя было сказать, и пока она мне все это рассказывала, мне не раз мерещилось, что я разговариваю с девчонкой, приехавшей домой из какой-то дальней школы или колледжа на каникулы.

— Через какое-то время ей все-таки пришла мысль, что она мне может мешать, да и закрывает доступ воздуху. Она сказала: «Наверное я здорово вам надоела со всем этим, Хомер».

«Да, мэм, — ответил я. — Я думаю, вам лучше бы уйти отсюда, от всей пыли и грязи, и позволить мне побеседовать лишь с этим чертовым кафелем».

«Не будьте слишком суровым, Хомер», — сказала она мне.

«Нет, миссис, вы меня ничем особым здесь не беспокоите и не мешаете», — ответил я.

— Тогда она улыбнулась и снова села на своего конька, листая страницы записной книжки столь же усердно, как коммивояжер проверяет сделанные ему заказы. Она перечислила эти четыре главных пути — на самом деле — три, потому что она сразу отвергла дорогу 2, — но у нее имелось никак не меньше сорока дополнительных маршрутов, которые могли быть успешной заменой для этих четырех. Дороги, имевшие штатную нумерацию и без нее, дороги под названиями и безымянные. Моя голова вскоре была прямо-таки нафарширована ими. И, наконец, она мне сказала: «Вы готовы узнать имя победителя с голубой лентой, Хомер?»

«Думаю, что готов», — сказал я в ответ.

«По крайней мере это победитель *на сегодня*, — поправила она себя. — Знаете ли вы, Хомер, что какой-то человек написал статью в журнале *«Наука сегодня»* в 1923 году, где доказывал, что ни один человек в мире не сможет пробежать милю быстрее четырех минут. Он *доказал* это при помощи всевозможных расчетов, основываясь на максимальной длине мышц бедер, максимальной длине шага бегуна, максимальной емкости легких и частоте сокращений сердечной мышцы и еще на многих других мудреных штуковинах. Меня прямо-таки *взяла за живое* эта статья! Так взяла, что я дала ее Уорту и попросила его передать ее профессору Мюррею с факультета математики университета штата Мэн. Мне хотелось проверить все эти цифры, потому что я была заранее уверена, что они основываются на неверных постулатах или еще на чем-то совершенно неправильном. Уорт, вероятно, решил, что я чуточку тронулась. «Офелия запустила пчелку под свою шляпку», — вот что он сказал мне на это, но он все же забрал статью. Ну да ладно... профессор Мюррей совершенно добросовестно проверил все выкладки того автора... и знаете, что произошло, Хомер?»

«Нет, миссис».

«Те цифры оказались точными и *верными*. Журналист основывался на *прочном* фундаменте. Он доказал в том 1923 году, что человек не в силах выбежать из четырех минут в забеге на милю. Он *доказал* это. Но люди это делают все это время и знаете, что все это означает?»

«Нет, миссис», — отвечал я, хотя и имел кое-какие догадки.

«Это значит, что не может быть победителя навечно и навсегда, — объяснила она. — Когда-нибудь, если только мир не взорвет сам себя к этому времени, кто-то пробежит на Олимпиаде милю за *две* минуты. Может быть, это произойдет через сто лет, а может, и через тысячу, но это произойдет. Потому что не может быть окончательного победителя. Есть ноль, есть вечность, есть человечество, но нет *окончательного*».

— И она стояла с чистым и сияющим лицом, а прядка волос свисала спереди над бровью, словно бросая вызов: «Можете говорить и не соглашаться, если хотите». Но я не мог. Потому что сам верил во что-то вроде этого. Все это походило на проповедь священника, когда он беседует о милосердии.

«А теперь вы готовы узнать о победителе *на сегодня?*» — спросила она.

«Да-а!» — отвечал я и даже перестал класть кафель на какой-то миг. Я уже добрался до трубы, и оставалось лишь заделать эти чертовы уголки. Она глубоко вздохнула, а затем выдала мне речь с такой скоростью, как аукционщик на Гейтс осенью, когда тот уже хватил изрядно виски, и я, конечно, мало что точно помню, но общий смысл уловил и запомнил.

Хомер Бакленд закрыл глаза на некоторое время, положил большие руки себе на колени, а лицо повернул к солнцу. Затем он открыл глаза, и в какой-то миг мне показалось, что он *выглядит* в точности как она, да-да, старик семидесяти лет выглядел как молодая женщина тридцати четырех лет, которая в тот миг беседы с ним смотрелась как студентка колледжа, не более чем двадцати лет от роду.

И я сам не могу точно вспомнить, что *он* сказал далее, не потому, что он не мог точно вспомнить *ее* слова, и не потому, что они были каким-то сложными, а потому, что меня поразило, как он выглядел, произнося их. Все же это мало чем отличалось от следующих слов:

«Вы выезжаете с дороги 97, а затем срезаете свой путь по Дентон-стрит до старой дороги Таунхауз и объезжаете Касл Рок снизу, возвращаясь на дорогу 97. Через девять миль вы сворачиваете на старую дорогу лесорубов, едете по ней полторы мили до городской дороги 6, которая приводит вас до Биг Андерсон-роуд на городскую сидровую мельницу. Там есть кратчайшая дорожка — старожилы зовут ее Медвежьей, — которая ведет к дороге 219. Как только вы окажетесь на дальней стороне Птичьей горы, вы поворачиваете на Стэнхауз-роуд, а затем берете

влево на Булл Пайн-роуд, где вас изрядно потрясет на гравии, но это будет недолго, если ехать с приличной скоростью, и вы попадаете на дорогу 106. Она дает возможность здорово срезать путь через плантацию Элтона до старой Дерри-роуд — там сделано два или три деревянных настила, — и вы можете, проехав по ним, попасть на дорогу 3 как раз позади госпиталя в Дерри. Оттуда всего четыре мили до дороги 2 в Этне, а там уж и Бэнгор».

— Она остановилась, чтобы перевести дух, а затем посмотрела на меня: «Знаете ли вы, сколько всего миль занимает такой маршрут?»

«Нет, мэм», — отвечал я, думая про себя, что, судя по всему этому перечислению, дорога займет никак не меньше ста девяноста миль и четырех поломанных рессор.

«Сто шестнадцать и четыре десятых миль», — сообщила она мне.

Я рассмеялся. Смех вырвался сам по себе, еще до того, как я подумал, что могу им сильно себе навредить и не услышать окончания всей этой истории. Но Хомер и сам усмехнулся и кивнул.

— Я знаю. И *ты* знаешь, что я не люблю с кем-либо спорить, Дэйв? Но все же есть разница в том, стоите ли вы на месте, прикидывая и так и сяк, или отмериваете расстояние своими шагами милью за милей, трясясь от усталости, как чертова яблоня на ветру.

«Вы мне не верите», — сказала она.

— Ну, в это *трудно* поверить, миссис, — ответил я.

«Оставьте кафель посушиться, и я вам кое-что покажу, — сказала она. — Вы сможете закончить все эти участки за трубой завтра. Продолжим, Хомер. Я оставлю записку Уорту — а он вообще может сегодня вечером не приехать, — а вы позвоните жене! Мы будем обедать в «Пайлоте Грил», — она глянула на часы, — через два часа сорок пять минут после того, как выедем отсюда. А если хотя бы минутой позже, я ставлю вам бутылку ирландского виски. Увидите, что мой отец был прав. Сэкономь достаточно миль — и сэкономишь достаточно

времени, даже если тебе для этого и понадобится проди-
раться через все эти чертовы топи и отстойники в граф-
стве Кэннеди. Что вы скажете?»

— Она смотрела на меня своими карими глазами, горевшими, как лампы, и с тем дьявольским вызовом, словно принуждая меня согласиться и бросить всю неза-
конченную работу, чтобы влезть в это сумасбродное дело. «Я обязательно выиграю, а ты проиграешь», — говорило все ее лицо, — «хотя бы и сам дьявол попытался мне помешать». И я скажу тебе, Дэйв, я и сам в глубине души хотел *ехать*. Мне уже не хотелось заниматься этим треклятым кафелем. И уж, *конечно*, мне совсем не хоте-
лось самому вести эту чертову ее машину. Мне хотелось просто сидеть сбоку от нее и смотреть, как она забирается в машину, оправляет юбку пониже колен или даже и повыше, как блестят на солнце ее волосы.

Он слегка откинулся и вдруг издал кашляющий и саркастический смешок. Этот смех был подобен выстрелу из дробовика зарядом соли.

— Просто позвони Мигэн и скажи: «Знаешь эту Фелию Тодд, женщину, о которой ты никак не хочешь ничего слушать и прямо-таки бесишься от одного упоминания о ней? Ну так вот, она и я собираемся совершить скоро-
стной заезд в Бэнгор в этом дьявольском ее спортивном «Мерседесе» цвета шампанского, поэтому не жди меня к обеду».

— Просто позвони ей и скажи вот такое. *О, да. Ох и ах.*

И он снова стал смеяться, упираясь руками в бедра, и столь же неестественно, как и раньше, и я видел в его глазах нечто, почти ненавидящее. Через минуту он взял свой стакан минеральной с перил и отпил из него.

— Ты не поехал, — сказал я.

— Не *тогда*.

Он еще раз засмеялся, но уже помягче.

— Она, должно быть, что-то увидела на моем лице, поскольку повела себя так, словно вдруг опомнилась! Она вдруг вновь превратилась из упрямой девчонки в Фелию

Тодд. Она взглянула в записную книжку, словно впервые увидела ее и не знала, зачем она держит ее в руках. Затем она убрала ее вниз, прижав к бедру и почти заложив за спину.

— Я сказал: «Мне бы хотелось все это проделать, миссис, но я должен сперва закончить все здесь, а моя жена приготовила ростбиф на обед».

— Она ответила: «Я понимаю, Хомер, — я слишком увлеклась. Я это часто делаю. Почти все время, как Уорт говорит». Затем она выпрямилась и заявила: «Но мое предложение остается в силе, и мы можем проверить мое утверждение в любое время, когда вы пожелаете. Вы даже сможете помочь мне свои мощным плечом, если мы где-то застрянем. Это сэкономит пять долларов». — И она расхохоталась.

«В этом случае я вынесу вас на себе, миссис», — сказал я, и она увидела, что я говорю это не из простой вежливости.

«А пока вы будете пребывать в уверенности, что сто шестнадцать миль до Бэнгора абсолютно нереальны, раздобудьте-ка свою собственную карту и посмотрите, сколько миль уйдет у вороны на полет по кратчайшему маршруту».

— Я закончил выкладывать уголки и ушел домой, где я получил на обед совсем не ростбиф, и я думаю, что Фелия Тодд знала об этом. А потом, когда Мигэн уже легла спать, я вытащил на свет божий измерительную линейку, ручку автомобильную карту штата Мэн и проделал то, что она мне предложила... потому что это здорово врезалось мне в память. Я провел прямую линию и пересчитал расстояние на милях. Я был весьма удивлен. Потому что, если бы вам удалось ехать из Касл Рока до Бэнгора по прямой линии, словно летящей птице в ясном небе — не объезжая озер, лесов, холмов, не пересекая рек по немногим и удаленным друг от друга мостам и переправам, — этот маршрут занял бы всего семьдесят девять миль, ни дать, ни взять.

Я даже немного подскочил.

— Измеряй сам, если не веришь мне, — сказал Хомер. — Я никогда не думал, что наш Мэн столь мал, пока не убедился в этом.

Он еще отпил минеральной и глянул на меня.

— Наступила весна, и Мигэн отправилась в Нью-Гэмпшир, навестить своего братца. Я пошел к дому Тоддов, чтобы снять наружные зимние двери и навесить экраны на окна. И вдруг я заметил, что ее дьяволенок — «Мерседес» уже там. И она сама была тут же.

— Она подошла ко мне и сказала: «Хомер! Вы пришли поменять двери?»

— А я глянул на нее и ответил: «Нет, миссис. Я пришел, чтобы узнать, готовы ли вы показать мне кратчайший путь до Бэнгора».

— Она посмотрела на меня столь безучастно, что я уж подумал, не забыла ли она обо всем этом.

Я почувствовал, что краснею так, словно вы чувствуете, что сморозили какую-то глупость, да уже поздно. И когда я уже был готов извиниться за свою некстати оброненную фразу, ее лицо озарилось той самой давнишней улыбкой, и она ответила: «Стойте здесь, а я достану ключи. И не передумайте, Хомер!»

Она вернулась через минуту с ключами от машины. «Если мы где-нибудь застрянем, вы увидите москитов размером со стрекозу».

«Я видел их и размеров с воробья в Рэнгли, миссис, — отвечал я, — но думаю, что мы оба чуточку тяжеловаты, чтобы они смогли нас утащить в небо».

— Она рассмеялась: «Хорошо, но я предупредила вас, в любом случае. Поедем, Хомер».

«И если мы не попадем туда через два часа сорок пять минут, — смущенно пробормотал я, — вы обещали мне бутылку ирландского».

Она взглянула на меня слегка удивленная, с уже приоткрытой дверцей и одной ногой в машине. «Черт возьми, Хомер, — сказала она, — я говорила о *тогдашнем* победителе. А теперь я нашла путь за два часа тридцать. Залезайте, Хомер. Мы выезжаем».

Он снова прервал свой рассказ. Руки лежали на коленях, глаза затуманились, очевидно, от воспоминаний о двухместном «Мерседесе» цвета шампанского, выезжающем по подъездной дорожке от дома Тоддов.

— Она остановила машину в самом конце дорожки и спросила: «Вы готовы?»

«Пора спускать ее с цепи», — сказал я. Она нажала на газ, и наша чертова штуковина пустилась с места в карьер. Я почти ничего не могу сказать о том, что потом происходило вокруг нас. Кроме того, я почти не мог оторвать взгляда от нее. На ее лице появилось что-то дикое, Дэйв, что-то *дикое и свободное* — и это напугало меня. Она была прекрасна — и я тут же *влюбился* в нее, да и любой бы это сделал на моем месте, будь то мужчина, да, может быть, и женщина. Но я также и боялся ее, потому что она выглядела так, что вполне готова тебя убить, если только ее глаза оторвутся от дороги и обратятся к тебе и, вдобавок, если ей захочется тебя полюбить. На ней были надеты голубые джинсы и старая белая блузка с рукавами, завернутыми до локтей — я думаю, что она что-то собиралась красить, когда я появился, — и через некоторое время нашего путешествия мне уже казалось, что на ней нет ничего, кроме этого белого одеяния, словно она — один из тех богов или богинь, о которых писали в старых книгах по истории.

Он немного задумался, глядя на озеро, его лицо по-мрачнело.

— Словно охотница, которая, как говорили древние, правит движением Луны на небе.

— Диана?

— Да. Луна была ее дьявольским амулетом. Фелия выглядела именно так для меня, и я только и могу сказать тебе, что я был охвачен любовью к ней, но никогда не посмел бы даже заикнуться об этом, хотя тогда я был и куда моложе, чем сейчас. Но я бы не посмел этого сделать, будь мне даже и двадцать лет, хотя можно предполагать, что если бы мне было шестнадцать, я бы рискнул это сделать и тут же поплатился бы

жизнью: ей достаточно было бы только взглянуть на меня.

— Она выглядела действительно как богиня, управляющая Луной на ночном небе, когда она мчится в ночи, разбрызгивая искры по небу и оставляя за собой серебряные паутинки, на своих волшебных конях, приказывая мне поспешать вместе с нею и не обращать внимания на раздающиеся позади нас взрывы — только быстрее, быстрее, *быстрее*.

Мы проехали множество лесных дорожек, первые две или три я знал, но потом уже ни одна из них не была мне знакома. Мы, должно быть, проезжали под деревьями, которые никогда ранее не видели мотора гоночного автомобиля, а знакомились лишь со старыми лесовозами и снегоходами. Ее спортивный автомобиль, конечно, был куда более к месту у себя дома, на бульваре Сансет, чем в этой лесной глуши, где он с ревом и треском врывался на холмы и съезжал вниз с них, то освещенный весенним солнцем, то погруженный в зеленый полумрак. Она опустила складной верх автомобиля, и я мог вдыхать аромат весенних деревьев, и ты знаешь, как приятен этот лесной запах, подобно тому, что ты встречаешь старого и давно забытого друга, о котором ты не очень-то беспокоился. Мы проезжали по настилам, положенным на самых заболоченных участках, и черная грязь вылетала во все стороны из-под наших колес, что заставляло ее смеяться, как ребенка. Некоторые бревна были старые и прогнившие, потому что, я подозреваю, никто не ездил по этим дорогам, может быть, пять, а скорее, все десять последних лет. Мы были совсем одни, исключая лишь птиц и, может быть, каких-то лесных животных, наблюдавших за нами. Звук ее чертова мотора, сперва низкий, а потом все более визгливый и свирепый, когда она нажимала на газ... только этот звук я и мог слышать. И хотя я и сознавал, что мы все время находимся в *каком-нибудь месте*, мне вдруг стало казаться, что мы едем назад во времени, и это не было *пустотой*. То есть, если бы мы вдруг остановились и я взобрался на

самое высокое дерево, я бы, куда ни посмотрел, не увидел ничего, кроме деревьев и еще больше деревьев. И все это время, пока она *гнала* свою дьявольскую машину, волосы развевались вокруг ее лица, сияющего улыбкой, а глаза горели неистовым огнем. Так мы выскочили на дорогу к Птичьей горе, и на какой-то миг я осознал, где мы находимся, но затем она свернула, и еще какое-то недолгое время мне казалось, что я *знаю*, где мы, а затем уже и перестало что-либо казаться, и даже перестало беспокоить то, что я абсолютно ничего не понимаю, словно маленький ребенок. Мы продолжали делать срезки по деревянным настилам и наконец попали на красивую мощеную дорогу с табличкой «Моторвей-Би». Ты когда-нибудь слышал о такой дороге в штате Мэн?

— Нет, — ответил я. — Но звучит по-английски.

— Ага. *Выглядело* тоже по-английски. Эти деревья, по-моему, ивы, свисающие над дорогой. «Теперь гляди в оба, Хомер, — сказала она, — один из них чуть было не выбросил меня месяц назад и наградил меня хорошим индейским клеймом».

— Я не понял, о чем она меня предупреждает, и уже начал было это объяснять — как вдруг мы погрузились в самую чащобу, и ветки деревьев прямо-таки колыхались перед нами и сбоку от нас. Они выглядели черными и скользкими и были как живые. Я не мог поверить своим глазам. Затем одна из них сдернула мою кепку, и я знал, что это не во сне. «Хи, — заорал я, — дайте назад!»

— Уже поздно, Хомер, — ответила она со смехом. — Вон просвет как раз впереди... Мы о'кей.

— Затем мы еще раз оказались в гуще деревьев, и они протянули ветки на этот раз не с моей, а с ее стороны — и нацелились на нее, я в этом могу поклясться. Она пригнулась, а дерево схватило ее за волосы и выдернуло прядь. «Ох, черт, мне же *больно!*» — вскрикнула она, но продолжала смеяться. Машина чуть отклонилась вбок, когда она пригнулась, и я успел быстро взглянуть на деревья — и Святой Боже, Дэйв!

Все в лесу было в движении. Колыхалась трава, и какие-то кусты словно переплелись друг с другом, образуя странные фигуры с лицами, и мне показалось, что я вижу что-то сидящее на корточках на верхушке пня, и оно выглядело как древесная жаба, только размером со здорового котика.

— Затем мы выехали из тени на верхушку холма, и она сказала: «Здесь! Ведь правда, это было захватывающее дело?» — словно она говорила о какой-нибудь прогулке в пивную на ярмарке в Фрайбурге.

— Через пять минут мы выбрались еще на одну из ее лесных дорожек. Мне совсем не хотелось, чтобы нас окружали деревья — могу это совершенно точно сказать, — но здесь росли совсем обычные старые деревья. Через полчаса мы влетели на парковочную стоянку «Пайлотс Грилл» в Бэнгоре. Она указала на свой небольшой счетчик пройденного пути и сказала: «Взгляните-ка, Хомер». Я посмотрел и увидел цифры — сто одиннадцать и шесть десятых мили. «Что вы теперь думаете? Вы по-прежнему не хотите верить в мой кратчайший путь?»

— Тот дикий облик, который был у нее во время этой бешеной поездки, куда-то уже исчез, и передо мной снова была Фелия Тодд. Но все же ее необычный вид еще не полностью был вытеснен повседневным обликом. Можно было решить, что она разделилась на двух женщин, Фелию и Диану, и та часть, которая была Дианой, управляла машиной на этих заброшенных и всеми забытых дорогах, а та ее часть, которая была Фелией, даже не имела представления обо всех этих срезках расстояния и переездах через такие места... места, которых нет ни на одной карте Мэна и даже на этих обзорных макетах.

— Она снова спросила: «Что вы думаете о моем кратчайшем маршруте, Хомер?»

— И я сказал первое, что мне пришло в голову, и это было не самыми подходящими словами для употребления в разговоре с леди типа Фелии Тодд: «Это настоящее обрезание члена, миссис».

— Она расхохоталась, развеселившись и очень довольная. И я вдруг увидел совершенно ясно и четко, как в стеклышке: «Она ничего не помнит из всей этой езды. Ни веток ив — хотя они явно не были ветками, ничего даже похожего на это, — которые сорвали мою кепочку, ни той таблички «Моторвей Би», ни той жабообразной штуковины. *Она не помнила ничего из всего этого бедлама!* Либо все это мне померещилось во сне, либо мы действительно оказались там, в Бэнгоре. И я точно знал, Дэйв, что мы проехали всего сто одиннадцать миль и это никак не могло оказаться дневным миражом, поскольку чернобелые цифры на счетчике никак не могли быть чем-то нереальным, они прямо-таки бросались в глаза.

«Да, хорошо, — сказала она, — это *было* действительно хорошим обрезанием. Единственное, о чем я мечтаю, это заставить и Уорта как-нибудь проехаться со мной этим маршрутом... но он никогда не выберется из своей привычной колеи, если только кто-нибудь не вышвырнет его оттуда, да и то с помощью разве что ракеты «Титан-II», поскольку Уорт соорудил себе отличное убежище на самом дне этой колеи. Давайте зайдем, Хомер, и закажем вам небольшой обед».

— И она взяла мне такой дьявольский обед, Дэйв, что я и не помню, было ли у меня когда-нибудь что-то в этом роде. Но я почти ничего не съел. Я все думал о том, что мы, наверное, будем возвращаться тем же или похожим путем, а уже смеркалось. Затем она посреди обеда извинилась и пошла позвонить. Вернувшись, она спросила, не буду ли я возражать, если она попросит отогнать ее машину в Касл Рок. Она сказала, что разговаривала с одной из здешних женщин - членов школьного комитета, в который и сама входила, и эта женщина сообщила, что у них здесь возникли какие-то проблемы или еще что-то в этом духе. Поэтому ей не хотелось бы рисковать застрять где-то, чтобы заодно не навлечь на себя и гнев мужа, а потому будет разумнее, если машину отведу я. «Вы же не будете очень возражать, если я попрошу вас в сумерках сесть за руль?» — еще раз спросила она.

— Она глядела на меня, ласково улыбаясь, и я знал, что она все же помнила *кое-что* из дневной поездки — Бог знает, как много, но вполне достаточно, чтобы быть уверенной, что я не попытаюсь ехать ее маршрутом в темноте, — да и вообще... хотя я видел по ее глазам, что вообще-то это не столь уж беспокоит ее.

— Поэтому я просто сказал, что меня это никак не затруднит, и закончил свой обед куда лучше, чем начал его. Уже стемнело, когда она отвезла нас к дому той женщины в Бэнгоре, с которой разговаривала по телефону. Выйдя из машины, Фелия глянула на меня с тем же бесовским огоньком в глазах и спросила: «А теперь вы действительно не хотите остаться и подождать здесь до утра, Хомер? Я заметила парочку ответвлений сегодня, и хотя не могу найти их на карте, думаю, что они позволили бы срезать еще несколько миль».

Я ответил: «Ладно, миссис, мне бы хотелось, но в моем возрасте лучшей постелью будет моя собственная, как мне кажется. Я отведу вашу машину и никак не поврежу ее, хотя, думается, сделаю это более длинным путем по сравнению с вашим»,

— Она рассмеялась, очень добродушно и поцеловала меня. Это был лучший поцелуй в моей жизни, Дэйв, хотя он был поцелуем в щеку и дала его замужняя женщина, но он был словно спелый персик или словно те цветы, которые раскрываются ночью, и когда ее губы коснулись моей кожи, я почувствовал...

Я не знаю точно, что именно я почувствовал, потому что мужчине трудно описать словами, что он чувствует с девушкой, словно персик, когда он находится во вдруг помолодевшем мире.

— Я все хожу вокруг да около, но думаю, что тебе и так все понятно. Такие вещи навсегда входят красной строкой в твою память и уже никогда не могут быть стертыми.

«Вы чудный человек, Хомер, и я люблю вас за то, что вы терпеливо слушали меня и поехали сюда со мной, — сказала она. — Правьте осторожно».

— Потом она пошла в дом этой женщины. А я, я поехал домой.

— Каким путем ты поехал? — спросил я Хомера.

Он тихо рассмеялся. — По главной магистрали. Ты дурачина, — ответил он, и я еще никогда не видел столько морщинок на его лице.

Он сидел на своем месте и смотрел на небо.

— Пришло лето, и она исчезла. Я особо и не искал ее... этим летом у нас случился пожар, ты помнишь, а затем был ураган, который поломал все деревья. Напряженное время для сторожей. О, я *думал* о ней время от времени, и о том дне, и об ее поцелуе, и мне начинало казаться, что все это было во сне, а не наяву. Словно в то время, когда мне было семнадцать и я не мог ни о чем думать, кроме как о девушках. Я занимался вспашкой западного поля Джорджа Бэскомба, того самого, что лежит у самого подножья гор на другом берегу озера и мечтал о том, что является обычным для подростков моего возраста. И я заехал бороной по одному из камней, а тот раскололся и начал *истекать кровью*. По крайней мере, мне так показалось. Какая-то красная масса начала сочиться из расколотого камня и уходить в почву. И я никому ничего об этом не рассказал, только матери. Да и ей я не стал объяснять, что это значило для меня, хотя она и стирала мои забрызганные кровью штаны и могла догадываться. В любом случае, она считала, что мне следует помолиться. Что я и сделал, но не получил какого-либо особого облегчения, однако, через какое-то время мне стало вдруг казаться, что все это было сном, а не наяву. И здесь было то же самое, как это иногда почему-то случается. В самой *середине* вдруг появляются трещины, Дэйв. Ты знаешь это?

— Да, — ответил я, думая о той ночи, когда сам столкнулся с чем-то подобным. Это было в 1959 году, очень плохом году для всех нас, но мои дети не знали, что год был плохой, и они хотели есть, как обычно. Я увидел стайку белых куропаток на заднем поле Генри Браггера, и с наступлением темноты отправился туда с фонарем. Вы можете подстрелить парочку таких куропа-

ток поздним летом, когда они нагуляли жирок, причем вторая прилетит к первой, уже подстреленной, словно для того, чтобы спросить: «Что за чертовщина? *Разве уже настала осень?*», и вы можете сшибить ее, как при игре в боулинг. Вы можете раздобыть мяса, чтобы накормить им тех, кто его не видел шесть недель, и сжечь перья, чтобы никто не заметил вашего браконьерства. Конечно, эти две куропатки должны были бы послужить мишенью для охотников в ноябре, но ведь дети должны хотя бы иногда быть сытыми. Подобно тому человеку из Массачусетса, который заявил, что ему бы хотелось пожить здесь целый год, я могу сказать только, что иногда нам приходится пользоваться своими правами и привилегиями только ночью, хотя хотелось бы иметь их круглый год. Поэтому я был на поле ночью и вдруг увидел огромный оранжевый шар в небе; он спускался все ниже и ниже, а я смотрел на него, разинув рот и затаив дыхание. Когда же он осветил все озеро, оно, казалось, вспыхнуло солнечным огнем на минуту и испустило ответные лучи вверх, в небо. Никто никогда не говорил мне об этом странном свете, и я сам тоже никому ничего о нем не рассказывал, потому что боялся, что меня засмеют, но более всего я опасался, что собеседники поинтересуются, какого дьявола я оказался ночью на поле. А через какое-то время наступило то, о чем уже говорил Гомер: мне стало казаться, что все это было сном, и у меня не было никаких вещественных доказательств, что все это случилось наяву. Это было похоже на лунный свет. Я не мог управлять им, и мне не за что было зацепиться. Поэтому я оставил его в покое, как человек, который знает, что день наступит в любом случае, что бы он не думал и не предпринимал по этому поводу.

— В самой середке многих вещей попадаютца *щели*, — сказал Гомер, и уселся более прямо, словно ему ранее было не совсем удобно. — Прямо-таки в чертовой серединке, тютелька в тютельку, не левее и не правее центра и все, что ты можешь, — это сказать: «Тут ничего

не поделаешь», они здесь, эти чертовы щели, и ты должен их как-то обойти, подобно тому, как объезжаешь на машине рытвину на дороге, которая грозит поломать тебе ось. Ты понимаешь меня? И ты стараешься забыть о них. Или это напоминает тебе вспашку земли, когда ты можешь вдруг попасть в какую-то яму. Но если тебе вдруг попадется какой-то *разлом* в земле, в котором ты видишь мрачную тьму, наподобие пещеры, ты скажешь самому себе: «Обойди-ка это место, старина. Не трогай его! Я здесь могу здорово вляпаться, так что возьму-ка я влево». Потому что ты не искатель пещер или поклонник каких-то научных изысканий, а занимаешься доброй пахотой.

«Щели в середине вещей»...

Он довольно долго словно грезил наяву, и я не трогал его. Не делал никаких попыток вернуть его на землю. И наконец он сказал:

— Она исчезла в августе. В первый раз я увидел ее в начале июля, и она выглядела... — Хомер повернулся ко мне и сказал каждое слово очень медленно и четко, с большим нажимом:

— Дэйв Оуэнс, она выглядела *великолепно!* Просто была великолепной и дикой и почти неукротенной. Те небольшие морщинки вокруг глаз, которые я заметил раньше, казалось, куда-то исчезли. Уорт Тодд был на какой-то конференции или где-то там еще в Бостоне. И она стояла тут, на самом краешке террасы — а я был посередине ее, в рубашке навыпуск, — и она мне вдруг говорит: «Хомер, вы никогда не поверите в это».

«Нет, миссис, но я попытаюсь», — ответил я.

«Я нашла еще две новые дороги, — сказала Фелия, — и добралась до Бэнгора в последний раз, проехав всего шестьдесят семь миль».

— Я помнил, что она говорила мне в прошлый раз, и ответил: «Это невозможно, миссис. Извините меня, конечно, но я проверял сам расстояние на карте в милях, и шестьдесят девять — это тот минимум, который нужен вороне для полета по кратчайшей прямой».

— Она рассмеялась и стала выглядеть еще красивей, чем прежде. Подобно богиням в солнечном свете, на одном из холмов, что описаны в древних сказаниях, когда на земле не было ничего, кроме зелени и фонтанов, а у людей не было морщинок и слез, потому что совсем не было причин для печали. «Это верно, — ответила она, — и вы не сможете пробежать милю быстрее четырех минут. Это математически *доказано*».

«Это ведь не одно и то же», — заметил я.

«Одно и то же, — возразила она. — Сложите карту и посмотрите, куда исчезнут все эти линии, Хомер. Их будет намного меньше, чем если бы вы ехали по самой прямой линии. И чем больше вы сделаете сгибов, тем меньше останется миль».

— Я еще хорошо тогда помнил нашу с ней поездку, хотя это и было словно во сне, а потому сказал: «Миссис, вы, конечно, легко можете сложить карту, но вы не сумеете сложить настоящую *землю*. Или, по крайней мере, вам не следует пытаться это делать. Нам следует не трогать это».

«Нет, сэр, — возразила она. — Это единственная сейчас вещь в моей жизни, которую я не могу не трогать, потому что она *здесь* и она — *моя*».

— Три недели спустя — примерно за две недели до ее исчезновения — она позвонила мне из Бэнгора. Она сказала: «Уорт уехал в Нью-Йорк, и я еду к вам. Я куда-то задевала свой ключ от дома, Хомер. Мне бы хотелось, чтобы вы открыли дом, и я могла бы попасть в него».

— Этот звонок был около восьми вечера, и как раз начало смеркаться. Я перекусил сэндвичом с пивом перед уходом — не более двадцати минут. Потом я приехал сюда. Все это вместе взятое не могло занять более сорока пяти минут. Когда я подходил к дому Тоддов, я увидел огонек у кладовой, который я никак не мог оставить ранее. Я посмотрел на этот свет с изумлением и почти побежал туда — и чуть было не столкнулся с ее дьявольским «Мерседесом». Он был припаркован на склоне так,

словно это мог сделать только пьяный, и вся машина снизу доверху была забрызгана не то навозом, не то грязью, а в этой жиже вдоль корпуса машины вкрапывалось нечто типа морских водорослей... только когда фары моей машины осветили их, мне вдруг показалось, что они *двигутся*. Я припарковал свой грузовичок позади «Мерседеса» и вышел из него. Эти растения не были морскими водорослями, но это была трава, похожая на *водоросли*, и они двигались... очень слабо и вяло, словно умирая. Я коснулся одной из них, и она попыталась обхватить мою руку. Ощущение было очень неприятным, почти ужасным. Я отдернул руку и обтер ее об штанину. Я обошел машину и встал у ее передка. Тот выглядел словно пропахавший девянсто миль болот и низин. Выглядел очень *усталым*. Какие-то жуки были прилеплены по всему ветровому стеклу, только они не были похожи ни на одно известное *мне* насекомое, которое бы я ранее встречал. Среди них находился и мотылек размером с воробья, его крылья все еще слегка колыхались и подергивались, теряя остатки жизни. Были также какие-то существа, напоминавшие москитов, только у них можно было заметить настоящие глаза, и они, казалось, рассматривали *меня*. Я мог слышать, как налипшие растения царапают корпус автомобиля, умирая и стараясь за что-нибудь зацепиться. И все, о чем я мог думать, было: «Где же, черт возьми, она ехала? И как ухитрилась попасть сюда за три четверти часа?» Затем я увидел еще кое-что. Это было какое-то животное, почти расплющенное на решетке радиатора, как раз под самой эмблемой фирмы «Мерседес» — типа звезды, вставленной в круг. Вообще-то большинство животных погибает под колесами автомобилей, потому что они прижимаются к земле, надеясь, что беда пронесется над ними. Но сплошь и рядом некоторые из них вдруг прыгают не в сторону, а прямо на чертову машину, и это безумие может привести к гибели не только животного, но и водителя с пассажирами — мне случалось слышать о таких происшествиях. Это создание, видимо, сделало то же самое. И оно

выглядело так, что вполне смогло бы перепрыгнуть танк «Шерман». Оно смотрелось словно произошедшее от спаривания вальдшнепа и ласки. Но на то, что осталось не расплюснутым, лучше было бы не смотреть. Оно резало глаза, Дэйв. И даже хуже, оно ранило твое сознание. Его шкура была покрыта кровью, а на концах лап свисали когти, торчавшие из подушечек, наподобие кошачьих, только куда длиннее. Оно имело огромные желтые глаза, только они уже окостенели. Когда я был ребенком, у меня была фарфоровая игрушка — скульптура каркающего ворона, — которая напоминала это существо. И зубы. Длинные, тонкие игольчатые зубы, выглядевшие почти как штопальные иглы, вытащенные из его рта. Некоторые из них торчали прямо в стальной решетке радиатора. Вот почему и вся эта тварь оставалась висеть на передке машины, она сама себя подвесила за счет острых и цепких зубов. Я рассмотрел ее и был абсолютно уверен, что голова ее полна яда, как у гадюки, и прыгнула она на машину, как только заметила ее, для того, чтобы попытаться прикончить эту добычу. И я знал, что отдирать эту тварь от машины мне не следует, потому что у меня были царапины на руках — порезы от сена, — и можно было быть почти уверенным, что я погибну столь же просто, как если бы на меня свалился здоровый камень, от всего нескольких капель яда, который бы просочился в порезы.

— Я подошел к дверце водителя и открыл ее. Сработал сигнал внутреннего освещения, и я смог глянуть на счетчик пройденного расстояния, который она всегда ставила на ноль перед началом любой поездки... и то, что я увидел, было тридцать одна и шесть десятых миль.

— Я смотрел на счетчик довольно долго, а затем подошел к черному входу в дом. Она сдвинула экран и разбила стекло в двери для того, чтобы дотянуться снаружи до задвижки и открыть дверь. Там была прикреплена записка. В ней было написано: «Дорогой Хомер, я добралась сюда чуть раньше, чем сама предполагала. Нашла еще более короткий путь — и не стала

колебаться! Вы еще не прибыли сюда, и я решила залезть в свой дом, как опытный взломщик. Уорт придет послезавтра. Вы не сможете закрепить экран и вставить новое стекло в дверь до этого? Надеюсь, что сможете. Подобные вещи всегда очень огорчают его. Если я не выйду поздороваться, знайте, что я уже сплю. Поездка оказалась очень утомительной, но я почти не потеряла на нее времени! Офелия.»

«Утомительна!» — Я еще раз глянул на эту тварь, висящую на решетке радиатора, и подумал: «Да, сэр, она должна была быть чертовски утомительной. Клянусь Богом, да».

Он снова замолчал и щелкнул пальцами.

— Я видел ее только еще один раз. Примерно через неделю. Уорт был в Касл Роке, но он купался в озере, плавая взад и вперед, взад и вперед, словно он охранял лес или непрерывно подписывал бумаги. Вообще-то больше походило на подписывание бумаг, я так думаю.

«Миссис, — сказал я, — это не мое дело, конечно, но вам не следует больше раскатывать в одиночку. Той ночью, когда вы разбили стекло в двери, чтобы войти в дом, я увидел нечто, прицепившееся к решетке радиатора спереди вашей машины...»

«А! Этот лесной цыпленок! Я позаботилась о нем», — ответила она.

«Боже! — воскликнул я. — Надеюсь, вы как-нибудь побереглись!»

«Я надела садовые перчатки Уорта, — сказала она. — Но ведь это не что иное, Хомер, как подпрыгнувшая вверх лесная птица с небольшим запасом яда в клюве».

«Но, миссис, — возразил я, — где же водятся такие птички? И если на ваших срезанных маршрутах попадают такие невинные птички, что же будет если вам повстречается медведь?»

— Она глянула на меня — и я увидел в ней другую женщину — ту самую Диану. «Если что-нибудь и меняется вдоль тех дорог, — сказала Фелия, — то ведь и я, наверное, тоже меняюсь там. Взгляните на это».

— Ее волосы были собраны в пучок на затылке и заколоты шпилькой. Она ее вытащила и распустила волосы. Ими можно было только любоваться — они создавали ощущение какого-то мощного потока, вдруг вылившегося с головы Фелии. Она сказала: «Они начали было сидеть, Хомер. Вы видите теперь эту седину?» И она повернулась к солнцу, чтобы оно лучше осветило ее голову.

«Нет, мэм», — сказал я.

— Она посмотрела на меня, ее глаза заискрились, и она сказала: «Ваша жена — хорошая женщина, Хомер Бакленд, но она увидела меня в магазине и на почте, и мы перебросились всего парой словечек, а я уже заметила, что она смотрит на мои волосы с тем выражением удовлетворения, которое понимают только женщины. Я знаю, что она скажет своим друзьям и подругам... что Офелия Тодд начала красить свои волосы. Но я этого не делала и не делаю. Я просто потеряла свой прежний маршрут, ища кратчайшего пути не один и не два раза... потеряла свой маршрут... и потеряла седину». И она рассмеялась уже даже не как студентка колледжа, а как старшеклассница. Я восхищался ею и наслаждался ее красотой, но я также видел и следы другой красоты на ее лице... и я снова испугался. Испугался за нее и испугался *ее*.

«Миссис, — сказал я, — вы можете потерять не только седую прядь в ваших волосах».

«Нет, — ответила она, — я же говорила, что там я совсем другая... Я просто *целиком* делаюсь там другой. Когда я еду по дороге в своей спортивной машине, я уже не Офелия Тодд, жена Уорта Тодда, которая никогда не сможет выносить до срока ребенка или та женщина, которая попыталась заняться поэзией — да неудачно, или та женщина, что вечно сидит и делает записи на всех этих комитетских собраниях, или еще что-то или кто-то. Когда я не дороге за рулем, я нахожусь внутри своего сердца и чувствую себя подобно...»

«Диане», — подсказал я.

— Она посмотрела на меня с веселым и чуть удивленным видом, а затем рассмеялась. «О, да, подобно какой-нибудь богине, — согласилась Фелия. — Она, наверное, лучше всего сюда подойдет, потому что я — ночной человек, я люблю просиживать ночи напролет, пока не прочитаю свою книгу, или пока на телевидении не прозвучит национальный гимн, а также потому, что я очень бледная, как луна, — Уорт вечно говорит, что мне нужен тоник или анализы крови, или еще что-то вроде всей этой чепухи. Но в своем сердце каждая женщина мечтает походить на богиню, я так думаю — не случайно же мужчины слышат постоянное эхо этих дум и пытаются возвести женщин на пьедесталы (женщину, которая обмочит себе ногу, если не присядет на корточки! это забавно, если как следует все это обдумать), — но то, что чувствует мужчина, вовсе не то, чего желает женщина. Женщина хочет быть свободной — это все. Стоять, если ей так хочется, или идти... «Ее глаза обратились на дьявольский «Мерседес», стоявший на подъездной дорожке, и слегка сузились. Затем она улыбнулась. «Или *править* за рулем, Хомер. Мужчине этого не понять. Он думает, что богине нужно где-то нежиться, прохладиться на склонах Олимпа и кушать фрукты, но ведь в этом нет ничего от бога или богини. Все, что хочет женщина — это то, что хочет и мужчина: женщина хочет *управлять*».

«Будьте осторожны там, где вы едете, миссис — это все, что нужно», — сказал я в ответ, а она снова засмеялась и наградила поцелуем в лоб.

— Она ответила: «Я буду осторожна, Хомер», но это ровным счетом ничего не значило, и я это сразу понял, потому что сказано это было именно тем тоном, каким отвечает муж своей жене в ответ на ее частые предупреждения об одной и той же опасности, когда он давно уже наперед знает, что на самом деле он не будет... не сможет.

— Я вернулся к своему грузовичку и напоследок еще раз посмотрел на нее, а через неделю Уорт сообщил об ее исчезновении. И ее, и этого дьявольского автомобиля. Тодд прождал семь лет и только затем официально

объявил о ее смерти, а потом еще подождал год на всякий случай — он не такой уж простака — и только затем женился на этой второй миссис Тодд, той, что только что прокатила мимо нас. И я не жду, что ты согласишься хотя бы слову из всего, что я тебе сейчас здесь наплел.

На небе одно из этих толстобрюхих облаков достаточно сдвинулось, чтобы открыть нам уже появившуюся луну — полукружье, белое, как молоко. И что-то дрогнуло в моем сердце при этом зрелище — наполовину от чувства какого-то страха, наполовину от чувства любви.

— Я как раз верю, — ответил я, — каждому твоему слову. И даже если это и не правда, Хомер, это должно было бы быть ею.

Он порывисто обнял меня за шею, что делают все мужчины в тех случаях, когда они стесняются прибегать к поцелуям, словно женщины, затем рассмеялся и встал.

— Даже если бы это и *не должно* было бы быть правдой, это все же чистая правда, — сказал Хомер. Он достал часы из кармана и глянул на них. — Я пойду вниз по дороге проверить, как там у дома Скотта. Ты не хочешь прогуляться?

— Лучше я посижу здесь немного, — ответил я, — и подумаю на досуге.

Он подошел к лесенке, затем обернулся ко мне, чуть улыбаясь.

— Думаю, что она была права, — заметил он. — Она *была* совсем другой на этих дорогах, которые не уставала находить... не было ничего, что могло бы остановить ее. Тебя или меня, возможно, остановило бы, но не ее. И я думаю, она по-прежнему юная.

Затем он забрался в свой грузовик и уехал к дому Скоттов.

Это было два года назад, и Хомер уже давно уехал в Вермонт, как я уже говорил, по-моему. Однажды вечером перед отъездом он навестил меня. Его волосы были аккуратно причесаны, он был выбрит, и от него несло каким-то невообразимо приятным запахом лосьона. Лицо

было чисто и ясно, глаза — очень живые. Он сейчас выглядел никак не старше шестидесяти, хотя ему уже перевалило за семьдесят, и я был рад ему, хотя в душе чуточку завидовал и даже злился на него за этот его цветущий вид. Старым рыбакам особенно досаждают артрит, но даже он, казалось, отступил в этот вечер от Хомера, словно вытащив из его рук свои рыболовные крючки и оставив их только для меня.

— Я уезжаю, — сказал он.

— Да?

— Да.

— Хорошо, ты хочешь, чтобы я пересылал тебе твою почту?

— Не хочу ничего об этом даже знать, — ответил он. — Все мои счета оплачены. Я хочу совершенно чистым уехать отсюда и порвать все связи.

— Ну, дай мне хотя бы твой адрес. Я буду иногда тебе позванивать, старина. — Я уже ощутил какое-то чувство одиночества, наваливающееся на меня, словно надеваемый плащ... и, взглянув на него еще разок, я понял, что дела обстоят не совсем так, как мне сперва показалось.

— У меня еще нет ни телефона, ни адреса, — сказал Хомер.

— Хорошо, — ответил я. — Но это — Вермонт, Хомер?

— Да, — сказал он, — именно Вермонт, для тех людей, кто хочет знать, куда я еду.

Я не хотел говорить этого, но все же произнес: — Как она сейчас выглядит?

— Как Диана, — ответил он, — но она добрее.

— Я завидую тебе, Хомер, — сказал я, и это было истинной правдой.

Я стоял у двери. Были летние сумерки, когда поля округ заполнены ароматами трав и цветов и таинственными светящимися кружевами. Полная луна направляла мощную волну серебристого света на озеро. Он прошел через мою веранду, а затем спустился по ступенькам крыльца. Машина стояла на обочине дороги, незаглушенный двигатель работал с тяжелым ревом, словно торопясь,

как старый скакун, рвануться по прямой только вперед, как торпеда. Теперь, когда я вспоминаю об этом, мне кажется, что сам автомобиль был более всего *похож* на торпеду. Машина была чуть-чуть побита и помята, но это никак не мешало ей проявлять свою скорость и мощь. Хомер остановился внизу у крыльца и что-то приподнял — это была его канистра с бензином, очень большая, никак не меньше, чем на десять галлонов. Он подошел к дверце автомобиля со стороны пассажирского сиденья. Она наклонилась и открыла дверцу. Зажглось внутреннее освещение автомобиля, и на мгновение я увидел ее — с длинными красными волосами вокруг лица, со лбом, горящим в ночи, как лампа. Светящимся, как *Луна*. Он забрался в машину — и она укатила. Я стоял и смотрел на мерцающие огоньки во мраке, отбрасываемые ее красными волосами... они стремительно уменьшались и удалялись. Они были, как тлеющие угольки, затем как мерцающие светлячки, а потом и вовсе исчезли.

Вермонт. Так я говорил всем нашим горожанам о Хомере. И они верили в этот Вермонт, потому что он находится столь далеко, сколько только они и могут вообразить своим рутинным сознанием. Иногда я и сам начинаю верить в это, особенно, когда устану и выдохнусь. В другое время я думаю о них по-другому — весь этот октябрь, к примеру, потому что октябрь — именно тот месяц, когда человек думает о далеких местах и дорогах, ведущих к ним. Я сижу на скамейке у магазина Белла и думаю о Хомере Бакленде и той прекрасной девушке, которая открыла ему дверцу, когда он подошел к машине с доверху наполненной канистрой с бензином в правой руке — она ведь выглядела никак не старше девушки лет шестнадцати, и ее красота была ужасающей, но я думаю, что это не оказалось бы смертельным для человека, повернувшегося к ней; ведь на мгновение ее глаза скользнули по мне — а я остался жив, хотя часть меня и умерла тут же у ее ног.

Олимп должен быть прославлен в глазах и сердцах, и всегда есть те, кто не только жаждет, но и находит пути к нему, быть может. Но я знаю, что Касл Рок — это

словно тыльная сторона моей ладони, и я никогда не смогу покинуть его и искать кратчайшие пути среди всех возможных и невозможных дорог; в октябре небо над озером уже не напоминает о славе, а скорее навевает размышления обо всем происходящем, как и те большие белые облака, которые плывут наверху столь медленно и величаво. Я сижу на скамейке и думаю о Фелии Тодд и Хомере Бакленде, и мне совсем не всегда и не обязательно хочется находиться там, где находятся они... но я все еще жалею, что я не курильщик.

С о д е р ж а н и е

КУДЖО	6
Перевод В.Эрлихмана	
РИТА ХЕЙВОРТ В ШОУШЕНСКОЙ ТЮРЬМЕ	252
Перевод О.Лежниной	
БАБУЛЯ	360
Перевод О.Лежниной	
КРАТЧАЙШИЙ ПУТЬ ДЛЯ МИССИС ТОДД	392
Перевод В.Сухорукова	

Литературно-художественное издание

**Стивен Кинг
КУДЖО**

Выпуск 8

Сдано в набор 05.02.93. Подписано в печать 02.03.93.
Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 125 000 экз.
№ Заказа 1153.

Издательство «Кэдмэн» 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Мининформпечати РФ.
198052 г. Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

АВИАБАНК

AVIABANK

*Акционерный коммерческий банк «АВИАБАНК»
создан в форме открытого акционерного общества
с Уставным Фондом 300 миллионов рублей*

*Акционерами банка могут быть
любые юридические и физические лица,
в том числе иностранные,
на добровольной основе
путем приобретения его акций*

УСЛУГИ

ВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ
КРЕДИТЫ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДЕПОЗИТЫ
ФАКТОРИНГ
ЛИЗИНГ
ЧАСТНЫЕ ВКЛАДЫ
и др.

101849 Москва, Центр,
Уланский переулок, 16
Тел. 207-58-56, 207-68-24
Факс 207-04-67

Жуковский филиал
«АВИАБАНКА»
140160 г.Жуковский М.О.,
ул.Фрунзе, 17
Тел. 556-31-97, 556-44-19
Факс 556-54-87

***Василиса премудрая и прекрасная
в сказках победила врагов и несчастья.***

**ИЧП «Фирма Василиса»
и Российское телевидение показывают
лучшие фильмы нашей Родины всех жанров.**

Любовные трагедии:

«Нелюбовь»,
«Темные аллеи»
(по мотивам повестей И. Бунина).

Мелодрамы:

«Очень верная жена»,
«Проснуться в Шанхае»,
«Одна на миллион»,
«Ой, вы, гуси»,
«Улыбка»,
а для детей «Собачье счастье!».

Детективы
и приключения:

«Номер люкс для генерала с девочкой»,
«Дом свиданий»,
«Джокер»,
«Клан».

Сказки и фантастика:

«Алиса в стране чудес»,
«Ариэль»
(по мотивам романа А. Беляева).

Комедии:

«Агенты КГБ тоже влюбляются»,
«Эффект Дориана» — внимание, вы увидите
достоверную историю про то, как одного мужчину
разлюбили сразу две женщины, и какие он перенес
злключения, чтобы они его снова полюбили, при участии
колдунов и ведьм, которые сами не ведают, что творят.

**Мы уверены, что наше отечественное кино
выживет и победит, как сказочная Василиса.**

**И в этом только мы, соотечественники,
можем помочь друг другу.**

***"Возьмемся за руки друзья;
возьмемся за руки друзья, ей богу!"***

Булат Окуджава

**Контактный телефон ИЧП «Фирма Василиса»
по рекламе и прокату фильмов**

253-51-89

СТИВЕН КИНГ

Вследующем выпуске нашей серии
вы встретитесь с романом
Стивена Кинга «Армагеддон» —
эпопеей ужасов, повествующей
о гибели человеческой
цивилизации и последней битве
Добра со Злом на Земле.